

НИЖНЕВОЛЖСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

2025
Том 24. № 3

THE LOWER VOLGA ARCHAEOLOGICAL BULLETIN

2025
Volume 24. No. 3

ISSN 2587-8123 (Print)
ISSN 2658-5995 (Online)

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ВОЛГОГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ**

**НИЖНЕВОЛЖСКИЙ
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК**

2025

Том 24. № 3

**MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION
VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY**

**THE LOWER VOLGA
ARCHAEOLOGICAL BULLETIN**

2025

Volume 24. No. 3

THE LOWER VOLGA ARCHAEOLOGICAL BULLETIN

2025. Vol. 24. No. 3

Academic Periodical

First published in 1998

4 issues a year

Founder:

Federal State Autonomous
Educational Institution of Higher Education
“Volgograd State University”

The journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Registration Certificate **ПН № ФС77-68211** of December 27, 2016)

The journal is included in the following Russian and international databases: **Scopus**, **Russian Science Citation Index** (RSCI, Web of Science), **eLIBRARY.RU** (Russia), **AWOL** (USA), **DOAJ** (Sweden), **MIAR** (Spain), **ROAD** (France), **SHERPA/RoMEO** (Spain)

Editorial Staff:

M.A. Balabanova – Dr. Sc., Prof., Chief Editor (Volgograd);
M.V. Krivosheev – Cand. Sc., Deputy Chief Editor (Volgograd);

K.S. Kovaleva – Executive Secretary (Volgograd);

V.I. Moiseev – Assistant Editor (Volgograd);

N.G. Glazkova – Cand. Sc., Assoc. Prof., Editor of English Texts (Volgograd);

V.M. Klepikov – Cand. Sc., Assoc. Prof. (Volgograd);

E.V. Pererva – Cand. Sc. (Volgograd);

A.N. Dyachenko (Volgograd);

N.M. Malov – Cand. Sc. (Saratov);

V.N. Myshkin – Cand. Sc. (Samara)

A.S. Skripkin – Dr. Sc., Prof. (Chief Editor of the Periodical from 1998 to 2021) is permanently included in the Editorial Staff by the decision of the Academic Council of the Volgograd State University due to his outstanding contribution to the Journal's development

Address of the Editorial Office and the Publisher:

Prosp. Universitetsky 100, 400062 Volgograd.

Volgograd State University.

Tel.: (8442) 40-55-35. Fax: (8442) 46-18-48.

E-mail: nav@volsu.ru

Journal Website: <https://nav.jvolsu.com>

English version of the Website:

<https://nav.jvolsu.com/index.php/en>

Editorial Board:

Dr. Sc., Prof. *A.I. Aybabin* (Simferopol); Dr. Sc. *A.Yu. Alekseev* (Saint Petersburg); Dr. Sc., Acad. of RAS *Kh.A. Amirkhanov* (Moscow); Cand. Sc. *A.V. Borisov* (Pushchino); Dr. Sc., Acad. of RAS *A.P. Buzhilova* (Moscow); Dr. Sc., Prof. *M.S. Gadzhiev* (Makhachkala); Dr. Sc. *I.P. Zasetkaya* (Saint Petersburg); Dr. Sc. *E.D. Zilivinskaya* (Moscow); Dr. Sc., Corr. Member of RAS *A.I. Ivanchik* (Moscow); Docteur habilité *M.M. Kazanskiy* (Paris, France); Dr. Sc. *A.G. Kozintsev* (Saint Petersburg); Dr. Sc., Prof. *L.N. Koryakova* (Yekaterinburg); Dr. Sc., Assoc. Prof. *V. Kulchar* (Szeged, Hungary); Dr. Sc. *S.I. Lukyashko* (Rostov-on-Don); Cand. Sc. *V.Yu. Malashev* (Moscow); Cand. Sc., Prof. *I.I. Marchenko* (Krasnodar); Dr. Sc., Prof. *S.Yu. Monakhov* (Saratov); Dr. Sc., Prof. *N.L. Morgunova* (Orenburg); Dr. Sc., Prof. *L.F. Nedashkovsky* (Kazan); Dr. Sc., Prof., Corr. Member of RAS *N.V. Polosmak* (Novosibirsk); Cand. Sc. *O.A. Radyush* (Moscow); Cand. Sc. *B.A. Raev* (Rostov-on-Don); Dr. Sc. *N.N. Seregin* (Barnaul); Dr. Sc. *M.Yu. Treister* (Bonn, Germany); Dr. Sc., Prof. *A.M. Khazanov* (Madison, USA); Dr. Sc., Prof. *I.N. Khrapunov* (Simferopol)

Editors, Proofreaders: *S.A. Astakhova*,

N.M. Vishnyakova, *M.V. Gayval*, *U.V. Naumova*

Making up and technical editing by *O.N. Yadykina*

Passed for printing on Aug. 6, 2025.

Date of publication: Nov. 20, 2025. Format 60×84/8.

Offset paper. Typeface Times.

Conventional printed sheets 23.2. Published pages 24.9.

Number of copies 500 (1st printing 1–28 copies).

Order 69. «C» 22.

Open price

Address of the Printing House:

Bogdanova St, 32, 400062 Volgograd.

Postal Address:

Prosp. Universitetsky 100, 400062 Volgograd.

Publishing House of Volgograd State University.

E-mail: izvolgu@volsu.ru

НИЖНЕВОЛЖСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

2025. Т. 24. № 3

Научный журнал

Основан в 1998 году

Выходит 4 раза в год

Учредитель:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Волгоградский государственный университет»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-68211 от 27 декабря 2016 г.)

Журнал включен в следующие российские и международные базы данных: **Scopus**, **Russian Science Citation Index** (RSCI, Web of Science), **РИНЦ** (Россия), **AWOL** (США), **DOAJ** (Швеция), **MIAR** (Испания), **ROAD** (Франция), **SHERPA/RoMEO** (Испания)

Редакционная коллегия:

М.А. Балабанова – д-р ист. наук, проф., главный редактор (г. Волгоград);

М.В. Кривошеев – канд. ист. наук, заместитель главного редактора (г. Волгоград);

К.С. Ковалева – ответственный секретарь (г. Волгоград);

В.И. Моисеев – технический секретарь (г. Волгоград);

Н.Г. Глазкова – канд. ист. наук, доц., редактор текстов на английском языке (г. Волгоград);

В.М. Клепиков – канд. ист. наук, доц. (г. Волгоград);

Е.В. Перерва – канд. ист. наук (г. Волгоград);

А.Н. Дьяченко (г. Волгоград);

Н.М. Малов – канд. ист. наук (г. Саратов);

В.Н. Мышкин – канд. ист. наук (г. Самара)

А.С. Скрипкин – д-р ист. наук, проф. (главный редактор журнала с 1998 по 2021 г.) решением Ученого совета Волгоградского государственного университета навечно включен в состав редакционной коллегии в связи с огромным вкладом в развитие журнала

Адрес редакции и издателя:

400062 Волгоград, просп. Университетский, 100.
Волгоградский государственный университет.
Тел.: (8442) 40-55-35. Факс: (8442) 46-18-48.
E-mail: nav@volsu.ru

Сайт журнала: <https://nav.jvolsu.com>
Англояз. версия сайта журнала:
<https://nav.jvolsu.com/index.php/en>

Редакционный совет:

д-р ист. наук, проф. *А.И. Айбабин* (г. Симферополь);
д-р ист. наук *А.Ю. Алексеев* (г. Санкт-Петербург);
д-р ист. наук, акад. РАН *Х.А. Амирханов* (г. Москва);
канд. биол. наук *А.В. Борисов* (г. Пушино); д-р ист. наук, акад. РАН *А.П. Бужилова* (г. Москва); д-р ист. наук, проф. *М.С. Гаджиев* (г. Махачкала); д-р ист. наук *И.П. Засецкая* (г. Санкт-Петербург); д-р ист. наук *Э.Д. Зиливинская* (г. Москва); д-р ист. наук, чл.-кор. РАН *А.И. Иванчик* (г. Москва); д-р хаб. *М.М. Казанский* (г. Париж, Франция); д-р ист. наук *А.Г. Козинцев* (г. Санкт-Петербург); д-р ист. наук, проф. *Л.Н. Корякова* (г. Екатеринбург); канд. ист. наук, доц. *В. Кульчар* (г. Сегед, Венгрия); д-р ист. наук *С.И. Лукьяшко* (г. Ростов-на-Дону); канд. ист. наук, проф. *И.И. Марченко* (г. Краснодар); д-р ист. наук, проф. *С.Ю. Монахов* (г. Саратов); д-р ист. наук, проф. *Н.Л. Моргунова* (г. Оренбург); д-р ист. наук, проф. *Л.Ф. Недашковский* (г. Казань); д-р ист. наук, проф., чл.-кор. РАН *Н.В. Полосьмак* (г. Новосибирск); канд. ист. наук *О.А. Радюш* (г. Москва); канд. ист. наук *Б.А. Раев* (г. Ростов-на-Дону); д-р ист. наук *Н.Н. Серегин* (г. Барнаул); д-р ист. наук *М.Ю. Трейстер* (г. Бонн, Германия); д-р ист. наук, проф. *А.М. Хазанов* (г. Мэдисон, США); д-р ист. наук, проф. *И.Н. Храпунов* (г. Симферополь)

Редакторы, корректоры: *С.А. Астахова*,
Н.М. Вишнякова, *М.В. Гайваль*, *У.В. Наумова*
Верстка и техническое редактирование *О.Н. Ядыкиной*

Подписано в печать 06.08 2025 г.

Дата выхода в свет: 20.11 2025 г. Формат 60×84/8.
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 23,2.
Уч.-изд. л. 24,9. Тираж 500 экз. (1-й завод 1–28 экз.).
Заказ 69. «С» 22.

Свободная цена

Адрес типографии:

400062 г. Волгоград, ул. Богданова, 32.

Почтовый адрес:

400062 Волгоград, просп. Университетский, 100.
Издательство Волгоградского государственного университета.
E-mail: izvolgu@volsu.ru

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

*Желтова М.Н., Комагорова М.А., Анисовец Ю.Д.,
Житенев В.С., Ульянова Д.В., Курбанов Р.Н.,
Степанова К.Н., Анойкин А.А., Иванов Я.Д.,
Смолкина В.С., Казаков Е.В., Ремизов С.О.,
Очередной А.К.* Древнейшие свидетельства
приготовления растворов и вязкопластичных масс
из красочных пигментов
на Русской равнине в среднем палеолите 5

Рафикова Я.В. Парные погребения из некрополей
срубно-алакульской контактной зоны
Южного Зауралья 45

Губарев И.В. Об одной категории лепной керамики
из материалов Елизаветовского
археологического комплекса в дельте р. Дон 81

Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Захоронения
лошадей и всадников IV–III вв. до н.э.
из могильника Старокорсунского городища № 2 95

Вдовченков Е.В., Белецкая И.В.
Позднеантичные костяные гребни
с территории Нижнего Подонья 129

Ковалева К.С. Золотоордынские браслеты
с территории памятников Нижнего Поволжья
(техника изготовления и элементный состав) 159

Негин А.Е. «Еловцы ж шоломов их,
аки поломя огняное, пашется»: к вопросу
об украшении навершия шлема из Городца 179

Перерва Е.В., Балахтина К.А.
Непреднамеренная искусственная деформация
у средневекового населения Нижнего Поволжья
(палеопатологический аспект) 192

ПУБЛИКАЦИИ

Захаров С.В., Марыксин Д.В.
Раннесарматское погребение в кургане 3
могильника Чеботарево IV 217

ПЕРСОНАЛИИ

К юбилею Ивана Ивановича Марченко
(Редколлегия Нижневолжского
археологического вестника) 247

CONTENTS

ARTICLES

*Zhelтова M.N., Komagorova M.A., Anisovets Yu.D.,
Zhitenev V.S., Ulyanova D.V., Kurbanov R.N.,
Stepanova K.N., Anoykin A.A., Ivanov Ya.D.,
Smolkina V.S., Kazakov E.V., Remizov S.O.,
Otcherednoy A.K.* The Earliest Evidence
of the Manufacturing of Solutions
and Viscoplastic Mixtures from Paint Pigments
on the Russian Plain in the Middle Paleolithic 5

Rafikova Ya.V. Paired Burials from the Necropolises
of the Srubno-Alakul Contact Zone
of the Southern Trans-Urals 45

Gubarev I.V. About One Category of Handmade Ceramics
from the Materials of the Elizavetovskiy
Archaeological Complex in the Don River Delta 81

Limberis N.Yu., Marchenko I.I. Equestrian and Horsemen
Burials of the 4th – 3rd Centuries BC from the Burial Ground
of Starokorsunskaya-2 Settlement 95

Vdovchenkov E.V., Beletskaya I.V.
Late Antique Bone Combs
from the Territory of the Lower Don Region 129

Kovaleva K.S. Golden Horde Bracelets
from the Lower Volga Region Monuments
(Production Technique and Elemental Composition) 159

Negin A.E. “The Yelovtsy of Their Helmets Bristle
Like Fiery Flames”: On the Crest Decoration
of the Helmet from Gorodets 179

Pererva E.V., Balakhtina K.A.
Unintentional Artificial Deformation
in the Medieval Population of the Lower Volga Region
(Paleopathological Perspective) 192

PUBLICATIONS

Zakharov S.V., Maryksin D.V.
An Early Sarmatian Burial from Kurgan 3
of the Chebotarevo IV Kurgan Cemetery 217

PERSONALITIES

To the Anniversary of Ivan Marchenko
(Editorial staff of the Lower
Volga Archeological Bulletin) 247

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2025.3.1>

UDC 930.26(470.4):667.622

LBC 63.48(235.47)-421.3

Submitted: 29.04.2025

Accepted: 06.08.2025

**THE EARLIEST EVIDENCE OF THE MANUFACTURING
OF SOLUTIONS AND VISCOPLASTIC MIXTURES FROM PAINT PIGMENTS
ON THE RUSSIAN PLAIN IN THE MIDDLE PALEOLITHIC¹**

Maria N. Zheltova

Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences,
Saint Petersburg, Russian Federation

Maria A. Komagorova

Fersman Mineralogical Museum of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Yulia D. Anisovets

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Vladislav S. Zhitenev

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Darya V. Ulyanova

Fersman Mineralogical Museum of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Redzhep N. Kurbanov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation;
Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation;
Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russian Federation

Ksenia N. Stepanova

Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences,
Saint Petersburg, Russian Federation

Anton A. Anoykin

Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russian Federation

Yaroslav D. Ivanov

Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences,
Saint Petersburg, Russian Federation

Vasilisa S. Smolkina

Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences,
Saint Petersburg, Russian Federation

Evgeniy V. Kazakov

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation

Stanislav O. Remizov

Historical, Ethnographical and Architectural Museum-Reserve "The Old Sarepta", Volgograd, Russian Federation

Aleksander K. Otcherednoy

Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences,
Saint Petersburg, Russian Federation;
Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russian Federation

Abstract. The article presents the results of studying a series of small individual pigment particles discovered in the cultural layer of the Chelyuskinets II site, which is part of the Lower Volga Middle Paleolithic group together with the Eurasian reference site Sukhaya Mechetka and the Zaikino Pepelishche site. Preliminary results of OSL dating indicate the age of the cultural layer in the range of 150–165 thousand years BP (mid-MIS 6). The pigments of different types, including those with traces of anthropogenic impact, discovered in the area of the site studied in 2024 allow us to classify Chelyuskinets II as a circle of a few early Middle Paleolithic sites with clear evidence of various ways of using colorful pigments. The study confirms the artificial origin of pasty materials, represented by small ocher fragments, indicating the preparation and use of special suspension masses. The transformation of the raw material into a paint paste is a technological chain analogous to the production of adhesives. It is based on the idea of artificially obtained stickiness/adhesiveness properties, but with different characteristics. Such masses/solutions, in turn, reflect the existence of practices of painting objects with a permanent alteration of the surface color. A series of fragments of suspension masses from Chelyuskinets II is the earliest known evidence in Eastern Europe for the preparation and use of viscoplastic masses or thick suspensions based on mineral paint pigments, which allows us to put forward a hypothesis about the significant role of such materials in the study of the development of complex cognition and cognitive evolution of Neanderthals, which occurred in parallel with similar processes in humans of a modern physical type.

Key words: Lower Volga region, Middle Paleolithic, Chelyuskinets II, MIS 6, ocher, production of pigments, liquid and thick solutions (mixtures) and pigments-based masses.

Citation. Zheltova M.N., Komagorova M.A., Anisovets Yu.D., Zhitenev V.S., Ulyanova D.V., Kurbanov R.N., Stepanova K.N., Anoykin A.A., Ivanov Ya.D., Smolkina V.S., Kazakov E.V., Remizov S.O., Otcherednoy A.K., 2025. Drevneyshie svidetel'stva prigotovleniya rastvorov i vyzkoplastichnykh mass iz krasochnykh pigmentov na Russkoy ravnine v srednem paleolite [The Earliest Evidence of the Manufacturing of Solutions and Viscoplastic Mixtures from Paint Pigments on the Russian Plain in the Middle Paleolithic]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 24, no. 3, pp. 5-44. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2025.3.1>

УДК 930.26(470.4):667.622
ББК 63.48(235.47)-421.3

Дата поступления статьи: 29.04.2025
Дата принятия статьи: 06.08.2025

ДРЕВНЕЙШИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА ПРИГОТОВЛЕНИЯ РАСТВОРОВ И ВЯЗКОПЛАСТИЧНЫХ МАСС ИЗ КРАСОЧНЫХ ПИГМЕНТОВ НА РУССКОЙ РАВНИНЕ В СРЕДНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ ¹

Мария Николаевна Желтова

Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Мария Александровна Комагорова

Минералогический музей им. А.Е. Ферсмана РАН, г. Москва, Российская Федерация

Юлия Дмитриевна Анисовец

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация

Владислав Сергеевич Житенев

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация

Дарья Валентиновна Ульянова

Минералогический музей им. А.Е. Ферсмана РАН, г. Москва, Российская Федерация

Реджеп Нурмурадович Курбанов

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация;
Институт географии РАН, г. Москва, Российская Федерация;
Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, г. Новосибирск, Российская Федерация

Ксения Николаевна Степанова

Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Антон Александрович Анойкин

Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, г. Новосибирск, Российская Федерация

Ярослав Дмитриевич Иванов

Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Василиса Сергеевна Смолкина

Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Евгений Валерьевич Казаков

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
г. Москва, Российская Федерация

Станислав Олегович Ремизов

Историко-этнографический и архитектурный музей-заповедник «Старая Сарепта»,
г. Волгоград, Российская Федерация

Александр Константинович Очередной

Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация;
Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, г. Новосибирск, Российская Федерация

Аннотация. В статье представлены результаты исследований серии мелких отдельных красочных пигментов, обнаруженных в культурном слое памятника Челюскинец II, который входит в Нижневолжскую среднепалеолитическую группу вместе с опорной стоянкой Евразии Сухой Мечеткой и памятником Заикино Пепелище. Предварительные результаты датирования методом оптически стимулированной люминесценции (далее – ОСЛ) свидетельствуют о возрасте культурного слоя в интервале 150–165 тыс. л.н. (середина МИС 6). Обнаруженные на изученной в 2024 г. площади памятника пигменты разных типов, в том числе со следами антропогенного воздействия, позволяют отнести Челюскинец II к кругу немногочисленных ранних стоянок среднего палеолита с явными свидетельствами различных способов использования красочных пигментов. Подтверждено искусственное происхождение пастообразных материалов, остатками которых являются мелкие отдельные охр, что свидетельствует о практике изготовления и использования специальных суспензионных масс. Превращение исходного сырья в красочную пасту представляет собой технологичес-

кую цепочку, аналогичную получению клеящих материалов. В ее основе лежит представление об искусственно получаемых свойствах липкости / клейкости, но с иными характеристиками. Такие массы / растворы в свою очередь отражают бытование практик окрашивания предметов с устойчивым изменением цвета их поверхности. Серия фрагментов суспензионных масс из Челюскинца II является древнейшим в Восточной Европе свидетельством приготовления и использования вязкопластичных масс или густых суспензий на основе минеральных красочных пигментов, что позволяет выдвинуть гипотезу о значительной роли подобных материалов в изучении развития сложного познания и когнитивной эволюции неандертальцев, происходивших параллельно аналогичным процессам у человека современного физического вида.

Ключевые слова: Нижнее Поволжье, средний палеолит, Челюскинец II, МИС 6, охра, изготовление красящих составов, жидкие и густые растворы (смеси) и массы – на основе красочных пигментов.

Цитирование. Желтова М. Н., Комагорова М. А., Анисовец Ю. Д., Житенев В. С., Ульянова Д. В., Курбанов Р. Н., Степанова К. Н., Анойкин А. А., Иванов Я. Д., Смолкина В. С., Казаков Е. В., Ремизов С. О., Очередной А. К., 2025. Древнейшие свидетельства приготовления растворов и вязкопластичных масс из красочных пигментов на Русской равнине в среднем палеолите // Нижневолжский археологический вестник. Т. 24, № 3. С. 5–44. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2025.3.1>

Введение

В наиболее полном на сегодняшний день мета-анализе присутствия красочных пигментов на памятниках в Африке в период от 500 до 40 тысяч л.н. учтены материалы более сотни стоянок и выделены «три отдельные фазы использования охры: начальная фаза имела место с 500 000 до 330 000 л.н.; фаза развития (становления) с 330 000 до 160 000 л.н.; и фаза привычной распространенности от 160 000 до 40 000 л.н.» [Dapschaskas et al., 2022, р. 233]. С конца 1990-х – начала 2000-х гг. в палеолитоведении использование пигмента, особенно систематическое, фигурирует как один из определяющих аргументов развития когнитивных способностей и «современного поведения» (см. обзоры и ссылки в: [d’Errico et al., 2010]). Вокруг интерпретации ранних случаев использования пигмента и их значения, в том числе с точки зрения проблематики возникновения языка, ведутся дискуссии (например: [Rifkin, 2012]). Наиболее взвешенная точка зрения в части обсуждений, касающихся выяснения путей становления и распространения практик применения охры, заключается в многогранной синкретичности – хозяйственно-бытовом и символическом использовании пигментов: от сигнальной и косметической (включая защитную) функций до применения в качестве компонентов клеящих веществ для составных орудий, обработки (в том числе дубления) шкур, консервации продуктов питания, изготовления предметов костяной и каменной индустрий, включая использование железистых конкреций (желва-

ков) в производстве наконечников типа стилей [Audouin, Plisson, 1982; Clark, Brown, 2001; d’Errico, Henshilwood, 2007; Lombard, 2008; Rifkin, 2011; Soriano et al., 2009; Wadley, Langejans, 2014; Wadley, 2005b; Wadley et al., 2009a; Watts, 2009; Wojcieszak, Wadley, 2018; Zipkin et al., 2014]. На образцах пигментов из разных памятников серийно фиксируются следы антропогенной модификации, включая «фасетированные» поверхности с линейными следами измельчения и растирания от производства порошка. Некоторые изделия также демонстрируют следы трения о мягкие материалы (например, кожу человека или шкуру животного), случайные насечки острым инструментом и даже абстрактную (квази-) геометрическую гравировку [Dayet et al., 2013; Henshilwood et al., 2009; Hodgskiss, Wadley, 2017; Hodgskiss, 2013a; 2013b; Watts, 2010]. Исследователи часто называют интенсивно отшлифованные предметы с тремя или более гранями, сходящимися в точке, мелками [d’Errico et al., 2003; Henshilwood et al., 2001]. Однако эксперименты, проведенные Л. Уодли [Wadley, 2005a], показывают, что большинство мелков могут представлять собой отходы², полученные в результате интенсивного стирания / шлифования. Тем не менее некоторые образцы из пещеры Бломбос в Южной Африке демонстрируют особые образцы износа от использования на закругленных кончиках, которые предполагают, что они «...использовались для создания определенных цветовых областей, соответствующих дизайну (как “мелок”), на грубой твердой поверхности» [Rifkin, 2012, р. 190] (также см.: [Dapschaskas et al., 2022, pp. 234–235]).

Преднамеренный отбор мелкозернистого сырья красных оттенков и общее доминирование следов специфического износа на образцах пигментов из коллекций памятников среднего каменного века (MSA) Африки и Ближнего Востока указывают на первичное производство порошка охры [Dayet et al., 2013; Henshilwood et al., 2009; Hodgskiss, Wadley, 2017; Hodgskiss, 2012; 2013a; McBrearty, 2001; Rifkin, 2012; Rosso et al., 2016; Rosso, 2017; Watts, 2010]. Это наблюдение подтверждается несколькими обнаруженными скоплениями порошка (например: [Wadley, 2010a]). Одной из наиболее распространенных точек зрения на цель приготовления красочных пигментов заключается в их использовании для окрашивания человеческой кожи, волос, одежды (и шире – шкур животных), украшений из раковин и нитей для их крепления [Bar-Yosef Mayer et al., 2009; Bouzouggar et al., 2007; d'Errico, Backwell, 2016; d'Errico et al., 2005, 2008; Henshilwood et al., 2004; Vanhaeren et al., 2013; Walter, 2003]. Поскольку подробные наблюдения показывают, что хозяйственно-бытовых предметов (скребков, острий из кости и т. п.) со следами окрашенности на порядки меньше, чем предметов, связанных с самоукрашением людей MSA, это, по мнению значительной части авторов, свидетельствует о взаимосвязи использования красочных пигментов в Африке и на Ближнем Востоке в обсуждаемый период развития системы демонстрации определенных аспектов социальной идентичности [Dapschauskas et al., 2022; Dubin, 1999; Fisher, 1984].

Однако часть порошка использовалась для приготовления составных многокомпонентных клеящих веществ. Следы ранних – с периода около 70 тыс. л.н. и позднее, особенно после 50 тыс. л.н. – составных клеев встречаются (вместе с микроследами, соответствующими рукояткам) на каменных орудиях среднего каменного века (MSA) из памятников Южной Африки (пещеры Роуз Коттедж, Сибуду, Умлатсана), а позднее и на всей территории Африки, и представляют собой два типа дву- и многокомпонентных материалов: коричневые растительные смолы³ и черный или белый жир, порой – растительные волокна в качестве наполнителя, но без следов минерального пигмента; и смеси растительной

смолы и красной охры – порошкообразного гематита (например: [Gibson et al., 2004; Lombard, 2007; Villa et al., 2015; Wadley, 2005a; Williamson, 1997]). В отдельных случаях, например, в пещере Сибуду, зафиксировано в ассоциации с разными типами каменных орудий в контексте одного слоя параллельное использование как чисто органических клеящих веществ, так и смешанных органических и неорганических – минерального порошка красной охры [Wadley et al., 2009b]. Добавление минерального пигмента в порошкообразном состоянии в качестве наполнителя в органическую клеевую основу, в том числе камедь растений (например, акаций)⁴, судя по результатам проведенных экспериментов, делает смесь менее хрупкой и действует как осушитель, то есть придает полученному материалу гигроскопические свойства, предотвращающие растворение клея во влажных условиях. Другими словами, растительная смола, используемая отдельно, эффективно прилипает, но часто подвергается разрушению при ударе, что является преимуществом только, когда наконечники должны ломаться внутри для внутренних разрывов у добычи, а добавление охры в смолу, по-видимому, создает более прочный материал, а это, в свою очередь, позволяет предполагать, что мастера выбирали рецепты клея, соответствующие задаче [Wadley et al., 2009b].

Совершенно иную картину использования клеящих материалов представляет собой европейская линия развития технико-технологической мысли: в среднем палеолите в большей мере использовались битумы и березовый деготь (смола), но в единичных случаях и сосновая смола. Начало использования дегтя по материалам из карьера Кампителло (Италия) можно датировать периодом перед MIS 6, вероятно, MIS 7.2 (206–201 тыс. л.н.) [Mazza et al., 2006; Modugno, 2006], но в литературе представлены и другие мнения: [Cnuts et al., 2018]. Приблизительно после 80 тыс. л.н. количество известных примеров использования дегтя и смолы (порой с добавками, например, пчелиного воска) постоянно увеличивается, что может быть свидетельством экспоненциального увеличения поведенческой сложности у неандертальцев (см. обзоры в: [Degano et al., 2019; Doronicheva et al., 2022;

Henry et al., 2018; Kozowyk, Poulis 2019; Kozowyk et al., 2023; Niekus et al., 2019; Roebroeks, Soressi, 2016; Schmidt et al., 2023a; Schmidt, Tennie, 2024]).

Единичные известные случаи смешивания битума с минеральным красочным пигментом, по мнению авторов исследований материалов из грота Ле Мустье, связаны с оптимизацией процесса применения литых рукоятей: «при смешивании со свежим битумом 55 % охры увеличивает его прочность в 3 раза... В работе чисто битумные рукоятки липкие на ощупь, часть битума остается на руке в виде трудноудаляемых липких пятен. При смешивании с 55 % гетитовой охрой битумные рукоятки становятся более твердыми и не такими липкими на ощупь. Таким образом, смешивание высоких концентраций охры со свежим битумом дает преимущество для изготовления и использования составных орудий. Эти результаты, вкупе с наблюдением, что на цветных частях инструментов можно обнаружить яркие следы заполировки и потертости, позволяют предположить, что пять каменных орудий не были прикреплены к жесткой рукоятке, а использовались в таких клеевых рукоятках» [Schmidt et al., 2024].

Широкое распространение красочных пигментов и вариантов их использования в Африке и на Ближнем Востоке в эпоху среднего палеолита резко контрастирует с ситуацией в Европе. Подавляющее большинство свидетельств их использования относится ко времени 60–50/45 тыс. л.н., и в значительном объеме материалы представлены, особенно на территории Западной Европы, минеральным сырьем черного цвета, а не только и не столько красного – как это наблюдается в Африке и впоследствии будет широко распространено по всей территории Евразии. Красный пигмент встречается редко, но явно присутствует в материалах отдельных памятников, таких как пещеры Авионес и Антоне (Испания), где его присутствие связано с символическим контекстом использования морских раковин 50 тыс. л.н.; датирование временем около 115 тыс. л.н. пока аргументировано слабо [Hoffmann et al., 2018; Zilhão et al., 2010].

В Европе более 40 стоянок, датированных MIS 6–3, содержат предметы, описанные как блоки пигмента или камни, используемые для его

измельчения или дробления [Bordes, 1952; 1972; Demars, 1992; Soressi, d'Errico, 2007]. Большинство этих стоянок относятся к концу среднего палеолита, между 60 и 40 тыс. л.н., их индустрии определяют как мустье ашельской традиции (МТА) и шарантское мустье. Например, на стоянке МТА в Пеш-де-л'Азе I было обнаружено более 500 «блоков пигментного материала» практически исключительно черного цвета, половина из которых имеет следы использования, а также песчаниковая плита, использовавшаяся для измельчения пигмента, однако, пиролюзит (диоксид марганца) использовался по большей части в утилитарных целях – для разведения огня [Heyes et al., 2016; Marti et al., 2019; Sorensen, 2024; Soressi, d'Errico, 2007; Soressi et al., 2007]. Поздние неандертальцы во Франции и Италии интенсивно использовали как черные, так и красные пигменты [Salomon, 2009]. Характерным примером являются 18 кг красных и черных пигментов из культурных слоев шательперрона в Гроде Оленя в Арси-сюр-Кюр, многие из которых имеют следы использования [Salomon, 2009].

Краткий обзор, подобно представленному выше, обычно в литературе предваряется примерно такими словами: «Существуют утверждения о более раннем использовании “красной охры” на археологических памятниках среднего плейстоцена в Европе, таких как Терра Амата (Франция), Бечов (Чешская Республика) и Амбронна (Испания), но все эти утверждения оспариваются по разным причинам, включая проблемы идентификации и датировки» [Roebroeks et al., 2012]. Или «Существует несколько часто цитируемых предполагаемых находок охры, датированных европейским поздним ашеlem. К этим местам относятся Изерния (Италия), Терра Амата (Франция) и Амбронна (Испания). Известны несколько фрагментов охры из позднеашельских контекстов: из Хунсги, местонахождения 5 в Южной Индии и из Даштадема-3 в Армении. Однако во всех этих случаях их статус как антропогенных артефактов сомнителен» [Wolf et al., 2018]. Авторы процитированных отрывков, в отличие от большинства других, совершенно честно и справедливо ссылаются на источник утверждений – статью, опубликованную в журнале «Current Anthropology» в ок-

тябре 1980 г. и комментарии к ней, где в обсуждении К.В. Бутцер отрицает антропогенную модификацию многочисленных опубликованных ранее находок пигментов. В частности, это касается «Плиты охры» в Амбронне, которая представляла собой красноватый алеврит, расслоившийся по естественным трещинам, доказать человеческую модификацию было почти невозможно. В своем конкретном контексте отдельность породы была одним из многих манупортов и могла быть добыта на небольшом расстоянии⁵. Красную краску было бы гораздо легче получить из местных красных почв, но это не оставило бы никаких следов. Другим примером являются два «куска охры», описанных Лики в материалах Olduvai Bed II (Upper), их определение опровергнуто. Ни один из стратифицированных ашельских открытых или пещерных памятников, где Бутцер изучал археологические отложения – в Испании (Торральба и Амбронна) и Южной Африке (Вондерворк, Роойдам, Доерлохте) – не предоставил свидетельств манипуляций с охрой или ее использования. «Не желая отрицать использование охры на стоянках среднего палеолита, особенно в некоторых французских захоронениях, я также не смог подтвердить ее использование в мустьерских слоях северной Испании (Cueva Morin, Castillo, La Flecha, El Pendo, Cobalejos) или на стоянках среднего каменного века в Южной Африке (Border Cave, Bushman Rock, Rose Cottage Cave, Klasies River Mouth, Nelson Bay Cave)» [Butzer, 1980, p. 635]. Сегодня очевидно, что результаты переисследования материалов и новые данные серьезно изменили общую картину с использованием пигментов в Африке, но в отношении свидетельств представленности красочных материалов на ранних памятниках Европы подавляющее большинство специалистов продолжают упорно воспроизводить тезисы из иной эпохи развития археологической науки.

На сегодняшний день опубликованы надежные данные как минимум о двух ранних памятниках, где зафиксированы свидетельства систематического использования красочных пигментов. Наиболее полная информация об этом представлена в публикации материалов из разных уровней обитания Терра Амата, датированных интервалом 400–380 тыс. л.н.

(к дискуссии о возрасте: [Васильев, 2017]); а также пигментов в Бечов IV (поздний ашель) и разных уровней Бечов I, где эти материалы происходят из жилого пространства слоя А-III-6, «датируемого ранней фазой среднего палеолита (прото-шарантским или ранним мустьерским), соответствующим OIS 7a-c (около 200 000 л.н.)» [Lumley et al., 2016; Šajnerová-Dušková et al., 2009, p. 4; Trąbska et al., 2010; и т. д.].

Следовательно, с учетом находок на Маастрихт-Бельведере и на ряде других памятников, где признаки использования охры единичны, можно уверенно говорить о редкой, но систематической представленности красочных пигментов в материалах памятников Европы с эпохи MIS 11 (не позднее 400 тыс. л.н.).

Следует отметить, что подавляющее большинство образцов красочных пигментов из коллекций памятников раннего и среднего палеолита представляют собой твердые и полутвердые образования (куски, крупинки), но лишь в единичных случаях являются остатками целенаправленно полученной смеси – комками и другими формами вязкопластичных масс или густой суспензии. Следы собственно жидких суспензий – взвесей или достаточно густых растворов (дисперсной системы с жидкой дисперсной средой, где частицы дисперсной фазы суспензии обладают размером более 10^{-4} см, седиментация которых при малой разнице плотности дисперсной фазы и дисперсионной среды происходит достаточно медленно (например: [Матвеев, Кирсанов, 2011; Урьев, Потанин, 1992]) в археологической летописи нижнего и среднего палеолита практически неизвестны: они либо не сохранились, либо не были идентифицированы в процессе полевых работ, либо не выявлены в коллекциях. Последнее, по всей видимости, наименее вероятно, в отличие от продолжающегося обнаружения в запасниках музеев образцов следов вязкопластичных масс (далее в тексте – масс / массы). Ярким примером этому может служить открытие подобных остатков в коллекции раскопок пещеры Схул начала 1930-х гг. слоя В (возрастом около 100 тыс. л.н.)⁶, хранившихся в лондонском Музее естественной истории [d'Errico et al., 2010]. Возможно, временем до или около 80 тыс. л.н. датируются в нижних слоях

самые ранние свидетельства приготовления и использования густых суспензий / вязкопластичных масс в пещере Чоарей в румынских Карпатах [Carciumaru et al., 2012, Carciumaru et al., 2015; Carciumaru, Tutuianu-Carciumaru, 2009; Schmidt et al., 2024; Veres et al., 2018].

Одной из основных причин отсутствия сведений о следах густых суспензий и вязкопластичных масс, помимо очевидной редкости, видится отсутствие внимания к проблематике физических свойств пигментов на макроуровне в противовес углубленному одностороннему вниманию к физико-химической структуре образцов и естественно-научной оптике в ущерб собственно археологической.

В Африке⁷ наиболее древним на сегодняшний день, явным, а не косвенным (как возможные некоторые следы окрашенности предметов) примером использования массы (густой суспензии) является находка в двух створках раковин моллюсков из пещеры Бломбос некогда «жидкой смеси, богатой охрой», которая могла быть смешана с костным мозгом или жиром, и обнаружена в так называемой «мастерской по подготовке охры»⁸ из слоя СР (нижней части литологической «фазы МЗ»), датированного временем около 101 ± 4 тыс. л.н. [Henshilwood et al., 2011].

Наиболее ранними следами приготовления относительно густых суспензий в Европе являются материалы из раскопок участка С комплекса памятников Маастрихт-Бельведер (Maastricht-Belvédère, Нидерланды), которые примерно в два раза древнее находок из Бломбоса и Схул, и датированы интервалом 250 ± 20 ka – 220 ± 40 ka (MIS 7). В ходе археологических раскопок на участке С (раскопки 1981–1983 гг.) на площади 264 м² было обнаружено 15 небольших отдельностей красного цвета с максимальным размером 0,2–0,9 см и толщиной 0,1–0,3 см, с резкими границами с подстилающим субстратом. Контраст цвета между ярко-красным пигментом и желтовато-коричневым цветом слоя был ярко выражен, что облегчило извлечение этих небольших, рыхлых кусочков. Красный материал был идентифицирован как гематит. Анализ этих образцов с помощью рентгеновской дифракции, сканирующей электронной микроскопии (ESEM), энергодисперсионной рентгеновской спектроскопии (EDX) и нескольких исследо-

ваний магнитного поля горных пород четко указал на присутствие гематита в образцах, а также на сильный кварцевый компонент осадочной матрицы красного материала. Авторы исследования пришли к выводу, что мелкие отдельности пигмента являются высохшими остатками жидкого насыщенного раствора (взвеси) мельчайших частиц гематита, принесенного на стоянку издалека.

Таким образом, древнейшие свидетельства приготовления (густых) растворов из красочных пигментов относятся к региону Западной Европы, как это ни парадоксально с точки зрения количественного превалирования африканских материалов. Однако до последнего времени этот единичный пример, не подкрепленный аналогиями во времени и пространстве, вполне естественно было рассматривать как типичный случай «забегания вперед» [Вишняцкий, 1993]. Начало же приготовления густых суспензий / вязкопластичных масс в Африке относится ко времени около 100 тыс. л.н., а в Европе считалось, что позднее – ближе к концу среднего палеолита. Ситуация в значительной мере изменилась после выявления серии красочных пигментов в культурном слое стоянки Челюскинец II в 2024 году.

Краткая характеристика стоянки Челюскинец II: история изучения, расположение, стратиграфия, сохранность культуросодержащих отложений и облик инвентаря

Этот среднепалеолитический памятник стал известен после публикации результатов исследований Л.В. Кузнецовой и В.Я. Сергина [Кузнецова, Сергин, 1999]. Он расположен на Нижней Волге – в Дубовском районе Волгоградской области, почти в 30 км к северу по прямой от стоянки Сухая Мечетка, одного из опорных памятников среднего палеолита (микок / КМГ) Евразии, и приурочен к отложениям правого борта разветвленной балочной системы р. Пичуги, мелкого правого притока Волги (рис. 1). Памятник находится на участке из трех соседних мысов, разделенных оврагами глубиной до 30 м. Борта оврагов отличаются крутизной в 40 и более градусов. Разделенные ими мысы в целом обра-

зуют единую поверхность. На мысах зафиксированы различные зоны концентрации подъемного материала и условно выделены еще два памятника – Челюскинец I и Челюскинец III. Вместе с этими двумя местонахождениями Челюскинец II образует группу памятников (рис. 2). Подъемный материал здесь был обнаружен краеведом из г. Волжского В.И. Куфенко в 1983 году. Он же обратил внимание на кусок бивня, торчащий в свежем обнажении одного из многочисленных обрывов правобережья р. Пичуги, чрезвычайно сильно изрезанного мелкой овражно-балочной сетью. Планомерные раскопки были начаты на этом месте в 1985 г., спустя два года после первых находок. Экспедицией руководила Л.В. Кузнецова. Это единственный памятник правобережья Пичуги, который был изучен систематически и комплексно. Раскоп был расположен на правом борту мыса и расширен за три года работ до 117 м² [Кузнецова, Сергин 1999, с. 100–101]. Хорошо выраженный культурный слой в пределах всей изученной площади зафиксирован не был, в результате чего было выдвинуто предположение о полной переотложенности культурного слоя стоянки. Несмотря на это на памятнике были отобраны серии образцов на палинологический анализ и несколько образцов для определения абсолютного возраста термолюминесцентным методом. Палинологический анализ не дал результатов, но абсолютные датировки, полученные термолюминесцентным методом, свидетельствовали о достаточно раннем возрасте памятника, который мог быть связан с различными эпохами от МИС 5b до МИС 7c. Наиболее достоверной датировкой Л.В. Кузнецова считала дату в $145\,000 \pm 18\,000$, а точнее, ее верхний предел в 127 000 (МИС 5e) [Кузнецова, Сергин, 1999, с. 103; Кузнецова, 2006], что может связывать культуросодержащие отложения Челюскинца II с началом верхнехазарской трансгрессии Каспия [Kurbanov et al., 2024]. По мнению Л.В. Кузнецовой, в коллекции можно выделить инвентарь трех типологических групп – мустьерской, верхнепалеолитической и зубчатой. Облик памятника определяет именно мустьерская типологическая группа [Кузнецова, 2006]. Другими словами, коллекция является мустьерской, с нелеваллуазским расщеплением и бифасиальной

традицией [Кузнецова, Сергин, 1999, с. 103], что вместе с достаточно ранними датировками позволяет считать Челюскинец II среднепалеолитическим комплексом начала микулинского межледникового и оценивать его в контексте свидетельств раннего заселения Поволжья и перехода от ашель к мустье [Кузнецова, Сергин, 1999; Кузнецова, 2006].

Новый этап полевых работ на Челюскинце II был начат Нижневолжской экспедицией ИИМК РАН (далее – НВЭ) в 2023 году. Уже первые полевые результаты продемонстрировали наличие на памятнике культурного слоя, который по-разному сохранился на разных участках [Очередной и др., 2024]. Во всех трех примерно одинаковых по площади расчистках (каждая до 3 м²), заложенных вдоль левого борта мыса (Челюскинец II-2, Челюскинец II-3 и Челюскинец II-4) (рис. 2), никогда не вскрывавшегося расчистками или раскопами, были обнаружены культуросодержащие отложения. Еще не известно, составляют ли они один культурный слой или нет. Но уже понятно, что степень сохранности их разная. По предварительным данным работ 2024 г. эти отложения могли сохраниться лучше в северной части мыса, а ближе к середине и основанию оказаться под воздействием разных постседиментационных процессов. Необходимо отметить, что строение отложений, формирующих контекст залегания культурного слоя, очень сложное. Толща построенная субаквальными отложениями – это различные пески и суглинки, залегающие как субгоризонтально, так и в явно смещенном состоянии, на что указывают, в частности, разные нарушения слоистой текстуры, зафиксированные почти во всех расчистках НВЭ. Какие-либо фрагменты сохранившихся субаэральных последовательностей в расчистках НВЭ отсутствуют вовсе. Динамичная картина осадконакопления с многочисленными перерывами и периодами активизации была выявлена еще в стенках раскопов 1986–1987 годов. В номенклатуре НВЭ расчистка западной стенки раскопа 1987 г. обозначена как Челюскинец II-1 (рис. 2). Несколько иная ситуация была выявлена в строении небольшого участка распространения культуросодержащих отложений, изученных в 2023 и 2024 годах. Раскоп НВЭ (под номенклатурным обозначением Челюс-

кинец II-2) расположен на левом, западном борту мыса в 15 м к юго-западу от раскопа 1987 г. (рис. 2).

В строении выявленной части разреза сверху вниз были выделены четыре литологических слоя (ниже приведено их адаптированное описание) (рис. 3):

1 – тонкая современная почва;

2 – чередование прослоев песка и плотного серого суглинка, разбитого вертикальными трещинами на отдельные блоки, в слое зафиксировано большое количество кротовин;

3 – чередование прослоев и линз голубовато-серого плотного суглинка и рыже-бурокоричневого грубо- и среднезернистого песка, песок сильно ожелезнен;

4 – суглинок опесчаненный, рыже-коричневый, слабосцементированный.

Культуросодержащие отложения залегают на глубине всего 1,5 м от современной дневной поверхности и представлены голубовато-серыми тяжелыми окаربоначенными суглинками и слоистыми средне- и крупнозернистыми песками. Находки, среди которых изделия из камня, фрагменты костей и мелкие отдельные охр различных цветов (рис. 4), залегают в виде одного уровня на границе прослоев в средней части литологического слоя 3 и фактически на границе ритмов субгоризонтального накопления суглинков и супесей. Мощность уровня с находками составляет 20–30 см и иногда доходит до 40–45 см. Вполне вероятно, что при расширении площади изучения культуросодержащих отложений появятся весомые основания для выделения отдельного нижнего горизонта. Ближе к южной стенке изученной площади культуросодержащие отложения расщепляются на два четких уровня с находками. Вполне вероятно, что расщепление связано с устьевой частью крупной трещины, вскрытой НВЭ в основании суглинка с культурным слоем в 2024 г. (рис. 3). Генезис этой трещины еще не вполне ясен, однако несколько находок были зафиксированы в вертикальном положении в верхней трети заполнения трещины, что говорит о том, что она могла появиться близко по времени к формированию культурного слоя.

Коллекция каменных изделий, обнаруженных на участке Челюскинец II-2 в течение двух полевых сезонов, насчитывает 90 из-

делий из кремня и окварцованного песчаника, среди которых были в том числе и выразительные односторонние орудия – простые боковые скребла, конвергентное скребло, остроконечник и пластина с ретушью. В 2024 г. в культурном слое было обнаружено сложное неоднократно переделанное двойное продольное скребло с частичным вентральным утончением, а также серия выразительных отщепов, свидетельствующих о развитом параллельном и конвергентном плоскостном расщеплении (рис. 4). Фаунистические остатки представлены в основном мелкими неопределимыми фрагментами трубчатых костей, однако самыми важными находками стали целый позвонок мамонта и фрагмент лопаты рога оленя (определения канд. биол. наук, ведущего науч. сотр. ЮНЦ РАН В.В. Титова).

Предварительные результаты ОСЛ датирования отложений.

Расчистки Челюскинец II-2

В 2023 г. с целью определения возраста стоянки из двух расчисток по стандартной методике было отобрано три образца для люминесцентного датирования. Отбор производился по стандартной методике в светонепроницаемые пакеты. Из восточной стенки участка Челюскинец II-2 были отобраны два образца. Образец № НВЭ23-5 (лаб. номер МГУ/ИГРАН 120125) получен из серых песков и голубовато-серых суглинков литологического слоя 2, глубина 55 см (здесь и ниже указаны глубины от дневной поверхности), образец № НВЭ23-6 (120126) – из рыже-коричневых песков и супесей кровли литологического слоя 4, на глубине 250 см (рис. 3). Измерения выполнены в лаборатории люминесцентного датирования МГУ/ИГРАН на основе протокола регенерации единичных аликвот на ОСЛ/ТЛ ридере Рисо (Дания). Для обоих образцов зерна кварца оказались в полном насыщении, по ним получены открытые даты: для верхнего – >83 тыс. л.н.; для нижнего – >170 тыс. л.н. Измерения по калиевым полевым шпатам показали надежный сигнал с характерной формой кривой люминесценции, для образца 120125 получена дата 165 ± 13 тыс. л.н., для образца 120126 – 244 ± 30 тыс. л.н. Нижний образец получен из

отложений верхов литологического слоя 4, который по строению и литологическим свойствам резко отличается от вышележащих и имеет размытую кровлю. Дата отражает цикл осадконакопления в начале МИС 7 до момента заложения эрозионной сети на этом участке Приволжской возвышенности. Дата из литологического слоя 2 получена уже в отложениях балочного аллювия, когда в этом районе начинает закладываться система оврагов с размывом нижележащих отложений, начинается формирование овражно-балочной сети в районе стоянки Челюскинец-II, а в борту палеобалки накапливался песчаный аллювий. Особенности строения верхней части разреза участка Челюскинец II-2 указывают на практически одномоментное формирование толщи, вмещающей культуросодержащий горизонт стоянки. Результаты по расчистке 2 подтверждаются датой из аналогичных по строению отложений в расчистке 1 (участок Челюскинец II-1): 159 ± 13 тыс. л.н. Таким образом, первые результаты люминесцентного датирования определяют возраст культурного слоя стоянки Челюскинец II в интервале 150–165 тыс. л.н., то есть середина МИС 6.

Методика исследования

Серия образцов охристых пигментов является, несомненно, одной из наиболее значимых находок на памятнике Челюскинец II. Для небольшой площади раскопа она весьма представительна, поскольку насчитывает 19 отдельностей различных оттенков красного и желтого цветов (рис. 4) ⁹.

Из характеристик культуросодержащего горизонта важно, что он песчанистый, отчего почти на всех образцах наблюдаются прочно прилипшие окатанные зерна кварца. Кроме того, слой изобилует фрагментами песчаника, от обычного до сильно ожелезненного темно-красного цвета. Образцы представляют собой небольшие образования, хорошо отделяющиеся от вмещающего слоя (рис. 5).

Все образцы изучены под бинокулярным микроскопом Альтами СМ0745, для каждого из них было сделано детальное морфологическое описание с археологической и петрографической точек зрения. Результаты изучения позволили разделить образцы на не-

сколько групп: остатки засохших пастообразных составов, очевидно, приготовленные человеком; кусочки сырья, принесенные на памятник, возможно, модифицированные человеком; природные образования без признаков антропогенной модификации, возможно, манупорты.

Цвет пигмента определялся по справочнику для определения цвета почв Munsell Soil Color Book, чтобы получить сравнимые в дальнейшем результаты с другими образцами пигментов. Эта шкала включает широкий спектр оттенков от красного, вишневого и алого до рыжего и желтого. Каждый ее градационный шаг соответствует минимально различимому глазу изменению цвета, что позволяет проводить точное и воспроизводимое определение цвета образцов. Данные затем загружаются в систему CIE-Lab.

Определение параметра «твердость» осуществляется путем проведения образцом по листу бумаги. Образцу, который оставляет яркую линию на бумаге, присваивается значение 1; если линия прерывистая и нечеткая – значение 2; если же образец не оставляет следа – значение 3 [Житенев и др., 2024].

После изучения структуры образцов под микроскопом и их максимально подробного морфологического и петрографического описания было проведено инструментальное исследование их химического и минерального состава. Методом рентгеновской порошковой дифрактометрии были идентифицированы кристаллические фазы, как индивидуальные, так и их смеси. Исследуемые пробы были растерты в агатовой ступке, а затем перенесены на графитовую кювету. Анализ проводился на дифрактометре ДРОН-2.0 с гониометром ГУР-8. Расшифровка полученных дифрактограмм проводилась с помощью программы Search-Mach-1.

Химический состав зерен изучался на электронно-зондовом микроанализаторе JCXA-733 фирмы JEOL с энергодисперсионным Si(Li)-детектором с системой анализа INCA Energy 350 фирмы Oxford Instruments. Анализы проводились при ускоряющем напряжении 20 кВ и токе зонда 2 нА при диаметре зонда 5 мкм. Время набора спектров 100 с без учета мертвого времени. Анализ производился с поверхности зерен, для этого выби-

рались наиболее плоские участки на поверхности этих зерен. Зерна исследуемых образцов были наклеены на двухсторонний электропроводный скотч с последующим напылением углеродом.

Необходимо акцентировать внимание на том, что и тот, и другой анализы проводятся не во всем образце, а либо в небольшом его фрагменте, либо в «точке», то есть может быть выявлен не полный минералогический или химический состав образца, а только выбранной оператором его части. Ряд соединений являются рентгеноаморфными, например, органический материал, то есть при визуальном осмотре мы видим, допустим, черный цвет образца, а минералогия показывает кварц, потому что зерно испачкано золой. Также есть ряд ограничений и в исследовании химического состава вещества – микрозонд «не видит» летучих элементов, например, кислорода. Таким образом, мы не можем различить этим методом гетит и гидрогетит в составе лимонитовых корок. Однако минералогический анализ был проведен со всеми исследованными образцами, для того чтобы исключить возможность упущения необычных пигментов при визуальном осмотре, таких как ярозит или что-то более экзотическое. Химическим анализом был дополнительно подтвержден ряд спектральных исследований в тех случаях, когда результаты показались неудовлетворительными.

Характеристика образцов

Подробная методика характеристики образцов пигмента опубликована в отдельной статье и состоит из описания по 28-ми параметрам, в том числе цвету, структуре, твердости, наличию магнетизма, блеска, включений и других признаков [Житенев, Анисовец, 2023]. Было исследовано 15 образцов из 19 (табл. 1), так как четыре образца явно представляли собой фрагменты ожелезненного песчаника, каким изобилует вмещающий слой (рис. 11), без каких-либо признаков модификации.

Изученные материалы представляют собой следующие типы образцов, в соответствии с особенностями структуры и морфологии (табл. 2):

– естественный пигмент (chl-001 (№ 43a-б), 002 (№ 42), 013) – следы пигмента содержатся на поверхности железистой корки, как правило, слоистой. Такие образцы характеризуются мелкодисперсностью и большой плотностью – образец не пылит и не осыпается;

– пигмент антропогенно модифицированный, нанесенный на основу (chl-011 (№ 3));

– комки пигмента (chl-003 (№ 6-7), 006 (№ 80a), 012 (№ 37), 014 (№ 39)) – образования с мягкими, обтекаемыми гранями, вероятно, сформированные в процессе естественного сжатия или агрегации частиц, возможно, капель. Это округлые комки аморфной кормы, не имеющие острых краев. Такие образцы могут оставлять яркие следы на руках, а также окрашивают пакет, в который помещены;

– куски пигмента (chl-004-005, 007 (№ 80б), 009-010 (№ 38)) – образцы с достаточно четкими, порой резкими гранями и плоскостями, вероятно, полученные в результате откалывания (намеренного или естественного) от более крупного фрагмента сырья. Их форма и структура ближе к естественным фрагментам породы;

– раствор (смесь) на слое (chl-008 (№ 41)) – следы пигмента, плотно сцепленные с поверхностью литологического слоя. Могут представлять собой прослойки пигмента в виде пролитой суспензии или более плотной и вязкой массы.

Также результаты изучения позволили разделить образцы на несколько функциональных групп:

– остатки пастообразных составов, очевидно, приготовленные человеком (chl-003 (№ 6-7), chl-006 (№ 80a), chl-008 (№ 41), chl-011 (№ 3), chl-14 (№ 39));

– принесенные кусочки сырья, возможно, модифицированные человеком (chl-001 (№ 43a-б), chl-002 (№ 42), chl-007 (№ 80б), chl-015 (№ 5));

– природные образования без признаков антропогенной модификации, возможно, манупорты (chl-004-005 (№ 40a-б), chl-009-010 (№ 38), chl-012 (№ 37), chl-013 (№ 8)).

Образцы первой группы демонстрируют разнообразие в консистенции – от вязкопластичной, плотной массы с крупной структурой (chl-003 (№ 6-7)) до тонко перемешанных, почти пылевидных мелкодисперсных составов

(chl-14 (№ 39)). Некоторые образцы содержат включения кварцитовых или других минеральных частиц, которые можно интерпретировать как случайные примеси при перемешивании (chl-006 (№ 80a)), другие же представляют собой практически «чистые» образцы, что может свидетельствовать о высокой тщательности подготовки (измельчения, перемешивания) красочной массы (chl-003 (№ 6-7)).

В некоторых случаях (chl-011 (№ 3), chl-014 (№ 39)) наблюдаются слоистость и/или неоднородность цвета массы, от ярко-оранжевого до темно-красного, что дополнительно подчеркивает сложность технологии приготовления пигмента и ее вариативность (рис. 7). Различный характер впитывания – от сильной дисперсии в слой (chl-008 (№ 41)) до «слипания» с подстилающим слоем (chl-003 (№ 6-7)) с незначительным окрашиванием кварцитовых зерен, позволяет подтвердить предположение о наличии различных рецептов приготовления пигментов (рис. 5, 8).

Изучение образцов второй группы демонстрирует разнообразие особенностей физических свойств (рыхлость / сцепленность, интенсивность окрашивания и т. д.) пигментов и способов их использования. Во всех случаях пигмент представлен в естественной, мелкодисперсной форме, но обладает различной плотностью – от прочно закрепленной на корке (chl-001 (№ 43a-б)) до рыхлой, пылевидной массы, окрашивающей руки (chl-002 (№ 42), 007 (№ 80б), 015 (№ 5)). Это демонстрирует вариативность используемых консистенций естественных пигментов (рис. 9).

Представляет интерес и выбор многоцветных пигментов, возможно, специально подобранных по причине содержания градиентных переходов (например, особенно четко представленных в chl-007 (№ 80б) – от желто-оранжевого (2.5YR 6/8) к вишнево-красному (7.5YR 4/8)). Избирательный подход к цветности наблюдается и для образцов третьей группы, которые включают в себя корки конкреций с прослоями желтого и красного цветов, многочисленные градиентные переходы. В целом же оттенки пигментов стоянки Челюскинец II варьируются от желтых до оранжевых и коричневых, а также красных и розоватых, демонстрируя широкое разнообразие цветовых решений и инте-

рес к разнообразным оттенкам красного и желтого (табл. 1).

На образцах второй группы отмечены характерные следы в виде царапин и затертостей, которые наблюдаются и на некоторых образцах первой группы. Однако трасологический анализ образцов еще не выполнен, поэтому можно только отметить их явное присутствие. Также мы пока не можем подтвердить или опровергнуть факт их термической обработки.

Включения обнаружены в 20 % образцов и представляют собой кварцевые частицы, которые встречаются как внутри пигмента, так и в суглинке, сцепленном с образцом. В одном образце включения кварца имеют легкий металлический блеск. На 29 % образцов встречается темная патина неизвестной генерации. Наличие патины может быть связано с постдепозиционными процессами. На многих образцах присутствуют черные частицы оксида марганца.

Образцы не обладают признаками магнетизма, что может указывать на низкое содержание железа в форме, обладающей магнитными свойствами (например, магнетит).

Все образцы обладают твердостью 1, то есть оставляют яркий и четкий след при проведении по листу бумаги. Образцы, демонстрирующие исключительные окрашивающие свойства, отличаются мелкодисперсной структурой и пылеобразной консистенцией. Такие образцы окрашивают контактные поверхности, оставляя заметные следы на руках, бумаге или упаковочном материале.

Возможные источники сырья для изготовления красящих составов

Проблема установления источников сырья для получения красочных пигментов пока далека от решения. Требуются специальные полевые работы, включающие поиски в окрестностях памятника отложений, содержащих конкреции, подобные найденным в слое. Пока были отобраны только образцы ожелезненного песчаника, которым изобилует культуросодержащий горизонт (рис. 11). Они однотипны и представляют собой песок (окатанные и не окатанные кварцевые зерна), сцементированный оксидами железа красного цвета. Окрас-

ка отдельностей неоднородная. Красная часть – кристаллическая. На границе с нежелезненным песком иногда наблюдается ярко-желтая фракция. На поверхности наблюдаются мелкие зерна темно-зеленого цвета, прозрачные, без спаянности, излом зерен раковистый.

Порошкообразное состояние охры в виде мелкодисперсной минеральной фракции пигментов, частицы которого плотно соединены между собой (и располагаются подгоризонтально в одном направлении и плоскости на микроуровне) в едином объеме с достаточно четко очерченными границами с выраженной слоистостью и покрашенностью подстилающего литологического слоя известны лишь из одного памятника среднего палеолита. Наиболее близкой аналогией серии образцов окристых пигментов из Челюскинца II являются материалы из раскопок стоянки Маастрихт-Бельведер (Нидерланды) [Roebroeks et al., 2012]. Как уже говорилось выше, авторы исследования пришли к выводу, что мелкие отдельности пигмента являются высохшими остатками жидкого насыщенного раствора (взвеси) мельчайших частиц гематита, принесенного на стоянку издалека. В обсуждаемом случае с материалами Челюскинца II мы, скорее, имеем дело с остатками густой пастообразной массы и (в одном случае как минимум) – следами суспензии (раствора).

Размеры 15 образцов из Маастрихт-Бельведера составляют 0,2–0,9 см, толщина – 0,1–0,3 см, то есть в среднем меньше таких из Челюскинца II.

Наиболее уверенно говорить о пролитой жидкой суспензии можно в одном случае: в образце № 41 (chl-008) пигмент тонким слоем покрывает зерна кварца, как бы сцепляя их между собой (рис. 7). Ближайшей аналогией являются образцы, описанные в Маастрихт-Бельведере [Roebroeks et al., 2012]. Однако в случае с Маастрихт-Бельведером пигмент был сцеплен с фрагментом культурного слоя, что позволило проследить четкую границу между субстратом слоя и местом, куда был «пролит» пигмент.

В других же случаях (например, образец № 6/7 (chl-003) из Челюскинца II) проследить четкое начало границы, разделяющей культурный слой и пигмент, возможно, одна-

ко, чем выше концентрация пигмента, тем плотнее становится его структура, напоминая уже не жидкую суспензию, а спрессованную массу (рис. 6). В качестве предположения можно допустить, что неразмешанные влажные частицы красочной массы попали в культурный слой и частично впитались в него, сохранив при этом форму.

Точно так же совпадает и наблюдение об уменьшении размера частиц по мере перехода от культурного слоя к концентрации пигмента при сравнении с пигментами Маастрихт-Бельведера. Пигмент становится мелкодисперсным, исчезают крупные кварцевые зерна. Подобная ситуация, демонстрирующая отличие размера частиц литологического слоя и пигмента, наблюдается в образце № 40a (chl-006) (рис. 10) и № 6/7 (chl-003) (рис. 6).

Оба эти наблюдения – сцепление кварцевых зерен мелкодисперсным пигментом, а также постепенное уменьшение фракции образца по мере перехода от литологического слоя к пигменту – могут свидетельствовать о том, что пигмент попал на культурный слой в виде суспензии – жидкой и пастообразной (в сильно увлажненном состоянии), что также находит аналогии в Маастрихт-Бельведере [Roebroeks et al., 2012].

Один из возможных ответов на вопрос о получении мелкодисперсной массы той или иной степени однородности был получен в экспериментальной части изучения красочных пигментов пещеры Ляско: «В промывке использовались три емкости. (Полученный измельчением или собранный мелкодисперсный. – В. Ж.) порошок, помещенный в ступку, небольшими порциями высыпается в одну из них и промывается вручную методом центрифугирования. Во второй собирается вода, содержащая мелкие пигменты, в третью попадают отходы (но последнее не является обязательным). Через час порошок оседает на дне емкости, а поверхностную воду сливают. Остается только высушить пасту и снова измельчить ее до состояния порошка (эти две операции не являются обязательными)... Учитывая опыт наших предшественников и нашу собственную работу, мы можем сделать вывод, что для хорошей адгезии пигменты должны быть тонко измельчены» [Couraud, Laming-Emperaire, 1979, p. 161, 163].

За короткий срок после завершения полевого сезона 2024 г. на Челюскинце II нами был проделан первичный этап работы, включающий морфологическое изучение образцов, установление их минерального и химического состава. В перспективе – поиски возможных источников сырья и изучение технологии изготовления красок. Однако полученные результаты уже вполне достаточны для сопоставления изученной серии пигментов с материалами других памятников.

Изготовители материалов с клеящими функциями – неандертальцы, безусловно, могли распознавать определенные свойства материалов, такие как адгезивная липкость и вязкость [Kozowuk et al., 2017]. И если клеющий момент – придание клейкости красочным пастообразным пигментам на некоторых памятниках верхнего палеолита достигался в том числе путем физико-биохимического взаимодействия между пережигаемыми костями и подготовленным порошком пигмента в очагах (Сибуду, Сунгирь, Дольни Вестонице) [Житенев и др., 2024; Wadley, 2010], то для обсуждаемых образцов вязкопластичной массы Челюскинца II этот вопрос еще только предстоит решить.

Таким образом, обнаруженные на изученной в 2024 г. площади памятника пигменты разных типов, на некоторых из которых зафиксированы следы антропогенного воздействия, позволяют отнести Челюскинец II к кругу немногочисленных ранних стоянок среднего палеолита с явными свидетельствами кросс-функционального использования красочных пигментов. Неординарность не только для европейской, но и мировой археологии, комплексу находок придают свидетельства древнейшего приготовления и использования вязкопластичных масс / густых суспензий. Не исключительный, а системный теперь характер способностей неандертальцев к подобной сложности поведения иллюстрируют свидетельства умений создавать жидкие (Маастрихт-Бельведер, Челюскинец II) и густые (Челюскинец II) суспензии – растворы (смеси) и массы на основе минеральных красочных пигментов.

Заключение

Существуют два способа производства смеси для получения суспензий, включая вяз-

копластичные массы: на жидкой основе, то есть суспензии разной степени плотности, и относительно сухие смеси (с учетом естественной влажности материалов). Склеивающее взаимодействие частиц в них, как и степень гомогенности массы, будет зависеть от равномерности (помола) частиц, а также, например, в случае использования нагрева – и от биохимических реакций с органическими материалами. На территории Европы до времени около 50 тыс. л.н. нет данных о добавлении порошка красных пигментов в клеи, что свидетельствует об отдельном пути развития технико-технологической мысли неандертальцев. Естественная липкость вязкопластичной массы пигмента, возможно, связана в том числе и с неандертальским пониманием технологии применения клеящих свойств разных материалов. Обычно речь идет о технико-технологических новациях изменения физико-химических свойств растительных веществ (березовая кора, смола хвойных деревьев) и битума, то есть в значительной мере – о пиротехнологической составляющей неандертальского поведения и многокомпонентном изготовлении орудий труда. Это не подразумевает последовательного приготовления и контролируемого изменения физико-химических свойств растворов (смесей) и суспензий, в том числе с клейкими свойствами.

В современной науке эволюционные концепции, в том числе современное поведение / сложное познание исследуются на основе изучения комплексов каменных и костяных индустрий, использования сырья, трансформации материалов, развития композитных технологий. Изготовление клеящих материалов может демонстрировать проявления «инновационного поведения, социального обучения и кумулятивной культуры...» [Schmidt et al., 2023]. Однако поскольку сущность клеящих свойств вязкопластичных масс из мелкодисперсного сырья ранее не обсуждалась, есть все основания выдвинуть гипотезу о высоком значении подобных материалов в развитии сложного познания в когнитивной эволюции неандертальцев. В первом приближении складывается впечатление, что раствор (смесь), то есть жидкое соединение, в отношении пигментов является более простым явлением, хотя и для подбора необходимой густоты тре-

буется навык, достигаемый относительно длительной цепочкой опыта из проб и ошибок, в отличие от массы, характеристика которой, в зависимости от цели и задач приготовления и дальнейшего использования, связана с вполне осязаемым свойством липкости / клейкости. То есть просто раствор (смесь) как окрашенная жидкость – суспензия, принципиально требуемым качеством которого является определенная концентрация минеральной взвеси, отличается меньшей сложностью приготовления по сравнению с пастообразным материалом, обладающим заранее известным, прогнозируемым и требуемым балансом мягкости и клейкости (в том числе на микроуровне частиц), что, в свою очередь, означает более продолжительную последовательность действий в операционной цепочке получения пастообразного материала (суспензии), как и последующих действий по его использованию / хранению. По сути, превращение исходного сырья (искусственно полученного порошка или красной земли) в красочную пасту представляет собой технологическую цепочку, аналогичную получению клеящих материалов. В ее основе лежит знание искусственно получаемых свойств липкости / клейкости, но с иными, что не значит – более простыми, по сравнению со смолистыми и битумными клеями, характеристиками. Прежде всего меньшей степени когезии (включая прочность самого клея, характеризующуюся высоким уровнем взаимного притяжения одинаковых молекул, что обеспечивает и его «тягучесть», и прочность материала при разрыве и натяжении) и меньшей прочности адгезионной связи (между собственно клеем и материалом соединяемых поверхностей), что демонстрирует единый тип уровня технической сложности приготовления красочных паст и клея.

Тем не менее раствор (смесь) пигмента – жидкое состояние, не пастообразное, представляет собой, по сути, не менее важный признак сложного технико-технологического поведения, поскольку со всей очевидностью свидетельствует о бытовании практики окрашивания предметов с устойчивым (и долговременным, судя по сохранности) изменением не только цвета их поверхности, но и частичным, но не радикальным, изменением ее свойств и/или характеристик. Иными словами, речь идет об управляе-

мом регулировании долгосрочных свойств (возможно, части или уровня / слоя) материала, подразумевая включенность в цепочку последовательных операций, которые используют для изменения некоторых свойств – качества и внешнего облика – других материалов (по всей видимости, и органического происхождения, например, одежды, посуды в широком смысле, веревок и т. д., но и неорганического, судя по следам на ряде предметов из Челюскинца II). Усиление / совершенствование свойств или визуальное акцентирование представляют собой уже взаимодополняющую добавочную ценность. Ту же роль играет формирование композита с новыми функциональными характеристиками, возникающими из физических качеств и передающими определенное значение, что позволяет говорить об очень высоком технокультурном укладе [Haidle et al., 2015]. При этом выводы последних исследований африканских материалов о «символической интерпретации привычного использования охры», что «может уточнить датировку появления у *H. sapiens*... уровня когнитивной сложности, который можно считать только строго современным» [Dapschauskas et al., 2022], как показано выше, вполне соответствуют и применимы к поведению и культуре неандертальцев, но из-за небольшого пока количества материалов без ее символической составляющей.

Многофакторный подход к изучению редких еще, но уже систематических материальных проявлений «поведенческой сложности» на разных этапах развития неандертальцев, способствует углублению изучения как технической и социальной культуры, так и эволюции этого вида человека. Также такой подход обеспечивает продолжение углубленной проработки разнообразных гипотез, включая предположения о первостепенной важности когнитивных сходств и различий в способностях к обучению. Такие сходства и различия, возможно, лежали в основе разницы между видами и процессов «замещения неандертальцев современными людьми», поскольку поведение при обучении в человеческих сообществах обусловлено большим многообразием факторов, которые включают не только когнитивные способности в отдельных областях, но и социально-культурную среду обучения как продукт исторического развития [Nishiaki, Jöris, 2019].

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Полевые работы и работы по датированию отложений на памятнике Челюскинец II в 2024 г. выполнены при финансовой поддержке Российского научного фонда – грант № 24-18-00941 «Палеолит Понто-Каспия: изменения материальной культуры и природной среды в плейстоцене (археология, хронология, палеогеография)».

Описание, рентгенофазовый анализ и качественный анализ химического состава минералов для образцов пигментов выполнены за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-10205 «Технологические новации среднего и верхнего палеолита как критерии для уточнения периодизации и индустриальной вариабельности», <https://rscf.ru/project/23-78-10205>.

Field work and chronometric research at the site Cheljuskinets II carried out with financial support by Project Russian Science Foundation (Project № 24-18-00941) “Paleolithic of the Ponto-Caspian region: changes in material culture and natural environment during the Pleistocene (archeology, chronology, paleogeography)”.

The description, X-ray phase analysis and qualitative chemical analysis for pigment samples, as well as the synthesis of data on the Middle Paleolithic colorants, are founded by the grant of the Russian Science Foundation No. 23-78-10205.

Вовлечение в работы Нижневолжской экспедиции ИИМК РАН памятников Пичужинской группы стало возможным благодаря постоянной поддержке Л.В. Кузнецовой и консультациям с ней. Работы были проведены при активном участии студентов второго и третьего курсов кафедры археологии Института истории СПбГУ С.А. Жамбровской, И.И. Носкова и К.Е. Князева. Обеспечением штатного хода работ Нижневолжская экспедиция 2024 г. во многом обязана И.Е. Макридину. В работах принимали участие П.Г. Клименко и М.В. Ельцов, за что авторы также выражают им крайнюю признательность.

² Схожие результаты были получены в ходе экспериментально-трассологического изучения охристых карандашей из европейских верхнепалеолитических пещер с настенными изображениями (например: [Couraud, Laming-Emperaire, 1979]).

³ Как собранные с растений, выделяющих клейкие смолистые вещества, например, камедь, так и смолы, полученные из растений рода *Podocarpus*, что возможно сделать практически только путем сухой перегонки листьев [Schmidt et al., 2022].

⁴ «Почему камедь растений и охра могут быть успешно объединены для создания сложного клея? Аналогия из природы дает первую подсказку: камедь акации выделяется из поврежденных участков, чтобы запечатать дерево. Эта камедь также используется в пищевой промышленности в качестве эмульгатора и стабилизатора суспензий (20). Желе-

зо является четвертым по распространенности элементом (14), и в природе свободное железо или гетит становится водорастворимым и подвижным, когда оно химически соединяется с ацидофильными растениями (21). Действительно, растворимость гетита увеличивается на 6 порядков при добавлении органических кислот (22). Поскольку камедь акации карру содержит компонент уроновой кислоты (23), она идеально подходит для химического комплексобразования железа, которое могло иметь место при изготовлении сложных клеев» [Wadley et al., 2009a].

⁵ Ответом на это замечание были абсолютно справедливые слова: «находки красных предметов, независимо от того, называли ли археологи их охрой или нет, являются ископаемыми индикаторами человеческого поведения, когда можно установить их намеренный сбор. Красноватый алеврит “отобран из-за любопытства”, как признает Бутцер, поэтому не менее значим, чем 75 кусков частично или полностью обожженного лимонита, о которых сообщил де Люмлей в Терра Амате, или красные пигменты из более поздних доисторических памятников» [Wreschner, 1980, p. 641–642].

⁶ Возможно, временем до или около 80 тыс. л.н. датируются в нижних слоях самые ранние свидетельства приготовления и использования густых суспензий / вязкопластичных масс в пещере Чоарей, которая находится в румынских Карпатах.

⁷ Признаков приготовления (полу)жидких растворов или масс в африканских материалах среднего каменного века практически нет, за исключением двух случаев смеси охры, животного жира, костного мозга и молочного жира из пещер Бломбос и Сибуду, датируемых временем соответственно около 100 тыс. л.н. и 49 тыс. л.н. [Henshilwood et al., 2011; Villa et al., 2015].

⁸ Терминологическое определение обсуждаемого комплекса: «ochre-processing workshop», которое обычно дословно переводят как «мастерская по производству охры», в данном случае точнее называть на русском языке специализированным «участком по подготовке охры», поскольку, с одной стороны, на раскопанной площади присутствуют не только следы растирания принесенного сырья для получения порошка пигмента, но и свидетельства смешивания, тогда как следы первичных действий цепочки операций, напротив, отсутствуют; с другой стороны, под термином «мастерская» все же обычно подразумевают место достаточно продолжительной и/или масштабной деятельности, что на изученной площади не наблюдается и о чем пишут сами авторы исследования [Henshilwood et al., 2011].

⁹ Необходимо отметить, что некоторые образцы, включающие одновременно разные пигменты, были разделены на несколько частей, то есть с археологической точки зрения рассматривались как единый образец, а лабораторными методами разные пигменты анализировались отдельно.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Таблица 1. Цветовые характеристики образцов по Munsell с соответствующими координатами в пространстве CIE L*a*b*

Table 1. Color characteristics of samples according to the Munsell scale with corresponding coordinates in CIE L*a*b* space

Munsell (Hue Value/Chroma)	L*	a*	b*	Цвет
10YR 6/8	66.82	13.72	58.47	
10R 4/8	41.42	51.15	24.65	
10R 5/8	51.37	50.67	30.26	
5YR 4/6	40.47	22.15	31.41	
7.5R 4/8	41.42	50.39	25.55	
7.5R 6/8	53.7	47.4	29.7	
2.5YR 4/8	41.03	36.71	31.30	
2.5YR 6/8	61.48	37.84	41.88	
2.5YR 5/8	51.42	37.52	37.22	

Таблица 2. Описание образцов охр из культурного слоя среднепалеолитического памятника Челюскинец II

Table 2. Description of ochre samples from the cultural layer of the Middle Paleolithic site Chelyuskinets II

№ п/п	№ образца * / номер МГУ арх.	Размеры (Д × Ш × В, мм), состав (минералогия, химия)	Полевой шифр / Характеристики образца	Описание образца
1	3/ Chl-011	Размер: 24 × 19 × 10 Минералогический состав: гематит, гётит, кварц Химический состав: Fe, Si, Al	№ 85 Внешний вид: кусок плотного пигмента Влажность: сухой Основа: – Текстура: гомогенная Структура: мелкопесчаная Твердость: 1 Гомогенность цвета: гетерогенный окрас, не затрудняющий оп-ределение цвета Магнетизм / блеск / включения: – Патина: –	Крупный кусок пигмента с темно-вишневой «сердцевинной», светлеющей к краям, основной цвет – ярко-красный (10R 5/8, но и 10R/7.5R 4/8). Есть незначительные следы желтого пигмента на поверхности прослойки. Образец представляет собой сплюснутую отдельность плотной вязкопластичной массы – пастообразного пигмента, сцементированного с одной стороны с крупным окатанным зерном кварца. Обратная поверхность неправильной подогнутой формы, напоминающая отпечаток предмета, к которому была прилеплена, либо несущая следы формовки и выбора пигмента, либо трения
2	4,5/ Chl-015	Размер: 30 × 28 × 15 Минералогический состав: № 4 – гётит, кварц, № 5 – гематит, гётит, кварц. Химический состав: Fe, Si, Al	№ 77 Внешний вид: кусок Влажность: сухой Текстура: гетерогенная Структура: мелкопесчаная Твердость: 1 Гомогенность цвета: гомогенный Магнетизм / блеск / включения: – Патина: –	Красный естественный пигмент на поверхности седловидной формы конкреции. Пигмент яркий, насыщенный, мелкодисперсный. Плотные концентрации ярко-красного пигмента обладают мелкодисперсной структурой, в местах наибольшей концентрации прослеживаются следы работы (?). Подобный характер следов позволяет предположить процесс «выскабливания» пигмента из расколовшихся железистых конкреций. Окрашивает руки и упаковочный материал

Примечание. * – охры из культурного слоя стоянки Челюскинец II исследовались на химический и минералогический состав в рамках большой программы по изучению палеолитических пигментов, где каждому образцу был присвоен индивидуальный номер; номер МГУ.арх соответствует номеру в программе МГУ по изучению древних пигментов.

Note. * – ochers from the cultural layer of the Chelyuskinets II site were analyzed for their chemical and mineralogical composition as part of a comprehensive program studying Paleolithic pigments. Each sample was assigned an individual number; the МГУ.арх number corresponds to the number used in the MSU program for the study of ancient pigments.

Продолжение таблицы 2

Continuation of Table 2

№ п/п	№ образца / номер МГУ арх.	Размеры (Д × Ш × В, мм), состав (минералогия, химия)	Полевой шифр / Характеристики образца	Описание образца
3	6, 7/ Chl-003	Размер: 17 × 12 × 14 Минералогический состав: № 6 – гётит, кварц, № 7 – гематит, гётит, кварц. Химический состав: Fe, Si, Al	№ 84 Внешний вид: комок Влажность: сухой Текстура: гомогенная Структура: мелкопесчаная Твердость: 1 Гомогенность цвета: гомогенный Магнетизм / блеск / включения: – Пatina: –	Сформованный слегка приплюснутый плотный комок в форме параллелепипеда оранжево-красной вязкопластичной массы пигмента (10R 5/8), сцепленный с тонкой прослойкой культурного слоя. Пигмент проникает в него в месте прилегания, однако большая часть образца представляет собой плотную, не мелкодисперсную массу крупной структуры. На месте слома прослеживаются пористые мелкокомковатые образования – слипшиеся частицы пигмента, местами рыхлые, местами более плотные, с хорошо выраженной зернистой текстурой без примеси кварцевых зерен, что свидетельствует о специальной подготовке, без смешения с отложениями, образующими дневную поверхность. Форма образца не позволяет рассматривать его как случайно упавший аморфный стусок, а скорее напоминает оставленную (брошенную) размятую в пальцах отдельность
4	8/ Chl-013	Размер: 22 × 20 × 6 Минералогический состав: гематит, гётит. Химический состав: Fe, Si, Al	№ 82 Внешний вид: кусок Влажность: сухой Текстура: гомогенная Структура: мелкопесчаная Твердость: 1 Гомогенность цвета: гомогенный Магнетизм / блеск / включения: – Пatina: –	Кусок естественного пигмента с коркой конкреции внутри и с темно-вишневой сердцевинной, светлеющей по краям, доминирующий цвет – ярко-красный (10R 5/8). Вогнутая сторона образца покрыта корочкой конкреции желтоватого цвета (10YR 6/8). Есть следы желтоватого пигмента также и на выпуклой стороне
5	37, 37a/ Chl-012	Размер: 13 × 10 × 6 Минералогический состав: гематит, гётит, кварц. Химический состав: Fe, Si, Al, K (следовые количества)	№ 251 Внешний вид: кусок Влажность: сухой Текстура: гомогенная Структура: мелкопесчаная? Твердость: 1 Гомогенность цвета: гомогенный Магнетизм / блеск / включения: – Пatina: да, темная	Плотный кусок пигмента. На образце присутствует темная патина и черноватые включения неизвестной генерации. Цвет коричнево-оранжевый (2.5YR 5/8). Образец естественного принесенного куска охры. Мелкая фракция пылит, окрашивает руки и упаковочный материал
6	38, 38a/ Chl-009, 010	Размер: 39 × 31 × 12 Минералогический состав: гематит, кварц, гётит. Химический состав: № 38 – Fe, Ca (следовые количества), № 38a – Fe, Si, Al, K (следовые количества)	б/№-1 Внешний вид: кусок Влажность: сухой Основа: – Текстура: гомогенная Структура: мелкопесчаная Твердость: 1 Цвет: 2.5YR6/8 Гомогенность цвета: гетерогенный окрас, затрудняющий определение цвета Магнетизм / блеск / включения: – Пatina: –	Слоистая корка естественной железистой конкреции, возможно (но очень сомнительно), со следами термического воздействия (темные, почти черные участки). Каждый слой конкреции имеет свой окрас: от оранжевого и желтого до ярко-красного (2.5YR 6/8, 10YR 6/6). Внутри конкреции наблюдаются плотные мелкодисперсные прослойки пигмента. Между слоями конкреции наблюдаются интерстиции, вмещающие плотные мелкодисперсные прослойки порошкообразной охры, местами красная, местами желтая (характерна для содержимого ячеистых интерстиций), попадаются сильно окатанные зерна кварца. Слои конкреции плотные, темно-красно-коричневые на свежем сколе

Продолжение таблицы 2

Continuation of Table 2

№ п/п	№ образца / номер МГУ арх.	Размеры (Д × Ш × В, мм), состав (минералогия, химия)	Полевой шифр / Характеристики образца	Описание образца
7	39, 39a/ Chl-014	Размер: 8 × 7 × 3 Минералогический состав: гематит, кварц. Химический состав: не определялся	№ 79 Внешний вид: кусок Влажность: сухой Текстура: гомогенная Структура: мелкопесчаная Твердость: 1 Гомогенность цвета: гомогенный Магнетизм / блеск / включения: блеск стеклянный Пatina: да, темная	Кусок / комок пигмента из трех частей (возможно, формованный или прилежавший к чему-то) представляет собой остатки затвердевшей пластичной густой мелкодисперсной массы (схожей с Chl-001 (№ 43 а-б)). Прослеживается коричневато-оранжевый оттенок (2.5YR 4/8), присутствует блеск, вызванный мельчайшими вкраплениями частиц (кварц?) на поверхности и внутри массы. В самом центре на месте скола видна прослойка ярко-оранжевого пигмента
8	40a/ Chl-006	Размер: 8 × 5 × 4 Минералогический состав: гематит, гётит, кварц. Химический состав: не определялся	№ 80 Внешний вид: комок Влажность: сухой Текстура: гомогенная Структура: мелкопесчаная Твердость: 1 Изменение цвета при надламывании: да Гомогенность цвета: гомогенный Магнетизм / блеск / включения: включения умеренные, регулярные, кварц Пatina: да, темная	Комок пигмента однородный красного цвета (10R 4/8), содержит кварцитовые и другие включения, вероятно, попавшие при перемешивании. Структура мелкодисперсная, мельче частиц слоя. Комок плотно спрессован, с одной стороны – как будто приплюснут, не пачкает руки, однако, как в случае со всеми описываемыми пигментами, оставляет яркий след при проведении по листу бумаги
9, 10	40б,в/ Chl-004, 005	Размеры: 3 × 3 × 3, 4 × 4 × 3 Минералогический состав: гематит, гётит, кварц. Химический состав: не определялся	№ 80 Внешний вид: кусок Влажность: сухой Текстура: гомогенная Структура: мелкозернистая Твердость: 1 Гомогенность цвета: гомогенный Магнетизм / блеск / включения: – Пatina: –	Два фрагмента (предположительно часть единого целого) плотного кусочка мелкозернистого песчаника, слегка естественным образом окрашенных; цвет представляет собой градиент от красновато-коричневого к желтому (5YR 4/6, 10YR 6/8). Образцы пылят, окрашивают руки и упаковочный материал
11	41/ Chl-008	Размер: 20 × 10 × 14 Минералогический состав: кварц, гематит. Химический состав: не определялся	б/№-2 Внешний вид: кусок Влажность: сухой Текстура: гомогенная Структура: крупнозернистая Твердость: 1 Гомогенность цвета: гетерогенный окрас, затрудняющий определение цвета Магнетизм / блеск / включения: блеск металлический, включения редкие, нерегулярные (зерна кварца) Пatina: –	Сильно осыпающийся кусок сухой не мелкодисперсной, а обычной массы (см. примерно chl-011 – № 3). При увеличении очевидно, что вся масса перемешана с большим количеством мелких кварцевых зерен. Складывается впечатление, что это либо отдельный вид массы – перемешанный с порошком пигмента слой с дневной поверхности, либо густо пропитанный фрагмент слоя, пролитый довольно густой клеевой суспензией. Кварцитовые зерна, покрытые тонким слоем пигмента, сцеплены относительно густым раствором. Окрас неоднородный, преобладает темный оранжево-красный оттенок (2.5YR 4/8). Первое впечатление равномерной окрашенности при увеличении исчезает: большая часть образца – середина и низ – темнее, чем более светлый верх. Образец представляет собой отдельный тип пигмента

Продолжение таблицы 2

Continuation of Table 2

№ п/п	№ образца / номер МГУ арх.	Размеры (Д × Ш × В, мм), состав (минералогия, химия)	Полевой шифр / Характеристики образца	Описание образца
12	42, 42a/ Chl-002	Размер: 46 × 21 × 15 Минералогический состав: гематит, гётит, кварц. Химический состав: не определялся	№ 185 Внешний вид: краска, нанесенная на основу Влажность: сухой Основа: корка? Текстура: однородная Структура: мелкопесчаная Твердость: 1 Однородность цвета: однородный Магнетизм / блеск / включения: металлический блеск основы в царапинах Патина: –	Отдельность корки железистой конкреции вогнуто-выпуклой формы. На небольшом участке желтый пигмент (10YR 4/8) расположен под красным (10R 4/8). В средней части вогнутой поверхности наблюдается значительная окрашенность порошкообразной красной массой пигмента, отдельные пятна – сгущения порошка разбросаны практически по всей площади, но их концентрация связана как с выпуклыми формами микрорельефа поверхности, так и с концами предмета. Со стороны вогнутой поверхности под бинокулярным микроскопом ясно видны следы в виде коротких и широких бороздок от истирания одним из концов о довольно твердый материал, а также маленькая, но глубокая царапина. Все следы образовались до завершения использования предмета, поскольку сверху частично перекрыты порошком пигмента. Именно на этом конце предмета и ближе к нему трети слева концентрируется основная масса мелкофракционного (порой – пылевидного) пигмента. Отдельными пятнами по краю пигмент прослеживается и внизу справа так, как если бы это были отпечатки измазанных охрой пальцев. Пигмент пылит и окрашивает руки и упаковочный материал. В итоге, можно сказать, что порошкообразный пигмент на описанном предмете, несмотря на мелкодисперсность, демонстрирует высокую степень адгезивности и представляет собой массу, которую с усилием вмазывали или втирали в твердую поверхность

Окончание таблицы 2

End of Table 2

№ п/п	№ образца / номер МГУ арх.	Размеры (Д × Ш × В, мм), состав (минералогия, химия)	Полевой шифр / Характеристики образца	Описание образца
13	43a/ Chl-001	Размер: 30 × 15 × 12 Минералогический состав: кварц, гематит. Химический состав: не определялся	№ 186 Внешний вид: конкреция естественного пигмента Влажность: сухой Основа: корка? Текстура: гомогенная Структура: мелкопесчаная Твердость: 1 Гомогенность цвета: гомогенный Магнетизм / блеск / включения: – Патина: –	Конкреция с естественным пигментом красного и желтого цветов (10R 4/8; 10YR 4/8). Красный пигмент представляет собой мелкодисперсную массу, плотно залегающую в ложбинке основы. Желтый пигмент покрывает одну из граней, перекрывая красный. На других участках пигмент красного цвета перекрывает желтый. Образец покрыт засохшим слоем, местами перекрывающим пигмент. Пигмент плотный, застывший, не осыпается, не пылит, не окрашивает руки. На желтом участке конкреции прослеживается область истирания, похожая на следы шлифовки, а рядом, возможно, пробный же отрезок изымания материала красного цвета
14	62	Образцы сильно ожелезненного красного песчаника, взятые для сравнения как фоновый материал		
15	63			

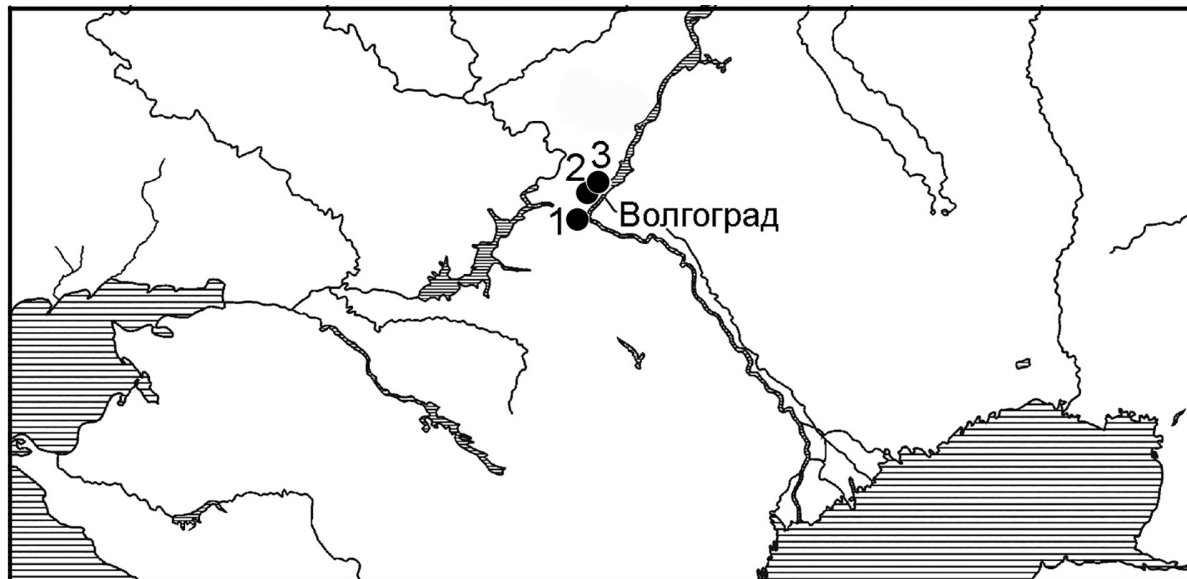

Рис. 1. Карта расположения стратифицированных памятников среднего палеолита Нижневолжской группы:

1 – Сухая Мечетка; 2 – Челюскинец II; 3 – Заикино Пепелище

Fig. 1. Map of the location of stratified Middle Paleolithic sites of the Lower Volga group:

1 – Sukhaya Mechetka; 2 – Chelyuskinets II; 3 – Zaikino Pepelishche

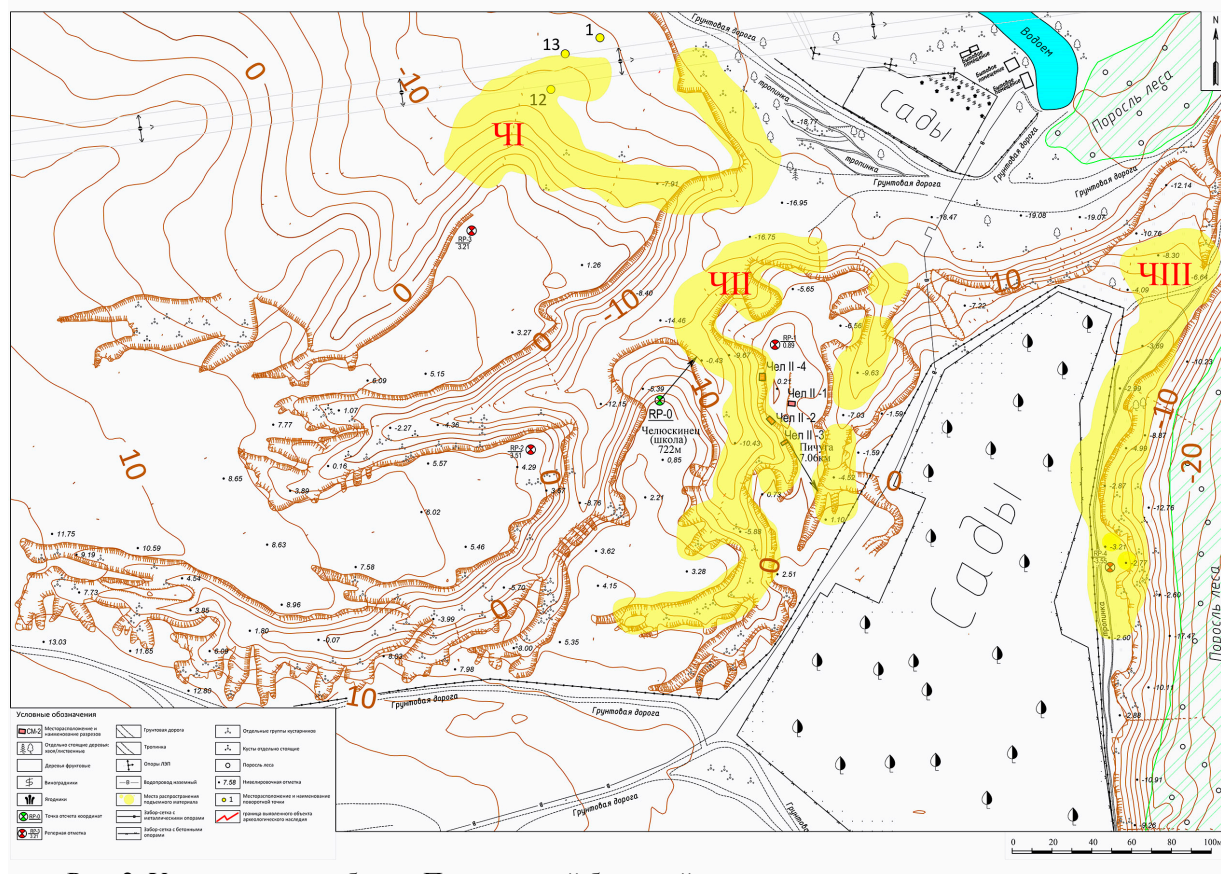

Рис. 2. Участок правого берега Пичужинской балочной системы, в пределах которого расположена группа памятников Челюскинец: Челюскинец I (выделен по подъемному материалу); Челюскинец II (стратифицированный памятник); Челюскинец III (выделен по подъемному материалу) (съемка: Я.Д. Иванов, В.С. Смолкина, К.Е. Князев, Е.В. Казаков; чертеж: Е.В. Казаков)

Fig. 2. A section of the right bank of the Pichuzhinskaya ravine system, within which the Chelyuskinets group of Paleolithic sites is located: Chelyuskinets I (marked by the surface material); Chelyuskinets II (stratified site); Chelyuskinets III (marked by the surface material) (survey: Ya.D. Ivanov, V.S. Smolkina, K.E. Knyazev, E.V. Kazakov; drawing: E.V. Kazakov)

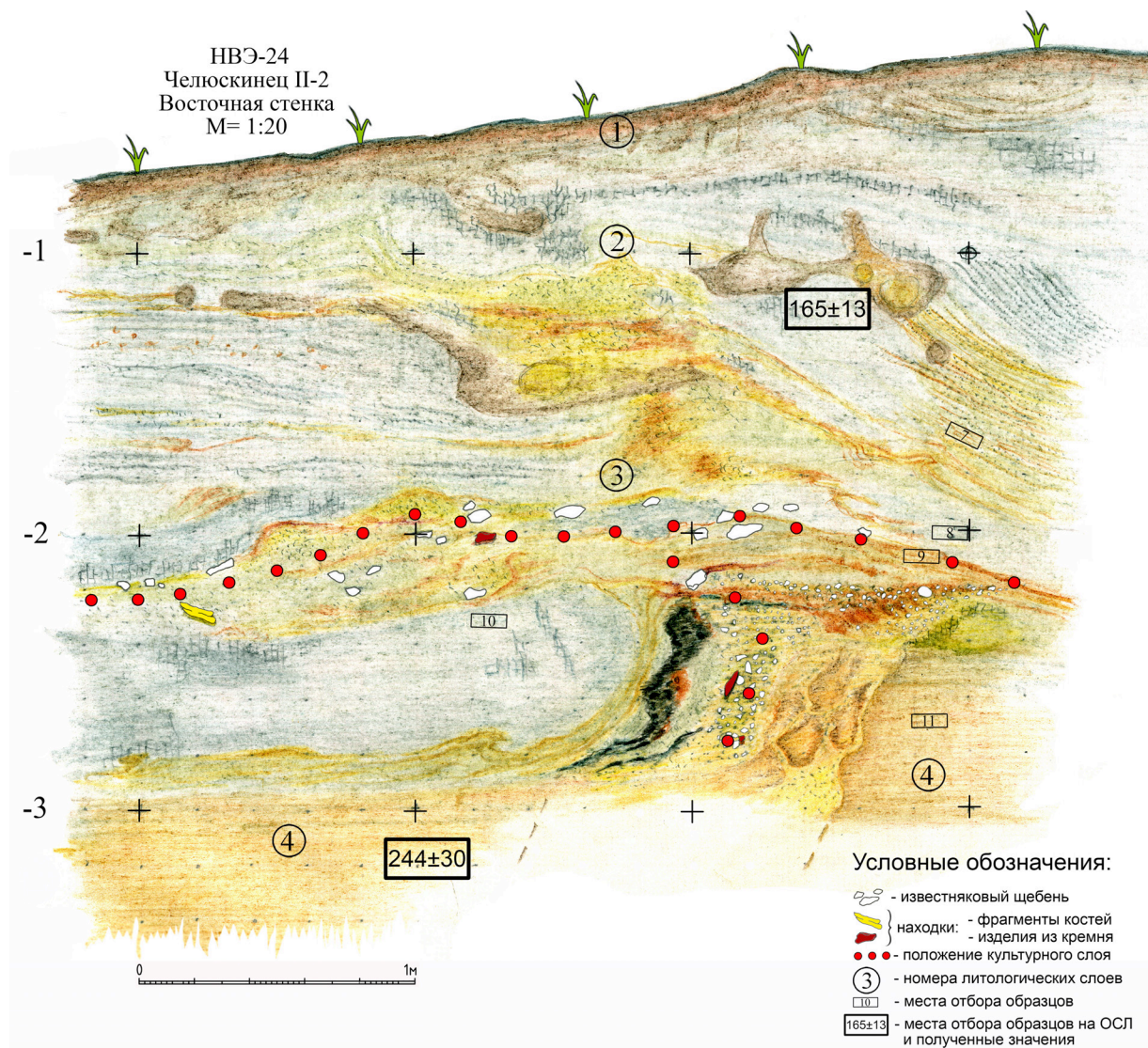

Рис. 3. Последовательность отложений, выявленная в восточной стенке расчистки на участке Челюскинец II-2. Масштаб 1 : 20 (рис. А.К. Очередной; стратиграфическое подразделение отложений: Р.Н. Курбанов, И.А. Идрисов, Е.В. Кезина)
Fig. 3. Sequence of deposits identified in the Eastern profile of the area Chelyuskinec II-2. Scale 1 : 20 (Fig. A.K. Otcherednoy; stratigraphic subdivision of deposits: R.N. Kurbanov, I.A. Idrisov, E.V. Kezina)

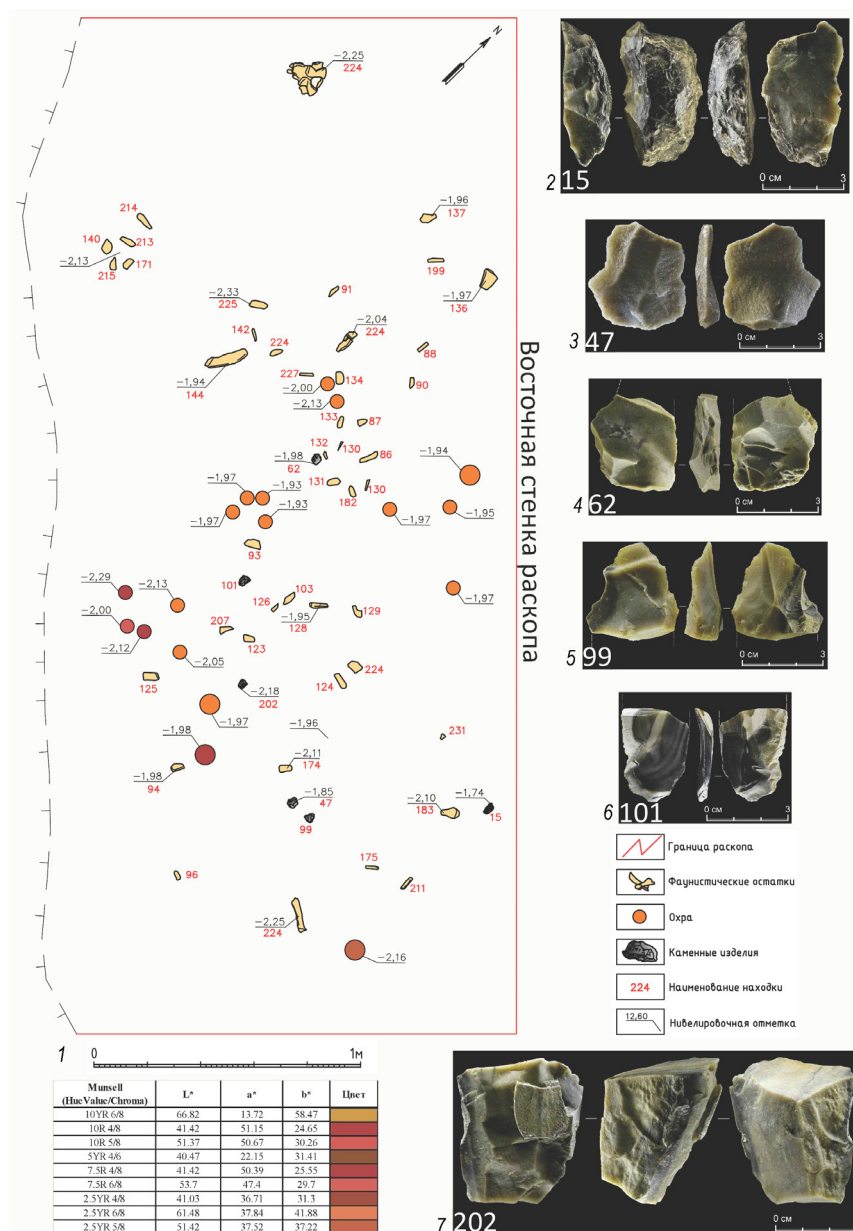

Рис. 4. План распространения находок на вскрытой в 2024 г. площади культурного слоя и отдельные каменные изделия из коллекции раскопок 2024 г. (чертеж: Е.В. Казаков; фото изделий 2–7: Я.Д. Иванов):

1 – план распространения находок и таблица для определения цветов пигмента по Munsell Soil Color Book, отдельные конкреции охры на плане обозначены в соответствии с цветами, указанными в таблице; 2–8 – каменные изделия коллекции 2024 г., пронумерованные в соответствии с последовательностью фиксации: 2 – двойное скребло с вентральным утончением, кремнь; 3–5 – отщепы с конвергентной и вариантами параллельной огранки дорсальных поверхностей, кремнь и окварцованный песчаник (3); 6 – фрагмент мелкого отщепа с ретушью, кремнь; 7 – мелкий нуклеус, кремнь

Fig. 4. Distribution plan of finds in the area of the cultural layer uncovered in 2024 and individual stone artifacts from the collection of the 2024 excavations (drawing: E.V. Kazakov; photos of samples 2–7: Ya.D. Ivanov):

1 – distribution plan of finds and a table for determining pigment colors according to the Munsell Soil Color Book; individual ochre concretions on the plan are designated in accordance with the colors indicated in the table; 2–8 – stone artifacts of the 2024 collection, numbered according to the sequence of fixation: 2 – double-side scraper with ventral thinning, flint; 3–5 – flakes with convergent and variants of parallel cutting of the dorsal surfaces, flint and silicified sandstone (3); 6 – retouched flake fragment, flint; 7 – small core, flint

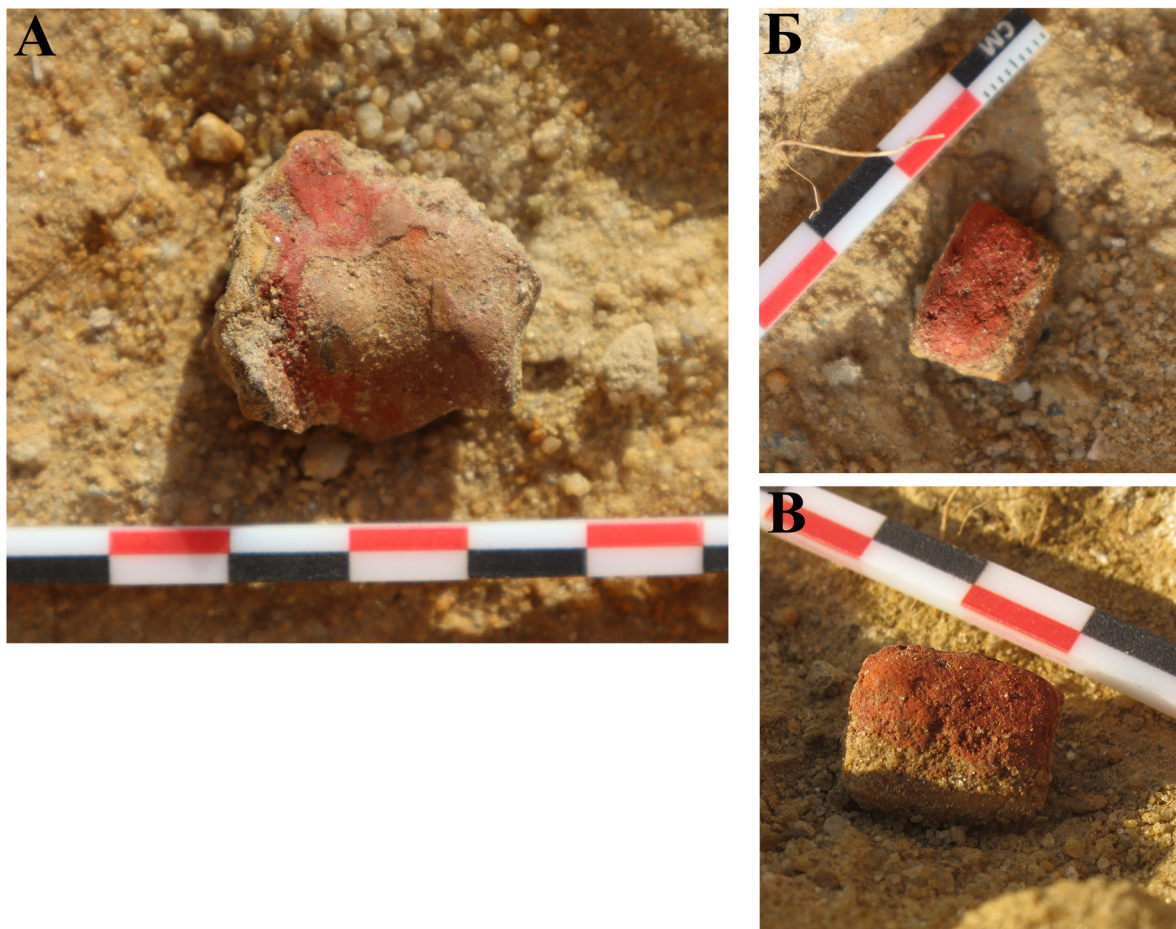

Рис. 5. Образцы № 4/5-Chl-015 (А) и № 6/7-Chl-003 (Б, В) в процессе расчистки культурного слоя
(фото: С.О. Ремизов)

Fig. 5. Samples No. 4/5-Chl-015 (A) and No. 6/7-Chl-003 (B, B) in the process of preparing the cultural layer
(photo: S.O. Remizov)

Рис. 6. Структура пигментного слоя образца № 6/7 (chl-003) (повреждение поверхности вызвано взятием проб на минералогический и химический анализы) (фото: Д.В. Ульянова, Я.Д. Иванов)

Fig. 6. Structure of the pigment layer of sample No. 6/7 (chl-003) (surface damage caused by taking samples for mineralogical and chemical analysis) (photo: D.V. Ulyanova, Ya.D. Ivanov)

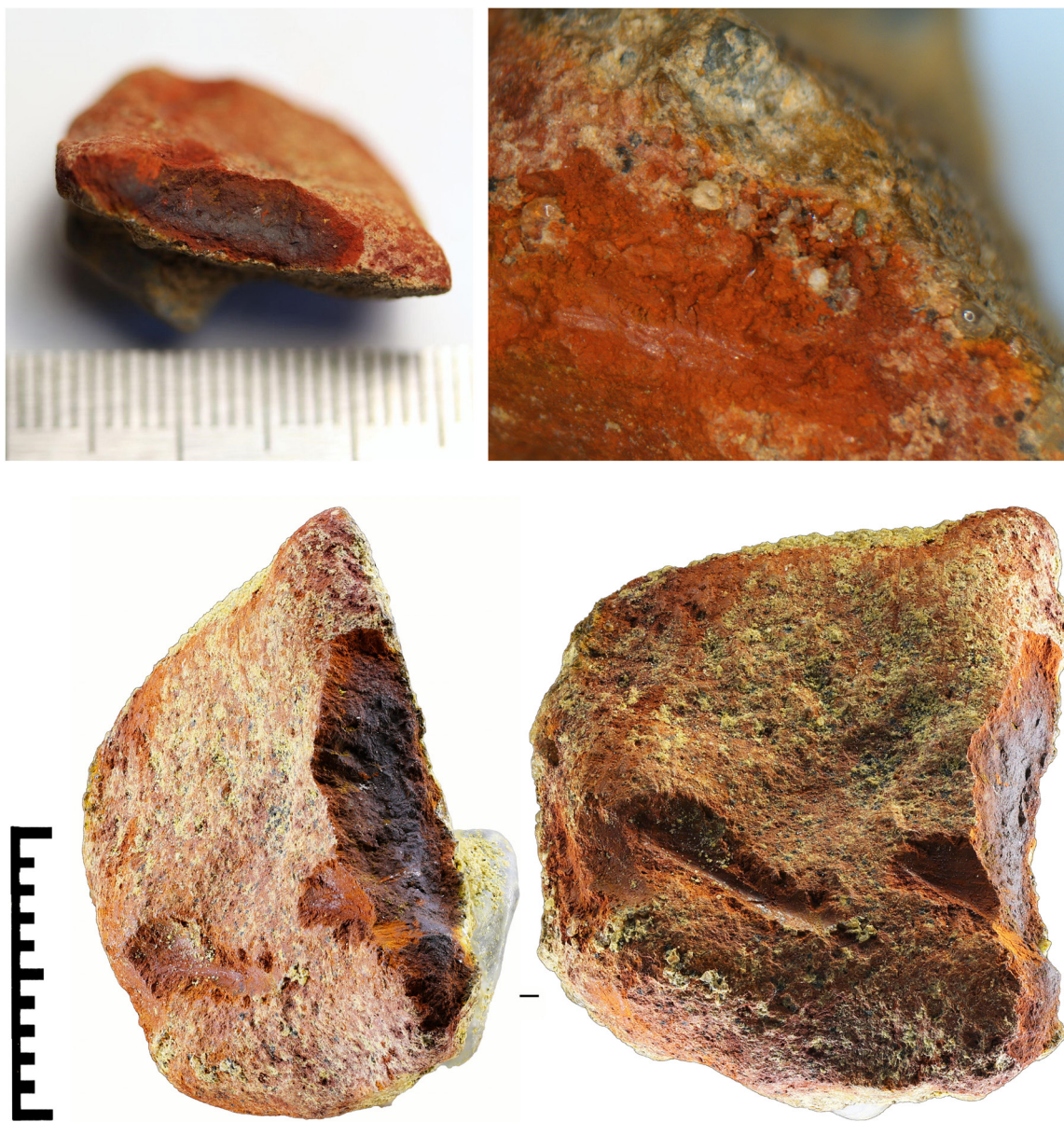

Рис. 7. Образец № 3 Chl-011 (фото: Д.В. Ульянова, Я.Д. Иванов)

Fig. 7. Sample No. 3 Chl-011 (photo: D.V. Ulyanova, Ya.D. Ivanov)

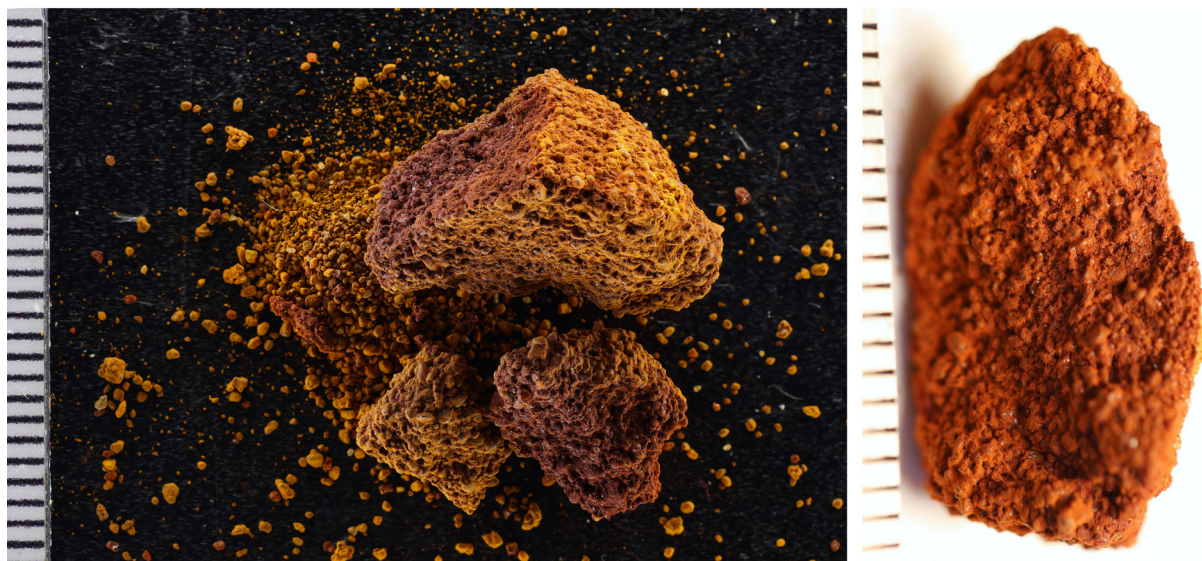

Рис. 8. Образец № 41 (chl-008) (фото: Д.В. Ульянова, Я.Д. Иванов)

Fig. 8. Sample No. 41 (chl-008) (photo: D.V. Ulyanova, Ya.D. Ivanov)

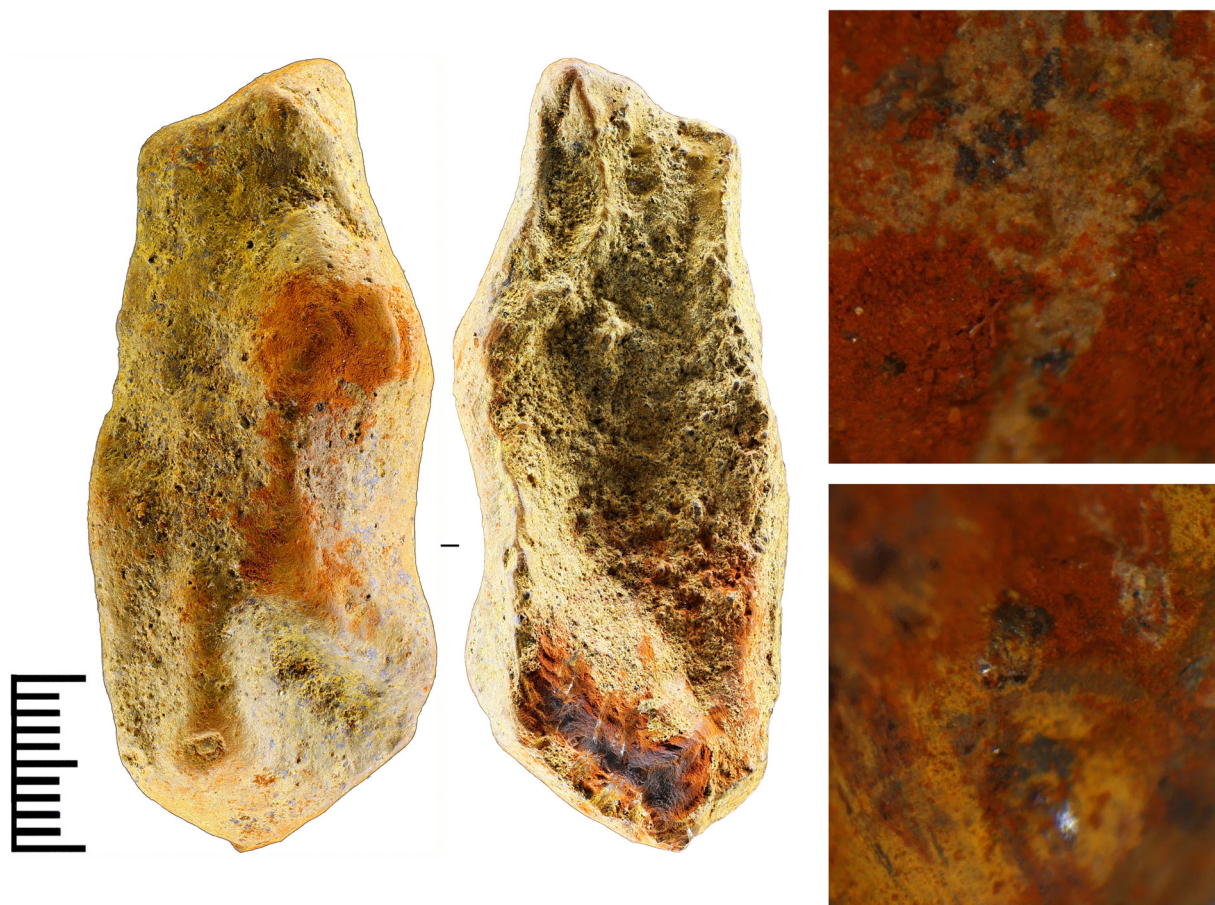

Рис. 9. Образец № 42/42a (chl-002) (фото: Д.В. Ульянова, Я.Д. Иванов)

Fig. 9. Sample No. 42/42a (chl-002) (photo: D.V. Ulyanova, Ya.D. Ivanov)

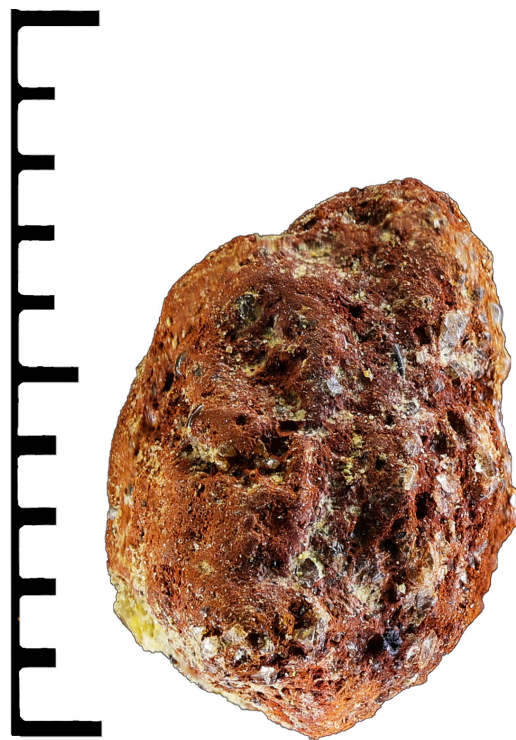

Рис. 10. Образец № 40а (chl-006) (фото: Д.В. Ульянова, Я.Д. Иванов)

Fig. 10. Sample No. 40a (chl-006) (photo: D.V. Ulyanova, Ya.D. Ivanov)

Рис. 11. Юго-восточный угол расчистки Челюскинец II-2, участок культурного слоя с хорошо выраженным ожелезнением и отдельностями песчаника (фото: С.О. Ремизов)
Fig. 11. Southeastern corner of the Chelyuskinets II-2 clearing, a section of the cultural layer with well-defined ferruginization and sandstone fragments (photo: S.O. Remizov)

REFERENCES

- Vasil'ev S.A., 2017. «Lyubimaya zemlya» drevneyshego cheloveka: ashel'skaya stoyanka Terra Amata na yuge Frantsii [Ancient Man's 'Beloved Land': The Acheulean Site of Terra Amata in Southern France]. *Stratum plus*, no. 1, pp. 331-336.
- Vishnyatskiy L.B., 1993. «Zabeganie vpered» v razvitiy paleoliticheskikh industriy: yavlenie i ego interpretatsiya [The 'Running Ahead of Time' in the Development of the Paleolithic Industries: The Phenomenon and Its Interpretation]. *Peterburgskiy arheologicheskii vestnik* [Petersburg Archaeological Bulletin], no. 4, pp. 7-16.
- Zhitenev V.S., Anisovets Yu.D., 2023. Krasochnye pigmenty kak massovyy material: obsuzhdenie metodicheskogo podhoda k issledovaniyam [Pigments as a Mass Material: Discussion of the Methodological Approach in Research]. *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Lomonosov History Journal], vol. 64, no. 4, pp. 142-173. DOI: <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0083-8-2023-64-4-142-173>
- Zhitenev V.S., Lavrova V.D., Anisovets Ju.D., Vinogradova E.A., Statkus M.A., 2024. Krasochnye pigmenty iz kul'turnogo sloya i muzhskogo pogrebeniya Sungirya: predvaritel'nye rezul'taty [Pigments from the Cultural Layer and the Male Burial of Sungir: Preliminary Results]. *Camera Praehistorica*, no. 2, pp. 32-65. DOI: <https://doi.org/10.31250/2658-3828-2024-2-34-51>
- Kuznetsova L.V., Sergin V.Ya., 1999. Mestonakhozhdeniye Chelyuskinets II [Chelyuskinets II Site]. *Arheologicheskii almanakh* [Archaeological Almanac], no. 8, pp. 99-108.
- Kuznetsova L.V., 2006. Mestonakhozhdeniya Chelyuskinets II i Zaikino Pepelishche [Chelyuskinets II and Zaikino Pepelishche Site]. *Arkheologiya Nizhnego Povolzh'ya* [The Archaeology of Lower Volga Region], vol. 1, The Stone Age. Volgograd, Volgogr. nauch. izd-vo, pp. 18-22.
- Matveenko V.N., Kirsanov E.A., 2011. Vyazkost' i struktura dispersnykh sistem [The Viscosity and Structure of Dispersed Systems]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya Himiya* [Moscow University Chemistry Bulletin], vol. 52, no. 4, pp. 243-276.
- Otcherednoy A.K., Remizov S.O., Ivanov Ya.D., Smolkina V.S., Kezina E.M., Kurbanov R.N., Idrisov I.A., 2024. Novye dannye o srednepaleoliticheskom pamyatnike Chelyuskinets II (po rezul'tatam rabot 2024 g.) [New Data on the Middle Paleolithic Site Chelyuskinets II (Based on 2024 Fieldwork Results)]. *Nizhnevolzhskiy arheologicheskii vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 23, no. 4, pp. 209-218. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.4.9>
- Ur'ev N.B., Potanin A.A., 1992. *Tekuchest' suspenziy i poroshkov* [The Fluidity of Suspensions and Powders]. Moscow, Himiya Publ. 256 p.
- Audouin F., Plisson H., 1982. Les ochres et leurs témoins au Paléolithique en France: Enquête et expériences sur leur validité archéologique. *Cahiers du Centre de Recherches Préhistorique*, no. 8, pp. 33-80.
- Bar-Yosef Mayer D.E., Vandermeersch B., Bar-Yosef O., 2009. Shells and Ochre in Middle Paleolithic Qafzeh Cave, Israel: Indications for Modern Behavior. *Journal of Human Evolution*, vol. 56, pp. 307-314. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jhevol.2008.10.005>
- Bordes F., 1952. Sur l'usage probable de la peinture corporelle dans certaines tribus moustériennes. *Bulletin de la Société préhistorique de France*, vol. 49, pp. 169-171.
- Bordes F., 1972. Du Paléolithique moyen au Paléolithique supérieur. *Bulletin de la Société Préhistorique Française*, vol. 69, Fasc. 1, pp. 342-349.
- Bouzouggar A., Barton N., Vanhaeren M., d'Errico F., Collcutt S., Higham T., Hodge E., Parfitt S., Rhodes E., Schwenninger J.-L., Stringer C., Turner E., Ward S., Moutmir A., Stambouli A., 2007. 82,000-year-old Shell Beads from North Africa and Implications for the Origins of Modern Human Behavior. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*, vol. 104, no. 24, pp. 9964-9969. DOI: <https://doi.org/10.1073/pnas.070387710>
- Butzer K. W., 1980. Comment on "Red Ochre and Human Evolution" by Ernest E. Wreschner. *Current Anthropology*, vol. 21, pp. 635-637.
- Cârciumaru M., Nițu E. C., Boroneanț A., Ștefan C., 2015. Contributions to Understanding the Neanderthals Symbolism. Examples from the Middle Paleolithic in Romania. *Annales d'Université "Valahia" Târgoviște. Section d'Archéologie et d'Histoire*, vol. 17, no. 2, pp. 7-31. DOI: <https://doi.org/10.3406/valah.2015.1178>
- Cârciumaru M., Nițu E.C., Ștefan C., 2012. New Evidence of Adhesive as Hafting Material on Middle and Upper Palaeolithic Artefacts from Gura Cheii-Râșnov Cave (Romania). *Journal of Archaeological Science*, vol. 39, no. 7, pp. 1942-1950. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jas.2012.02.016>

- Cârciumaru M., Țuțuianu-Cârciumaru M., 2009. L'ocre et les récipients pour ocre de la grotte Cioarei, village Boroșteni, commune Peștișani, dép. de Gorj, Roumanie. *Annales d'Université "Valahia" Târgoviște. Section d'Archéologie et d'Histoire*, vol. 11, no. 1, pp. 7-28. DOI: <https://doi.org/10.3406/valah.2009.1254>
- Clark J.D., Brown K.S., 2001. The Twin Rivers Kopje, Zambia: Stratigraphy, Fauna, and Artefact Assemblages from the 1954 and 1956 Excavations. *Journal of Archaeological Science*, vol. 28, no. 3, pp. 305-330. DOI: <https://doi.org/10.1006/jasc.2000.0563>
- Cnuts D., Tomasso S., Rots V., 2018. The Role of Fire in the Life of an Adhesive. *Journal of Archaeological Method and Theory*, vol. 25, pp. 839-862. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10816-017-9361-z>
- Couraud C., Laming-Emperaire A., 1979. Les colorants. Leroi-Gourhan A., Allain J., eds. *Lascaux inconnu. XII Supplément à Gallia Préhistoire*, pp. 153-170.
- Dapschaskas R., Göden M.B., Sommer C., Kandel A., 2022. The Emergence of Habitual Ochre Use in Africa and its Significance for the Development of Ritual Behavior During the Middle Stone Age. *Journal of World Prehistory*, vol. 35, pp. 233-319. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10963-022-09170-2>
- Dayet L., Texier P.-J., Porraz G., Carrión Santafé M., Parkington J., Wadley L., Dubreuil L., 2013. Ochre Resources from the Middle Stone Age Sequence of Diepkloof Rock Shelter, Western Cape, South Africa. *Journal of Archaeological Science*, vol. 40, no. 9, pp. 3492-3505. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jas.2013.01.025>
- Degano I., Soriano S., Villa P., Pollarolo L., Lucejko J.J., Jacobs Z., Douka K., Vitagliano D., Tozzi C., 2019. Hafting of Middle Paleolithic Tools in Latium (Central Italy): New Data from Fossellone and Sant'Agostino Caves. *PLOS ONE*, vol. 14 (10), p. 0213473. DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0213473>
- Demars P.Y., 1992. L'Aurignacien Ancien en Périgord. Le problème du Protoaurignacien. *Paléo, Revue d'Archéologie Préhistorique*, vol. 4, no. 1, pp. 101-122.
- Doronicheva E.V., Golovanova L.G., Kostina J.V., Legkov S.A., Poplevko G.N., Revina E.I., Rusakova O.Y., Doronichev V.B., 2022. Functional Characterization of Mousterian Tools from the Caucasus Using Comprehensive Use-Wear and Residue Analysis. *Scientific Reports*, vol. 12, no. 1, p. 17421. DOI: <https://doi.org/10.1038/s41598-022-20612-x>
- Dubin L.S., 1999. North American Indian Jewelry and Adornment. *Antiques and the Arts Weekly*, vol. 9, no. 5, pp. 42-45.
- d'Errico F., Backwell L., 2016. Earliest Evidence of Personal Ornaments Associated with Burial: The Conus Shells from Border Cave. *Journal of Human Evolution*, vol. 93, pp. 91-108. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jhevol.2016.01.002>
- d'Errico F., Henshilwood C.S., 2007. Additional Evidence for Bone Technology in the Southern African Middle Stone Age. *Journal of Human Evolution*, vol. 52 (2), pp. 142-163. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jhevol.2006.08.003>
- d'Errico F., Henshilwood C.S., Lawson G., Vanhaeren M., Tillier A.-M., Soressi M., Bresson F., Maureille B., Nowell A., Lakarra J., Backwell L., Julien M., 2003. Archaeological Evidence for the Emergence of Language, Symbolism, and Music – an Alternative Multidisciplinary Perspective. *Journal of World Prehistory*, vol. 17, pp. 1-70. DOI: <https://doi.org/10.1023/A:1023980201043>
- d'Errico F., Salomon H., Vignaud C., Stringer C., 2010. Pigments from the Middle Palaeolithic Levels of Es-Skhul (Mount Carmel, Israel). *Journal of Archaeological Science*, vol. 37, no. 12, pp. 3099-3110. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jas.2010.07.011>
- d'Errico F., Henshilwood C.S., Vanhaeren M., Van Niekerk K., 2005. Nassarius Kraussianus Shell Beads from Blombos Cave: Evidence for Symbolic Behaviour in the Middle Stone Age. *Journal of Human Evolution*, vol. 48, no. 1, pp. 3-24. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jhevol.2004.09.002>
- d'Errico F., Vanhaeren M., Wadley L., 2008. Possible Shell Beads from the Middle Stone Age Layers of Sibudu Cave, South Africa. *Journal of Archaeological Science*, vol. 35, no. 10, pp. 2675-2685. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jas.2008.04.023>
- Fisher M., 1984. Ochre Use in the Upper Paleolithic: A reconsideration. *Journal of Prehistoric Studies*, vol. 12, no. 3, pp. 202-218.
- Gibson N.E., Wadley L., Williamson B.S., 2004. Microscopic Residues as Evidence of Hafting on Backed Tools from the 60 000 to 68 000 Year-Old Howiesons Poort Layers of Rose Cottage Cave, South Africa. *South African Humanities*, vol. 16, pp. 1-11. DOI: <https://doi.org/10.10520/EJC84748>
- Haidle M., Bolus M., Collard M., Conard N., Garofoli D., Lombard M., Nowell A., Tennie C., Whiten A., 2015. The Nature of Culture: An Eight-Grade Model for the Evolution and Expansion of Cultural Capacities in

- Hominins and Other Animals. *Journal of Anthropological Sciences*, vol. 93, pp. 43-70. DOI: <https://doi.org/10.4436/jass.93011>
- Henry A.G., Büdel T., Bazin P.-L., 2018. Towards an Understanding of the Costs of Fire. *Quaternary International*, vol. 493, pp. 96-105. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.quaint.2018.06.037>
- Henshilwood C.S., Sealy J.C., Yates R., Cruz-Urbe K., Goldberg P., Grine F.E., Klein R.G., Poggenpoel C., van Niekerk K., Watts I., 2001. Blombos Cave, Southern Cape, South Africa: Preliminary Report on the 1992–1999 Excavations of the Middle Stone Age Levels. *Journal of Archaeological Science*, vol. 28, no. 4, pp. 421-448. DOI: <https://doi.org/10.1006/jasc.2000.0638>
- Henshilwood C.S., d'Errico F., Watts I., 2009. Engraved Ochres from the Middle Stone Age Levels at Blombos Cave, South Africa. *Journal of Human Evolution*, vol. 57, no. 1, pp. 27-47. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jhevol.2009.01.005>
- Henshilwood C.S., d'Errico F., Vanhaeren M., van Niekerk K., Jacobs Z., 2004. Middle Stone Age Shell Beads from South Africa. *Science*, vol. 304, 5669, p. 404. DOI: <https://doi.org/10.1126/science.109590>
- Henshilwood C.S., d'Errico F., van Niekerk K.L., Coquinot Y., Jacobs Z., Lauritzen S.-E., Menu M., García-Moreno R., 2011. A 100,000-Year-Old Ochre-Processing Workshop at Blombos Cave, South Africa. *Science*, vol. 334, pp. 219-222. DOI: <https://doi.org/10.1126/science.1211535>
- Heyes P., Anastasakis K., de Jong W., van Hoesel A., Roebroeks W., Soressi M., 2016. Selection and Use of Manganese Dioxide by Neanderthals. *Scientific Reports*, vol. 6, 22159. DOI: <https://doi.org/10.1038/srep22159>
- Hodgskiss T., 2012. Grinding ochre at Sibudu Cave (South Africa) and its Implications for the Origin of Habitual Ochre Use. *Journal of African Archaeology*, vol. 10, no. 1, pp. 75-95. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10963-022-09170-2>
- Hodgskiss T., 2013a. Ochre Use in the Middle Stone Age at Sibudu, South Africa: Grinding, Rubbing, Scoring and Engraving. *Journal of African Archaeology*, vol. 11, no. 1, pp. 75-95. DOI: <https://doi.org/10.3213/2191-5784-10232>
- Hodgskiss T.P., 2013b. *Ochre Use at Sibudu Cave and Its Link to Complex Cognition in the Middle Stone Age: Dissertations & Theses*. University of the Witwatersrand, Johannesburg (South Africa). 211 p.
- Hodgskiss T., Wadley L., 2017. How People Used Ochre at Sibudu Cave, South Africa: Sixty Thousand Years of Evidence from the Middle Stone Age. *PLOS ONE*, vol. 12, no. 4, p. 0176317. DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0176317>
- Hoffmann D.L., Standish C.D., García-Diez M., Pettitt P.B., Milton J.A., Zilhão J., Alcolea-González J., Cantalejo-Duarte P., Collado H., de Balbín R., Lorblanchet M., Ramos-Muñoz J., Weniger G.-Gh., Pike A.W.G., 2018. U-Th Dating of Carbonate Crusts Reveals Neandertal Origin of Iberian Cave Art. *Science Advances*, vol. 4, no. 2, pp. 912-915. DOI: <https://doi.org/10.1126/science.aap7778>
- Kozowyk P.R.B., Poulis J.A., 2019. A New Experimental Methodology for Assessing Adhesive Properties Shows that Neandertals Used the Most Suitable Material Available. *Journal of Human Evolution*, vol. 137, pp. 1-12. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jhevol.2019.102664>
- Kozowyk P.R.B., Poulis J.A., Baker A., Crombé P., Aubert M., 2017. Experimental Methods for the Palaeolithic Dry Distillation of Birch Bark: Implications for the Origin and Development of Neandertal Adhesive Technology. *Scientific Reports*, vol. 7, 8033, pp. 1-9. DOI: <https://doi.org/10.1038/s41598-017-08106-7>
- Kozowyk P.R.B., Fajardo S., Langejans G.H.J., 2023. Scaling Palaeolithic Tar Production Processes Exponentially Increases Behavioural Complexity. *Scientific Reports*, vol. 13, no. 1, 14709, pp. 1-9. DOI: <https://doi.org/10.1038/s41598-023-41963-z>
- Kurbanov R., Murray A., Yanina T., Buylaert J.P., 2024. Dating the Middle and Late Quaternary Caspian Sea-Level Fluctuations: First Luminescence Data from the Coast of Turkmenistan. *Quaternary Geochronology*, vol. 83, 101599, pp. 1-10. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.quageo.2024.101599>
- Lombard M., 2007. The Gripping Nature of Ochre: The Association of Ochre with Howiesons Poort Adhesives and Later Stone Age Mastics from South Africa. *Journal of Human Evolution*, vol. 53, pp. 406-419. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jhevol.2007.05.004>
- Lombard M., 2008. Finding Resolution for the Howiesons Poort Through the Microscope: Micro-Residue Analysis of Segments from Sibudu Cave, South Africa. *Journal of Archaeological Science*, vol. 35, no. 1, pp. 26-41. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jas.2007.02.021>
- Lumley H. de, Cauche D., Echassoux A., el Guennouni K., Fauquembergue E., Khatib S., Lumley M.A. de, Michel V., Moullé P.-E., Roussel B., Valensi P., 2016. *Le Vallonnet, Terra Amata, le Lazaret*. Paris, Patrimoine. 112 p.

- Martí A.P., d'Errico F., Turq A., Lebraud E., Discamps E., Gravina B., 2019. Provenance, Modification and Use of Manganese-Rich Rocks at Le Moustier (Dordogne, France). *PLOS ONE*, vol. 14, no. 7, p. 0218568. DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0218568>
- Mazza P.P.A., Martini F., Sala B., Magi M., Colombini M.P., Giachi G. et al., 2006. A New Palaeolithic Discovery: Tar-Hafted Stone Tools in a European Mid-Pleistocene Bone-Bearing Bed. *Journal of Archaeological Science*, vol. 33, pp. 1310-1318. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jas.2006.01.006>
- McBrearty S., 2001. Northwestern African Middle Pleistocene Hominids and their Bearing on the Emergence of Homo Sapiens. *Barham L. Human Roots: Africa and Asia in the Middle Pleistocene: Papers from a Meeting Held in Bristol in Apr. 2000*. Bristol, Western Academic and Specialist Press, pp. 81-97.
- Modugno F., Ribechini E., Colombini M.P., 2006. Chemical Study of Triterpenoid Resinous Materials in Archaeological Findings by Means of Direct Exposure Electron Ionisation Mass Spectrometry and Gas Chromatography/Mass Spectrometry. *Rapid Communications in Mass Spectrometry*, vol. 20, no. 11, pp. 1787-1800. DOI: <https://doi.org/10.1002/rcm.2507>
- Niekus M.J.L.Th., Langejans G.H.J., van der Plicht H. et al., 2019. Middle Paleolithic Complex Technology and a Neandertal Tar-Backed Tool from the Netherlands. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, vol. 116, 43, pp. 21354-21359. DOI: <https://doi.org/10.1073/pnas.1907828116>
- Nishiaki Y., Jöris O., 2019. Learning Behaviors Among Neanderthals and Palaeolithic Modern Humans: An Introduction. Nishiaki Y., Jöris O. *Learning Among Neanderthals and Palaeolithic Modern Humans. Replacement of Neanderthals by Modern Humans Series*. Singapore, Springer Nature Singapore, pp. 1-8. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-981-13-8980-1>
- Rifkin R.F., 2011. Assessing the Efficacy of Red Ochre as a Prehistoric Hide Tanning Ingredient. *Journal of African Archaeology*, vol. 9, no. 2, pp. 131-158. DOI: <https://doi.org/10.3213/2191-5784-10199>
- Rifkin R.F., 2012. Processing Ochre in the Middle Stone Age: Testing the Inference of Prehistoric Behaviours from Actualistically Derived Experimental Data. *Journal of Anthropological Archaeology*, vol. 31, no. 2, pp. 174-195. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jaa.2011.11.004>
- Roebroeks W., Sier M.J., Nielsen T.K., De Loecker D., Parés J.M., Arps C.E.S., Múcher H.J., 2012. Use of Red Ochre by Early Neandertals. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the USA*, vol. 109, no. 6, pp. 1889-1894. DOI: <https://doi.org/10.1073/pnas.1112261109>
- Roebroeks W., Soressi M., 2016. Neandertals Revised. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, vol. 113, no. 23, pp. 6372-6379. DOI: <https://doi.org/10.1073/pnas.1521269113>
- Rosso D., 2017. The Early Use of Ochre in Africa: A Review. *African Archaeological Review*, vol. 34, no. 2, pp. 145-175.
- Rosso D.E., Pitarch Martí A., d'Errico F., 2016. Middle Stone Age Ochre Processing and Behavioral Complexity in the Horn of Africa: Evidence from Porc-Epic Cave, Ethiopia. *PLOS ONE*, vol. 11, pp. 1-35. DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0164793>
- Šajnerová-Dušková A., Fridrich J., Fridrichová-Sýkorová I., 2009. Pitted and Grinding Stones from Middle Palaeolithic Settlements in Bohemia: A Functional Study. Sternke F., Costa L.J., Eigeland L. *Non-flint Raw Material Use in Prehistory: Old Prejudices and New Directions*. Oxford, Archeopress, pp. 145-151.
- Salomon H., 2009. *Les matières colorantes au début du Paléolithique supérieur: sources, transformations et fonctions: thèse de doctorat*. Université Bordeaux. 432 p.
- Schmidt P., Koch T.J., Blessing M.A., Karakostis F.A., Harvati K., Dresely V., Charrié-Duhaut A., 2023. Production Method of the Königsau Birch Tar Documents Cumulative Culture in Neanderthals. *Archaeological and Anthropological Sciences*, vol. 15, no. 6, pp. 1-13. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12520-023-01789-2>
- Schmidt P., Koch T.J., Charrié-Duhaut A., Dresely V., 2023a. The Evolution of Strength, Elasticity and Rupture Behaviour of Birch Tar Made with 'DoublePot' Techniques during Tar Cooking. *Archaeometry*, vol. 65, no. 2, pp. 409-422. DOI: <https://doi.org/10.1111/arc.12820>
- Schmidt P., Koch T.J., February E., 2022. Archaeological Adhesives Made from Podocarpus Document Innovative Potential in the African Middle Stone Age. Klein R., ed. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. Stanford University, Stanford, CA, no. 119 (40), e2209592119. DOI: <https://doi.org/10.1073/pnas.2209592119>
- Schmidt P., Koch T.J., Blessing M.A., Karakostis F.A., Harvati K., Dresely V., Charrié-Duhaut A., 2024. Ochre-Based Compound Adhesives at the Mousterian Type-Site Document Complex Cognition and High Investment. *Science Advances*, vol. 10, no. 8, pp. 1-10. DOI: <https://doi.org/10.1126/sciadv.adl082>

- Schmidt P., Tennie C., 2024. Problems with Two Recent Petri Net Analyses of Neanderthal Adhesive Technology. *Scientific Reports*, vol. 14, 10481, pp. 1-3. DOI: <https://doi.org/10.1038/s41598-024-60793-1>
- Sorensen A.C., 2024. Lucky Strike: Testing the Utility of Manganese Dioxide Powder in Neandertal Percussive Fire Making. *Archaeological and Anthropological Sciences*, vol. 16, no. 134, pp. 1-12. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12520-024-02047-9>
- Soressi M., d'Errico F., Grimaldi S., Peretto C., Zilhão J., Müller U., Bordes J.-G., 2007. The Pech-de-l'Azé I Neandertal Child: ESR, Uranium-Series, and AMS 14C Dating of Its MTA Type B Context. *Journal of Human Evolution*, vol. 52, no. 4, pp. 455-466. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jhevol.2006.11.006>
- Soressi M., d'Errico F., 2007. Pigments, Gravures, Parures: les Comportements Symboliques Controversés des Néandertaliens. *Les Néandertaliens. Biologie et cultures*, Paris, CTHS EDITION, pp. 297-309.
- Soriano S., Villa P., Wadley L., 2009. Ochre for the Toolmaker: Shaping the Still Bay Points at Sibudu (KwaZulu-Natal, South Africa). *Journal of African Archaeology*, vol. 7, no. 1, pp. 41-54. DOI: <https://doi.org/10.3213/1612-1651-10121>
- Trąbska J., Gawel A., Trybalska B., Fridrichová-Sýkorová I., 2010. Coloured Raw Materials on the Bečov I Site and in the Vicinity. Preliminary Results and Further Perspectives. *Fridrichová-Sýkorová I. Ecco Homo: In Memoriam Jan Fridrich*. Prague, Krigl, pp. 205-217.
- Vanhaeren M., d'Errico F., van Niekerk K., Henshilwood C.S., Erasmus R.M., 2013. Thinking Strings: Additional Evidence for Personal Ornament Use in the Middle Stone Age at Blombos Cave, South Africa. *Journal of Human Evolution*, vol. 64, no. 6, pp. 500-517. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jhevol.2013.02.001>
- Veres D., Cosac M., Schmidt C., Murătoareanu G., Hambach U., Hubay K., Wulf S., Karátson D., 2018. New Chronological Constraints for Middle Palaeolithic (MIS 6/5-3) Cave Sequences in Eastern Transylvania, Romania. *Quaternary International*, vol. 485, pp. 103-114. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.quaint.2017.07.015>
- Villa P., Pollarolo L., Degano I., Birolo L., Pasero M., Biagioni C., Douka K., Vinciguerra R., Lucejko J.J., Wadley L., 2015. A Milk and Ochre Paint Mixture Used 49,000 Years Ago at Sibudu, South Africa. *PLOS ONE*, vol. 10, no. 6, pp. 1-12. DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0131273>
- Wadley L., 2005a. Putting Ochre to the Test: Replication Studies of Adhesives That May Have Been Used for Hafting Tools in the Middle Stone Age. *Journal of Human Evolution*, vol. 49, no. 5, pp. 587-601. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jhevol.2005.06.007>
- Wadley L., 2005b. Ochre Crayons or Waste Products? Replications Compared with MSA 'Crayons' from Sibudu Cave, South Africa. *Before Farming*, vol. 3, no. 1, pp. 1-12. DOI: <https://doi.org/10.3828/bfarm.2005.3.1>
- Wadley L., 2010. Compound-Adhesive Manufacture as a Behavioral Proxy for Complex Cognition in the Middle Stone Age. *Current Anthropology*, vol. 51, S1, pp. 111-119. DOI: <https://doi.org/10.1086/649836>
- Wadley L., 2010a. Were Snares and Traps used in the Middle Stone Age and Does it Matter? A Review and a Case Study from Sibudu, South Africa. *Journal of Human Evolution*, vol. 58, no. 2, pp. 179-192. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jhevol.2009.10.004>
- Wadley L., Hodgskiss T., Grant M., 2009a. Implications for Complex Cognition from the Hafting of Tools with Compound Adhesives in the Middle Stone Age, South Africa. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, vol. 106, no. 24, pp. 9590-9594. DOI: <https://doi.org/10.1073/pnas.0900957106>
- Wadley L., Hodgskiss T., Grant M., 2009b. Cemented Ash as a Receptacle or Surface for Ochre Powder Production at Sibudu, South Africa, 58,000 years Ago. *Journal of Archaeological Science*, vol. 37, no. 10, pp. 2397-2406. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jas.2010.04.012>
- Wadley L., Langejans G., 2014. Preliminary Study of Scrapers Around Combustion Features in Layer SS, Sibudu, 58 000 Years Ago. *The South African Archaeological Bulletin*, vol. 69, no. 199, pp. 19-33.
- Walter P., 2003. Caractérisation des traces rouges et noires sur les coquillages perforés de Qafzeh. Vandermeersch B., éd. *Échanges et Diffusion dans la Préhistoire méditerranéenne: 122*. Paris, Éditions du CTHS. 187 p.
- Watts I., 2010. The Pigments from Pinnacle Point Cave 13B, Western Cape, South Africa. *Journal of Human Evolution*, vol. 59, no. 3-4, pp. 392-411. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jhevol.2010.07.006>
- Watts I., 2009. Red Ochre, Body Painting, and Language: Interpreting the Blombos Ochre. Botha R., Knight C. *The Cradle of Language*. Oxford, Oxford University Press, pp. 62-92. DOI: <https://doi.org/10.1093/oso/9780199545858.003.0004>
- Williamson B.S., 1997. Down the Microscope and Beyond: Microscopy and Molecular Studies of Stone Tool Residues and Bone Implements from Rose Cottage Cave. *South African Journal of Science*, vol. 93, no. 10, pp. 458-464.

- Wojcieszak M., Wadley L., 2018. Raman Spectroscopy and Scanning Electron Microscopy Confirm Ochre Residues on 71 000 Year Old Bifacial Tools from Sibudu, South Africa. *Archaeometry*, vol. 60, no. 5, pp. 1062-1076. DOI: <https://doi.org/10.1111/arc.12369>
- Wolf S., Müller M., Weisrock J., Conard N.J., 2018. The Use of Ochre and Painting During the Upper Paleolithic of the Swabian Jura in the Context of the Development of Ochre Use in Africa and Europe. *Open Archaeology*, vol. 4, no. 1, pp. 185-205. DOI: <https://doi.org/10.1515/opar-2018-0012>
- Wreschner E.E., 1980. Red Ochre and Human Evolution: A Case for Discussion. *Current Anthropology*, vol. 21, pp. 631-633.
- Zilhão J., Angelucci D. E., Badal-García E., d'Errico F., Daniel F., Dayet L., Douka K., Higham T. F. G., Martínez-Sánchez M. J., Montes-Bernárdez R., Murcia-Mascarós S., Pérez-Sirvent C., Roldán-García C., Vanhaeren M., Villaverde V., Wood R., Zapata J., 2010. Symbolic Use of Marine Shells and Mineral Pigments by Iberian Neandertals. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*, vol. 107, no. 3, pp. 1023-1028. DOI: <https://doi.org/10.1073/pnas.0914088107>
- Zipkin A.M., Wagner M., McGrath K., Brooks A.S., Lucas P.W., 2014. An Experimental Study of Hafting Adhesives and the Implications for Compound Tool Technology. *PLOS ONE*, vol. 9, no. 11, p. 112560. DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0112560>

Information About the Authors

Maria N. Zheltova, Candidate of Sciences (History), Researcher, Department of Paleolithic, Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, Dvortsovaya Emb., 18, 191181 Saint Petersburg, Russian Federation, mpraslova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4144-6490>

Maria A. Komagorova, Scientific and Technical Specialist, Fersman Mineralogical Museum of the Russian Academy of Sciences, Prosp. Lenina, 18/2, 119071 Moscow, Russian Federation, egorova.com@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0004-1111-8159>

Yulia D. Anisovets, Postgraduate Student, Department of Archaeology, Lomonosov Moscow State University, Prosp. Lomonosovskiy, 27, Bld. 4, 119234 Moscow, Russian Federation, aquarumnaya@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0427-1700>

Vladislav S. Zhitenev, Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Department of Archaeology, Lomonosov Moscow State University, Prosp. Lomonosovskiy, 27, Bld. 4, 119234 Moscow, Russian Federation, macober@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1105-9318>

Darya V. Ulyanova, Museum Curator, Fersman Mineralogical Museum of the Russian Academy of Sciences, Prosp. Lenina, 18/2, 119071 Moscow, Russian Federation, ulyanova.fmm@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0002-5263-8471>

Redzhep N. Kurbanov, Candidate of Sciences (Geography), Lomonosov Moscow State University, Leninskie gory, 1, 119991 Moscow, Russian Federation; Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences, Staromonetny Lane, 29, 119017 Moscow, Russian Federation; Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Prosp. akad. Lavrentyeva, 17, 630090 Novosibirsk, Russian Federation, roger.kurbanov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6727-6202>

Ksenia N. Stepanova, Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Department of Paleolithic, Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, Dvortsovaya Emb., 18, 191181 Saint Petersburg, Russian Federation, ksstepan@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2814-2639>

Anton A. Anoykin, Doctor of Sciences (History), Leading Researcher, Department of Stone Age Archaeology, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Prosp. akad. Lavrentyeva, 17, 630090 Novosibirsk, Russian Federation, anu1@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2383-2259>

Yaroslav D. Ivanov, Laboratory Assistant, Department of Paleolithic, Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, Dvortsovaya Emb., 18, 191181 Saint Petersburg, Russian Federation, yadivanov66@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5582-693X>

Vasilisa S. Smolkina, Laboratory Assistant, Experimental-Traceological Laboratory, Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, Dvortsovaya Emb., 18, 191181 Saint Petersburg, Russian Federation, smolkinavasilisa@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0003-5281-2297>

Evgeniy V. Kazakov, Master's Student, National Research University Higher School of Economics, Myasnitskaya St, 20, 101000 Moscow, Russian Federation, largas10000@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5874-5038>

Stanislav O. Remizov, Researcher, Historical, Ethnographical and Architectural Museum-Reserve "The Old Sarepta", Izobilnaya St, 10, 400026 Volgograd, Russian Federation, paleostas@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9892-8058>

Aleksander K. Otcherednoy, Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Department of Paleolithic, Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, Dvortsovaya Emb., 18, 191181 Saint Petersburg, Russian Federation; Senior Researcher, Department of Stone Age Archaeology, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Prosp. akad. Lavrentyeva, 17, 630090 Novosibirsk, Russian Federation, a.otcherednoy@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7616-5686>

Информация об авторах

Мария Николаевна Желтова, кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела палеолита, Институт истории материальной культуры РАН, Дворцовая наб., 18, 191181 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, mpraslova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4144-6490>

Мария Александровна Комагорова, специалист НТИ, Минералогический музей им. А.Е. Ферсмана РАН, просп. Ленина, 18/2, 119071 г. Москва, Российская Федерация, egorova.com@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0004-1111-8159>

Юлия Дмитриевна Анисовец, аспирант кафедры археологии, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, просп. Ломоносовский, 27, к. 4, 119234 г. Москва, Российская Федерация, aquagumnaia@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0427-1700>

Владислав Сергеевич Житенев, доктор исторических наук, доцент кафедры археологии, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, просп. Ломоносовский, 27, к. 4, 119234 г. Москва, Российская Федерация, masober@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1105-9318>

Дарья Валентиновна Ульянова, хранитель, Минералогический музей им. А.Е. Ферсмана РАН, просп. Ленина, 18/2, 119071 г. Москва, Российская Федерация, ulyanova.fmm@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0002-5263-8471>

Реджеп Нурмурадович Курбанов, кандидат географических наук, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, 119991 г. Москва, Российская Федерация; Институт географии РАН, пер. Старомонетный, 29, 119017 г. Москва, Российская Федерация; Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, просп. акад. Лаврентьева, 17, 630090 г. Новосибирск, Российская Федерация, roger.kurbanov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6727-6202>

Ксения Николаевна Степанова, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела палеолита, Институт истории материальной культуры РАН, Дворцовая наб., 18, 191181 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ksstepan@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2814-2639>

Антон Александрович Анойкин, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела археологии каменного века, Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, просп. акад. Лаврентьева, 17, 630090 г. Новосибирск, Российская Федерация, anuil@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2383-2259>

Ярослав Дмитриевич Иванов, лаборант отдела палеолита, Институт истории материальной культуры РАН, Дворцовая наб., 18, 191181 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, yadivanov66@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5582-693X>

Василиса Сергеевна Смолкина, лаборант экспериментально-трасологической лаборатории, Институт истории материальной культуры РАН, Дворцовая наб., 18, 191181 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, smolkinavasilisa@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0003-5281-2297>

Евгений Валерьевич Казаков, магистрант, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», ул. Мясницкая, 20, 101000 г. Москва, Российская Федерация, largas10000@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5874-5038>

Станислав Олегович Ремизов, научный сотрудник, Историко-этнографический и архитектурный музей-заповедник «Старая Сарепта», ул. Изобильная, 10, 400026 г. Волгоград, Российская Федерация, paleostas@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9892-8058>

Александр Константинович Очередной, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела палеолита, Институт истории материальной культуры РАН, Дворцовая наб., 18, 191181 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация; старший научный сотрудник отдела археологии каменного века, Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, просп. акад. Лаврентьева, 17, 630090 г. Новосибирск, Российская Федерация, a.otcherednoy@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7616-5686>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2025.3.2>

UDC 903.5(475.5)

LBC 63.4(2Рос.Баш)

Submitted: 10.09.2024

Accepted: 06.08.2025

PAIRED BURIALS FROM THE NECROPOLISES OF THE SRUBNO-ALAKUL CONTACT ZONE OF THE SOUTHERN TRANS-URALS¹

Yanina V. Rafikova

Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russian Federation

Abstract. The article presents an analysis of sixteen paired heterosexual burials from burial grounds of the Srubno-Alakul contact zone of the Trans-Urals. Currently, the attention of the researchers is focused on interpreting these burials. However, it is impossible to come closer to understanding the meaning of these burials without a comprehensive source analysis, which is the primary aim of this study. The paired burials from the Srubno-Alakul burial grounds were categorized by age groups: adults (7), adolescents (2), adolescents with children (2), and children (5). The characteristics of each identified group are determined according to the main features of the burial rite: simultaneity and non-simultaneity of their commission, localization and arrangement of graves within the burial ground, disturbed burials, body position and orientation, as well as the accompanying grave goods. It was found that most paired burials (11 cases) were found in kurgans with different combinations of Srubnaya and Alakul cultural components. Notably, all paired burials from Srubnaya kurgans (3 cases) contained Alakul cultural components. In one case a paired burial was accompanied by Cherkaskul vessels, which indicates continuity in the practice of this rite in subsequent times. Between the paired burials of adults on the one hand and adolescent and child burials on the other, age differentiation is expressed in the absence of non-simultaneous adolescent and child burials, their localization exclusively on the periphery of the burial site, and also in the absence of decorations in most of them. The hierarchical conditionality of the location of graves on the burial site was recorded in two burials of adults located in the center of the burial sites of single-grave kurgans. In fact, apart from the fact of pairing, the burials in question do not differ from most simultaneous burials. The hugging position in simultaneous burials, being universal for couples of different age groups, reflects the common symbolic meaning of these burials. The recently obtained results of deciphering the genomes of an adult couple from Burial 10 and a boy from a single Burial 6 of Kurgan 1 of the Selivanovsky II burial ground show that the heterosexual couple were parents of the boy, confirming actual marital bonds between paired individuals. Today, the most likely explanation for the paired burials of the Srubno-Alakul territory of the Trans-Urals in light of the real relationship between a man and a woman is that adult pairs represent spouses during their lifetime, and adolescents and children were engaged.

Key words: Southern Trans-Urals, Late Bronze Age, Srubno-Alakul burial grounds, paired burials, burial rite.

Citation. Rafikova Ya.V., 2025. Parnye pogrebeniya iz nekropoley srubno-alakul'skoy kontaktnoy zony Yuzhnogo Zaural'ya [Paired Burials from the Necropolises of the Srubno-Alakul Contact Zone of the Southern Trans-Urals]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskii Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 24, no. 3, pp. 45-80. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2025.3.2>

УДК 903.5(475.5)

ББК 63.4(2Рос.Баш)

Дата поступления статьи: 10.09.2024

Дата принятия статьи: 06.08.2025

ПАРНЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ ИЗ НЕКРОПОЛЕЙ СРУБНО-АЛАКУЛЬСКОЙ КОНТАКТНОЙ ЗОНЫ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ¹

Янина Валерьевна Рафикова

Уфимский федеральный исследовательский центр РАН, г. Уфа, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена анализу 16 парных разнополюх погребений из могильников срубно-алакульской контактной зоны Зауралья. В настоящее время внимание исследователей занимает проблема их интерпретации. Однако приблизиться к пониманию смысла этих погребений невозможно без полноценного источниковедческого анализа, чему и посвящена данная работа. Парные погребения из срубно-алакульских могильников рассмотрены по возрастным группам: взрослые (7), подростки (2), подростки с детьми (2) и дети (5). Определены особенности каждой выделенной группы по основным признакам погребального обряда: одновременности и неодновременности их совершения, локализации и устройству могил на погребальной площадке, нарушенности погребений, положению и ориентировке погребенных, а также сопровождающему инвентарю. Выяснено, что парные погребения совершены в большинстве случаев (11) в курганах с различным сочетанием срубного и алакульского культурных компонентов. Все парные погребения из срубных курганов (3) содержат алакульский культурный компонент. В одном случае парное погребение сопровождалось черкаскульскими сосудами, что свидетельствует о преемственности этого обряда в последующее время. Возрастная дифференциация в парных погребениях выражена в локализации подростковых и детских захоронений исключительно на периферии погребальной площадки, а также в отсутствии в большинстве из них украшений. Для этих групп зафиксировано отсутствие практики неодновременных погребений. Признаки социальной дифференциации взрослых индивидов из парных погребений отмечены в сооружении индивидуальных насыпей над отдельными погребениями (2), что в одном случае коррелирует с совершением захоронения в могиле больших размеров, в другом – с разнообразием украшений женщины. Поза объятий в одновременных погребениях, являясь общей для пар разных возрастных групп, отражает единый смысл этих погребений. Полученные недавно результаты расшифровки геномов взрослой пары из погребения 10 и мальчика из одиночного погребения 6 кургана 1 Селивановского II могильника показали, что разнополая пара являлась родителями мальчика, что подтверждает реальную брачную связь между индивидами в паре. На сегодняшний день наиболее вероятно объяснение парных погребений срубно-алакульской территории Зауралья в свете реальных взаимоотношений мужчины и женщины: взрослые пары являлись супругами при жизни, а подростки и дети были «обручены».

Ключевые слова: Южное Зауралье, поздний бронзовый век, срубно-алакульские могильники, парные погребения, погребальный обряд.

Цитирование. Рафикова Я. В., 2025. Парные погребения из некрополей срубно-алакульской контактной зоны Южного Зауралья // Нижневолжский археологический вестник. Т. 24, № 3. С. 45–80. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2025.3.2>

Введение

Парные погребения, где покойники лежат лицом друг к другу, являются одними из выразительных составляющих погребального обряда эпохи поздней бронзы степной и лесостепной Евразии. На Южном Урале они выявлены в могильниках лесостепного и степного вариантов алакульской культуры, западноалакульских (соль-илецкого типа), кожумбердынских, а также срубных и срубно-алакульских. Недавно вышли в свет статьи с подробным анализом западноалакульских и кожумбердынских парных погребений [Рафикова, 2019; 2023]. Данная работа посвящена анализу 16 парных погребений, происходящих из некрополей, расположенных в зоне наибольшей концентрации срубно-алакульских памятников [Алаева, 2015, с. 8]. Это территория Зауралья, ограниченная с запада восточными склонами Уральских гор, с севера граница проходит по р. Уй, с востока – по

верховьям левых притоков верхнего течения р. Тобол, а с юга – по притокам р. Урал Талалык и Суундук.

Начиная с работ К.В. Сальникова, парные погребения срубно-алакульской территории привлекали внимание исследователей, отмечавших, что они более характерны для андроновской культуры, чем для срубной [Сальников, 1967, с. 159; Рутто, 2003, с. 94; Рафикова, 2008, с. 11].

Повышенный интерес исследователей вызывала и вызывает интерпретация этих погребений. В 60-е гг. XX в. парные разнополюх погребения срубно-алакульской территории объяснялись умерщвлением женщины в патриархальном обществе [Сальников, 1967, с. 92]. В начале XXI в. было озвучено мнение, что в таких погребениях находятся брачные пары, а принадлежность «одного из погребенных (в разнополюх погребениях), скорее всего, женщины, к другой культуре, вероятно, табуировало возможность для вступле-

ния во вторичный брак» [Рутто, 2003, с. 94–95]. Возникновение таких погребений исследователи видели в «многокомпонентности формирования новых этно-хозяйственных отношений, характерных для контактной зоны южноуральского региона» [Рутто, Морозов, 2001, с. 334]. Парные погребения взрослых рассматривались как захоронения супружеских пар, а нахождение пары в одной могиле объяснялось близким по времени наступлением смерти [Рафикова, 2008а, с. 81–82].

Исследования серии пар (6) от детского до взрослого возраста, захороненных в срубно-алакульском кургане 1 Селивановского II могильника, побудили специалистов к поиску объяснений этих погребений в религиозно-мифологической сфере. По мнению С.В. Сотниковой, эти погребения воспроизводят брак мифологической пары близнецов Ямы и Ями для «воссоздания изначальной целостности, объединявшей в себе оба пола» согласно индоиранской традиции [Сотникова, 2016, с. 144]. Как считает автор, эти ритуальные захоронения могли совершаться в кризисной ситуации, в период болезней или эпидемий [Сотникова, 2016, с. 144]. Н.А. Берсенева относит такие погребения к жертвенным комплексам, устроенным «не для того, чтобы отразить социальную идентичность умерших, а с целью передать послание богам или потусторонним силам» [Берсенева, 2017, с. 10]. По ее мнению, особенно это касается детей из парных погребений, «которые в силу возраста не могли быть супругами, а имитировали или замещали взрослых мужчину и женщину» [Берсенева, 2017, с. 10]. Исследовательница не исключает, что «в критических или иных обстоятельствах у ребенка могла быть отнята жизнь во благо всего сообщества, в качестве дара богам, для поддержания естественного порядка вещей» [Берсенева, 2017, с. 10].

В свое время автором этих строк была выполнена суммарная характеристика 13 парных погребений из 3 срубных, 3 срубно-алакульских и 3 алакульских² курганов срубно-алакульской территории Зауралья [Рафикова, 2008]. Проведенный тогда анализ выявил сходство обряда парного погребения в срубных и срубно-алакульских курганах, в отличие от алакульских, по трем признакам:

наличию / отсутствию неодновременных парных погребений, расположению погребений на подкурганной площадке, постановке сосудов относительно покойных [Рафикова, 2008, с. 10]. Сейчас эти выводы нуждаются в корректировке.

На сегодняшний день парные погребения рассматриваемой территории представлены 15 одновременными и 1 неодновременным захоронением. Подавляющее большинство из них находилось в курганах с различным содержанием срубного и алакульского культурных компонентов. К черкаскульской культуре отнесено одно парное погребение.

Цель исследования – анализ парных погребений срубно-алакульской территории Зауралья и верификация на основе его результатов предложенных ранее гипотез интерпретации этих захоронений. Достижение цели предполагает решение следующих задач: определение участков наибольшей концентрации рассматриваемых погребений; установление соотношения культурного контекста парных и остальных погребений в курганах; выделение групп парных захоронений по возрасту погребенных и их характеристика по основным признакам погребального обряда – устройству могил и их локализации на погребальной площадке, нарушенности погребений, положению, ориентировке погребенных и анализу инвентаря.

Актуальность обращения к парным погребениям срубно-алакульской территории обусловлена и результатами исследования палео-ДНК³ из останков 6 пар срубно-алакульского кургана 1 Селивановского II могильника. Радиоуглеродная дата на сегодняшний день получена только для материалов этого кургана – конец XVII в. до н.э., что согласуется с датировкой алакульских могильников Южного Зауралья, относимых к концу XIX – началу XVI в. до н.э. [Епимихов, 2023, с. 183]. Уральские срубные комплексы датируются 1730–1410 гг. до н.э. [Молодин и др., 2014, с. 144]. Поэтому рассматриваемые в статье срубные, срубно-алакульские и алакульские комплексы можно датировать в пределах XVIII–XV вв. до н.э. Черкаскульское погребение, видимо, относится к третьей четверти II тыс. до н.э. [Молодин и др., 2014, с. 146].

Результаты исследования

Местоположение могильников с парными погребениями.

Надмогильные сооружения

Все 10 могильников расположены на территории, прилегающей к верхнему течению р. Урал. Большинство их локализованы на правобережных притоках реки, кроме двух (Каменный Дол I, Солончанка Iб), приуроченных к ее левым притокам (рис. 1). Могильники, как правило, расположены на берегах рек, за исключением Селивановского II, курганы которого находились на северо-восточном берегу оз. Чебаркуль.

Территориально могильники можно сгруппировать в пределах трех условно выделенных микрорайонов: северо-западного, юго-западного и юго-восточного (рис. 1). В северный микрорайон объединены 4 могильника, расположенные вдоль восточных склонов хребта Урал-тау, в верховьях правобережья р. Урал. Расстояние между могильниками составляет 20–40 км. Надмогильные сооружения состоят в них из грунтовых курганов количеством от 2 до 36 (табл. 1).

В юго-западный микрорайон объединены 4 могильника, находящиеся в 100–150 км юго-западнее некрополей северного микрорайона. Расстояние между наиболее близко расположенными в этой группе могильниками Салимовским и Агеевским всего 3 км. Тавлыкаевский I от них расположен в 55 км севернее, а Валит-2 – в 30 км восточнее-юго-восточнее. Все надмогильные сооружения, в которых выявлены парные погребения, представлены грунтовыми⁴ курганами. В Валит-2 только в одном из трех раскопанных курганов были выявлены материалы эпохи бронзы, в остальных некрополях количество насыпей насчитывается от 3 до 14 (табл. 1).

В юго-восточном микрорайоне объединены два могильника – Каменный Дол I и Солончанка Iб, локализованные на правых притоках р. Урал. Каменный Дол I расположен на левом берегу р. Большая Караганка, в более чем 60 км юго-восточнее его на левобережье р. Суундук находится Солончанка Iб. Каменный Дол I насчитывает 14 насыпей, Солончанка Iб – 20 (табл. 1).

Местоположение могильников в разных частях Южного Зауралья позволяет предположить о практике обряда парного погребения на всей рассматриваемой территории. Различное количество курганов в могильниках – от 1 до 36 отчасти может говорить о том, что эти погребения могли совершаться в разномасштабных коллективах.

Количественные характеристики

Выявленные в 11 курганах 10 могильников парные погребения на рассматриваемой территории составили в целом 10,5 % от остальных, преимущественно одиночных, захоронений из раскопанных курганов⁵.

Процент парных погребений в каждом могильнике крайне вариативен, составляет от 2,3 до 100 % и зависит от общего количества исследованных в могильнике погребений эпохи поздней бронзы (табл. 2). Наименьший его показатель 2,3 % имеет полностью раскопанный могильник Спасское I, в то же время в Муракаевском I, который также считается полностью изученным, единственное парное погребение составило 33,3 % из-за малого общего количества могил эпохи бронзы. Показатель 100 % в Валит-2 и Салимовском объясняется тем, что выявленные здесь парные погребения были единственными захоронениями бронзового века.

В 8 (80 %) ⁶ могильниках парное погребение являлось единственным таковым, в 2 (20 %) некрополях Тавлыкаевский I и Селивановский II это количество превышено – соответственно 2 и 6. Таким образом, погребения из этих двух могильников сформировали половину погребений выборки.

Особенности культурного контекста курганов и парных погребений

Сочетание срубных и алакульских компонентов в каждом кургане имеет свою специфику. Основными культурными маркерами являются ориентировка погребенных, керамика и украшения. Для срубной традиции характерна ориентировка погребенных головой в северный сектор, для алакульской – западная и южная, иногда с отклонениями. Состав женских украшений в погребениях ограничен в

основном культурно-нейтральными изделиями, характерными для обеих традиций: желобчатые браслеты, пастовые и бронзовые бусины, раковины. В единичных случаях представлен алакульский декор – низки бус на щиколотках женщин, являвшихся украшением обуви.

По совокупности культурных компонентов курганы с парными погребениями можно отнести к срубно-алакульским (5), срубным с незначительными срубно-алакульскими проявлениями (3), алакульским (2) и черкаскульскому (1) (табл. 3).

Большинство парных погребений – 10 (62,5 %) происходит из срубно-алакульских курганов, в керамике которых преобладают срубно-алакульские сосуды. Самая распространенная ориентировка погребенных головами в северный сектор (8) соответствует срубной традиции, в двух погребениях из курганов в могильниках юго-западной группы, где погребенные положены головами на юг – алакульской (табл. 3). Значительных различий культурного облика парных погребений и остальных погребений на площадке многомогильных курганов не выявлено. Однако в инвентарном комплексе двух парных погребений наблюдается преобладание алакульского компонента вследствие наличия алакульских сосудов и низок бус на щиколотках ног женщин (Селивановский II, кург. 1, погр. 10 и 12).

Из срубных курганов происходят 3 (18,7 %) парных погребения. В двух из них погребенные по срубной традиции были положены головами в северный сектор и сопровождаются срубно-алакульскими сосудами (рис. 2, III, 2, 3, IV, 5), в то время как в остальных погребениях на погребальной площадке находились только срубные сосуды (Тавлыкаевский I, кург. 3 и 7). Одно парное погребение из срубного кургана совершенно не соответствовало культурному облику совершенных вместе с ним на погребальной площадке захоронений (Туишево-1, кург. 3). В нем погребенные головами ориентированы на восток, что нехарактерно как для алакульской, так и для срубной традиций, и за затылком каждого находилось по одному алакульскому сосуду (рис. 5, IV, 2, 3).

В парных погребениях из 2 (12,5 %) алакульских курганов погребенные имеют различную ориентировку, что является отраже-

нием локальной специфики культурной традиции. Пара из многомогильного кургана юго-восточного микрорайона ориентирована головами на запад и ее сопровождает алакульская керамика (Солончанка Iб, кург. 3). В парном захоронении из одномогильного кургана юго-западного микрорайона погребенные ориентированы головами к югу, а на голених женского костяка находились бусы, керамики в этом нарушенном погребении не обнаружено (Валит-2, кург. 3).

В единственном (6,3 %) парном погребении черкаскульской культуры погребенные ориентированы головой к западу и сопровождались черкаскульскими сосудами (рис. 5, V, 1). На погребальной площадке кургана, кроме парного погребения, находилось безынвентарное захоронение эпохи бронзы, в котором погребенный ориентирован головой к юго-западу (табл. 3).

Во всех парных погребениях из многомогильных курганов срубной культуры в керамике заметны проявления алакульской традиции, более того, аутентичные алакульские сосуды сопровождали детей в Туишево-1, курган 3, погребение 3, в то время как их ориентировка отличалась и от срубной, и от алакульской. Алакульская традиция проявлена явственнее и в двух погребениях взрослых из срубно-алакульского кургана за счет сосудов и украшений (Селивановский II, кург. 1, погр. 10, 12).

Одновременность / неодновременность погребений

В большинстве случаев (15 (93,8 %)) пары укладывались в могилу одновременно. Единственное на сегодняшний день неодновременное погребение этой территории Каменный Дол I, курган 2, погребение 1 выглядит как неординарное исключение (рис. 3). Исключением является не только сам факт неодновременности этого погребения в рассматриваемой выборке, но и нахождение в нем позднее захороненного индивида, в данном случае мужчины, на правом боку. Кости женского скелета сложены грудой перед ним, ее череп находится на левом боку. В остальных неодновременных погребениях Южного Зауралья, выявленных пока только в некрополях кожумбер-

дынской культурной группы, позднее захороненный индивид, независимо от пола, расположен на левом боку [Рафикова, 2023, с. 141].

Возраст и пол погребенных, возрастные группы

Антропологическое изучение останков 7 пар (43,8 %) из 16 позволило установить возраст индивидов из этих пар и разнополость взрослых из трех пар. Анализу подверглись пара из погребения 1 кургана 2 могильника Каменный Дол I [Китов, 2008, с. 96, 97, рис. 4] и 6 пар из кургана 1 могильника Селивановский II [Куфтерин, Нечвалода, 2016]. Полученные недавно результаты палео-ДНК исследований 6 пар различных возрастных групп из кургана 1 могильника Селивановский II показали, что все они являются разнополами [Рафикова и др., 2025, с. 49].

В 9 случаях пол погребенных определялся авторами раскопок по инвентарю, а разделение на взрослых, подростков и детей производилось по размеру костяков (табл. 4).

Из 32 индивидов, обнаруженных в парных захоронениях, 14 отнесены к взрослым, 6 – к подросткам и 12 – к детям. По сочетанию возраста захороненных вместе людей выделены 7 (43,8 %) погребений взрослых, по 2 (по 12,5 %) погребения подростков и подростков с детьми, и 5 (31,2 %) детских (табл. 4).

Группа **погребений взрослых** включает 6 одновременных (рис. 2) и 1 неодновременное захоронение (рис. 3).

В 3 парах с наличием антропологических определений женщины были одного возраста (20–25 лет), также как и мужчины (25–30 лет), женщины были младше мужчин на 5–10 лет (табл. 4). В одном случае было выяснено, что взрослая пара из Селивановский II, курган 1, погребение 10 является родителями мальчика из погребения 6 этого же кургана, то есть захороненные в паре мужчина и женщина являлись брачными партнерами (супругами), имеющими общего ребенка.

В 3 погребениях разнополость индивидов определена косвенно по инвентарю (Валит-2, кург. 1, погр. 3, Салимовский, кург. 1, погр. 2, Тавлыкаевский I, кург. 7, погр. 10⁷).

В единственном случае отсутствия в погребении инвентаря, косвенно указывающе-

го на пол погребенного (Тавлыкаевский I, кург. 3, погр. 3) (рис. 2, III, 1), автор раскопок по размерам костяков предположил мужской пол у костяка на левом боку и женский пол у костяка на правом боку [Морозов, 1984, с. 120].

Подростки, подростки с детьми и дети

В совокупности детско-подростковых погребений 8 (50 %). В 4 случаях возраст индивидов определен в пределах от 3–4 до 15–16 лет, что предполагает разделение их на детей и подростков. К детям отнесены индивиды от 3–4 до 8–9 лет, к подросткам – индивиды 13–16 лет (ср.: [Берсенева, 2022, с. 62]). Таким образом, выделены по 2 погребения подростков и подростков с детьми (рис. 4) и 4 детских (рис. 5).

Подростки

Возраст и пол погребенных определен только в одной паре, где по одному определению обоим было по 14–15 лет, либо девушка (13–14) на год-два младше юноши (15–16 лет) (Селивановский II, кург. 1, погр. 2). Сведений о точном возрасте и поле подростков из второго погребения нет (Спасское I, кург. 1, погр. 3).

Подросток с ребенком

Пол и возраст индивидов определен только в одной паре, где детский костяк принадлежал девочке 9–10 (8–9) лет, а юноше на момент смерти исполнилось 14–15 лет (Селивановский II, кург. 1, погр. 14). Останки индивидов из другого погребения не имеют квалифицированных определений пола и возраста (Агеевский, кург. 1, погр. 4). Однако набор предметов из ракушек и клыков хищника за костями ног подростка может указывать на его мужской пол, поскольку подобные же предметы находились и за стопами юноши из рассмотренного выше погребения (рис. 4, III, 2, 3, 7, 4, IV, 2, 3).

Дети

Половозрастные определения имеются для костяков из 2 пар. Возраст обоих индивидов в одной паре находится в пределах *Infantilis I*:

девочке 3–4 года, мальчику 6–7 лет (Селивановский II, кург. 1, погр. 7). В другой паре дети были старше, их возраст в пределах *Infantis* II: девочке 7–8 (9–10) лет, мальчику 8–9 лет (Селивановский II, кург. 1, погр. 13).

Только в одном детском погребении можно предположить, что в паре была захоронена девочка по найденной под черепом бронзовой игле (Муракаевский, кург. 5, погр. 1) (рис. 5, V, 2).

В 4 погребениях (одном взрослом, одном подростком и двух детских) индивиды не имели личного инвентаря и антропологических определений.

Распределение парных погребений по возрастным группам в зависимости от культурной принадлежности курганов, из которых они происходят, сведено в таблицу (табл. 5). Ввиду немногочисленности выборки, можно сделать два предварительных заключения по этому аспекту. Детские парные погребения зафиксированы во всех культурных группах, а разнообразие пар по возрасту представлено только в срубно-алакульской группе.

Количество погребений на погребальной площадке

В более половине случаев 7 (63,6 %) – парные погребения, являлись единственными таковыми на погребальной площадке. В 2 они были единственными захоронениями эпохи бронзы (Салимовский, кург. 1, погр. 2, Валит-2, кург. 3, погр. 1). В 5 курганах, помимо парных, находились и другие захоронения, в большинстве своем одиночные. В этих случаях количество могил на погребальной площадке варьировалось от 2 до 16 (табл. 6).

В 2 многомогильных курганах количество парных погребений, возможно, не ограничивалось единственными учтенными в выборке случаями, поскольку нахождение анатомически разрозненных скелетов от двух взрослых индивидов в потревоженных центральных погребениях не исключает их положения лицом друг к другу (Тавлыкаевский I, кург. 3, Агеевский, кург. 1).

В единственном случае на погребальной площадке было размещено 6 могил с парами от детского до взрослого возраста (Селивановский II, кург. 1).

На вопрос о связи людей, захороненных в пределах одной площадки вместе с раз-

нополой парой, имеется ответ только в одном случае – для кургана 1 Селивановского II могильника, где согласно результатам ДНК-определений были захоронены представители двух семей [Рафикова и др., 2025, с. 49]. Все мужчины из пар связаны между собой родством первой, второй, либо третьей степени и являются представителями наиболее многочисленной семьи, нашедшими покой в пределах одной (единой) погребальной площадки.

Локализация парных погребений на погребальной площадке

Центральную позицию на погребальной площадке занимали только 2 могилы взрослых из одномогильных курганов с единственными погребениями эпохи поздней бронзы могильников Валит-2 и Салимовского.

В многомогильных курганах, где в большинстве случаев планиграфия могил выстроена по иерархическому принципу, парные захоронения размещались, как правило, на периферийных участках (табл. 6). При их совершении предпочтение отдавалось западному участку, на котором размещены 6 (37,5 %) захоронений, 3 из которых сосредоточены в кургане 1 Селивановского II могильника. В целом же корреляция выбора места на площадке для могилы от возраста захороненной в ней пары не прослежена.

Могильные сооружения

Большинство могил (15; 93,8 %) оформлено как простые грунтовые ямы, углубленные в материк. В единственном случае захоронение было совершено в погребенной почве (Валит-2, кург. 3, погр. 1) [Исмагил, Сунгатов, 2011, с. 71].

Конфигурация могил, как правило, прямоугольная с закругленными углами (13; 81,3 %), в двух случаях она близка квадратной (Спасское I, кург. 1, погр. 3, Тавлыкаевский I, кург. 7, погр. 10). Исключительной выглядит конфигурация могильной ямы в виде вытянутого прямоугольника (Салимовский, кург. 1, погр. 2), что сближает ее с могилами западноалакульской (соль-илецкой) группы [Рафикова, 2019, с. 182].

Перекрытия ям прослежены в 6 (37,5 %) случаях (табл. 7).

Каменные перекрытия зафиксированы над погребениями только южных микрорайонов (Агеевский, кург. 1, погр. 4, Каменный Дол I, кург. 2, погр. 1, Солончанка Iб, кург. 3, погр. 5). Дерево в качестве перекрытий использовано в захоронениях северо-западного (Селивановский II, кург. 1, погр. 10 и 14) и юго-восточного (Тавлыкаевский I, кург. 7, погр. 10) микрорайонов. Наличие перекрытий над парными погребениями не выделяло их на фоне других погребений. Так, например, для Агеевского могильника в целом характерны каменные плиты в качестве перекрытий, деревянные перекрытия для погребений Тавлыкаевского I.

График соотношения могил по длине и ширине показывает отсутствие четкой их группировки в соответствии с возрастными различиями погребенных в них индивидов (рис. 6). Значки могил разных возрастных групп в целом расположены вперемежку. В стороне от основного скопления находятся значки погребений двух могил, одно из которых представляет погребение подростков с несвойственной для могил этой возрастной группы малой шириной в 0,7 м (Селивановский II, кург. 1, погр. 2), а другое – взрослых с наибольшим во всей группе показателем длины 2,1 м (Салимовский, кург. 1, погр. 2) (рис. 6).

В большинстве случаев размеры могил соответствуют компактному размещению погребенных, расположенных вплотную друг к другу. Но есть исключения, где костяки подростков (Спасское I, кург. 1, погр. 3) находились почти в центре непропорционально большой для них могилы (рис. 4, II, 1). В двух могилах детей тоже отмечается свободное пространство (Солончанка Iб, кург. 3, погр. 5; Муракаевский, кург. 5, погр. 1). Размеры этих могил близки размерам могил взрослых (табл. 8).

Кости животных

Находки костей животных в рассматриваемой выборке ограничены четырьмя (25 %) случаями. В трех из них кости животных представляли остатки частей жертвенных животных, изначально находившихся, судя по всему, на перекрытиях погребений (Селивановский II, кург. 1, погр. 10 и 14, Солончанка Iб,

кург. 3, погр. 5). В погребениях Селивановского II это были остатки коровы, в Солончанка Iб, курган 3, погребение 5, по мнению автора отчета, нижняя челюсть могла принадлежать собаке [Малютина, 2000, с. 20].

Только в одном погребении взрослой пары расчищенные у стоп мужчины ребра овцы являлись остатками сопроводительной пищи (Селивановский II, кург. 1, погр. 12).

Нарушенность погребений

В рассматриваемой выборке потревожены всего три (18,8 %) погребения. Все они происходят из курганов южных микрорайонов. Два из них были единственными погребениями в алакульском и срубно-алакульском курганах, размещались в центре и содержали останки взрослых пар (Салимовский, кург. 1, погр. 2, Валит-2, кург. 3, погр. 1). Потревоженное погребение детей из алакульского кургана находилось на периферии подкурганной площадки (Солончанка Iб, кург. 3, погр. 5). Во всех случаях погребения потревожены в районе голов и верхних частей скелетов погребенных.

Обсуждая нарушенность парных погребений, нельзя игнорировать факты нахождения смещенных останков двух взрослых индивидов в центральных могилах Агеевский, курган 1 и Тавлыкаевский I, курган 3, периферийные захоронения которых не тронуты.

Кроме того, в Агеевский, курган 2 единственная могила, размещенная в центре, была нарушена, и в ней также найдены смещенные останки двух взрослых индивидов [Васильев и др., 2021, с. 81, рис. 8]. Потревоженные центральные могилы с останками двух взрослых индивидов в одномогильных курганах зафиксированы и в близлежащих могильниках – Таналыкском I одиночном кургане и Гумерово-1, курган 1 [Гарустович, Котов, 2007, с. 49, рис. 14; Сунгатов, 2015, с. 13, рис. 38, 53, а]. В.В. Куфтериним были изучены останки из Гумерово-1 – установлена их принадлежность разнополым индивидам [Сунгатов, 2015, с. 13]. Не исключено, что и в остальных перечисленных потревоженных погребениях находились разнополые индивиды, которые могли быть положены лицом друг к другу.

***Положение на левом / правом боку
в зависимости от половой
принадлежности погребенного***

Для большинства парных погребений из могильников эпохи поздней бронзы Южного Зауралья и сопредельных территорий характерно положение мужчин на левом боку, женщин на правом. В рассматриваемой выборке из 12 погребений, где пол индивидов установлен профессионально (7) и по косвенным признакам (5), только в пяти последних индивиды женского пола были положены на правом боку, а индивиды мужского пола – на левом (табл. 9).

Все 7 погребений, где на левом боку находились индивиды женского пола, на правом – мужского, происходят из двух срубно-алакульских курганов (Селивановский II, кург. 1, Каменный Дол I, кург. 2).

***Особенности положения погребенных.
Поза объятий***

Во всех погребениях исследуемой выборки покойники были уложены тесно прижатыми друг к другу. Полностью их положение прослеживается в 6 захоронениях кургана I Селивановского II, где все пары находились в позе объятий.

Взаимные объятия представлены в 3 парах: взрослых (Селивановский II, кург. 1, погр. 10, 12) и детей (Селивановский II, кург. 1, погр. 7). Во взрослых парах согнутые в локтях руки мужчины и женщины были переплетены (рис. 2, I, I, 7, I, 2, II, I, 7, 2). В детской паре руки покойных также были переплетены, а голени мальчика были обхвачены коленями девочки (рис. 5, I, I).

Односторонние женские объятия зафиксированы в 2 случаях. В паре подростка с ребенком правая рука девочки положена поверх тела мальчика-подростка (Селивановский II, кург. 1, погр. 14) (рис. 4, IV, I, 7, 5). В детской паре тело мальчика находилось между обеих рук девочки и, возможно, изначально ноги девочки обхватывали ноги мальчика (Селивановский II, кург. 1, погр. 13) (рис. 5, II, I, 7, 6).

Односторонние мужские объятия прослежены только у подростковой пары (Селивановский II, кург. 1, погр. 2). Руки у обоих кос-

тяков согнуты в локтях, кисти рук располагались, видимо, перед лицом или под щеками, а колени мальчика-подростка обхватывали голени девочки-подростка (рис. 4, I, I, 7, 4).

Еще в одном случае у взрослой пары (Тавлыкаевский I, кург. 3, погр. 3) положение рук прослежено частично – правая рука мужчины протянута к женщине, а к нему протянута ее левая рука, но несомненно, что пара находилась в позе взаимных объятий, поскольку ноги пары были «переплетены» (рис. 2, III, I, 7, 3).

Взаимные объятия можно предполагать и в паре подростка с ребенком (Агеевский, кург. 1, погр. 4). Обе руки девочки, согнутые в локтевых суставах, были направлены к черепу подростка, кисти ее рук не сохранились. У костяка подростка правая рука согнута в локте и вытянута к тазу девочки, его несохранившаяся кисть, вероятно, находилась в районе ее тазовых костей (рис. 4, III, I).

В трех погребениях о положении рук покойных судить сложно, но их ноги находились в переплетенном положении, что можно рассматривать как своеобразное выражение позы взаимных объятий (Тавлыкаевский I, кург. 7, погр. 10; Валит-2, кург. 3, погр. 1; Солончанка Iб, кург. 3, погр. 5) (рис. 2, IV, I, VI, I, 5, III, I).

Таким образом, во всех надежно зафиксированных случаях (11; 77,8 %) индивидам из одновременных погребений была придана поза объятий. В 4 погребениях наличие или отсутствие у пар объятий не определяется.

Отдельное рассмотрение положения ног погребенных позволяет говорить о равной представленности позиций перекрывания ног одного из погребенных ногами другого (№ 1) и переплетенных ног (№ 3). Чуть меньше случаев обхватывания ног одного погребенного ногами другого (№ 4) и только в одном случае согнутые ноги одного из погребенных покоились на коленях другого (№ 2) (табл. 10).

Сложно однозначно говорить о наличии или отсутствии объятий в единственном не одновременном погребении (Каменный Дол I, кург. 2, погр. 1).

Поза объятий в одновременных погребениях характерна для всех возрастных групп (табл. 11). Варианты ее индивидуальны для каждой пары, даже в случае нахождения их в пределах одной погребальной площадки позы не повторяются. Преобладает поза взаимных

объятий, она характерна для большинства взрослых пар (5), для менее половины детских (2) и одной пары подростка с ребенком. Среди односторонних объятий женские (2) преобладают над мужскими (1).

Инвентарь

Мужской инвентарь, представленный мелкими предметами, относящимися к категории аксессуаров и амулетов, обнаружен в (6; 37,5 %) погребениях – у трех взрослых мужчин из алакульского, срубно-алакульского и срубного курганов и двух подростков и одного ребенка из срубно-алакульских курганов. У двух взрослых мужчин найдены створки раковин с двумя отверстиями, так называемые поясные пряжки (рис. 2, V, 2, VI, 6–7). Обращает на себя внимание, что оба мужчины происходят из парных погребений, находившихся под индивидуальной насыпью. У одного мужчины под черепом найдена бронзовая обойма с точечными вдавлениями на поверхности, внутри которой был зажат кожаный шнурок (рис. 2, IV, 4). У мальчиков из детского и двух детско-подростковых погребений найден схожий набор предметов: при каждом имелись клыки животных (рис. 4, III, 7, 4, IV, 3, 5, II, 2), у подростков их дополняли раковины *Pectunculus* (рис. 4, III, 2, 4, 4, IV, 2). Возможно, именно юноше принадлежали два клыка животных, один из которых найден у черепов подростков, а «обломок другого – у нижней стенки» [Столос, 1972, с. 161].

Женский инвентарь обнаружен в 8 (50 %) погребениях. Орудие труда – игла найдено только в одном из них: под черепом ребенка из черкаскульского погребения (рис. 5, V, 2). В остальных 7 случаях у женщин обнаружены только украшения.

В большинстве случаев (6) украшения составляли комплект и их расположение в каждом случае было индивидуальным (табл. 12, рис. 8). Гарнитуры скомбинированы в основном из скромных украшений. Чаще всего в набор входила пара браслетов, каждый из которых был надет на одну руку (рис. 8, I–3, 5).

Драгоценные изделия, найденные в двух погребениях, представляли один вид – плакированную золотом височную подвеску. В одновременном погребении она являлась един-

ственным украшением и была положена в могилу намеренно разломанной на две половинки (рис. 3, 4). В другом, нарушенном погребении, она входила в состав декора, от которого помимо нее сохранились бронзовые бусины и пронизки, украшавшие подол рубахи и обувь, а также раковина, возможно, для украшения волос (рис. 2, VI, 2, 3, 5).

Наличие украшений коррелирует с возрастом погребенных женщин (табл. 13). Из 8 ненарушенных погребений подростково-детской группы украшения найдены только у двух девочек из срубно-алакульских курганов (Агеевский, кург. 1, погр. 4 и Селивановский II, кург. 1, погр. 13), в то время как из 7 ненарушенных погребений взрослых только в одном погребении из срубного кургана женщина захоронена без украшений (Тавлыкаевский I, кург. 3, погр. 3) (табл. 14).

Анализ украшений позволяет говорить и о культурной дифференциации. Больше всего погребений с украшениями выявлено в срубно-алакульских курганах (табл. 14), на это обстоятельство повлияло и значительное количественное преобладание парных погребений из этих курганов. Однако наиболее разнообразный декор у женщины из нарушенного алакульского погребения (Валит-2), более скромны украшения взрослых женщин и детей из срубно-алакульских погребений, а из срубных курганов только у одной взрослой женщины находились украшения единственной категории – браслеты.

Несомненно, что украшениям придавалось сакральное значение, в этом аспекте интерес представляет намеренно разломанная пополам височная подвеска в 1,5 оборота, оказавшаяся в таком состоянии в результате ритуала, о смысле которого мы можем только догадываться. Такие украшения найдены в двух захоронениях. В одновременном захоронении взрослых это престижное украшение, плакированное золотом, в погребении подростка с ребенком – обычное бронзовое. В последнем случае известны обстоятельства находки – одна половинка ее найдена у черепа мальчика-подростка, а вторая ее половинка находилась на черепе девочки. Сейчас трудно установить истинное значение помещения разломанных пополам подвесок в эти захоронения. Одним из вариантов трактовки может

быть аллегория живой пары как единого целого, которое ломает смерть.

Предположения о статусе похороненных женщин (прижизненном / посмертном?) на основе наличия / отсутствия и «богатства» / «бедности» украшений выглядят чересчур прямолинейными, поскольку общеизвестно, что на погребальный обряд в целом и на погребальный костюм женщины в частности мог влиять целый ряд разнохарактерных факторов. Однако весьма показательно, что наиболее разнообразные украшения, в том числе и драгоценная подвеска, найдены у женщины из пары, для которой сооружена индивидуальная насыпь. У мужчины из этого же погребения (Валит-2, кург. 3, погр. 1) находились пряжки из раковины. Еще одно погребение взрослых (Салимовский, кург. 1, погр. 2), устроенное в могиле с самыми большими размерами, также удостоено отдельной насыпи. В могиле найдена поясная пряжка из раковины, а женских украшений не обнаружено, вероятно, вследствие нарушения погребения. Сказанное свидетельствует в пользу того, что при сочетании (совокупности) с иными проявлениями статусности парных погребений, украшения можно отнести к их маркерам.

Из проведенного анализа ясно, что украшения в парных погребениях отражают возрастную, культурную, статусную, а в некоторых случаях и культурный аспекты.

Количество и местоположение сосудов

Сосуды найдены в 15 (93,8 %) погребениях из 16. Точное их количество надежно установлено в 12 могилах, где обнаружено от одного до четырех сосудов (табл. 15). Более чем в половине погребений находилось по два сосуда (7), значительно меньше случаев нахождения одного (3), трех и четырех сосудов (по 1). Только детская пара из коллективного погребения захоронена без сосудов (Селивановский II, кург. 1, погр. 7).

Жесткой зависимости нахождения конкретного количества сосудов в могилах определенной возрастной группы не наблюдается, за исключением того, что более двух сосудов обнаружено только в погребениях детско-подростковой группы (табл. 15).

В половине случаев (6) каждому индивиду в паре был поставлен один сосуд. В черкаскульском погребении с четырьмя сосудами также отмечается равное распределение сосудов – по два сосуда каждому из погребенных.

В случаях неравного распределения сосудов между погребенными (5), в большинстве (4) из них преобладающее количество находилось при мужских костяках, и только в одном из них больше сосудов размещено рядом с девочкой (Агеевский, кург. 1, погр. 4).

Заключение

Из известных на сегодняшний день парных погребений (16) в срубно-алакульской контактной зоне Южного Зауралья большинство сосредоточено в срубно-алакульских курганах (10), значительно меньше их в срубных (3) и алакульских (2) курганах. Лишь одно погребение происходит из черкаскульского кургана.

Во всех профессионально определенных случаях установления пола индивида, и в случаях определения его по инвентарю в могилах находились разнополые пары, возраст которых от 3–4 до 30–35 лет. Сочетание возраста людей в паре позволило выделить 7 взрослых погребений, по 2 подростковых и подростка с ребенком и 5 детских парных захоронений. Во всех достоверных случаях, где зафиксирована разница возраста между индивидами в паре, женщина младше мужчины: во взрослых парах – на 10 лет, в детско-подростковой группе – на 4–5 лет, в детской – на 2–3 года.

Ядром обряда, объединяющим рассмотренные погребения, является положение покойников. Покойники были уложены тесно прижатыми друг к другу и во всех надежно установленных случаях выявлена поза объятий, проявление которой в каждом случае индивидуально. Преобладают взаимные объятия, они прослежены у большинства взрослых пар (5), у двух детских и одной подростка с ребенком. Среди односторонних объятий женских (2) больше, чем мужских (1).

Результаты расшифровки геномов погребенных из кургана 1 Селивановского II могильника показали, что захороненная вместе разнополая пара взрослых людей, уложенных

в позе объятий, является родителями мальчика из индивидуального погребения 6. Этот факт свидетельствует в пользу версии о захоронении в парах взрослых людей, связанных реальными супружескими узами, а не символическими. Видимо, погребения детских и детско-подростковых пар можно объяснить их связью в виде «обручения» еще при жизни в малолетнем возрасте, что находит многочисленные примеры в традиционных обществах.

Парные погребения из срубных курганов включают алакульский компонент, обозначенный наличием аутентичных горшков, либо отдельными чертами на сосудах. Явное проявление алакульской традиции наблюдается и в двух погребениях взрослых из срубно-алакульских курганов не только наличием аутентичных сосудов, но и украшением обуви, что свойственно для алакульской традиции. В таких примерах заманчиво видеть представительниц иной традиции, включенных в коллектив общины, что подтверждается изотопными исследованиями, где было выяснено, что женщина проживала в иной климатической зоне [Рафикова и др., 2025, с. 50]. Это может подтверждать версию предшествующих исследователей о принадлежности, «скорее всего, женщины, к другой культуре» [Рутто, 2003, с. 95].

Не исключено, что совершение таких выразительных погребений было обусловлено определенными обстоятельствами, поскольку не все супружеские пары из срубно-алакульских курганов хоронились в одной могиле в положении лицом друг к другу [Blöcher et al., 2023].

Различия парных погребений, обусловленные возрастной дифференциацией индивидов, выражены в исключительно периферийном размещении детских и подростковых парных погребений, а также отсутствии в большинстве из них украшений. Последнее утверждение справедливо и для одиночных захоронений срубно-алакульской контактной зоны Южного Зауралья [Берсенева, 2020, с. 47–48].

В группе парных погребений взрослых проявлены признаки социальной дифференциации, выраженные в сооружении отдельных насыпей над погребениями (2), большими размерами могилы и разнообразием украшений, что свидетельствует о том, что обряд охватывал все слои общества независимо от социальной принадлежности индивидов.

Вопрос об обстоятельствах одновременной кончины супругов и предназначенных друг другу детей остается открытым, как и в целом причины, вызвавшие распространение практики парных погребений в популяциях развитого этапа позднего бронзового века Южного Зауралья и прилегающих к нему территорий [Рафикова, Федоров, 2017, с. 140–146]. Истоки этого обряда на данной территории, видимо, уходят в синташтинское время, где в немногочисленных захоронениях пар символическая составляющая проявляется более четко [Куприянова, 2018]. В последующее время эта составляющая отходит на задний план, а скорее модифицируется под влиянием социальных факторов, которые в практиковании парных погребений выходят на передний план.

Трактовка рассмотренных парных погребений в сугубо символическом ключе мало обоснована. Объяснения в этом русле могут двигаться лишь по пути домыслов. Не отвергая полезность исследований в этом направлении, заметим, что их достоверность может быть обеспечена только тщательным анализом источника, в основе которого лежат задачи выявления социальных факторов. Естественнонаучным исследованиям в прояснении многих вопросов, заданных парными погребениями, принадлежит одна из ключевых ролей. В целом же применение озвученных подходов и методов анализа в комплексе позволит приблизиться к истинному пониманию феномена парных погребений эпохи бронзы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Данное исследование выполнено в рамках государственного задания УФИЦ РАН № ГЗ 075-00571-25-00 от 27.12.2024 г. на 2025 г. и на плановый период 2026 и 2027 годов.

The study was carried out within the framework of the state task of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences No. 075-000571-25-00 for 2025 and for the planned period of 2026–2027.

² Из них два – Березовский V, курган 6, погребение 1 и Чапаевский V относятся к кожумбердынским.

³ Работы выполнены под руководством Дэвида Райха (Harvard Medical School, Boston, MA, USA). Автор признателен за разрешение использовать неопубликованные данные. Материалы готовятся к публикации.

⁴ Наличие каменных выкладок в Валит-2, курган 3 и Салимовский, курган 1 связано с захоронениями более позднего времени.

⁵ Общее количество исследованных погребений в этих могильниках 152, в это число не вошли раскопанные погребения из двух курганов могильника Каменный Дол I ввиду отсутствия по ним информации.

⁶ Это может быть принято с оговоркой, поскольку в 2 из них в курганах с парными погребениями находились нарушенные центральные погребения с останками двух взрослых, которые также могли располагаться лицом друг к другу – в Тавлыкаевский I, курган 3, погребение 4 и в Агеевский, курган 1, погребение 7.

⁷ В публикации этого комплекса [Морозов, 1984, с. 124] сказано, что бронзовые браслеты

были обнаружены «на запястьях погребенных», а в тексте отчета: «На запястье погребенного, находящегося у восточной стенки, обнаружен бронзовый браслет» [Морозов, 1975, с. 17]. На фото погребения отчетливо виден браслет на запястье правой руки костяка на правом боку, на левой же его руке, протянутой в направлении костяка на левом боку, ближе к запястью видна белая, несколько размытая полоса (второй браслет?) [Морозов, 1975а, рис. 234]. В фондах музея ИЭИ УФИЦ РАН хранятся обломки двух браслетов (рис. 2, IV, 2, 3). Скорее всего, в этом погребении браслеты находились на руках женщины, положенной на правом боку. У костяка на левом боку под черепом находился фрагмент обоймочки с кожаным ремешком внутри (элемент декора головного убора?) (рис. 2, IV, 4).

ПРИЛОЖЕНИЯ

Таблица 1. Характеристика погребальных сооружений могильников с парными погребениями срубно-алакульской контактной зоны Южного Зауралья

Table 1. Characteristics of burial structures of burial grounds containing paired burials of the Srubno-Alakul contact zone of the Southern Trans-Urals

Микро-район	Поряд-ряд-ковый номер	Наименование могильника	Надмогильные сооружения					
			Выявлено			Раскопано		
			курганы грунтовые	курганы грунтовые с каменной наброской	всего	курганы грунтовые	всего	%
Северный	1	Муракаевский	2 *	—	2	2	2	100
	2	Туишево-1	36	—	36	6	6	16,7
	3	Спасское I	4	—	4	4	4	100
	4	Селивановский II	15	—	15	2	2	13,3
Юго-западный	5	Тавлыкаевский I	14	—	14	9	9	64,3
	6	Салимовский	3	2	5	1 **	1	100
	7	Валит-2	1 ***	—	1	1	1	100
	8	Агеевский	6	—	6	2	2	33,3
Юго-восточный	9	Каменный Дол I	14	—	14	2	2	14,3
	10	Солончанка 16	20	—	20	2 ****	2	10

Примечание. * – могильник состоял из 13 курганов, которые полностью раскопаны, погребения эпохи бронзы обнаружены в 2 из них, поэтому только они и учтены; ** – на поверхности кургана находилась каменная наброска, связанная с погребением более позднего времени (раннего железного века или средневековья), поэтому этот курган учтен как грунтовый; *** – могильник состоял из 3 курганов, которые полностью раскопаны, к эпохе бронзы относится один курган, в котором содержалось единственное парное погребение; **** – один из двух курганов исследован полностью (кург. 3), у другого вскрыта только пола (кург. 4).

Note. * – the burial ground consisted of 13 kurgans, which have been completely excavated. Bronze Age burials were found in 2 of them; therefore, only these are included; ** – on the surface of the kurgan, there was a stone fill associated with a burial from a later period (Early Iron Age or Middle Ages); therefore, this kurgan is included as a ground kurgan; *** – the burial ground consisted of 3 kurgans, which have been completely excavated; one kurgan dates back to the Bronze Age and contained a single paired burial. **** – one of the two kurgans has been fully explored (kurgan 3); the other has only the floor exposed (kurgan 4).

Таблица 2. Доля парных погребений в могильниках срубно-алакульской контактной зоны Южного Зауралья и в анализируемой выборке

Table 2. Proportion of paired burials in the burial grounds of the Sрубno-Alakul contact zone in the Southern Trans-Urals and in the analyzed sample

Микрорайон	Поряд- ковый номер	Наименование могильника	Всего исследовано погре- бений			Доля парных погребений каждого могильника в выборке, %
			количе- ство	из них парных		
				коли- чество	%	
Северо- западный	1	Муракаевские I	3	1	33,3	6,25
	2	Туишевские I	26	1	3,8	6,25
	3	Спасское I	43	1	2,3	6,25
	4	Селивановский II	17	6	35,3	37,50
Юго- западный	5	Тавлыкаевский I	43	2	4,7	12,50
	6	Салимовский (Биш-УбаII)	1	1	100	6,25
	7	Валит-2	1	1	100	6,25
	8	Агеевский	8	1	12,5	6,25
Юго- восточный	9	Каменный Дол I	?	1	?	6,25
	10	Солончанка 1б	10	1	10	6,25
Всего			152	16	—	100

Таблица 3. Ориентировка погребенных и культурная принадлежность сосудов в курганах с парными погребениями срубно-алакульской контактной зоны Зауралья

Table 3. Body orientation of the buried and cultural affiliation of the vessels in the kurgans with paired burials of the Srubno-Alakul contact zone of the Southern Trans-Urals

Могильник, курган	Погребения на одной площадке с парными			Парные погребения		
	количество	ориентировка погребенных	керамика	количество	ориентировка погребенных	керамика
Срубно-алакульские курганы						
Спасское I, кург. 1	14	С – 9 В – 1 ? – 4	7 а, 18 с-а, 3 с, 1?	1	С	2 с-а
Селивановский II, кург. 1	8	С – 4 ССЗ – 3	5 а, 7 с-а	6	С – 4 ССВ – 1 СВ – 1	2 а 6 с-а
Агеевский, кург. 1	5	ЮВ – 1 ЮЮВ – 1 В – 1 ? – 2	1 с-а	1	ЮЮВ	1 с-а
Салимовский, кург. 1	–	–	–	1	Ю	2 с-а
Каменный Дол I, кург. 2	?	?	?	1	ССВ	1 с-а
Срубные курганы						
Туишево-1, кург. 3	6	С – 2 СВ – 1 ? – 3	9 с, 2 с-а	1	В	2 а
Тавлыкаевский I, кург. 3	4	?	2 с	1	С	2 с-а
Тавлыкаевский I, кург. 7	15	С – 3 СВ – 3 ССВ – 1 ? – 10	13 с	1	ССЗ	1 с 1 с-а
Алакульские курганы						
Валит-2, кург. 3	–	–	–	1	Ю	?
Солончанка 1б, кург. 3 *	5	3 – 2 1 – ЮЮЗ 2 – ССЗ	10 а	1	ЗЮЗ	1? а
Черкаскульский курган						
Муракаевский, кург. 5	1	ЮЗ-1	–	1	З	4 ч

Примечания. * – автор очень признателен Д.Г. Здановичу за сведения об этом комплексе; с – срубный сосуд, с-а – срубно-алакульский сосуд, а – алакульский сосуд, ч – черкаскульский сосуд.

Notes. * – the author is very grateful to D.G. Zdanovich for information about this complex; с – Srubnaya vessel, с-а – Srubno-Alakul vessel, а – Alakul vessel, ч – Cherkaskul vessel.

Таблица 4. Половозрастные определения костяков из парных погребений срубно-алакульской контактной зоны Южного Зауралья

Table 4. Age and sex determinations of the skeletons from paired burials of the Srubno-Alakul contact zone of the Southern Trans-Urals

№ п/п	Погребение	Профессиональные половозрастные определения		Определение пола и возраста по инвентарю и размерам костяка	
		пол	возраст	пол	возраст
ВЗРОСЛЫЕ					
Срубно-алакульские курганы					
1	Селивановский II, курган 1, погребение 10 костяк 1 на левом боку костяк 2 на правом боку	♀* ♂	20–22 (20–25) 25–30	–	–
2	Селивановский II, курган 1, погребение 12 костяк 1 на левом боку костяк 2 на правом боку	♀* ♂	20–25 25–35 (30–35)	–	–
3	Салимовский, курган 1, погребение 2 костяк 1 на левом боку костяк 2 на правом боку	–	–	–	взр. взр.
неодновременное					
4	Каменный Дол I, курган 2, погребение 1 ♂ подхоронен к ♀ костяк 1 на левом боку костяк 2 на правом боку	♀* ♂	20–25 25–35	–	–
Срубные курганы					
5	Тавлыкаевский I, курган 3, погребение 3 костяк 1 на левом боку костяк 2 на правом боку	–	–	♂? ♀?	взр. взр.
6	Тавлыкаевский I, курган 7, погребение 10 костяк 1 на левом боку костяк 2 на правом боку	–	–	♂ ♀*	взр. взр.

Примечания. × – нарушенные погребения; * – наличие украшений; ** – бронзовая игла (немногочисленные находки игл в могильниках эпохи поздней бронзы Южного Урала, как правило, приурочены к женским погребениям [Медведева, 2019, с. 133]).

Антропологические останки индивидов, захороненных в этом кургане, были проанализированы двумя специалистами-антропологами: А.И. Нечвалодой в 2000 г. в полевых условиях и В.В. Куфтериним в лаборатории в 2016 году. Обозначения возраста без скобок даны по результатам определений А.И. Нечвалоды, в скобках – по В.В. Куфтерину. В случае совпадения их определений или отсутствия определений у В.В. Куфтерина (по причине недоступности материалов) дано только одно обозначение.

Notes. × – disturbed burials; * – presence of jewelry; ** – bronze needle (the few finds of needles in Late Bronze Age burial grounds of the Southern Urals are typically associated with female burials [Medvedeva, 2019, p. 133]).

The anthropological remains of individuals buried in this kurgan were analyzed by two anthropologists: A.I. Nechvaloda in 2000 in the field and V.V. Kufterin in the laboratory in 2016. Age designations without parentheses are given according to the results of determinations by A.I. Nechvaloda, and in parentheses – according to V.V. Kufterin. In cases of coincidence of their determinations or absence of determinations by V.V. Kufterin (due to unavailability of materials), only one designation is given.

Окончание таблицы 4

End of Table 4

№ п/п	Погребение	Профессиональные половозрастные определения		Определение пола и возраста по инвентарю и размерам костяка	
		пол	возраст	пол	возраст
Алакульский курган					
7×	Валит-2, курган 3, погребение 1 костяк 1 на левом боку костяк 2 на правом боку	—	—	♀*	взр.? взр.?
ПОДРОСТКИ					
Срубно-алакульские курганы					
8	Селивановский II, курган 1, погребение 2 костяк 1 на левом боку костяк 2 на правом боку	♀ ♂	13–14 (14–15) 15–16 (14–15)	—	—
ПОДРОСТКИ					
Срубно-алакульские курганы					
9	Спасское I, курган 1, погребение 3 костяк 1 на левом боку костяк 2 на правом боку	—	—	—	подросток? подросток?
ПОДРОСТОК + РЕБЕНОК					
10	Селивановский II, курган 1, погребение 14 костяк 1 на левом боку костяк 2 на правом боку	♀ ♂	9–10 (8–9) 14–15	—	—
11	Агеевский, курган 1, погребение 4 костяк 1 на левом боку костяк 2 на правом боку	—	—	♂ ♀*	подросток? ребенок
ДЕТИ					
Срубно-алакульские курганы					
12	Селивановский II, курган 1, погребение 7 (+2 костяка на правом боку) костяк 1 на левом боку костяк 2 на правом боку	♀ ♂	3–4 6–7	—	—
13	Селивановский II, курган 1, погребение 13 костяк 1 на левом боку костяк 2 на правом боку	♀* ♂	7–8 (9–10) 8–9	—	—
Срубный курган					
14	Туишево-1, курган 3, погребение 3 костяк 1 на левом боку костяк 2 на правом боку	—	—	—	дети
Алакульский курган					
15×	Солончанка 16, курган 3, погребение 5 костяк 1 на левом боку костяк 2 на правом боку	—	—	—	дети
Черкаскульский курган					
16	Муракаевский, курган 5, погребение 1 костяк 1 на левом боку костяк 2 на правом боку	—	—	♀**	дети

Таблица 5. Распределение парных погребений по возрастным группам в зависимости от культурной принадлежности курганов

Table 5. Age-group distribution of paired burials by kurgan cultural attribution

Культурная принадлежность курганов	Взрослые	Подростки	Подросток с ребенком	Дети	Всего
Срубно-алакульская	4	2	2	2	10
Срубная	2	–	–	1	3
Алакульская	1	–	–	1	2
Черкаскульская	–	–	–	1	1
<i>Всего</i>	7	2	2	5	16

Таблица 6. Количество могил на погребальной площадке в курганах с парными погребениями срубно-алакульской контактной зоны Зауралья

Table 6. Number of burials in the burial site in the kurgans containing paired burials of the Srubno-Alakul contact zone of the Trans-Urals

Микрорайон	Количество могил на погребальной площадке							
	1	2	5	7	14	15	16	?
Число случаев								
Северо-западный	–	1	–	1	1	1	–	–
Юго-западный	2	–	1	1	–	–	1	–
Юго-восточный	–	–	–	1	–	–	–	1
<i>Всего</i>	2	1	1	3	1	1	1	1

Таблица 7. Перекрытия могильных ям парных погребений срубно-алакульской контактной зоны Зауралья

Table 7. Ceilings of burial pits of the Srubno-Alakul contact zone of the Trans-Urals

Возрастная группа	Перекрытие				
	дерево		камень		не зафиксировано
	плахи или бревенчатый накат вдоль	бревенчатый накат поперек	плиты	наброска	
Взрослые	1	1	1	–	4
Подростки	–	–	–	–	2
Подросток с ребенком	1	–	1	–	–
Дети	–	–	–	1	4
<i>Всего</i>	2	1	2	1	10

Таблица 8. Размеры могильных ям парных погребений срубно-алакульской контактной зоны Южного Зауралья

Table 8. Dimensions of burial pits with paired burials of the Srubno-Alakul contact zone of the Trans-Urals

Погребение	Длина	Ширина	Глубина
Взрослые			
Тавлыкаевский I, курган 3, погребение 3	1,12	0,8	0,5
Тавлыкаевский I, курган 7, погребение 10	1,33	1,1	0,5
Селивановский II, курган 1, погребение 10	1,5	1	0,45
Селивановский II, курган 1, погребение 12	1,5	1	0,35
Салимовский, курган 1, погребение 2	2,1	1	0,3
Подростки			
Селивановский II, курган 1, погребение 2	1,45	0,7	0,1
Спасское I, курган 1, погребение 3	1,5	1,2	0,61 *
Подросток с ребенком			
Селивановский II, курган 1, погребение 14	1,25	0,85	0,35
Агеевский, курган 1, погребение 4	1,37	0,9	0,27
Дети			
Туишево-1, курган 3, погребение 3	1,22	0,82	0,35
Селивановский II, курган 1, погребение 7 (+2 костяка на правом боку)	0,9	1,25	0,2
Селивановский II, курган 1, погребение 13	0,95	0,65	0,1
Солончанка 16, курган 3, погребение 5	1,45	1	0,4
Муракаевский, курган 5, погребение 1	1,4	1	0,95 **

Примечание. * – по данным автора публикации, «глубины даются с учетом погребенной почвы» [Стоколос, 1972, с. 147]; ** – от поверхности кургана.

Note. * – according to the author of the publication, “depths are given taking into account the buried soil” [Stokolos, 1972, p. 147]; ** – from the surface of the kurgan.

Таблица 9. Обусловленность положения на левом / правом боку в зависимости от пола погребенного

Table 9. Correlation between left/right-side burial position and the buried's gender

Возрастная группа	Общее количество погребений в выборке	Определимые случаи	Мужчина на левом боку, женщина на правом	Мужчина на правом боку, женщина на левом
Взрослые одновременные	6	4	2 с, 1 а	2
Взрослые неодновременные	1	1	–	1
Подростки	2	1	–	1
Подросток с ребенком	2	2	1 с-а	1
Дети	5	3	1 ч	2
<i>Всего</i>	16	12	5	7

Примечание. Погребения из: с – срубного кургана, а – алакульского, с-а – срубно-алакульского, ч – черкаскульского.

Note. Burials from: с – Srubnaya kurgan, а – Alakul, с-а – Srubno-Alakul, ч – Cherkaskul.

Таблица 10. Положение ног погребенных в парных погребениях эпохи поздней бронзы срубно-алакульской территории Южного Зауралья

Table 10. Position of the feet of the buried in paired burials of the Late Bronze Age in the Srubno-Alakul territory of the Southern Trans-Urals

Позиции ног	Возрастные группы				
	Взрослые од-новремен.	Подрост-ки	Подросток с ребенком	Дети	Всего
Позиция № 1: кости ног одного из погребенных перекрывают кости ног другого	2 с-а	–	2 с-а	–	4
Позиция № 2: голени одного из погребенных на бедрах другого	1 с-а	–	–	–	1
Позиция № 3: кости ног переплетены	2 с 1 а	–	–	1 а	4
Позиция № 4: кости ног одного из погребенных находятся между костями ног другого	–	1 с-а	–	2 с-а	3
Не определяется	–	1	–	2	3
<i>Всего</i>	6	2	2	5	15

Таблица 11. Поза объятий в парных погребениях срубно-алакульской территории Южного Зауралья

Table 11. Embracing position in paired burials in the Srubno-Alakul territory of the Southern Trans-Urals

Возрастные группы	Взаимные объятия	Женщина обнимает мужчину	Мужчина обнимает женщину	Объятий нет	Поза погребенных не определяется
	количество				
Взрослые одновременные	4	1	–	–	1
Взрослые неодновременные	–	–	–	1	–
Подростки	–	–	1	–	1
Подросток с ребенком	1	1	–	–	–
Дети	2	1	–	–	1
<i>Всего</i>	7	3	1	1	3

Таблица 12. Распределение схем украшений у индивидов женского пола разных возрастных групп из ненарушенных парных погребений срубно-алакульской контактной зоны Зауралья

Table 12. Distribution of ornament patterns in female individuals of different age groups from undisturbed paired burials of the Srubno-Alakul contact zone of the Trans-Urals

Расположение украшений по зонам	Взрослые	Подросток + Ребенок	Дети
Шея + руки + ноги	Селивановский II, курган 1/10	—	—
Голова + шея + руки	—	—	Селивановский II, курган 1/13
Руки + ноги	Селивановский II, курган 1/12	—	—
Голова + за спиной	—	Агеевский, курган 1/4	—
Голова	Каменный Дол I, курган 2/1	—	—
Руки	Тавлыкаевский I, курган 7/10	—	—
<i>Всего</i>	4	1	1

Таблица 13. Наличие украшений у женских костяков в разных возрастных группах

Table 13. Presence of jewelry in female skeletons of different age groups

Возрастная группа	Всего погребений	С украшениями	Без украшений	
	количество; %		Не нарушены	Нарушены
			количество; %	
	16; 100	7; 43,75	7; 43,75	2; 12,5
Взрослые одновременные	6; 100	4; 66,7	1; 16,6	1; 16,6
Взрослые неодновременные	1; 100	1; 100	—	—
Подростки	2; 100	—	2; 100	—
Подросток с ребенком	2; 100	1; 50	1; 50	—
Дети	5; 100	1; 20	3; 60	1; 20

Таблица 14. Количественное распределение погребений с украшениями в культурных группах

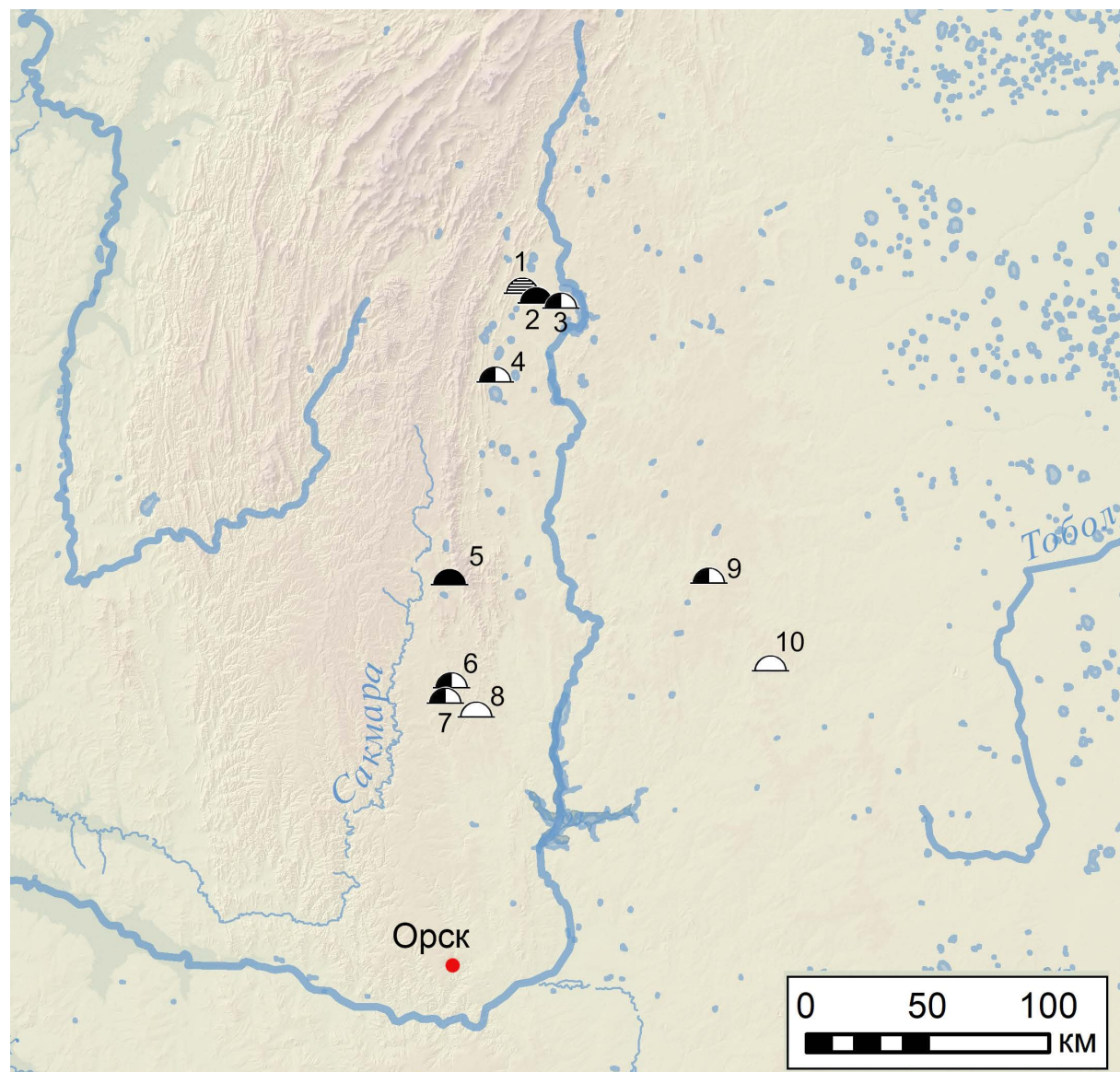
Table 14. Quantitative distribution of burials with jewelry in cultural groups

Культурная группа	Количество	% в культурной группе	% в выборке
Срубно-алакульская	5	50	31,3
Срубная	1	33,3	6,3
Алакульская	1	50,0	6,3

Таблица 15. Количество сосудов в могилах разных возрастных групп

Table 15. Number of vessels in burials of various age groups

Возрастные группы	Всего погребений с определенным числом сосудов	Количество сосудов в могиле			
		1 сосуд количество; %	2 сосуда количество; %	3 сосуда количество; %	4 сосуда количество; %
Взрослые	5	1; 20	4; 80	—	—
– одновременные	4	—	4; 100	—	—
– неодновременные	1	1; 100	—	—	—
Подростки	2	1; 50	1; 50	—	—
Подросток с ребенком	2	—	1; 50	1; 50	—
Дети	3	1; 33,3	1; 33,3	—	1; 33,3
<i>Всего</i>	12	3; 25	7; 53,8	1; 8,3	1; 8,3

 - срубно-алакульский - алакульский
 - срубный - черкасульский

Рис. 1. Могильники с парными погребениями эпохи поздней срубно-алакульской территории Южного Зауралья:

1 – Муракаевский I; 2 – Туишево-1; 3 – Спасское I; 4 – Селивановский II; 5 – Тавлыкаевский I; 6 – Агеевский; 7 – Салимовский; 8 – Валит-2; 9 – Каменный Дол I; 10 – Солончанка 1б

Fig. 1. Burial grounds with paired burials of the Late Bronze Epoch in the Srubno-Alakul territory of the Southern Trans-Urals:

1 – Murakaevsky; 2 – Tuishevo-1; 3 – Spasskoe I; 4 – Selivanovsky II; 5 – Tavlykaevsky I; 6 – Ageevsky; 7 – Salimovsky; 8 – Valit-2; 9 – Kamenny Dol I; 10 – Solonchanka 1b

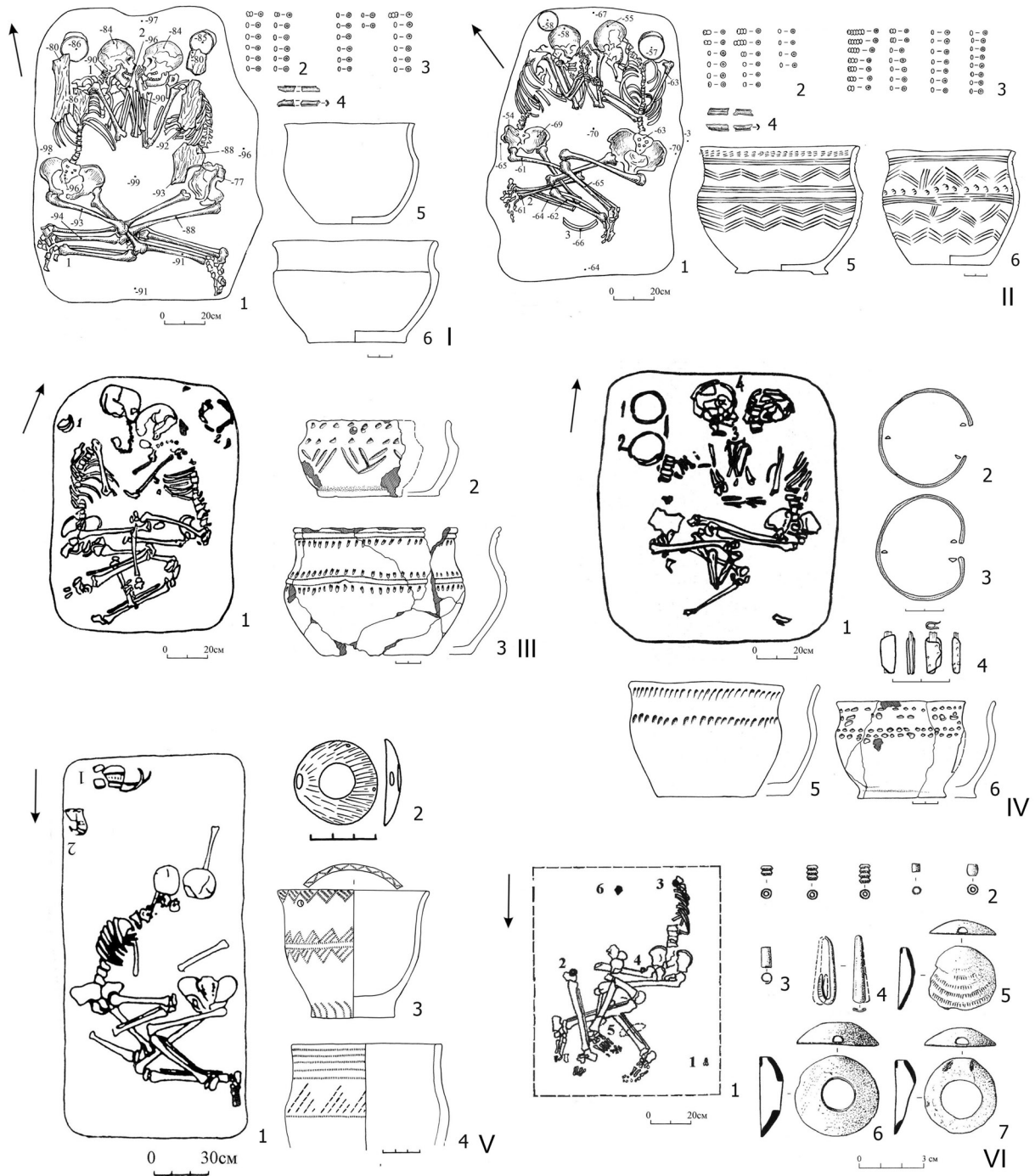

Рис. 2. Парные одновременные погребения взрослых срубно-алакульской территории Южного Зауралья:

- I, 1-6 – Селивановский II, кург. 1, погр. 10; II, 1-6 – Селивановский II, кург. 1, погр. 12;
 III, 1-3 – Тавлыкаевский I, кург. 3, погр. 3, 1 – план погребения (по: [Морозов, 1975а, рис. 152]);
 IV, 1-6 – Тавлыкаевский I, кург. 7, погр. 10, 1 – план погребения (по: [Морозов, 1975а, рис. 235]);
 V, 1-4 – Салимовский, кург. 1, погр. 2 (по: [Морозов, Нигматуллин, 1998, рис. 12, 10-13]);
 VI, 1-7 – Валит-2, кург. 3, погр. 1 (по: [Исмагил, Сунгатов, 2011, рис. 5, 2-12])

Fig. 2. Paired simultaneous adult burials of the Srubno-Alakul territory of the Southern Trans-Urals:

- I, 1-6 – Selivanovsky II, kurgan 1, burial 10; II, 1-6 – Selivanovsky II, kurgan 1, burial 12;
 III, 1-3 – Tavlykaevsky I, kurgan 3, burial 3, 1 – plan of burial (after: [Morozov, 1975a, fig. 152]);
 IV, 1-6 – Tavlykaevsky I, kurgan 7, burial 10, 1 – plan of burial (after: [Morozov, 1975a, fig. 235]);
 V, 1-4 – Salimovsky, kurgan 1, burial 2 (after: [Morozov, Nigmatullin, 1998, fig. 12, 10-13]);
 VI, 1-7 – Valit-2, kurgan 3, burial 1 (after: [Ismagil, Sungatov, 2011, fig. 5, 2-12])

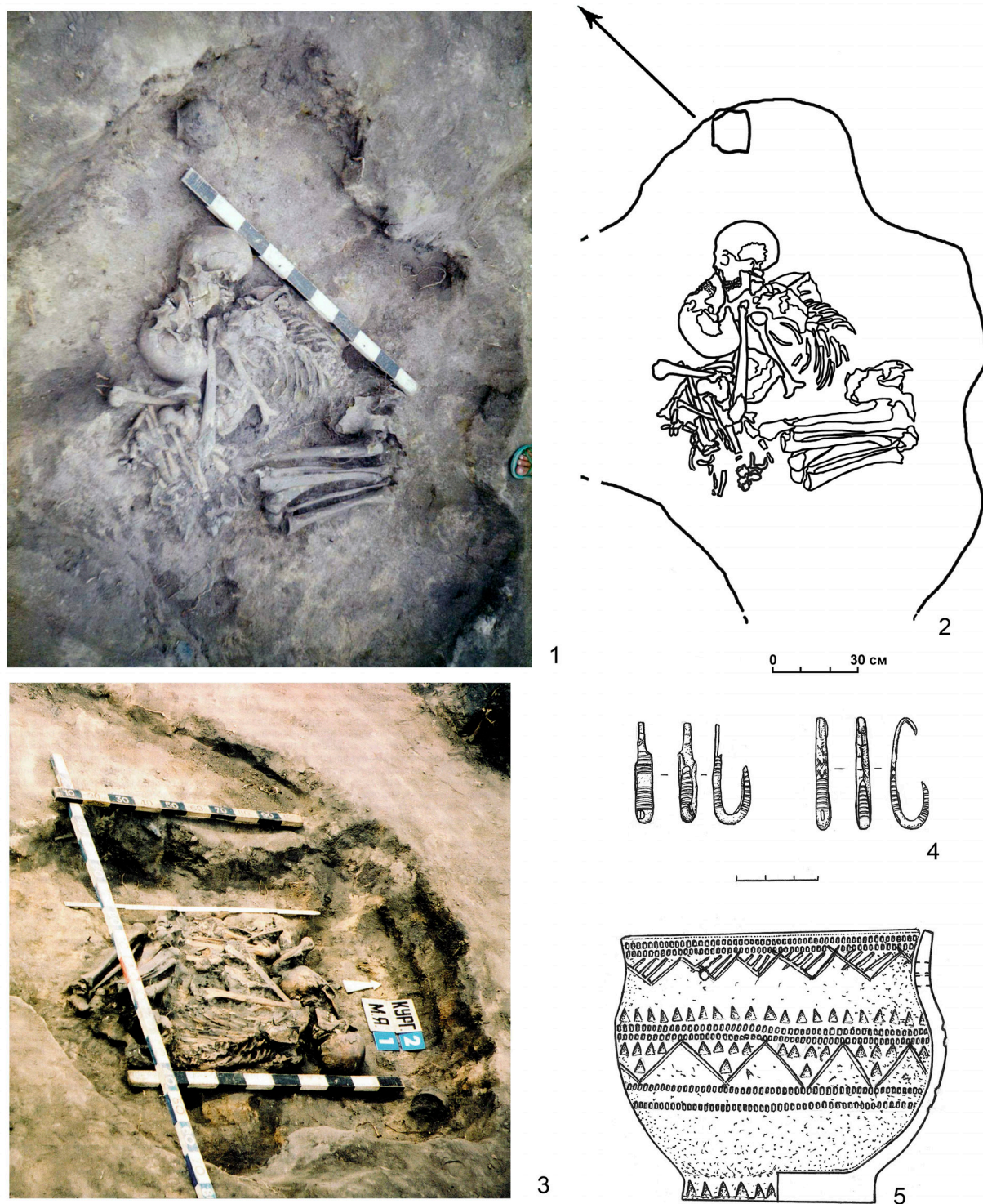

Рис. 3. Каменный Дол I, курган 2, погребение 1, парное неодновременное погребение:

- 1 – фото погребения (автор А.А. Каздым); 2 – рисунок погребения (автор В.В. Федорова);
 3 – фото погребения (по: [Куприянова, 2008, фото 21]); 4 – височная подвеска (по: [Куприянова, 2008, рис. 79]);
 5 – сосуд из погребения (автор Е.В. Куприянова)

Fig. 3. Kamenny Dol I, kurgan 2, burial 1, paired non-simultaneous burial:

- 1 – photo of burial (by A.A. Kazdym); 2 – drawing of burial (by V.V. Fedorova);
 3 – photo of burial (after: [Kupriyanova, 2008, photo 21]); 4 – temple pendant (after: [Kupriyanova, 2008, fig. 79]);
 5 – vessel from the burial (author E.V. Kupriyanova)

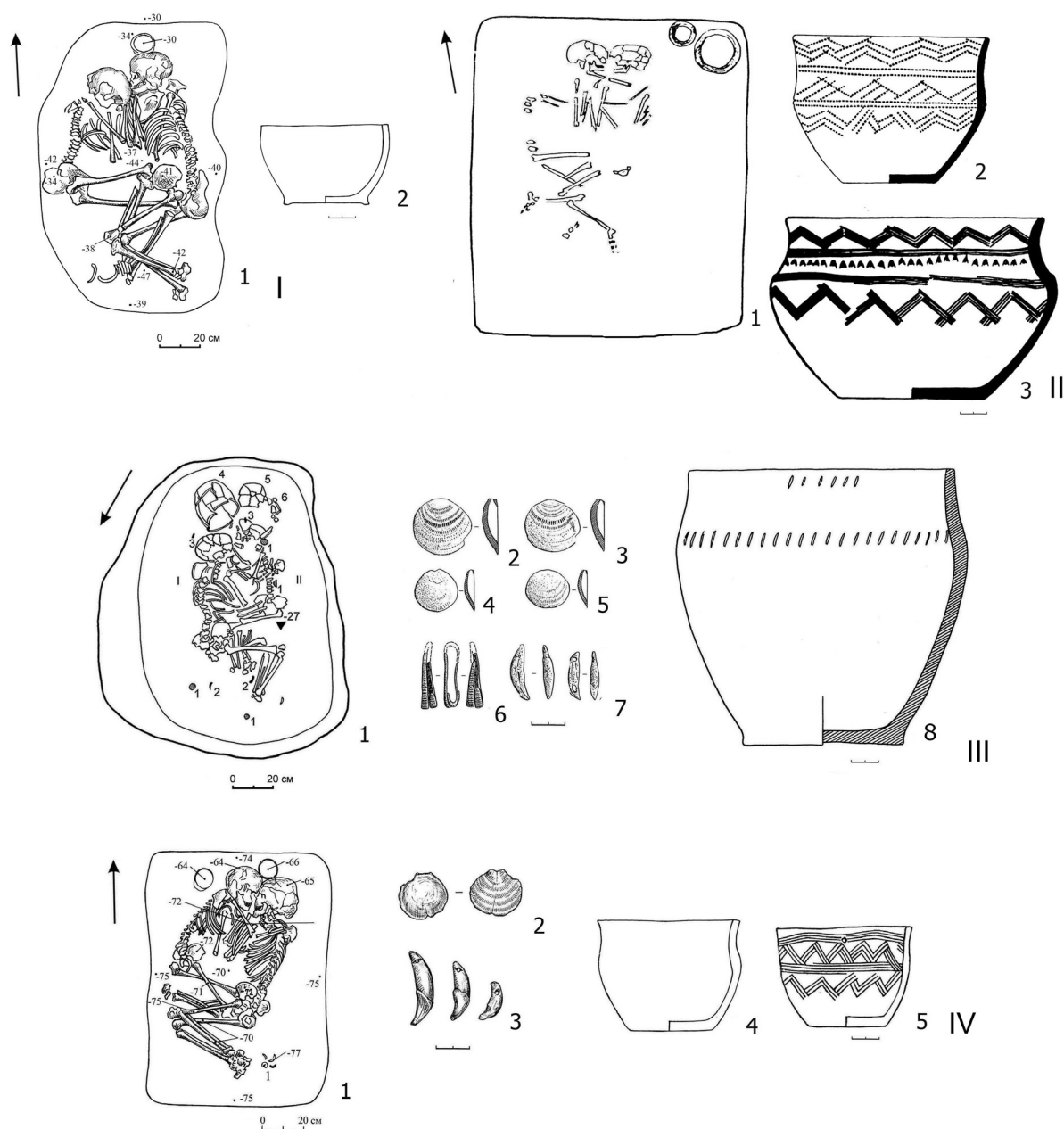

Рис. 4. Парные погребения подростков (I, II) и подростков с детьми (III, IV):

I, 1, 2 – Селивановский II, кург. 1, погр. 2; II, 1–3 – Спасское I, кург. 1, погр. 3 (по: [Стоколов, 1961, рис. 46]);

III, 1–8 – Агеевский, кург. 1, погр. 4; IV, 1–5 – Селивановский II, кург. 1, погр. 14

Fig. 4. Paired burials of adolescents (I, II) and adolescents with children (III, IV):

I, 1, 2 – Selivanovsky II, kurgan 1, burial 2; II, 1–3 – Spasskoye I, kurgan 1, burial 3 (after: [Stokolos, 1961, fig. 46]);

III, 1–8 – Ageevsky, kurgan 1, burial 4; IV, 1–5 – Selivanovsky II, kurgan 1, burial 14

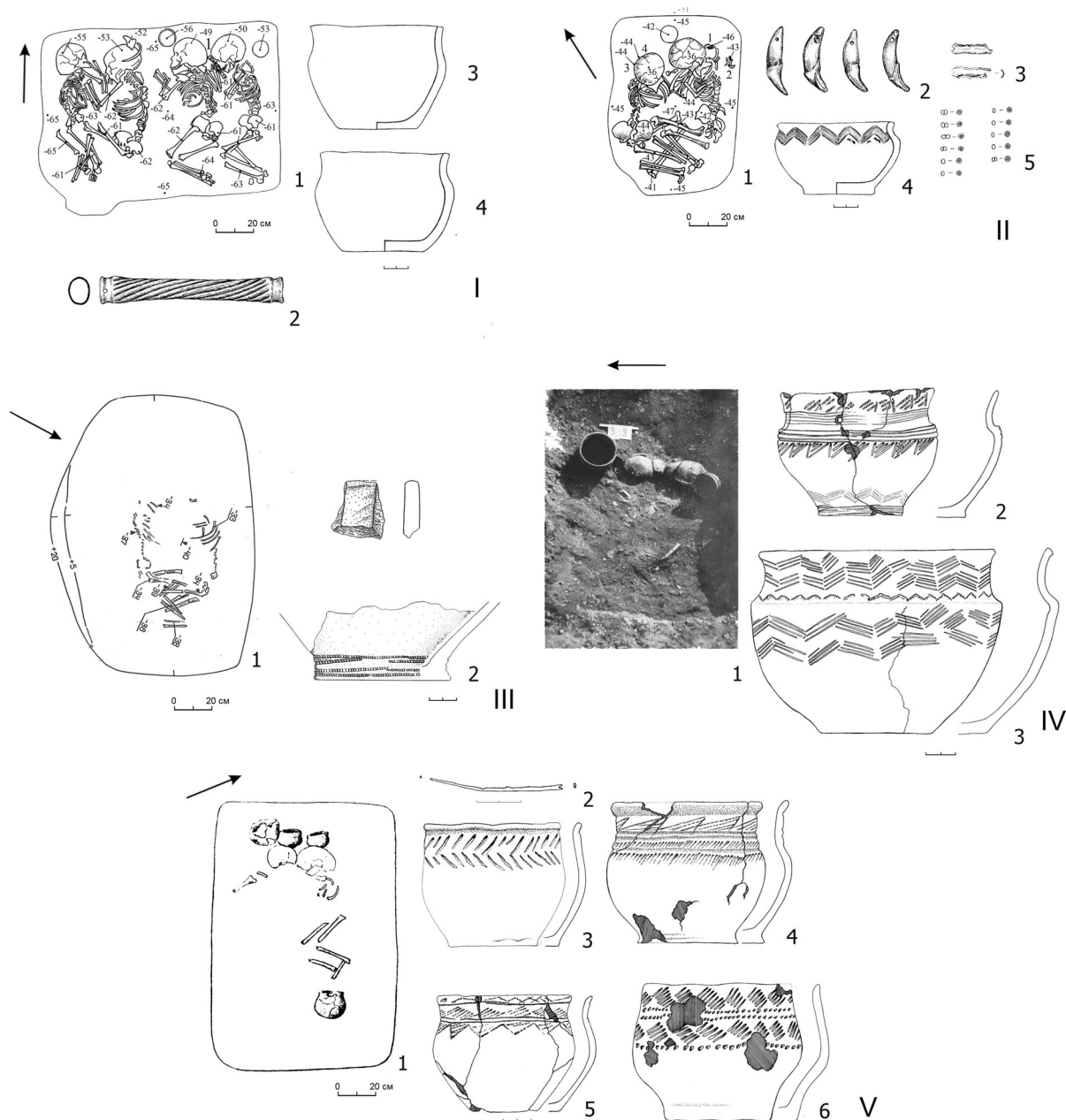

Рис. 5. Парные погребения детей:

- I, 1–5 – Селивановский II, кург. 1, погр. 7; II, 1–5 – Селивановский II, кург. 1, погр. 13;
 III, 1–3 – Солончанка 16, кург. 3, погр. 5 (по: [Малютина, 2000, рис. 23,3]);
 IV, 1–3 – Туишево-1, кург. 3, погр. 3 (по: [Стоколос, 1968, рис. 32]);
 V, 1–6 – Муракаевский, кург. 5, погр. 1, 1 – план погребения (по: [Мажитов, 1966, рис. 104])

Fig. 5. Paired burials of children:

- I, 1–5 – Selivanovsky II, kurgan 1, burial 7; II, 1–5 – Selivanovsky II, kurgan 1, burial 13;
 III, 1–3 – Solonchanka 16, kurgan 3, burial 5 (after: [Malyutina, 2000, fig. 23,3]);
 IV, 1–3 – Tuishevo-1, kurgan 3, burial 3 (after: [Stokolos, 1968, fig. 32]);
 V, 1–6 – Murakaevsky, kurgan 5, burial 1, 1 – plan of burial (after: [Mazhitov, 1966, fig. 104])

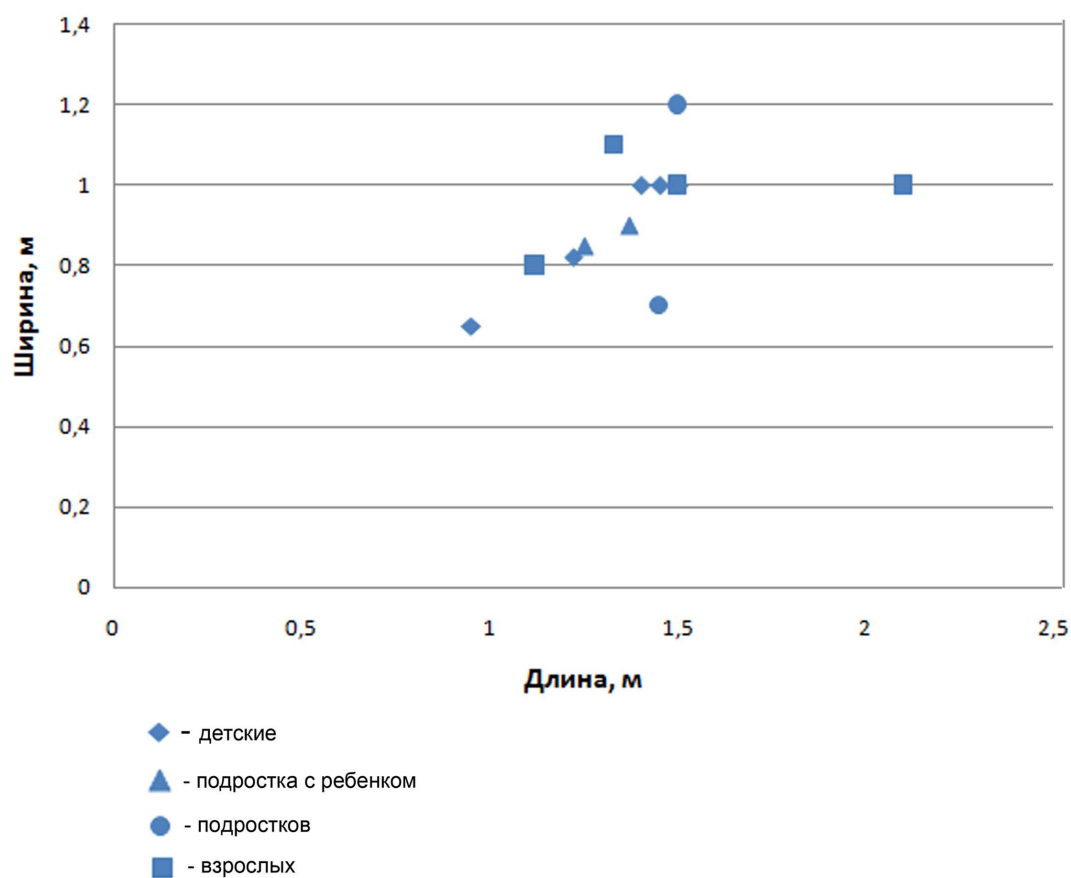

Рис. 6. Группировка могильных ям парных погребений срубно-алакульской территории Южного Зауралья по длине и ширине

Fig. 6. Grouping of burial pits with paired burials of the Srubno-Alakul territory of the Southern Trans-Urals by length and width

Рис. 7. Реконструкция позы погребенных в ненарушенных парных погребениях срубно-алакульской территории Южного Зауралья. Рисунки В.В. Федоровой:

- 1 – Селивановский II, кург. 1, погр. 10; 2 – Селивановский II, кург. 1, погр. 12;
3 – Тавлыкаевский I, кург. 7, погр. 10; 4 – Селивановский II, кург. 1, погр. 2;
5 – Селивановский II, кург. 1, погр. 14; 6 – Селивановский II, кург. 1, погр. 13

Fig. 7. Reconstruction of the pose of those buried in undisturbed paired burials in the Srubno-Alakul territory of the Southern Trans-Urals. Drawings by V.V. Fedorova:

- 1 – Selivanovsky II, kurgan 1, burial 10; 2 – Selivanovsky II, kurgan 1, burial 12;
3 – Tavlykaevsky I, kurgan 7, burial 10; 4 – Selivanovsky II, kurgan 1, burial 2;
5 – Selivanovsky II, kurgan 1, burial 14; 6 – Selivanovsky II, kurgan 1, burial 13

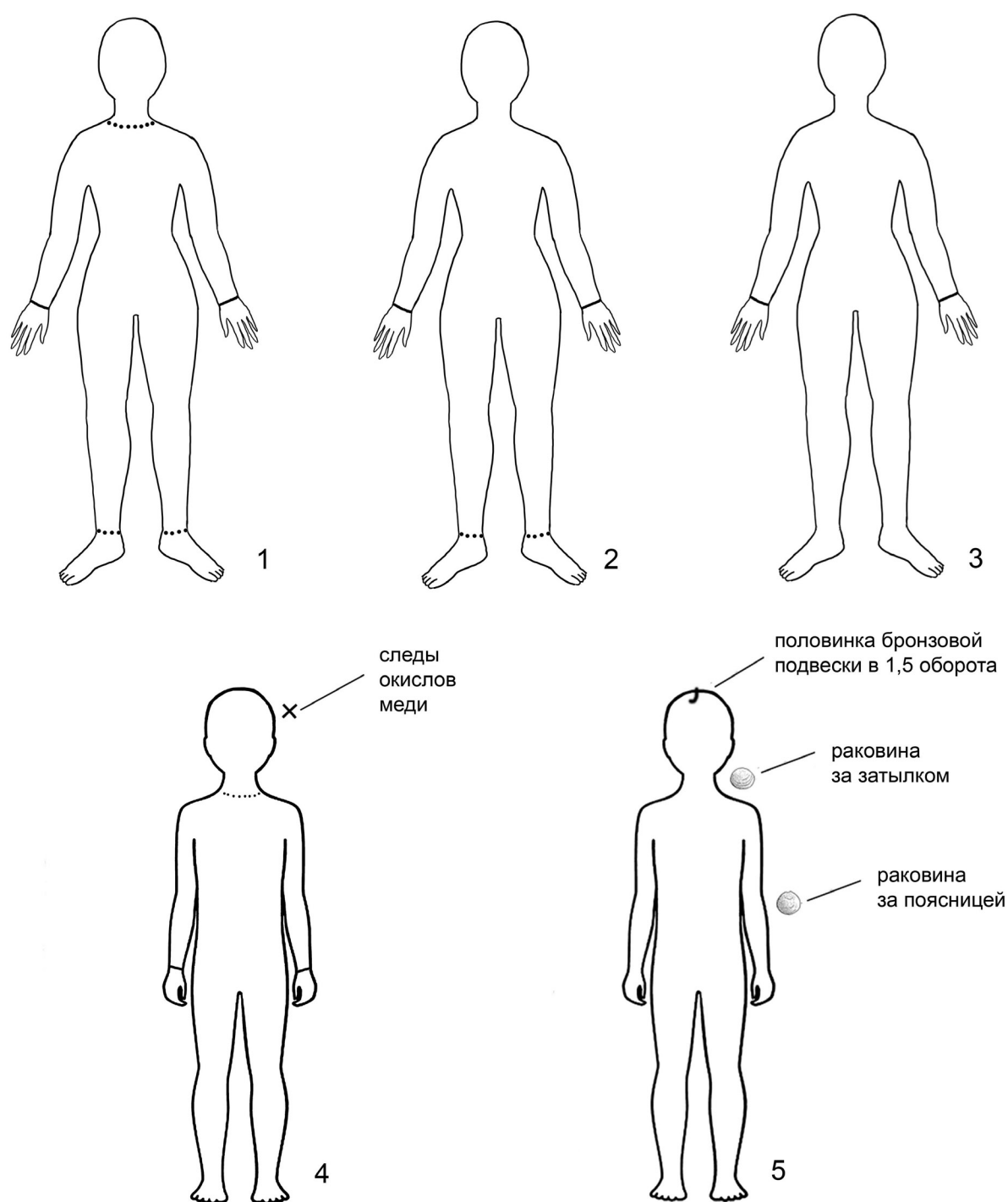

Рис. 8. Расположение украшений на покойницах в ненарушенных парных погребениях срубно-алакульской территории Южного Зауралья:

1 – Селивановский II, кург. 1, погр. 10; 2 – Селивановский II, кург. 1, погр. 12;
3 – Тавлыкаевский I, кург. 7, погр. 10; 4 – Селивановский II, кург. 1, погр. 13; 5 – Агеевский, кург. 1, погр. 4

Fig. 8. The position of jewelry on deceased women in undisturbed paired burials in the Srubno-Alakul territory of the Southern Trans-Urals:

1 – Selivanovsky II, kurgan 1, burial 10; 2 – Selivanovsky II, kurgan 1, burial 12;
3 – Tavlykaevsky I, kurgan 7, burial 10; 4 – Selivanovsky II, kurgan 1, burial 13; 5 – Ageevsky, kurgan 1, burial 4

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алаева И. П., 2015. Культурная специфика памятников позднего бронзового века степной зоны Южного Зауралья : дис. ... канд. ист. наук. М. 539 с.
- Берсенева Н. А., 2017. Детские захоронения в контексте погребальной обрядности эпохи бронзы Южного Урала: субъект или объект? // Уфимский археологический вестник. № 17. С. 8–12.
- Берсенева Н. А., 2020. Подвижный образ жизни и общество: срубно-алакульский феномен эпохи бронзы Южного Зауралья // Уральский исторический вестник. № 4 (69). С. 42–50. DOI: [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2020-4\(69\)-42-50](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2020-4(69)-42-50)
- Берсенева Н. А., 2022. Детские погребения срубной культуры Южного Урала. Изучение возрастных групп и этапов социализации детей // Поволжская археология. № 1 (39). С. 61–70. DOI: <https://doi.org/10.24852/pa2022.1.39.61.70>
- Васильев В. Н., Исмагил Р., Рафикова Я. В., 2001. Агеевский курганный могильник эпохи поздней бронзы в Башкирском Зауралье // Поволжская археология. № 1 (39). С. 71–86.
- Гарустович Г. Н., Котов В. Г., 2007. Таналыкское I поселение // Уфимский археологический вестник. № 6-7. С. 32–49.
- Епимахов А. В., 2023. Хронология алакульской культуры (новые материалы к дискуссии) // Краткие сообщения института археологии. Вып. 270. С. 171–186. DOI: <https://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.270.171-186>
- Исмагил Р., Сунгатов Ф. А., 2011. Могильник Валит-2 и проблема датировки «шагреновой» культуры V–IV вв. до н.э. Южного Урала // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы : материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 20-летию независимости Республики Казахстан и 20-летию института археологии им. А.Х. Маргулана КН МОН РК. Т. 2. Алматы. С. 65–79.
- Китов Е. П., 2008. Антропологические материалы срубно-алакульского времени Южного Зауралья // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: История. Вып. 23, № 5 (106). С. 96–105.
- Куприянова Е. В., 2008. Тень женщины: женский костюм эпохи бронзы как «текст» (по материалам некрополей Южного Зауралья и Казахстана). Челябинск : АвтоГраф. 244 с.
- Куприянова Е. В., 2018. «Мужская» и «женская» модель в погребальной обрядности бронзового века в Южном Зауралье // Мужской и женский мир в отражении археологии : материалы Всерос. с междунар. участием науч. конф. Уфа : ИИЯЛ УФИЦ РАН. С. 33–43.
- Куфтерин В. В., Нечвалода А. И., 2016. Антропологическое исследование скелетов из срубно-алакульского кургана Селивановского II могильника (Южное Зауралье) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 4 (35). С. 79–89.
- Мажитов Н. А., 1966. Научный отчет о результатах археологической экспедиции 1966 года // Архив УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. № 689. 35 с.
- Малютина Т. М., 2000. Раскопки погребений эпохи бронзы в Северном Оренбуржье (могильник Солончанка 16) // Архив ИА РАН. Ф. 1 Р. 1. № 24072. 82 с.
- Медведева П. С., 2019. Текстиль в позднем бронзовом веке Южного Урала : дис. ... канд. ист. наук. Челябинск. 539 с.
- Молодин В. И., Епимахов А. В., Марченко Ж. В., 2014. Радиоуглеродная хронология культур эпохи бронзы Урала и юга Западной Сибири: принципы и подходы, достижения и проблемы // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 13, вып. 3. С. 136–167.
- Морозов Ю. А., 1975. Научный отчет о результатах археологических исследований за 1975 г. // Научный архив ИЭИ УНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Ед. хр. 61. 21 с.
- Морозов Ю. А., 1975а. Альбом иллюстраций к отчету 1975 г. // Научный архив ИЭИ УНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Ед. хр. 62. 22 с.
- Морозов Ю. А., 1984. Могильники эпохи бронзы у села Верхнетавлыкаево // Памятники кочевников Южного Урала. Уфа : БФАН СССР. С. 117–135.
- Морозов Ю. А., Нигматуллин Р. А., 1998. Этнокультурные связи срубных племен Приуралья в эпоху развитой бронзы (по материалам Петряевского могильника) : препринт. Уфа : АН РФ, АН РБ, УНЦ. 40 с.
- Рафикова Я. В., 2008. Парные погребения срубно-алакульской контактной зоны Южного Зауралья // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: История. Вып. 25, № 18 (119). С. 5–13.
- Рафикова Я. В., 2008а. Срубно-алакульский курган Селивановского II могильника из Южного Зауралья и проблема парных погребений эпохи бронзы // Российская археология. № 4. С. 72–83.

- Рафикова Я. В., 2019. Парные погребения западноалакульской (соль-илецкой) культурной группы: хронология, генезис, интерпретация // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. № 3 (31). С. 173–208. DOI: <https://doi.org/10.32516/2303-9922.2019.31.13>
- Рафикова Я. В., 2023. Парные погребения кожумбердынской культурной группы эпохи поздней бронзы Южного Приуралья // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. № 4 (48). С. 130–181. DOI: <https://doi.org/10.32516/2303-9922.2023.48.9>
- Рафикова Я. В., Федоров В. К., 2017. Курганы Южного Зауралья. Кн. 1. Учалинский и Абзелиловский районы Республики Башкортостан. Уфа : Китап. 244 с.
- Рафикова Я. В., Анкушева П. С., Васючков Е. О., Вязов Л. А., Зазовская Э. П., Куфтерин В. В., Турчинская С. М., Епимахов А. В., 2025. Изотопы, ДНК и повороты судьбы людей из могильника бронзового века Селивановский II // Бюллетень Всероссийского семинара «Стабильные изотопы в археологических исследованиях: методические проблемы и историческая проблематика». Материалы VII заседания. М. : ИА РАН. С. 48–52.
- Рутто Н. Г., 2003. Срубно-алакульские связи на Южном Урале. Уфа : Гилем. 211 с.
- Рутто Н. Г., Морозов Ю. А., 2001. О парных погребениях срубно-алакульских племен на Южном Урале // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация : материалы Междунар. конф. «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы». Самара : ООО «НТЦ» С. 333–335.
- Сальников К. В., 1967. Очерки древней истории Южного Урала. М. : Наука. 408 с.
- Сотникова С. В., 2016. Погребальные памятники синташтинского и андроновского населения как источник по реконструкции ритуалов и представлений. Омск : Наука. 290 с.
- Стоколос В. С., 1961. Отчет Верхне-Уральской археологической экспедиции Челябинского областного краеведческого музея о работах в районе сооружения Верхне-Уральского водохранилища 1961 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 2336. 73 л., 29 ил.
- Стоколос В. С., 1968. Научный отчет о результатах археологических исследований за 1968 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 3745а. 27 л.
- Стоколос В. С., 1972. Культура населения бронзового века Южного Зауралья. М. : Наука. 168 с.
- Сунгатов Ф. А., 2015. Научный отчет о раскопках объекта археологического наследия «Гумерово-1, курганный могильник» в Баймакском районе Республики Башкортостан в 2015 году // Архив учебной археологической лаборатории УУНиТ. 69 с.
- Blöcher J., Brami M., Feinauer I. S., Stolarczyk E., Diekmann Y., Vetterditz L., Karapetian M., Winkelbach L., Kokot V., Vallin L., Stobbe A., Haak W., Papageorgopoulou C., Krause R., Sharapova S., Burger J., 2023. Descent, Marriage, and Residence Practices of a 3,800- Year- Old Pastoral Community in Central Eurasia // Proceedings of the National Academy of Sciences. Vol. 120, № 36. DOI: <https://doi.org/10.1073/pnas.2303574120>

REFERENCES

- Alaeva I.P., 2015. *Kul'turnaya spetsifika pamyatnikov pozdnego bronzovogo veka stepnoy zony Yuzhnogo Zaural'ya: dis. ... kand. ist. nauk* [Cultural Specifics of the Monuments of the Late Bronze Age of the Steppe Zone of the Southern Trans-Urals. Cand. hist. sci. diss.]. Moscow. 539 p.
- Berseneva N.A., 2017. Detskie zahoroneniya v kontekste pogrebal'noy obryadnosti epohi bronzy Yuzhnogo Urals: sub'ekt ili ob'ekt? [Children's Burials in the Context of the Funeral Rites of the Bronze Age Period in the Southern Urals: A Subject or an Object?]. *Ufimskiy arheologicheskiy vestnik* [Ufa Archaeological Herald], no. 17, pp. 8-12.
- Berseneva N.A., 2020. Podvizhnyy obraz zhizni i obshchestvo: sрубno-alakul'skiy fenomen epohi bronzy Yuzhnogo Zaural'ya [Mobile Lifestyle and Society: The Sрубnaya-Alakul Phenomenon in the Bronze Age of the Southern Trans-Urals]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik* [The Ural Historical Bulletin], no. 4 (69), pp. 42-50. DOI: [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2020-4\(69\)-42-50](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2020-4(69)-42-50)
- Berseneva N.A., 2022. Detskie pogrebeniya sрубnoy kul'tury Yuzhnogo Urals. Izuchenie vozrastnykh grupp i etapov sotsializatsii detey [Children's Burials of the Sрубnaya Culture in the Southern Urals. Research in the Age Groups and Stages of Children Socialization]. *Povolzhskaya arheologiya* [The Volga River Region Archaeology], no. 1 (39), pp. 61-70. DOI: <https://doi.org/10.24852/pa2022.1.39.61.70>

- Vasiliev V.N., Ismagil R., Rafikova Ya. V. Ageevskiy kurgannyj mogil'nik epohi pozdnej bronzy v Bashkirskom Zaural'e [The Ageevsky Burial Mound of the Late Bronze Age in the Bashkir Trans-Urals]. *Povolzhskaya arheologiya* [The Volga River Region Archaeology], no. 1 (39), pp. 71-86.
- Garustovich G.N., Kotov V.G., 2007. Tanalykskoe I poselenie [Tanalyk I Settlement]. *Ufimskiy arheologicheskij vestnik* [Ufa Archaeological Herald], no. 6-7, pp. 32-49.
- Epimakhov A.V., 2023. Hronologiya alakul'skoy kul'tury (novye materialy k diskussii) [Alakul Culture Chronology (New Materials for Discussion)]. *Kratkie soobshcheniya instituta arheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], iss. 270, pp. 171-186. DOI: <https://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.270.171-186>
- Ismagil R., Sungatov F.A., 2011. Mogil'nik Valit-2 i problema datirovki «shagrenevoy» kul'tury V–IV vv. do n.e. Yuzhnogo Urala [The Burial Ground of Valit-2 and the Problem of Dating the “Shagreen” Culture of the 5th–4th c. BC of the Southern Urals]. *Arheologiya Kazakhstana v epohu nezavisimosti: itogi, perspektivy: materialy Mezhdunar. nauch. konf., posvyashch. 20-letiyu nezavisimosti Respubliki Kazakhstan i 20-letiyu instituta arheologii im. A.H. Margulana KN MON RK* [Archaeology of Kazakhstan in the Era of Independence: Results, Prospects: Materials of the International Scientific Conference, Dedicated. The 20th Anniversary of Independence of the Republic of Kazakhstan and the 20th Anniversary of the A.H. Margulan Institute of Archaeology of the KN of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan], vol. 1. Almaty, pp. 65-79.
- Kitov E.P., 2008. Antropologicheskie materialy srubno-alakul'skogo vremeni Yuzhnogo Zaural'ya [Anthropological Materials of the Srubno-Alakul Period of the Southern Trans-Urals]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya* [Bulletin of the Chelyabinsk State University. Series: History], iss. 23, no. 5 (106), pp. 96-105.
- Kupriyanova E.V., 2008. Ten' zhenshchiny: zhenskiy kostyum epohi bronzy kak «tekst» (po materialam nekropoley Yuzhnogo Zaural'ya i Kazakhstana) [Shadow of a Woman: A Female Costume of the Bronze Age as a “Text” (Based on the Materials of the Necropolises of the Southern Trans-Urals and Kazakhstan)]. Chelyabinsk, AvtoGraph Publ. 244 p.
- Kupriyanova E.V., 2018. «Muzhskaya» i «zhenskaya» model' v pogrebal'noy obryadnosti bronzovogo veka v Yuzhnom Zaural'e [The “Male” and “Female” Models in the Funeral Rituals of the Bronze Age in the Southern Urals]. *Muzhskoy i zhenskiy mir v otrazhenii arheologii: materialy Vseros. s mezhdunar. uchastiem nauch. konf.* [The Male and Female World in the Reflection of Archeology: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference with International Participation]. Ufa, IHLL UFRC RAS, pp. 33-43.
- Kufterin V.V., Nechvaloda A.I., 2016. Antropologicheskoe issledovanie skeletov iz srubno-alakul'skogo kurgana Selivanovskogo II mogil'nika (Yuzhnoe Zaural'e) [Anthropological Study of Skeletons from the Srubno-Alakulsky Kurgan of the Selivanovsky II Cemetery (Southern Trans-Urals)]. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography], no. 4 (35), pp. 79-89.
- Mazhitov N.A., 1966. Nauchnyy otchet o rezul'tatah arheologicheskoy ekspeditsii 1966 goda [Scientific Report on the Results of the 1966 Archaeological Expedition]. *Archive of the UNTs RAN*, f. 3, inv. 2, no. 689. 35 p.
- Malyutina T.M., 2000. Raskopki pogrebeniy epohi bronzy v Severnom Orenburzh'e (mogil'nik Solonchanka 1b) [Excavations of Bronze Age Burials in the Northern Orenburg Region (Solonchanka 1b Burial Ground)]. *Arkhiv IA RAN*, f. 1 R. 1, no. 24072. 82 p.
- Medvedeva P.S., 2019. *Tekstil' v pozdnem bronzovom veke Yuzhnogo Urala: dis. ... kand. ist. nauk* [Textiles in the Late Bronze Age of the Southern Urals. Cand. hist. sci. diss.]. Chelyabinsk. 539 p.
- Molodin V.I., Epimakhov A.V., Marchenko Zh.V., 2014. Radiouglerodnaya hronologiya kul'tur epohi bronzy Urala i yuga Zapadnoy Sibiri: printsipy i podhody, dostizheniya i problemy [Radiocarbon Chronology of the Bronze Age Cultures of the Urals and the South of Western Siberia: Principles and Approaches, Achievements and Problems]. *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya* [Vestnik of Novosibirsk State University. Series: History, Philology], vol. 13, iss. 3, pp. 136-167.
- Morozov Yu.A., 1975. Nauchnyy otchet o rezul'tatah arheologicheskikh issledovaniy za 1975 g. [Scientific Report on the Results of Archaeological Research in 1975]. *Scientific Archive of the IEI UNC RAS*. Fund 1 inventory of 6 units. chr. 61. 21 p.
- Morozov Yu.A., 1975a. Al'bom illyustratsiy k otchetu 1975 g. [Album of Illustrations for the 1975 Report]. *Scientific Archive of the IEI UNC RAS*. Fund 1, inventory of 6, units. chr. 62. 22 p.
- Morozov Yu.A., 1984. Mogil'niki epohi bronzy u sela Verhnetavlykaevo [Burial Grounds of the Bronze Age near the Village of Verkhnetavlykaevo]. *Pamyatniki kochevnikov Yuzhnogo Urala* [Monuments of the Nomads of the Southern Urals]. Ufa, BBAS USSR, pp. 117-135.

- Morozov Yu.A., Nigmatullin R.A., 1998. *Etnokul'turnye svyazi srubnykh plemyon Priural'ya v epokhu razvitiy bronzы (po materialam Petryaevskogo mogil'nika): preprint* [Ethnocultural Relations of the Log Tribes of the Urals in the Era of the Developed Bronze Age (Based on the Materials of the Petrovsky Burial Ground)]. Ufa, AS RF, AS RB, UNC. 40 p.
- Rafikova Ya.V., 2008. Parnye pogrebeniya srubno-alakul'skoy kontaktnoy zony Yuzhnogo Zaural'ya [Paired Burials of the Srubno-Alakul Contact Zone of the Southern Trans-Urals]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya* [Bulletin of the Chelyabinsk State University. Series: History], iss. 25, no. 18 (119), pp. 5-13.
- Rafikova Ya.V., 2008a. Srubno-alakul'skiy kurgan Selivanovskogo II mogil'nika iz Yuzhnogo Zaural'ya i problema parnykh pogrebeniy epokhi bronzы [The Srubno-Alakul'sky Kurgan at Selivanovskiy II Cemetery in the South Trans-Urals and the Issue of Bronze Age Double Burials]. *Rossiyskaya arheologiya* [Russian Archaeology], no. 4, pp. 72-83.
- Rafikova Ya.V., 2019. Parnye pogrebeniya zapadnoalakul'skoy (sol'-iletskoy) kul'turnoy gruppy: hronologiya, genezis, interpretatsiya [West-Alakul (Sol'-Iletsk) Paired Burials: Chronology, Genesis, Interpretation]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Elektronnyy nauchnyy zhurnal* [Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal], no. 3 (31), pp. 173-208. DOI: <https://doi.org/10.32516/2303-9922.2019.31.13>
- Rafikova Ya.V., 2023. Parnye pogrebeniya kozhumberdyskoy kul'turnoy gruppy epokhi pozdney bronzы Yuzhnogo Priural'ya [Paired Burials of the Kozhumberdy Cultural Group of Late Bronze Age in the Southern Urals]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Elektronnyy nauchnyy zhurnal* [Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal], no. 4 (48), pp. 130-181. DOI: <https://doi.org/10.32516/2303-9922.2023.48.9>
- Rafikova Ya.V., Fedorov V.K., 2017. *Kurgany Yuzhnogo Zaural'ya. Kn. 1. Uchalinskiy i Abzelilovskiy rayony Respubliki Bashkortostan* [Kurgans of the Southern Trans-Urals. In Book 1. Uchalinsky and Abzelilovsky Districts of the Republic of Bashkortostan]. Ufa, Kitap Publ. 244 p.
- Rafikova Ya.V., Ankusheva P.S., Vasyuchkov E.O., Vyazov L.A., Zazovskaya E.P., Kufterin V.V., Turchinskaya S.M., Epimahov A.V., 2025. Izotopy, DNK i povoroty sud'by lyudey iz mogilnika bronzovogo veka Selivanovskiy II [Isotopes, DNA, and the Twists of Fate of People from the Bronze Age Tomb of Selivanovskiy II]. *Byulleten' Vserossiyskogo seminara «Stabil'nye izotopy v arheologicheskikh issledovaniyakh: metodicheskie problemy i istoricheskaya problematika». Materialy VII zasedaniya* [Bulletin of the All-Russian Seminar "Stable Isotopes in Archaeological Research: Methodological Problems and Historical Issues". Materials of the VII Session]. Moscow, IA RAS, pp. 48-52.
- Rutto N.G., 2003. *Srubno-alakul'skie svyazi na Yuzhnom Urale* [Srubno-Alakul Connections in the Southern Urals]. Ufa, Gilem Publ. 211 p.
- Rutto N.G., Morozov Yu.A., 2001. O parnykh pogrebeniyakh srubno-alakul'skiykh plemyon na Yuzhnom Urale [About the Paired Burials of the Srubno-Alakul Tribes in the Southern Urals]. *Bronzovyy vek Vostochnoy Evropy: harakteristika kul'tur, hronologiya i periodizatsiya: materialy Mezhdunar. konf. «K stoletiyu periodizatsii V.A. Gorodtsova bronzovogo veka yuzhnoy poloviny Vostochnoy Evropy»* [The Bronze Age of Eastern Europe: Characteristics of Cultures, Chronology and Periodization: Materials of the International Conference "On the Centenary of Periodization by V.A. Gorodtsov of the Bronze Age of the Southern Half of Eastern Europe"]. Samara, NTC LLC, pp. 333-335.
- Sal'nikov K.V., 1967. *Ocherki drevney istorii Yuzhnogo Urala* [Essays on the Ancient History of the Southern Urals]. Moscow, Nauka Publ. 408 p.
- Sotnikova S.V., 2016. *Pogrebal'nye pamyatniki sintashtinskogo i andronovskogo naseleniya kak istochnik po rekonstruktsii ritualov i predstavleniy* [Funerary Monuments of the Sintashta and Andronovo Populations as a Source for the Reconstruction of Rituals and Performances]. Omsk, Nauka Publ. 290 p.
- Stokolos V.S., 1961. Otchet Verhne-Ural'skoy arheologicheskoy ekspeditsii Chelyabinskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya o rabotah v rayone sooruzheniya Verhne-Ural'skogo vodohranilishcha 1961 g. [Report of the Upper Ural Archaeological Expedition of the Chelyabinsk Regional Museum of Local Lore on the Work in the Area of the Construction of the Upper Ural Reservoir in 1961]. *Arhiv IA RAN*, F-1. R-1, no. 2336. 73 l., 29 il.
- Stokolos V.S., 1968. Nauchnyy otchyot o rezul'tatakh arheologicheskikh issledovaniy za 1968 g. [Scientific Report on the Results of Archaeological Research for 1968]. *Arhiv IA RAN*, F-1. R-1, no. 3745a. 27 l.

- Stokolos V.S., 1972. *Kul'tura naseleniya bronzovogo veka Yuzhnogo Zaural'ya* [The Culture of the Bronze Age Population of the Southern Trans-Urals]. Moscow, Nauka Publ. 168 p.
- Sungatov F.A., 2015. Nauchnyy otchet o raskopkah obyekta arheologicheskogo naslediya «Gumerovo-1, kurgannyi mogil'nik» v Baymakskom rayone Respubliki Bashkortostan v 2015 godu [Scientific Report on the Excavations at the "Archaeological Heritage Site" Gumerovo-1, Kurgan Burial Ground" in the Baymak District of the Republic of Bashkortostan in 2015]. *Archive of the UUNiT Educational Archaeological Laboratory*. 69 p.
- Blöcher J., Brami M., Feinauer I.S., Stolarczyk E., Diekmann Y., Vetterditz L., Karapetian M., Winkelbach L., Kokot V., Vallin L., Stobbe A., Haak W., Papageorgopoulou C., Krause R., Sharapova S., Burger J., 2023. Descent, Marriage, and Residence Practices of a 3,800- Year- Old Pastoral Community in Central Eurasia. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, vol. 120, no. 36. DOI: <https://doi.org/10.1073/pnas.2303574120>

Information About the Author

Yanina V. Rafikova, Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Prosp. Oktybrya, 71, 450054 Ufa, Russian Federation, ziada@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2393-9366>

Информация об авторе

Янина Валерьевна Рафикова, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории, языка и литературы, Уфимский федеральный исследовательский центр РАН, просп. Октября, 71, 450054 г. Уфа, Российская Федерация, ziada@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2393-9366>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2025.3.3>

UDC 902/904(36):642.727.5

LBC 63.48(2)

Submitted: 12.09.2024

Accepted: 09.12.2024

ABOUT ONE CATEGORY OF HANDMADE CERAMICS FROM THE MATERIALS OF THE ELIZAVETOVSKIY ARCHAEOLOGICAL COMPLEX IN THE DON RIVER DELTA

Ivan V. Gubarev

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

Abstract. The study focuses on the typology and chronology of the distribution of handmade, slightly polished tableware for drinking with a simple loop handle, which was used by the population of the Elizavetovskoe settlement in the Tanais delta in the 5th – 4th centuries BC. The paper provides parallels between the Elizavetovskoe pottery and earlier vessels, as well as samples from other cultures of the Scythian period inhabiting the territories adjacent to the Don Delta. A linguistic analysis carried out by the author made it possible to propose the term *kuhliks* for the studied category of handmade ceramics. Based on morphological differences, the *kuhliks* were divided into four types (with a total of 9 known items). Type I combined vessels with a rounded body, a narrow neck, and an arched rim. Depending on the handle attachment points, they are further subdivided into three options: IA – handle attached to the upper edge and mid-height; IB – handle attached to the shoulder and mid-body; IC – handle attached to the mid-body and lower body. Type II contains *kuhliks* with a biconical body, a narrow neck, and a low rim slightly bent outward. Type III consists of egg-shaped vessels with a narrow neck and a low, slightly everted rim. Type IV represents *kuhliks* shaped like an inverted truncated cone with a rounded upper edge. The analysis of molded handmade vessels with a simple loop handle originating from the Lower Don region showed the absence of connection between the Bronze Age pottery and the Elizavetovskoe *kuhliki*. At the same time, on the territory of the Elizavetovskoe settlement, despite a short period of existence, several types of *kuhliks* coexisted at the same time, some of which could have been formed under the influence of the population living on the territory of the Interfluvium of the Dnieper and the Seversky Donets, as well as the Kuban Right Bank.

Key words: handmade ceramics, drinking vessels, Scythian culture, Lower Don, Meotian culture, typology, chronology.

Citation. Gubarev I.V., 2025. Ob odnoy kategorii lepnoy keramiki iz materialov Elizavetovskogo arheologicheskogo kompleksa v del'te r. Don [About One Category of Handmade Ceramics from the Materials of the Elizavetovskiy Archaeological Complex in the Don River Delta]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 24, no. 3, pp. 81-94. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2025.3.3>

УДК 902/904(36):642.727.5

ББК 63.48(2)

Дата поступления статьи: 12.09.2024

Дата принятия статьи: 09.12.2024

ОБ ОДНОЙ КАТЕГОРИИ ЛЕПНОЙ КЕРАМИКИ ИЗ МАТЕРИАЛОВ ЕЛИЗАВЕТОВСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА В ДЕЛЬТЕ р. ДОН

Иван Викторович Губарев

Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Аннотация. Работа посвящена типологии и хронологии распространения лепной слегка лощеной столовой посуды для питья с простой петельчатой ручкой, бытовавшей у населения Елизаветовского поселения в дельте Танаиса в V–IV вв. до н.э. Представлены аналогии елизаветовским экземплярам среди сосудов более ранних эпох, а также среди посуды иных культур скифского времени, проживавших на близлежащих к дельте Дона территориях. Проведенный лингвистический анализ позволил дать для исследуемой категории лепной керамики наименование «кухлики». На основании различий в формах кухлики были разделены на четыре

типа (всего известно 9 экземпляров). I тип объединил сосуды с туловом округлой формы, узкой шейкой и дуговидным в разрезе горлом. В зависимости от различий в месте крепления ручки распадаются на три варианта: IA – крепление ручки к верхнему краю и середине высоты; IB – крепление ручки к плечу и средней части тулова и IC – крепление ручки к средней части и придонной части тулова. Ко II типу были отнесены кухлики с биконической формой тулова, узкой шейкой и отогнутым наружу горлом. В III тип помещены сосуды яйцевидной формы, узкой шейкой и невысоким горлом, слегка отогнутым наружу. IV тип – кухлики в форме перевернутого усеченного конуса с скругленным верхним краем. Проведенный анализ лепных сосудов с простой петельчатой ручкой, происходящих с территории Нижнего Дона, показал отсутствие связи между данными сосудами эпохи бронзы и елизаветовскими кухликами. Вместе с тем на территории Елизаветовского городища, несмотря на небольшой период бытования, одновременно сосуществовало несколько типов кухликов, некоторые из которых могли сформироваться под влиянием населения, проживавшего на территории Междуречья Днепра и Северского Донца, а также Кубанского Правобережья.

Ключевые слова: лепная керамика, кружки, скифская культура, Нижний Дон, меотская культура, типология, хронология.

Цитирование. Губарев И. В., 2025. Об одной категории лепной керамики из материалов Елизаветовского археологического комплекса в дельте р. Дон // Нижневолжский археологический вестник. Т. 24, № 3. С. 81–94. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2025.3.3>

В материалах Елизаветовского могильника в качестве погребального инвентаря содержится целая серия схожих по морфологическим признакам сосудов. Все они были обнаружены в погребениях V–IV вв. до н.э. под горлом амфоры либо рядом с ее туловом, что может свидетельствовать об их функциональном назначении. Это плоскодонные сосуды с хорошо лощеной поверхностью, горшковидной (округлой, биконической, яйцевидной) формой тулова, либо же с формой в виде перевернутого усеченного конуса, оснащенные простой петельчатой ручкой.

В археологической науке сосуды, близкие по форме описанным выше, не получили общего наименования, поэтому каждый исследователь применял собственную терминологию при изучении данной категории лепной посуды.

Так, К.К. Марченко и В.П. Копылов относили рассматриваемые сосуды ко II и III типам своей классификации лепной керамики Елизаветовского могильника [Копылов, Марченко, 1980, с. 157–158]. В результате сосуды II типа с биконическим или округлым туловом были наименованы «кубками», а сосуды III типа с туловом в форме перевернутого усеченного конуса – «кружками».

В.А. Ильинская, исследуя население Днепровского лесостепного Левобережья скифского времени, относил сосуды аналогичной II типу по К.К. Марченко и В.П. Копылову формы к типу «глубоких кружек или небольших кувшинчиков» [Ильинская, 1968,

с. 170]. Близкое определение немногим ранее использовала и В.Г. Петренко: «кружки, или кубки, с петельчатой ручкой» [Петренко, 1967, с. 22]. Г.Т. Ковпаненко относил сосуды данной формы к горшкам [Ковпаненко, 1967, с. 125]. А «сосудами с приподнятой ручкой», «черпаками-кружками» и «кружками» их именуют И.И. Марченко и Н.Ю. Лимберис [Лимберис, Марченко, 2012, с. 16].

К кружкам относили рассматриваемые сосуды также Е.И. Крупнов, В.И. Козенкова и А.Б. Супруненко, В.Е. Маслов, С.И. Лукьяшко [Крупнов, 1960, с. 260; Мелюкова и др., 1989, с. 265; Супруненко, 1996, с. 97; Маслов, 1997, с. 6; Лукьяшко, 2013, с. 167–169]. Кубками исследуемые формы считал К.Э. Гриневич [Гриневич, 1951, с. 138], а черпаками их наименовали Н.А. Гаврилюк [Гаврилюк, 1979, с. 24], В.П. Ванчугов [Древние культуры ... , 2013, с. 306] и Э.С. Шарафутдинова [Шарафутдинова, Каминский, 1988, с. 217–218].

Перед тем как переходить к изучению данной категории лепной керамики Елизаветовского археологического комплекса, необходимо определиться с терминологией и вывести дефиницию понятия.

В XIX в. в русском языке, по сведениям В.И. Даля, слова «кубок» и «кубан» являлись синонимами и обозначали глиняный сосуд с раздутыми боками, предназначавшийся для хранения и изготовления молочных продуктов [Толковый словарь В.И. Даля, 2023]. В толковом словаре, составленном Д.Н. Ушаковым,

под «кубком» понимается «сосуд, преимущественно металлический, в форме большого бокала» [Толковый словарь Д.Н. Ушакова, 2022], а С.И. Ожегов для «кубка» предложил более узкое определение размеров, формы и материала изготовления: «сосуд в виде чаши, бокала (обычно массивный, из ценного материала)» [Ожегов, Шведова, 2003, с. 312]. При этом, в отличие от своего предшественника, С.И. Ожегов не дал определения «бокалу», в связи с чем необходимо обратиться к трактовке, предложенной Д.Н. Ушаковым: «посуда для вина, похожая на рюмку...» [Толковый словарь Д.Н. Ушакова, 2022]. Из этого определения можно вывести представление о форме данного сосуда, однако нам известны рюмки как в форме перевернутого конуса на ножке, так и с цилиндрическим туловом, которая как раз и имела в виду создателями «Толкового словаря русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова: «стеклянный суживающийся книзу стаканчик на ножке». Наконец, стаканчик – это «небольшой стеклянный сосуд для питья цилиндрической формы без ручки...» [Толковый словарь Д.Н. Ушакова, 2022]. Исходя из проведенного лексического анализа, можно сделать вывод о том, что под «кубком» в современном русском языке понимается большой сосуд, выполненный преимущественно из металла, для питья без ручек.

«Кружкой» в «Толковом словаре живаго великорускаго языка», составленном В.И. Далем, считается «питейный сосуд больше стакана, кубок, стопа, братина, большой стакан; стакан с ручкою, иногда с носиком и с крышечкою» [Толковый словарь В.И. Даля, 2023]. Д.Н. Ушаков и С.И. Ожегов не вносят значительных корректив в определение, данное великим русским лексикографом, и трактуют рассматриваемое слово как «сосуд в форме стакана с ручкой» [Толковый словарь Д.Н. Ушакова, 2022; Ожегов, Шведова, 2003, с. 309]. Определение «стакану» уже было дано выше, и в словаре С.И. Ожегова оно не претерпевает изменений. В итоге под «кружкой» в современном русском языке понимается сосуд для питья цилиндрической формы с ручкой.

Толковый словарь В.И. Даля, к сожалению, не содержит определения для слова «черпак». Впервые оно появляется у Д.Н. Ушакова и имеет функциональное значение, допол-

ненное описательным: «приспособление для черпания чего-нибудь. Часть различных машин, в форме ковша...» [Толковый словарь Д.Н. Ушакова, 2022]. С.И. Ожегов в своем словаре не внес никаких корректив в функциональное определение, но конкретизировал форму «...ковш на длинной ручке...» [Ожегов, Шведова, 2003, с. 882]. Таким образом, можно сделать вывод, что в русском языке слово «черпак» тесно связано со словом «ковш», под которым неизменно понимается округлый одноручный сосуд для зачерпывания жидкостей и питья [Толковый словарь В.И. Даля, 2023; Толковый словарь Д.Н. Ушакова, 2022; Ожегов, Шведова, 2003, с. 280].

В отношении еще одного используемого определения для рассматриваемой категории лепных сосудов необходимо сообщить то, что «кувшинчик» – это, исходя из определений, содержащихся в крупнейших толковых словарях русского языка, сосуд округлой формы, сужающийся кверху, с горлышком и ручкой.

Таким образом, исходя из результатов проведенного лингвистического анализа, наиболее подходящим определением для рассматриваемой категории лепной керамики является термин «кружка». Однако необходимо отметить, что оно не включает имеющиеся в коллекции сосуды в форме перевернутого усеченного конуса. Данные экземпляры выполнены в аналогичной технике лепки, а также с применением идентичного теста, как и сосуды округлой формы. Кроме того, все рассматриваемые экземпляры, как было заявлено выше, выполняли функцию сосудов для питья. Поэтому, выделение конусовидных сосудов в отдельную категорию нам кажется нецелесообразным. Стоит отметить, что использование одного из перечисленных определений может ввести в заблуждение исследователей по причине отсутствия общепринятой в современной скифологии классификации лепных сосудов. Елизаветовские экземпляры, несмотря на наличие схожих черт с сосудами из иных культур, имеют свои уникальные характеристики. По этой причине их возможное отождествление внесет смуту в дальнейшее исследование лепной керамики скифского времени. Вместе с тем, вероятно, введение очередного понятия для исследуемой категории лепной керамики может встретить критику со

стороны исследователей. Но в то же время это может стать импульсом к разработке общепринятого понятийного аппарата для лепной керамики скифского времени.

По этой причине в качестве наименования для выделенной категории лепной керамики Елизаветовского археологического комплекса использовано старорусское слово «кухлик». В.И. Даль указывал на то, что «кухлик» является уменьшительным производным от слова «кухоль», под которым в XIX в. понимали «глиняный кувшин разного вида; кринка, горланчик, балакирь» [Толковый словарь В.И. Даля, 2023]. При этом важно подчеркнуть, что кринка, горланчик и балакирь – это все наименования узкого и высокого сосуда с раструбным горлом, использовавшегося для хранения молочных продуктов [Толковый словарь В.И. Даля, 2023], которые давались в различных регионах Российской империи. Таким образом, по нашему мнению, под «кухликом» стоит понимать небольшой лепной глиняный сосуд с раздутым, округлым, либо в виде усеченного конуса туловом и ручкой, предназначенный для питья.

В этой связи стоит отметить, что старорусские слова «кухоль» и его производное «кухлик» в настоящее время используются в украинском языке для обозначения металлической или глиняной посуды с ручкой для питья, либо большой стеклянной тары с ушком для питья пива и иных напитков [Великий тлумачний словник ..., 2004, с. 600]. Украинская же археологическая наука использует для наименования сосудов, близких по форме рассматриваемым елизаветовским экземплярам, термин «кухоль» [Кравченко, 2010, с. 57; Гейко, 2011, с. 151; Пеляшенко, 2020, с. 56]. Поэтому предлагается использовать термин «кухлик» для обозначения сосудов для питья с различными формами тулова и боковой ручкой.

Елизаветовские кухлики можно разделить на четыре типа в зависимости от различий в формах тулова (рис. 1): I – округлая, II – биконическая, III – яйцевидная, IV – в виде перевернутого усеченного конуса. В свою очередь, сосуды с округлой и биконической формой тулова подразделяются на варианты в зависимости от места крепления ручки: вариант А – к верхнему краю венчика сосуда и середине тулова, изгиб ручки слегка возвы-

шается над устьем; вариант В – ручка крепится к шейке и середине тулова; вариант С – к середине тулова и придонной части [Губарев, 2024, с. 190].

На территории Нижнего Дона сосуды, функционально близкие к рассматриваемой категории лепной елизаветовской посуды, известны с эпохи средней бронзы, однако широкого распространения у населения они не получили. Более того, на территории степных районов в период скифского времени они не известны.

Наиболее ранний экземпляр происходит из материалов курганного могильника Овцевод (рис. 2,1), располагавшегося в Ремонтненском районе Ростовской области. В погребении эпохи средней бронзы содержался лепной сосуд с петельчатой ручкой и уплощенным венчиком, шамотом в тесте и закопченной поверхностью охристого цвета [Парусимов, 1997, с. 9].

Еще один сосуд (рис. 2,2) был обнаружен в погребении эпохи поздней бронзы могильника Богоявленовский, расположенного на правом берегу р. Дон [Савченко, 1973, с. 92].

Пара сосудов с петлевидными ручками была обнаружена в комплексах раннескифского времени Донского Левобережья (рис. 2,3,4).

В погребении кургана 7 у хут. Алитуб встречен крупный лепной сосуд с цилиндрическим туловом, без горла. Стенки, загнутые внутрь у устья, не имеют ни шейки, ни венчика. Поверхность шершавая, коричневого цвета с черными и рыжими пятнами. В тесте толченая ракушка и слюда. Примечательно, что внутренняя поверхность сосуда была закопчена [Засецкая, 1972, с. 124; Максименко, 1983, рис. 46,7].

Другой экземпляр обнаружен в погребении 4 кургана 33 могильника Новоалександровка I. Это сосуд с округлым туловом, прямым низким горлом со скругленным венчиком и выделенным дном. Поверхность заглажена и местами закопчена. Цвет от серого до черного [Беспалый, Парусимов, 1991, с. 187].

Важно подчеркнуть, что все описанные сосуды, помимо сильных отличий в вариантах исполнения отдельных элементов, имеют иное, по сравнению с елизаветовскими кухликами, функциональное назначение. Так, экзем-

пляр, обнаруженный в погребении средней бронзы, как и сосуды из раннескифских комплексов, имеют следы вторичной термической обработки. Данное наблюдение может свидетельствовать в пользу отсутствия культурной преемственности между населением Нижнего Дона периода поздней бронзы – раннескифского времени и населением Елизаветовского городища V в. до н.э.

Вместе с тем аналогии елизаветовским кухликам за пределами Нижнедонского историко-культурного региона, как отмечали еще К.К. Марченко и В.П. Копылов [Копылов, Марченко, 1980, с. 158], находятся в памятниках Северного Причерноморья и Северного Кавказа (рис. 2).

Так, сосуды с петельчатой ручкой и округлой формой тулова, имеющие заглаженную поверхность, близкие к варианту IA, фиксируются в материалах поселений населения сабашиновской культуры Южного Побужья [Ванчугов, 1981, рис. 5,17; Древние культуры ... , 2013, рис. 71,14, 72,4]; среди инвентаря степных погребений белозерской культуры [Гаврилюк, 1979, рис. 3,1,7; Древние культуры ... , 2013, рис. 78,3]. Здесь необходимо отметить, что некоторые исследователи проводили аналогии между рассматриваемой категорией лепной керамики и сосудами, обнаруженными на поселениях белогрудовской культуры на территории Днепровского Правобережья [Тереножкин, 1961, с. 51–52, рис. 27,4; Гаврилюк, 1979, с. 24]. Однако на территории Елизаветовского археологического комплекса сосудов исследуемой категории, близких по форме посуде белогрудовской культуры, на данный момент не обнаружено.

Вместе с тем среди лепной керамики второй ступени чернолесской культуры Субботовского городища находятся близкие елизаветовским кухликам сосуды с петельчатой ручкой [Тереножкин, 1961, рис. 40,1,2].

С конца VII в. до н.э. сосуды аналогичной формы фиксируются в погребениях населения междуречья Днепра и Северского Донца, где существуют вплоть до конца IV в. до н.э. [Ильинская, 1954, с. 177–179, табл. II,33, III,4; Ильинская, 1968, с. 170, табл. LXIII,1,4,5; Шрамко, 1983, рис. 11,2; Гейко, 2011, с. 151; Пеляшенко, 2020, с. 56]. А на Среднеднепровском Правобережье сосуды аналогичной формы с неболь-

шим подлощением фиксируются с IV в. до н.э. [Петренко, 1967, табл. 8,1].

В погребениях Правобережья Кубани сосуды с петлевидной ручкой, аналогичные елизаветовским экземплярам, появляются с первой половины – середины VI в. до н.э. [Лимберис, Марченко, 2012, рис. 8,9,12, 9,1,3]. По мнению Н.Ю. Лимберис и И.И. Марченко, форма указанных сосудов является развитием посуды эпохи поздней бронзы [Лимберис, Марченко, 2012, с. 19]. При этом, как сообщают авторы, в древнемеотский период на указанной территории одновременно сосуществуют три варианта сосудов исследуемой категории лепной керамики [Лимберис, Марченко, 2012, с. 20]. И аналогии среди елизаветовских материалов находятся для двух из них.

Близкие по форме сосуды присутствуют среди инвентаря погребений VI–IV вв. до н.э. носителей центрального [Крупнов, 1960, с. 476, табл. XLIII,5, XLV,2, LVI,2,8], восточного [Мелюкова и др., 1989, с. 260, табл. 104,В,13,20; Козенкова, 2018, рис. 2,22] и западного [Козенкова, 1989, с. 191, табл. XLIV,Б,4] вариантов кобанской культуры.

Важно отметить, что в материалах кизил-кобинской культуры Западного Крыма выделяется целая серия лощеных лепных сосудов, выполненных из хорошо отмученной глины с примесью мелкозернистого песка, оснащенных петлевидной ручкой [Кравченко, 2010, с. 57, рис. 18, 20,1–4, 23,19,20, 24,2]. Однако их форма имеет существенные отличия от елизаветовских экземпляров, что может свидетельствовать о локальном варианте развития крымских сосудов, не оказавшем влияния на нижнедонские сосуды.

Кухлики, отнесенные к варианту IB, фиксируются у населения сабашиновской культуры [Ванчугов, 1981, рис. 5,19; Древние культуры ... , 2013, рис. 71,15], в материалах конца VII – IV в. до н.э. населения междуречья Днепра и Северского Донца [Ильинская, 1954, табл. II,35; Ильинская, 1968, табл. LXIII,3], а также в материалах могильника VI в. до н.э. западного варианта позднекобанской культуры [Козенкова, 2018, рис. 4,11].

Вариант IC елизаветовских кухликов находит ближайшие аналогии среди материалов центрального варианта кобанской культуры [Мелюкова и др., 1989, табл. 104,А,21] и вто-

рой ступени чернолесской культуры [Тереножкин, 1961, рис. 44,6]. Схожее расположение ручки фиксируется у сосудов древнемеотского населения Правобережья Кубани [Лимберис, Марченко, 2012, рис. 16,8,11, 17,5,7]. Однако форма этих сосудов разительно отличается от елизаветовских кухликов.

Сосуды с биконическим туловом и петельчатой ручкой, отнесенные ко II типу, известны в материалах V в. до н.э. населения, проживавшего на территории междуречья Днестра и Северского Донца [Ковпаненко, 1967, с. 112, рис. 52,45], среди лепной посуды восточного [Крупнов, 1960, табл. LVI,4; Мелюкова и др., 1989, с. 260, табл. 104,В.3] и западного [Мелюкова и др., 1989, с. 258, табл. 104,Б.13; Козенкова, 1989, с. 191, табл. XLIV,В.25; Козенкова, 2018, рис. 4,7,42] вариантов кобанской культуры.

Единичные экземпляры сосудов с биконическим туловом и петельчатой ручкой, отвечающие рассматриваемым критериям, зафиксированы в погребении конца эпохи поздней бронзы в Восточном Закубанье [Шарафутдинова, Каминский, 1988, рис. 2,6] и в погребении IV в. до н.э. Среднеднепровского Правобережья [Петренко, 1967, табл. 8,2].

Лепные сосуды с яйцевидным туловом, близкие III типу елизаветовских кухликов, встречаются в погребениях древнемеотского периода Правобережья Кубани [Лимберис, Марченко, 2012, рис. 8,13,14], а также у населения западного варианта кобанской культуры [Козенкова, 1989, с. 191, табл. XLIV,А.6], в погребениях IV–III вв. до н.э. Днепровского лесостепного Правобережья [Ковпаненко и др., 1989, с. 107, рис. 33,9,10; Петренко, 1967, с. 22, табл. 8,1,3,4]. Сосуды, происходящие из памятников Правобережья Днестра, по мнению В.Г. Петренко, аналогичны посуде с территории Польши и Чехии «с бронзового века до железного» [Петренко, 1967, с. 22].

Близкие экземпляры известны в памятниках VI–V вв. до н.э. населения Нижнего Поволжья [Смирнов, 1964, рис. 60,14]. При этом К.Ф. Смирнов связывал их с сосудами из раннемеотских комплексов Прикубанья [Смирнов, 1964, с. 110]. Стоит отметить, что и Н.В. Анфимов, и К.Ф. Смирнов относили рассматриваемые сосуды к горшкам с ручкой.

На поселениях IV–III вв. до н.э. Среднего лесостепного Поднепровья [Мелюкова,

1958, с. 95, рис. 31,2] также фиксируются сосуды подобной рассматриваемому варианту кухликов формы.

Форма отдельных экземпляров кухликов III типа напоминает форму кувшинов: вытянутое узкое горло, округлое тулово и петельчатая ручка. Можно предположить, что образцом для данной формы являлись ойнохоя, либо кувшин, то есть эта форма вырастает из античной культуры.

Наконец, IV тип елизаветовских кухликов, как отмечали еще К.К. Марченко и В.П. Копылов [Копылов, Марченко, 1980, с. 157], находит аналогии среди лепной керамики скифского времени междуречья Днестра и Северского Донца (курганы Посулья) [Ханенко Б., Ханенко В., 1899, табл. XXXIV,672; Ильинская, 1968, табл. LXIII,2]. Некоторое сходство рассматриваемого типа можно проследить с сосудами Правобережья Кубани VI–V вв. до н.э. [Лимберис, Марченко, 2012, рис. 18,3,4].

Таким образом, несмотря на достаточное большое количество аналогий елизаветовским кухликам из памятников разнообразных культур различного времени, наиболее близкими нам видятся сосуды, происходящие с территории Прикубанья и междуречья Днестра и Северского Донца. Скорее всего, в данном случае можно говорить о различных истоках разных типов кухликов.

Близкие по форме сосуды, получив распространение в эпоху поздней бронзы у носителей сабастиновской и белозерской культур, наследуются населением Днепровского Левобережья и актуализируются на данной территории уже в измененной, более близкой к елизаветовским кухликам, форме с конца VII в. до н.э. Пик ее бытования на указанной территории приходится на VI–V вв. до н.э. На Дону кухлики появляются в первой четверти V в. до н.э. и существуют вплоть до начала IV в. до н.э.

Истоки функциональной принадлежности некоторых типов находятся также и в материалах кобанской культуры. Оттуда они получили распространение на территории Прикубанья. В дальнейшем опыт использования рассматриваемых сосудов был востребован и воспринят представителями скифской культуры.

На данный момент отсутствуют основания для того, чтобы провести прямую парал-

лель между исследуемой категорией лепной керамики скифского времени Нижнего Дона и близкими по форме сосудами эпохи поздней бронзы Днепровской лесостепи по причине большого хронологического разрыва между культурами и отсутствия прямых генетических связей культур. В вопросе появления кухликов у населения Елизаветовского городища мы солидарны с предположением, высказанным С.И. Лукьяшко, о влиянии античной эллинской культуры [Лукьяшко, 2013, с. 168]. Экспорт продукции в амфорной таре (в данном случае – винной) на территорию дельты

Дона обусловил появление сосуда, удобного для питья.

Важно подчеркнуть, что на территории Елизаветовского археологического комплекса одновременно сосуществовали несколько типов кухликов, некоторые из которых могли сформироваться под влиянием культуры населения Междуречья Днепра и Северского Донца, а иные – раннемеотской культуры Кубанского Правобережья.

При этом елизаветовские кухлики – уникальная категория лепной керамики, не имеющая прямых аналогий в материалах скифского времени иных культурных центров.

ПРИЛОЖЕНИЯ

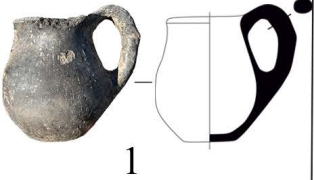
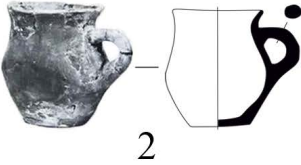
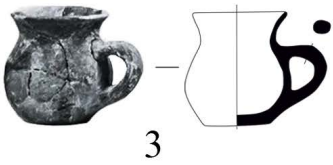
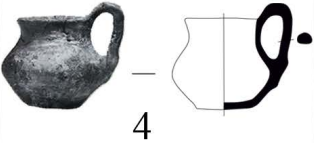

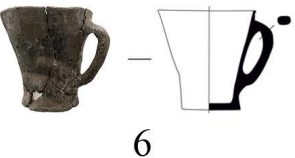

	A	B	C
I			
II			
III			
IV			

Рис. 1. Типология елизаветовских кушликов:

- 1 – «Пятьдесят шесть курганов», погребение 3 из раскопок Н.И. Юдина, 2023 г., фото и рисунок И.В. Губарева;
 2 – погр. 1 кург. 67 (по: [Брашинский и др., 1977, рис. 107; Копылов, Марченко, 1980, рис. 1,7]);
 3 – погр. 4 кург. 62 (по: [Брашинский и др., 1977, рис. 81; Копылов, Марченко, 1980, рис. 1,8]);
 4 – погр. 3 кург. 49 (по: [Брашинский и др., 1977, рис. 11; Копылов, Марченко, 1980, рис. 1,5]);
 5 – погр. 4 кург. 62, фото и рисунок И.В. Губарева (по: [Брашинский, Марченко, 1975, рис. 82]);
 6 – погр. 3 кург. 62, фото и рисунок И.В. Губарева (по: [Брашинский, Марченко, 1975, рис. 79])

Fig. 1. Typology of Elizavetovskoe kuhliks:

- 1 – “Pat’desyat shest’ kurganov”, burial 3 from the excavations of N.I. Yudin, 2023, photo and drawing by I.V. Gubarev;
 2 – burial 1 kurgan 67 (after: [Brashinskiy et al., 1977, fig. 107; Kopylov, Marchenko, 1980, fig. 1,7]);
 3 – burial 4 kurgan 62 (after: [Brashinskiy et al., 1977, fig. 81; Kopylov, Marchenko, 1980, fig. 1,8]);
 4 – burial 3 kurgan 49 (after: [Brashinskiy et al., 1977, fig. 11; Kopylov, Marchenko, 1980, fig. 1,5]);
 5 – burial 4 kurgan 62, photo and drawing by I.V. Gubarev (after: [Brashinsky, Marchenko, 1975, fig. 82]);
 6 – burial 3 barrow 62, photo and drawing by I.V. Gubarev (after: [Brashinsky, Marchenko, 1975, fig. 79])

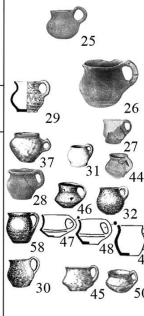

	Нижний Дон	Междуречье Днепра и Северского Донца	Северный Кавказ	Прикубанье	Крым	Южное Побужье	Междуречье Буга и Днепра	Нижнее Поволжье/ Среднее Поднепровье
средняя бронза								
поздняя бронза								
VIII-VII вв. до н.э.								
VI в. до н.э.								
V в. до н.э.								
IV в. до н.э.								
III в. до н.э.								

Рис. 2. Распространение сосудов с простой петельчатой ручкой:

1 – могильник Овцевод, курган 3, погребение 8 (по: [Парусимов, 1997, рис. 8,2]); 2 – Богоявленовский могильник (по: [Савченко, 1973, табл. ХСП,3]); 3 – могильник у хут. Алитуб, курган 7, погребение 3 (по: [Максименко, 1983, рис. 46,7]); 4 – могильник Новоалександровка I, курган 33, погребение 4 (по: [Беспалый, Парусимов, 1991, рис. 5,6]); 5–7 – поселение Балта (по: [Ванчугов, 1981, рис. 5,17–19]); 8 – поселение Вишневое (по: [Древние культуры..., 2013, рис. 71,14]); 9 – поселение Дивизия (по: [Древние культуры ..., 2013, рис. 72,4]); 10 – поселение Криничное (по: [Древние культуры ..., 2013, рис. 78,3]); 11 – могильник Компанийцы, погребение 10 (38) (по: [Гаврилюк, 1979, рис. 3,1]); 12 – могильник Компанийцы, погребение 16 (3а) (по: [Гаврилюк, 1979, рис. 3,7]); 13, 14 – Субботовское городище (по: [Тереножкин, 1961, рис. 40,1,2]); 15 – могильник в урочище Стайки Верх у с. Аксютинцы, курган 12 (по: [Ильинская, 1954, табл. II,33]); 16 – Роменские курганы (по: [Ильинская, 1968, табл. LXIII,4]); 17 – курган у с. Городище (по: [Ильинская, 1968, табл. LXIII,5]); 18 – курган у с. Малые Будки (по: [Ильинская, 1968, табл. LXIII,3]); 19 – Бельское городище (по: [Шрамко, 1983, рис. 11,2]); 20 – Бельский курганный некрополь «Б» (по: [Гейко, 2011, рис. 59]); 21, 23, 39, 42, 62 – могильник городища № 2 у хут. Ленина (по: [Лимберис, Марченко, 2012, рис. 8,9,9,1, 16,8, 17,7, 18,3]); 22, 24, 41, 56, 57, 63 – могильник у Старокорсунского городища № 2 (по: [Лимберис, Марченко, 2012, рис. 8,12,9,3, 17,5, 8,13,14, 18,4]); 25 – комплекс № 18 могильника Верхняя Рутха (по: [Крупнов, 1960, табл. XLIII,5]); 26 – комплекс № 20 могильника Верхняя Рутха (по: [Крупнов, 1960, табл. XLV,2]; 27, 28, 44 – Нестеровский могильник (по: [Крупнов, 1960, табл. LVI,2,8,4]); 29 – поселение Бамут (по: [Мелюкова и др., 1989, табл. 104,Б.13]); 30 – поселение Пседахе (по: [Мелюкова и др., 1989, табл. 104,Б.20]); 31 – могильник Сержень-юрт (по: [Козенкова, 2018, рис. 2,22]); 32 – могильник Султангорский 1 (по: [Козенкова, 1989, табл. XLIV,Б.4]); 33–36 – поселение Уч-Баш (по: [Кравченко, 2010, рис. 18, 23,19,20, 24,2]); 37 – поселение Тли (по: [Мелюкова и др., 1989, табл. 104,А.21]); 38 – Московское городище (по: [Тереножкин, 1961, рис. 44,6]); 40 – могильник городища № 3 у хут. Ленина (по: [Лимберис, Марченко, 2012, рис. 16,11]); 43 – курган у с. Мачух (по: [Ковпаненко, 1967, рис. 52,45]); 45 – могильник Сержень-юрт (по: [Мелюкова и др., 1989, табл. 104,Б.3]); 46 – гробница близ Карабашево (по: [Козенкова, 1989, табл. XLIV,Б.25]); 47, 48, 49 – могильник Султан-Гора 3 (по: [Козенкова, 2018, рис. 4,7,42,11]); 50 – Уллубаганалы 2 (по: [Мелюкова и др., 1989, табл. 104,Б.13]); 51 – Михайловский могильник, курган 11, погребение 10 (по: [Шарафутдинова, Каминский, 1988, рис. 2,6]); 52 – с. Тулинцы, курган 62, погребение 2 (по: [Петренко, 1967, табл. 8,1]); 53 – могильник у с. Грищенцы, погребение 1 (1956 г.) (по: [Петренко, 1967, табл. 8,2]); 54 – Черкасский уезд (по: [Петренко, 1967, табл. 8,3]); 55 – урочище Секирное, курган 106 (по: [Петренко, 1967, табл. 8,4]); 58 – могильник «Лермонтовская скала», погребение 1/7 (по: [Козенкова, 1989, табл. XLIV,А.6]); 59 – с. Ново-Никольское, курган 3, погребение 4 (по: [Смирнов, 1964, рис. 60,14]); 60 – (по: [Мелюкова, 1958, рис. 31,2]); 61 – курган у с. Будки (1897 г.) (по: [Ханенко Б., Ханенко В., 1899, табл. XXXIV,672]); 64 – Елизаветовский могильник, погребение 3 (2023 г.) (рисунок И.В. Губарева); 65 – Елизаветовский могильник, курган 62, погребение 4 (по: [Копылов, Марченко, 1980, рис. 1,8]); 66 – Елизаветовский могильник, курган 49, погребение 3 (по: [Копылов, Марченко, 1980, рис. 1,5]); 67 – Елизаветовский могильник, курган 62, погребение 4 (рисунок И.В. Губарева); 68 – Елизаветовский могильник, курган 67, погребение 1 (по: [Копылов, Марченко, 1980, рис. 1,7]); 69 – Елизаветовский могильник, курган 62, погребение 2 (рисунок И.В. Губарева). 13, 14, 15, 25, 27, 28, 43, 58 – без масштаба

Fig. 2. Distribution of vessels with a simple loop handle:

- 1 – Ovtsevod burial ground, kurgan 3, burial 8 (after: [Parusimov, 1997, fig. 8,2]); 2 – Bogoyavlenovsky burial ground (after: [Savchenko, 1973, table XCII,3]); 3 – burial ground at Alitub farm, kurgan 7, burial 3 (after: [Maksimenko, 1983, fig. 46,7]); 4 – burial ground Novoaleksandrovka I, kurgan 33, burial 4 (after: [Bespaly, Parusimov, 1991, fig. 5,6]); 5–7 – settlement of Balta (after: [Vanchugov, 1981, fig. 5,17–19]); 8 – Vishnevoye settlement (after: [Drevnie kul'tury ... , 2013, fig. 71,14]); 9 – Divisiya settlement (after: [Drevnie kul'tury ... , 2013, fig. 72,4]); 10 – Krinichnoye settlement (after: [Drevnie kul'tury ... , 2013, fig. 78,3]); 11 – burial ground of the Kompaniytsy, burial 10 (38) (after: [Gavrilyuk, 1979, fig. 3,1]); 12 – burial ground of the Kompaniytsy, burial 16 (3a) (after: [Gavrilyuk, 1979, fig. 3,7]); 13, 14 – Subbotovskoye settlement (after: [Terenozhkin, 1961, fig. 40,1,2]); 15 – burial ground in the Stykin Verh tract near Aksyutinty village, kurgan 12 (after: [Ilyinskaya, 1954, table II,33]); 16 – Romensk kurgans (after: [Ilyinskaya, 1968, table LXIII,4]); 17 – kurgan near Gorodishche village (after: [Ilyinskaya, 1968, table LXIII,5]); 18 – kurgan near the village of Malye Budki (after: [Ilyinskaya, 1968, table LXIII,3]); 19 – Belskoye settlement (after: [Shramko, 1983, fig. 11,2]); 20 – Belsky kurgan necropolis “Б” (after: [Geiko, 2011, fig. 59]); 21, 23, 39, 42, 62 – burial ground of the settlement no. 2 at Lenin farm (after: [Limberis, Marchenko, 2012, fig. 8,9,9,1,16,8,17,7,18,3]); 22, 24, 41, 56, 57, 63 – the burial ground at the Starokorsunsky settlement no. 2 (after: [Limberis, Marchenko, 2012, fig. 8,12,9,3,17,5,8,13,14,18,4]); 25 – complex no. 18 of the Upper Rutha burial ground (after: [Krupnov, 1960, table XLIII,5]); 26 – complex No. 20 of the Verhnyaya Rutha burial ground (after: [Krupnov, 1960, table XLV,2]); 27, 28, 44 – Nesterovsky burial ground (after: [Krupnov, 1960, table LVI,2,8,4]); 29 – Bamut settlement (after: [Melyukova et al., 1989, table 104,B.13]); 30 – Psedakhe settlement (after: [Melyukova et al., 1989, table 104,B.20]); 31 – Serzhen-yurt burial ground (after: [Kozenkova, 2018, fig. 2,22]); 32 – Sultangorsky 1 burial ground (after: [Kozenkova, 1989, table XLIV,B.4]); 33–36 – Uch-Bash settlement (after: [Kravchenko, 2010, fig. 18,23,19,20,24,2]); 37 – Tli settlement (by: [Melyukova et al., 1989, table 104,A.21]); 38 – Moskovskoe settlement (after: [Terenozhkin, 1961, fig. 44,6]); 40 – the burial ground of settlement no. 3 near Lenin Farm (after: [Limberis, Marchenko, 2012, fig. 16,11]); 43 – kurgan near the village of Machukh (after: [Kovpanenko, 1967, fig. 52,45]); 45 – Serzhen-yurt burial ground (after: [Melyukova et al., 1989, table 104,B.3]); 46 – tomb near Karabashevo (after: [Kozenkova, 1989, table XLIV,B.25]); 47, 48, 49 – Sultan Mountain burial ground 3 (after: [Kozenkova, 2018, fig. 4,7,11,42]); 50 – Ullubaganaly 2 (after: [Melyukova et al., 1989, table 104,B.13]); 51 – Mikhailovsky burial ground, kurgan 11, burial 10 (after: [Sharafutdinova, Kaminsky, 1988, fig. 2,6]); 52 – Tulinty village, kurgan 62, burial 2 (after: [Petrenko, 1967, table 8,1]); 53 – burial ground near Grishchentsy village, burial 1 (1956) (after: [Petrenko, 1967, table 8,2]); 54 – Cherkassy uezd (district) (after: [Petrenko, 1967, table 8,3]); 55 – Sekirnoye tract, kurgan 106 (after: [Petrenko, 1967, table 8,4]); 58 – burial ground “Lermontovskaya skala”, burial 1/7 (after: [Kozenkova, 1989, table XLIV,A.6]); 59 – Novo-Nikolskoye village, kurgan 3, burial 4 (after: [Smirnov, 1964, fig. 60,14]); 60 – (after: [Melyukova, 1958, fig. 31,2]); 61 – kurgan near the village of Budka (1897) (after: [Khanenko B., Khanenko V., 1899, table XXXIV,672]); 64 – Elizavetovskoe burial ground, burial 3 (2023) (drawing by I.V. Gubarev); 65 – Elizavetovskoe burial ground, kurgan 62, burial 4 (after: [Kopylov, Marchenko, 1980, fig. 1,8]); 66 – Elizavetovskoe burial ground, kurgan 49, burial 3 (after: [Kopylov, Marchenko, 1980, fig. 1,5]); 67 – Elizavetovskoe burial ground, kurgan 62, burial 4 (drawing by I.V. Gubarev); 68 – Elizavetovskoe burial ground, kurgan 67, burial 1 (after: [Kopylov, Marchenko, 1980, fig. 1,7]); 69 – Elizavetovskoe burial ground, kurgan 62, burial 2 (drawing by I.V. Gubarev).
13, 14, 15, 25, 27, 28, 43, 58 – without scale

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Беспалый Е. И., Парусимов И. Н., 1991. Комплексы переходного и раннескифского периодов на Нижнем Дону // Советская археология. № 3. С. 179–196.
- Брашинский И. Б., Копылов В. П., Марченко К. К., 1977. Альбом иллюстраций к отчету о работе Южно-Донской археологической экспедиции за 1976 год // Архив ГБУК РО «Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник» им. А.А. Горбенко. № КВФ 10190/22.
- Брашинский И. Б., Марченко К. К., 1975. Альбом иллюстраций к отчету об археологических раскопках Южно-Донской экспедиции за 1974 год // Архив ГБУК РО «Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник» им. А.А. Горбенко. № КВФ 9797/23.
- Великий тлумачний словник сучасної української мови (з дод. і допов.), 2004. Киев; Ирпень : Перун. 1425 с.
- Ванчугов В. П., 1981. Раскопки поселения позднего бронзового века Балта в Южном Побужье // Древности Северо-Западного Причерноморья. Киев : Наукова думка. С. 71–83.
- Гаврилюк Н. А., 1979. Лощеная керамика степных погребений предскифского времени // Памятники древних культур Северного Причерноморья. Киев : Наукова думка. С. 20–40.
- Гейко А. В., 2011. Гончарство населения скифского часу Дніпровського Лісостепоного Лівобережжя. Полтава : ТОВ «АСМІ». 248 с.
- Гриневич К. Э., 1951. Новые данные по археологии Кабарды // Материалы и исследования по археологии СССР. № 23. М. : Изд-во АН СССР. С. 125–139.
- Губарев И. В., 2024. Лепные сосуды с простой петельчатой ручкой из материалов Елизаветовского могильника на Нижнем Дону // Наука Юга России: достижения и перспективы : тез. докл. XX Всерос. ежегод. молодеж. науч. конф. с междунар. участием, Ростов-на-Дону, 15–26 апреля 2024 года. Ростов н/Д : ЮНЦ РАН. С. 190.
- Древние культуры Северо-Западного Причерноморья (к 95-летию Национальной академии наук Украины), 2013. Одесса : Смил. 931 с.
- Засецкая И. П., 1972. Альбом иллюстраций к отчету о работах Манычского отряда ВДЭ в 1971 // Архив ГБУК РО «Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник» им. А.А. Горбенко. № КВФ 10190/4.
- Ильинская В. А., 1954. Керамика скифских погребений Посулья // Вопросы скифо-сарматской археологии. М. : Изд-во АН СССР. С. 168–185.
- Ильинская В. А., 1968. Скифы Днепровского Лесостепного Левобережья (курганы Посулья). Киев : Наукова думка. 267 с.
- Ковпаненко Г. Т., 1967. Племена скифского часу на Ворсклі. Киев : Наукова думка. 188 с.
- Ковпаненко Г. Т., Бессонова С. С., Скорый С. А., 1989. Памятники скифской эпохи Днепровского Лесостепного Правобережья (Киево-Черкасский регион). Киев : Наукова думка. 336 с.
- Козенкова В. И., 1989. Кобанская культура. Западный вариант. Свод археологических источников СССР. Вып. В2-6. М. : Изд-во АН СССР. 197 с.
- Козенкова В. И., 2018. Заметки о некоторых аспектах и векторе развития кобано-скифских взаимоотношений // Археологические вести. Вып. 24. С. 290–310. DOI: <https://doi.org/10.31600/1817-6976-2018-24-290-310>
- Копылов В. П., Марченко К. К., 1980. Лепная керамика Елизаветовского могильника на Дону // Советская археология. № 2. С. 155–160.
- Кравченко Е. А., 2010. Кизил-кобинська культура у Західному Криму. Киев : ІА НАНУ. 275 с.
- Крупнов Е. И., 1960. Древняя история Северного Кавказа. М. : Изд-во АН СССР. 520 с.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2012. Меотские древности VI–V вв. до н.э. (по материалам грунтовых могильников правобережья Кубани). Краснодар : КубГУ. 316 с.
- Лукьяшко С. И., 2013. Население Нижнего Дона в предскифское и скифское время (IX–IV вв. до н.э.) : дис. ... д-ра ист. наук. М. 383 с.
- Максименко В. Е., 1983. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов н/Д : Изд-во Рост. ун-та. 224 с.
- Маслов В. Е., 1997. Керамика Центрального Предкавказья скифской эпохи VII–V вв. до н.э. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М. 19 с.

- Мелюкова А. И., 1958. Памятники скифского времени Лесостепного среднего Поднестровья // Материалы и исследования по археологии СССР. № 64. М. : Изд-во АН СССР. С. 5–102.
- Мелюкова А. И., Абрамова М. П., Бессонова С. С., Дашевская О. Д., Дворниченко В. В., Каменецкий И. С., Козенкова В. И., Кореняко В. А., Крис Х. И., Кузнецова Т. М., 1989. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М. : Наука. 463 с.
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю., 2003. Толковый словарь русского языка. М. : ИТИ Технологии. 944 с.
- Парусимов И. Н., 1997. Труды Новочеркасской археологической экспедиции. Вып. 1. Новочеркасск : КМ-реклама. 68 с.
- Пеляшенко К. Ю., 2020. Ліплений посуд скіфського часу населення Дніпро-Донецького лісостепу. Киев; Котельва : ИА НАН України : ИКЗ «Більськ». 378 с.
- Петренко В. Г., 1967. Правобережье Среднего Приднепровья в V–III вв. до н.э. Свод археологических источников СССР. Вып. Д1-4. М. : Изд-во АН СССР. 152 с.
- Савченко Е. И., 1973. Отчет о работе Богоявленовской археологической экспедиции Новочеркасского музея истории Донского казачества в 1971 г. // Архив Новочеркасского музея Донского казачества. Р-1, № 4926.
- Смирнов К. Ф., 1964. Савроматы. Ранняя история сарматов. М. : Наука. 381 с.
- Супруненко О. Б., 1996. Городища скифского времени Среднего Подонья и Курского Посеймья // Більське городище в контексті вивчення пам'яток раннього залізного віку Європи. Полтава : ЦОДПА : Археолгія. С. 88–120.
- Тереножкин А. И., 1961. Предскифский период на Днепровском Правобережье. Киев : Изд-во АН УССР. 248 с.
- Толковый словарь русского языка Д.Н. Ушакова, 2022. URL: <https://ushakovdictionary.ru/>
- Толковый словарь живого великорусского языка В.И. Даля, 2023. URL: <https://slovardalja.net/>
- Ханенко Б. Н., Ханенко В. И., 1899. Древности Приднепровья. Эпоха, предшествующая Великому переселению народов. Вып. II. Киев. 85 с.
- Шарафутдинова Э. С., Каминский В. Н., 1988. Михайловский могильник конца эпохи поздней бронзы в Закубанье // Советская археология. № 4. С. 214–221.
- Шрамко Б. А., 1983. Архаическая керамика Восточного укрепления Бельского городища и проблемы происхождения его обитателей // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 23. С. 73–92.

REFERENCES

- Bespalyy E.I., Parusimov I.N., 1991. Kompleksy perekhodnogo i ranneskifskogo periodov na Nizhnem Donu [Complexes of the Transitional and Early Scythian Periods on the Lower Don]. *Sovetskaya arheologiya* [Soviet Archaeology], no. 3, pp. 179-196.
- Brashinskiy I.B., Kopylov V.P., Marchenko K.K., 1977. Al'bom illyustratsiy k otchetu o rabote Yuzhno-Donskoy arheologicheskoy ekspeditsii za 1976 god [Album of Illustrations for the Report on the Work of the South Don Archaeological Expedition in 1976]. *Arhiv GBUK RO «Azovskiy istoriko-arheologicheskij i paleontologicheskij muzey-zapovednik» im. A.A. Gorbenko*, no. KBФ 10190/22.
- Brashinsky I.B., Marchenko K.K., 1975. Al'bom illyustracij k otchetu ob arheologicheskikh raskopkah Yuzhno-Donskoj ekspeditsii za 1974 god [Album of illustrations to the report on the archaeological excavations of the South Don expedition in 1974]. *Arhiv GBUK RO «Azovskij istoriko-arheologicheskij i paleontologicheskij muzej-zapovednik» im. A.A. Gorbenko*, no. KBФ 9797/23.
- Velikij tlumachnij slovník suchasnoï ukraïns'koï movi (z dod. i dopov.)* [The Great Tlumach Dictionary of the So-called Ukrainian Language], 2004. Kiev, Irpen, Perun Publ. 1425 p.
- Vanchugov V.P., 1981. Raskopki poseleniya pozdnego bronzovogo veka Balta v Yuzhnom Pobuzh'e [Excavations of the Late Bronze Age Settlement of Balta in Southern Pobuzhye]. *Drevnosti Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya* [Antiquities of the Northwestern Black Sea Region]. Kiev, Naukova dumka Publ., pp. 71-83.
- Gavrilyuk N.A., 1979. Loshchenaya keramika stepnykh pogrebeniy predskifskogo vremeni [Polished Ceramics of Steppe Burials of the Pre-Scythian Period]. *Pamyatniki drevnih kul'tur Severnogo Prichernomor'ya* [Monuments of Ancient Cultures of the Northern Black Sea Region]. Kiev, Naukova dumka Publ., pp. 20-40.
- Geiko A.V., 2011. *Goncharstvo naselelennya skifs'kogo chasu Dniprovskogo Lisostepovogo Livoberezhzhya* [Pottery of the Scythian Epoch of the Tribes of Dnipro Left-Bank Forest-Steppe Region]. Poltava, ASMI. 248 p.

- Grinevich K.E., 1951. Novye dannye po arheologii Kabardy [New Data on the Archaeology of Kabarda]. *Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR* [Materials and Research on the Archaeology of the USSR], no. 23. Moscow, AS USSR, pp. 125-139.
- Gubarev I.V., 2024. Lepnye sosudy s prostoy petel'chatoy ruchkoy iz materialov Elizavetovskogo mogil'nika na Nizhnem Donu [Handmade Vessels with a Simple Looped from the Elizabethan Burial Ground on the Lower Don]. *Nauka Yuga Rossii: dostizheniya i perspektivy: tez. dokl. XX Vseros. ezhegod. molodezh. nauch. konf. s mezhdun. uchastiem, Rostov-na-Donu, 15–26 aprelya 2024 goda* [Science of the South of Russia: Achievements and Prospects: Abstracts of the XX All-Russian Annual Youth Scientific Conference with International Participation, Rostov-on-Don, April 15–26, 2024]. Rostov-on-Don, SSC RAS, p. 190.
- Drevnie kul'tury Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya (k 95-letiyu Natsional'noy akademii nauk Ukrainy)* [Ancient Cultures of the Northwestern Black Sea Region (on the 95th Anniversary of the National Academy of Sciences of Ukraine)], 2013. Odessa, Smil Publ. 931 p.
- Zasetskaya I.P., 1972. Al'bom illyustratsiy k otchetu o rabotah Manychskogo otryada VDE v 1971 [Album of Illustrations for the Report on the Work of the Manych Detachment of the VDE in 1971]. *Arkhiv GBUK RO «Azovskiy istoriko-arheologicheskii i paleontologicheskii muzey-zapovednik» im. A.A. Gorbenko*, no. KBФ 10190/4.
- Il'inskaya V.A., 1954. Keramika skifskikh pogrebeniy Posul'ya [Ceramics of the Scythian Burials of Sula Region]. *Voprosy skifo-sarmatskoy arheologii* [Issues of Scythian-Sarmatian Archaeology]. Moscow, AS USSR, pp. 168-185.
- Il'inskaya V.A., 1968. *Skify Dneprovskogo Lesostepnogo Levoberezh'ya (kurgany Posul'ya)* [Scythians of the Dnieper Forest-Steppe Left Bank (Burial Mounds of Sula Region)]. Kiev, Naukova dumka Publ. 267 p.
- Kovpanenko G.T., 1967. *Plemena skifs'kogo chasu na Vorskli* [The Tribes of the Scythian Time in Vorskla]. Kiev, Naukova dumka Publ. 188 p.
- Kovpanenko G.T., Bessonova S.S., Skoryy S.A., 1989. *Pamyatniki skifskoy epohi Dneprovskogo Lesostepnogo Pravoberezh'ya (Kievo-Cherkasskiy Region)* [Monuments of the Scythian Era of the Dnieper Forest-Steppe Right Bank (Kiev-Cherkassy Region)]. Kiev, Naukova dumka Publ. 336 p.
- Kozenkova V.I., 1989. *Kobanskaya kul'tura. Zapadnyy variant* [Koban Culture. The Western Version]. *Svod arheologicheskikh istochnikov SSSR*, iss. B2-6. Moscow, AS USSR. 197 p.
- Kozenkova V.I., 2018. Zametki o nekotorykh aspektakh i vektore razvitiya kobano-skifskikh vzaimootnosheniy [Essay on Some Aspects and the Vector of Development of Koban-Scythian Interrelations]. *Arheologicheskie vesti* [Archaeological News], iss. 24, pp. 290-310. DOI: <https://doi.org/10.31600/1817-6976-2018-24-290-310>
- Kopylov V.P., Marchenko K.K., 1980. Lepnaya keramika Elizavetovskogo mogil'nika na Donu [Hand-Made Pottery of the Elizavetovskoe Cemetery at Don]. *Sovetskaya arheologiya* [Soviet Archaeology], no. 2, pp. 155-160.
- Kravchenko E.A., 2010. *Kizil-kobins'ka kul'tura u Zahidnomu Krimu* [Kizil-Koba Culture in the Western Crimea]. Kiev, IANANU Publ. 275 p.
- Krupnov E.I., 1960. *Drevnyaya istoriya Severnogo Kavkaza* [The Ancient History of the North Caucasus]. Moscow, AS USSR. 520 p.
- Limberis N.Yu., Marchenko I.I., 2012. *Meotskie drevnosti VI–V vv. do n.e. (po materialam gruntovykh mogil'nikov pravoberezh'ya Kubani)* [Meotian Antiquities of the 6th – 5th Centuries BC (Based on the Materials of the Burial Grounds of the Right Bank of the Kuban)]. Krasnodar, Kuban State University. 316 p.
- Luk'yashko S.I., 2013. *Naselenie Nizhnego Dona v predskifskoe i skifskoe vremya (IX–IV vv. do n.e.): dis. ... d-ra ist. nauk* [The Population of the Lower Don in the Pre-Scythian and Scythian Times (9th – 4th Centuries BC). Dr. sci. dis.]. Moscow. 383 p.
- Maksimenko V.E., 1983. *Savromaty i sarmaty na Nizhnem Donu* [Sauromats and Sarmatians on the Lower Don]. Rostov-on-Don, Rostov State University. 224 p.
- Maslov V.E., 1997. *Keramika Tsentral'nogo Predkavkaz'ya skifskoy epohi VII–V vv. do n.e.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Ceramics of the Central Pre-Caucasus of the Scythian Epoch of the 7th – 5th Centuries BC. Cand. sci. abs. diss.]. Moscow. 19 p.
- Melyukova A.I., 1958. Pamyatniki skifskogo vremeni Lesostepnogo srednego Podnestrov'ya [Monuments of the Scythian Period of the Forest-Steppe of the Middle Transnistria]. *Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR* [Materials and Research on the Archaeology of the USSR], no. 64. Moscow, AS USSR, pp. 5-102.

- Melyukova A.I., Abramova M.P., Bessonova S.S., Dashevskaya O.D., Dvornichenko V.V., Kamenetskiy I.S., Kozenkova V.I., Korenyako V.A., Kris H.I., Kuznetsova T.M., 1989. *Stepi evropeyskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya* [Steppes of the European Part of the USSR in the Scythian-Sarmatian Period]. Moscow, Nauka Publ. 463 p.
- Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu., 2003. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow, ITI Technologies LLC Publ. 944 p.
- Parusimov I.N., 1997. *Trudy Novocherkasskoy arheologicheskoy ekspeditsii* [Proceedings of the Novocherkassk Archaeological Expedition], iss. 1. Novocherkassk, KM-advertising LLC Publ. 68 p.
- Pelyashenko K.Yu., 2020. *Liplenij posud skifs'kogo chasu naseleennya Dnipro-Donets'kogo lisostepu* [Hand-Made Dishes of the Scythian Time of the Population of the Dnieper-Donetsk Forest-Steppe]. Kiev; Kotelva, Institute of Archeology of the National Academy of Sciences of Ukraine, IKZ "Belsk". 378 p.
- Petrenko V.G., 1967. *Pravoberezh'e Srednego Pridneprov'ya v V–III vv. do n.e.* [The Right Bank of the Middle Dnieper in the 5th – 3rd Centuries BC]. *Svod arheologicheskikh istochnikov SSSR*, iss. Д1-4. Moscow, AS USSR. 152 p.
- Savchenko E.I., 1973. Otchet o rabote Bogoyavlenovskoy arheologicheskoy ekspeditsii Novocherkasskogo muzeya istorii Donskogo kazachestva v 1971 g. [Report on the Work of the Epiphany Archaeological Expedition of the Novocherkassk Museum of the History of the Don Cossacks in 1971]. *Arkhiv Novocherkasskogo muzeya Donskogo kazachestva*, R-1, no. 4926.
- Smirnov K.F., 1964. *Savromaty. Rannyyaya istoriya sarmatov* [The Sauromats. The Early History of the Sarmatians]. Moscow, Nauka Publ. 381 p.
- Suprunenko O.B., 1996. Gorodishcha skifskogo vremeni Srednego Podon'ya i Kurskogo Poseym'ya [Settlements of the Scythian Period of the Middle Don Region and the Kursk Region]. *Bil'ske gorodishche v konteksti vivchennya pam'yatok rann'ogo zaliznogo viku Evropi* [Belskoye Settlement in the Context of Studying Monuments of the Early Iron Age of Europe]. Poltava, TSODPA, Archeologia Center Publ., pp. 88-120.
- Terenozhkin A.I., 1961. *Predskifskiy period na Dneprovskom Pravoberezh'e* [The Pre-Scythian Period on the Dnieper Right Bank]. Kiev, AS USSR. 248 p.
- Tolkovyy slovar' russkogo yazyka D.N. Ushakova* [Explanatory Dictionary of the Russian Language Edited by D.N. Ushakov], 2022. URL: <https://ushakovdictionary.ru/>
- Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka V.I. Dahlya* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language by V.I. Dahl], 2023. URL: <https://slovardalja.net/>
- Hanenko B.N., Hanenko V.I., 1899. *Drevnosti Pridneprov'ya. Epoha, predshestvuyushchaya Velikomu pereseleniyu narodov* [Antiquities of the Dnieper Region. The Era Preceding the Great Migration of Peoples], iss. II. Kiev. 85 p.
- Sharafutdinova E.S., Kaminskiy V.N., 1988. Mihaylovskiy mogil'nik kontsa epohi pozdney bronzy v Zakuban'e [Burial Ground of the End of the Late Bronze Epoch in the Trans-Kuban Area]. *Sovetskaya arheologiya* [Soviet Archeology], no. 4, pp. 214-221.
- Shramko B.A., 1983. Arhaicheskaya keramika Vostochnogo ukrepleniya Bel'skogo gorodishcha i problemy proiskhozhdeniya ego obitatelej [Archaic Ceramics of the Eastern Fortification of the Belsky Settlement and the Problems of the Origin of Its Inhabitants]. *Arheologicheskij sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha* [Archaeological Papers of the State Hermitage Museum], iss. 23, pp. 73-92.

Information About the Author

Ivan V. Gubarev, Associate Professor, Don State Technical University, Gagarina Sq., 1, 344003 Rostov-on-Don, Russian Federation, ivan8.93@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6980-0397>

Информация об авторе

Иван Викторович Губарев, доцент, Донской государственный технический университет, пл. Гагарина, 1, 344003 г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, ivan8.93@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6980-0397>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2025.3.4>

UDC 903'1:903.5(470.6)

LBC 63.442.7(235.7)-413

Submitted: 24.03.2025

Accepted: 14.04.2025

EQUESTRIAN AND HORSEMEN BURIALS OF THE 4th–3rd CENTURIES BC FROM THE BURIAL GROUND OF STAROKORSUNSKAYA-2 SETTLEMENT¹

Natalya Yu. Limberis

Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

Ivan I. Marchenko

Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

Abstract. Fifteen horsemen burials dating to the 4th–3rd centuries BC were excavated at the Starokorsunskoye-2 burial ground. The burials were made in wide rectangular pits, occasionally discernible only as soil discolorations. The deceased horsemen were interred stretched out on their backs, with their heads to the southeast or east-southeast. The buried were accompanied by horses, placed to the right or at the feet of the owner. In some cases, the whole carcass of a horse was replaced by a skin (stuffed animal) with cranial and limb elements. In two burials, equine skeletal remains were missing, but harness components were found in all the burials. In addition, grave goods comprised diverse inventory artifacts: weapons, amphorae and other imports, local pottery, and other items. The standard bridle assemblage consisted of two-piece bits with rigid cheek-devices and cheek-pieces of different types: two-hole rod-shaped, C-shaped, S-shaped, and paddle-shaped varieties. Protective horse equipment is represented by headplates and cheekplates. Warrior accoutrements incorporated Sindo-Maeotian-type swords, spears, arrows, and occasionally darts and combat knives. The general chronology of the burials is limited to the second quarter of the 4th to early 3rd century BC. Precise dating of most of the complexes is set within a quarter of a century on the basis of joint finds of Greek amphorae from different Mediterranean production centers. In general, the material shows that during the 4th–3rd centuries BC, the Maeotians, who inhabited one of the largest settlements on the right bank of the Lower Kuban, maintained a stratified social structure with an equestrian elite. Their well-equipped cavalry was not inferior to a similar military contingent from the eastern frontiers of the Asian Bosphorus and in the Trans-Kuban regions in either quality or sophistication.

Key words: Kuban region, Maeotians, subsoil burial ground, horses, horseman, bridle equipment, weapon, chronology.

Citation. Limberis N.Yu., Marchenko I.I., 2025. Zahoroneniya loshadey i vsadnikov IV–III vv. do n.e. iz mogil'nika Starokorsunskogo gorodishcha № 2 [Equestrian and Horsemen Burials of the 4th–3rd Centuries BC from the Burial Ground of Starokorsunskaya-2 Settlement]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 24, no. 3, pp. 95-128. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2025.3.4>

УДК 903'1:903.5(470.6)

ББК 63.442.7(235.7)-413

Дата поступления статьи: 24.03.2025

Дата принятия статьи: 14.04.2025

ЗАХОРОНЕНИЯ ЛОШАДЕЙ И ВСАДНИКОВ IV–III вв. до н.э. ИЗ МОГИЛЬНИКА СТАРОКОРСУНСКОГО ГОРОДИЩА № 2¹

Наталья Юрьевна Лимберис

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Российская Федерация

Иван Иванович Марченко

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Российская Федерация

Аннотация. На могильнике Старокорсунского городища № 2 исследовано 15 всаднических погребений IV–III вв. до н.э. Погребения совершались в широких прямоугольных ямах, которые в ряде случаев были

прослежены по пятнам. Всадники лежали вытянуто на спине, головой на юго-восток или восток-юго-восток. Погребенных сопровождали лошади, положенные справа от хозяина или в его ногах. В некоторых случаях целая туша лошади заменялась шкурой (чучелом) животного с головой и ногами. В двух захоронениях кости лошади отсутствовали, но детали конской сбруи были найдены во всех погребениях. Кроме того, погребения сопровождалось разнообразным инвентарем: оружием, амфорами и другими импортами, местной керамикой и пр. Обычный набор конской узды состоял из двусоставных петельчатых удили, снабженных строгими насадками и псалиями разных типов: двухдырчатыми стержневидными, С-образными, S-образными и лопастьными. Защитное конское снаряжение представлено пластинчатыми налобниками и нащечником. В экипировку всадников входили мечи синдо-меотского типа, копья, стрелы, иногда дротики и боевые ножи. Общая хронология погребений ограничивается второй четвертью IV – началом III в. до н.э. Узкие датировки большинства комплексов по совместным находкам греческих амфор разных средиземноморских центров производства устанавливаются в пределах четверти столетия. В целом материал показывает, что в IV–III вв. до н.э. меоты, населявшие одно из крупных городищ правобережья Нижней Кубани, имели стратифицированное устройство общества, к элите которого относились всадники. Хорошо экипированная конница ничем не уступала аналогичному воинскому контингенту из пунктов, расположенных у восточных границ Азиатского Боспора и в Закубанье.

Ключевые слова: Прикубанье, меоты, грунтовый могильник, лошадь, всадник, конская узда, оружие, хронология.

Цитирование. Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2025. Захоронения лошадей и всадников IV–III вв. до н.э. из могильника Старокорсунского городища № 2 // Нижневолжский археологический вестник. Т. 24, № 3. С. 95–128. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolstu.2025.3.4>

Старокорсунское городище № 2 расположено в 4 км к востоку-северо-востоку от ст-цы Старокорсунской (Карасунский округ г. Краснодара), на северном берегу Краснодарского водохранилища (правый берег р. Кубань). На этом меотском памятнике Краснодарская археологическая экспедиция КубГУ ведет регулярные раскопки почти 40 лет – с 1987 года. Грунтовый могильник городища, благодаря огромному количеству исследованных погребений (на данное время их 1 072), хронология которых охватывает период с конца VII в. до н.э. примерно до середины III в. н.э., стал эталонным для изучения меотской культуры Прикубанья, расцвет которой приходится на IV – первую половину III в. до н.э. Погребений этого периода немного (всего 75), и большинство относится к IV в. до н.э. Из этого количества 30 погребений принадлежали вооруженным воинам, половина из которых были всадниками.

Материалы большинства рассматриваемых в настоящей работе погребений были изданы ранее [Лимберис, Марченко, 2005; 2007], но в этих работах, посвященных хронологии керамических комплексов, не анализировались предметы конского снаряжения и экипировки всадников. Не все захоронения сопровождалось лошадьми, однако в каждом были найдены основные детали конской

узды – удила, строгие насадки и псалии. Кроме узды, в погребениях присутствовал многочисленный и разнообразный инвентарь: амфоры, чернолаковые сосуды и другие импортные вещи, местная керамика, оружие, украшения, предметы туалета и пр. В связи с этим, некоторые захоронения в древности были подвержены разграблению.

Погребения совершались в широких прямоугольных ямах, которые в ряде случаев были прослежены по пятнам. Всадники лежали вытянуто на спине, головой на юго-восток или восток-юго-восток. Из общей массы выделяется только поза мужчины (Uvenis, 20–22 года)² в погребении 41в, лежавшего головой на восток: его левая нога была согнута в колене под прямым углом, левое плечо поднято, правый локоть выставлен в сторону (рис. 1, I). В захоронениях 41в, 93в (мужчина, Adultus), 44в и 356з (пол не определен из-за плохой сохранности) человека сопровождала взнузданная лошадь (примерно 1,5–2 года)³, положенная на живот, с подогнутыми ногами, справа от погребенного (рис. 2, I, 4, I, 14, I). В погребении 46в лошадь лежала на правом боку в ногах хозяина (мужчина, Adultus-Maturus), а шея и голова были развернуты влево (рис. 3, I). В двух случаях (237в, 238в) целая туша лошади была заменена шкурой (чучелом) животного с головой и ногами. В по-

гребении 238в были захоронены мужчина и женщина, справа от которой располагалась шкура лошади (рис. 8,1). Лошадей или чучело укладывали головой в том же направлении, что и всадников.

Парным было и погребение 24в, где после ограбления сохранились два неполных человеческих черепа (взрослый и детский), несколько костей лошади и половина удила. В погребении 99в кости человека (мужчина, *Maturus-Senilis*) и лошади были перемешаны на разных уровнях с разбитыми сосудами, в заполнении среди которых найден железный псалий.

В двух захоронениях не было лошадей, но конская узда присутствовала. В погребении 294з удила с псалиями были найдены в заполнении могильной ямы. В погребении 239в, совершенном на двух уровнях и ограбленном в древности, на дне могильной ямы лежали скелеты женщины 25–30 лет и ребенка 8–10 лет, над ними – разрушенный скелет мужчины 50–55 лет (рис. 9). Удила находились среди сваленного на верхнем уровне инвентаря, у правого плеча погребенного.

Погребение 237в, вероятно, представляет собой кенотаф: здесь была захоронена шкура лошади, расположенная черепом на восток, с двумя парами удили, амфорами и сероглиняной керамикой (рис. 7,1). В погребениях 223в (рис. 6,1), 102в и 650з обнаружены только лошади с предметами узды. Первое из них находилось на краю обрыва, так что скелет человека мог и обвалиться, а два других ограблены, частично сохранились только кости лошади.

В погребении 118з сохранились удила с псалиями и другой инвентарь, вероятно, находившийся в ногах человека (рис. 11,1), скелет которого обрушился в водохранилище. Не исключено, что и скелет лошади (если он был) также мог обвалиться, но детали узды лежали среди сохранившихся сосудов.

Обычный набор конской узды состоял из двусоставных петельчатых удили, снабженных строгими насадками и псалиями разных типов.

В погребении 93в в зубах лошади находились простые удила без насадок и псалиев (рис. 4,7). От удила из погребения 238в сохранились только грызла без внешних петель (рис. 8,8), а в погребении 102в – половина зве-

на удила (рис. 15,10). Удила из остальных погребений дополнялись крестовидными насадками и псалиями.

На грызлах некоторых удили имеются утолщения-ограничители для строгих крестовидных насадок, которые не позволяли насадкам соскальзывать в рот лошади. Однако сами насадки на удилах не всегда присутствуют. Грызла удили из погребений 44в и 223в имеют по две крестовидные насадки и хорошо выделенные утолщения, ограничивающие их движение; псалии в этих удилах отсутствовали (рис. 2,2,6,3). Удила из погребения 46в, также с выраженными утолщениями на грызлах, не имели крестовидных насадок, в кольца были продеты стержневидные псалии (рис. 3,7). Грызла удили без выделенных ограничителей (239в, 356з, 650з), могли просто утолщаться к внешнему кольцу, ограничивая движение насадок (рис. 10,2, 14,5, 15,13).

Появление строгих крестовидных насадок у меотов правобережья Кубани зафиксировано с первой половины V в. до н.э. Нами было выделено 4 варианта строгих насадок (А, В, С, D) и обоснована их хронология [Лимберис, Марченко, 2019, с. 161 и далее].

Крестовидными насадками без псалиев были снабжены удила из погребений 44в, 223в и 239в. Насадки удили из погребения 223в и 239в относятся к варианту В – концы их раскованы в широкие лопасти с мелкими зубцами (рис. 6,3, 10,2). Удила из погребения 44в с одной стороны имели насадку варианта В, а с другой – насадку варианта А с узкими шипами (рис. 2,2).

В трех наборах узды крестовидные насадки совмещены с псалиями.

В погребении 237в было найдено две пары удили: одни (с двухдырчатыми стержневидными псалиями) находились в зубах лошади (рис. 7,3), вторые лежали в стороне в сложенном виде (рис. 7,2). Первая пара имеет с одной стороны крестовидную насадку с маленькими плоскими загнутыми концами (вариант А). Вторая пара – без псалиев, и снабжена такой же крестовидной насадкой с вырезом на уплощенных загнутых концах. Интересно, что насадки надеются непосредственно на стержень, загибающийся в петлю. Этот способ продевания насадок в петлю был замечен К.Ф. Смир-

новым [Смирнов, 1953, с. 37, рис. 13, а, в], и встречается он чрезвычайно редко.

Половина удила с двухдырчатым псалием во внешней петле и крестовидной насадкой сохранилась в погребении 118з (рис. 11, 4). Следов утолщения-ограничителя на стержне удила не отмечено. Крестовидная насадка – с маленькими загнутыми заостренными концами (вариант А).

На удила из погребения 650з с одной стороны была надета крестовидная насадка, а в кольцо продет двухдырчатый псалий (рис. 15, 12, 13). С другой стороны насадки не было, но сохранился фрагмент такого же псалия. Крестовидная насадка в виде квадратной пластины с отогнутыми по углам заостренными шипами относится к варианту С. Удила с устражающими насадками этого варианта в меотских памятниках встречаются редко. Еще две пары происходят из погребений 159 и 296 Прикубанского могильника [Лимберис, Марченко, 2019, с. 168, рис. 4, 1].

Псалии использовались железные двухдырчатые, с 8-образным расширением в центре. Среди них чаще всего встречаются стержневидные: круглые, прямоугольные или почти квадратные в сечении.

В погребении 118з оба стержневидных псалия сохранились наполовину. Один из них – с прямыми концами. У второго на конце стержня имеется прилитый бронзовый шарик (рис. 11, 4, 4а). Подобные биметаллические псалии с бронзовыми окончаниями в виде шариков или конических «шишечек» известны в конских погребениях курганных святилищ Тенгинского городища II, которые В.Р. Эрлих датирует второй половиной IV – началом III в. до н.э. Хронологию этих святилищ исследователь расширил до начала третьего столетия, так как, по его мнению, в этих комплексах чувствуется восточное приуральское «сарматское» влияние в некоторых предметах искусства, проявившееся в «биметаллизме» псалиев и украшениях [Эрлих, 2011, с. 57, 81, рис. 102, 2–5].

Однако биметаллические псалии известны и в более ранних меотских комплексах. Так, из погребения 14 Почтового могильника происходят удила с S-видными псалиями, на концах которых имеются бронзовые шарики.

Совместно встречена амфора Икоса второй четверти IV в. до н.э. [Лунев, 2010, с. 364–365, 369, рис. 10, 6; Монахов и др., 2022, с. 112, Ик.1]. Удила из погребения 167 Прикубанского могильника также были снабжены S-видными биметаллическими псалиями. Центральная часть – железная, а изогнутые стержни – бронзовые, концы заканчиваются коническими «шишечками». По амфорам Гераклеи и Менды комплекс датируется 390-ми – началом 380-х гг. [Монахов и др., 2021, с. 30, НР.1, Мд.4]. Таким образом, появление биметаллических псалиев у меотов относится к более раннему времени, и вряд ли связано с восточным влиянием.

В погребении 24в сохранился один стержневидный псалий, с коническими «шишечками» на концах. Интересно, что надет он непосредственно на внешнюю петлю удила через одно из отверстий (рис. 15, 1). Такие же псалии, только более длинные, происходят из погребения 46в (рис. 3, 7); еще две пары псалиев с ровными или немного расширяющимися к концам стержнями – из погребений 41в (рис. 1, 4) и 237в (рис. 7, 3).

Два набора узды были снабжены С-образными (серповидными) псалиями. У пары псалиев из погребения 294з концы плавно загнуты, оформлены в виде копытца, сечение круглое. На одном из псалиев у отверстий расположены два острых выступа, направленных внутрь, которые служили элементом устрожения (рис. 12, 3). Такие псалии известны в скифских комплексах [Могилов, 2010, с. 286, рис. 3, 1–3]. Концы псалия из погребения 356з украшены косой спиралевидной нарезкой. Часть удила с псалием, концы которого оформлены аналогичным образом, была найдена в кургане 30 у аула Начерзий в Закубанье вместе двумя амфорами с грибовидным венцом, относимыми ранее к типу Солоха I [Ждановский, 2006, с. 89, 92, табл. 6, 2, 9, 2, 3]. Целая амфора морфологически близка «чередниковому» варианту (I-D) книдской тары, который С.Ю. Монахов раньше датировал второй – третьей четвертями IV в. до н.э., а в настоящее время сузил его хронологию до второй четверти столетия [Монахов, 2003, с. 104, 110, табл. 72; Монахов и др., 2021, с. 198, Кн.9; Монахов и др., 2022, с. 34, 134, Кн.3, Кн.4].

Железные псалии серповидной формы с поперечным рифлением и конусовидными «шишечками» на концах встречаются в склеповых могильниках и святилищах Северного Кавказа, которые исследователи датируют III–II вв. до н.э. [Прокопенко, Рудницкий, 2023, с. 205–206, рис. 12,5,6].

S-видные псалии из погребения 650з представлены целым экземпляром со слегка утолщенными окончаниями и фрагментом второго псалия с конической «шишечкой» на конце (рис. 15,12).

Вышеназванные три типа железных двухдырчатых псалиев широко использовались меотами [Галанина, 2005, с. 100; Галанина, 2010, с. 108; Эрлих, 2011, с. 54], как и во всем скифском мире, особенно в IV в. до н.э.

К редкому типу двухдырчатых псалиев относится единственный двухлопастной экземпляр из погребения 99в (рис. 15,2). Лопастни, расположенные в разных плоскостях по отношению к центральной части псалия, довольно резко расширяются к концам (трапецевидные), а перехват между отверстиями выглядит довольно сглаженным. Псалии этого типа из погребений 19 и 177 середины II в. до н.э. Тенгинского могильника отличаются четким перехватом посередине 8-образного расширения [Беглова, Эрлих, 2018, с. 137], так же как и аналогичные псалии из памятников Центрального Предкавказья, где период их существования охватывает III–I вв. до н.э. [Абрамова, 1993, с. 78, рис. 25,7,10; Прокопенко, Рудницкий, 2023, с. 192, 205, рис. 1,6].

В погребении 223в, кроме двухзвенных удила с крестовидными насадками варианта В, присутствовал уникальный набор из шести комплектов одногрызловых удила с псалиями двух разных типов [Лимберис, Марченко, 2022, с. 269–271]. Удила имеют перекрученные («ложновитые») грызла с загнутой петлей на одном конце и добавочным кольцом – на другом. Три комплекта снабжены двухдырчатыми псалиями, с прямыми кручеными стержнями, оканчивающимися округлыми «шишечками» (рис. 6,4,6,7,10). В петли трех остальных вставлены двухдырчатые, слегка изогнутые, лопастные псалии с вырезами по краю и подвесками в виде лунниц и конусов. При этом лопасти серповидной формы развернуты не плоскостью, а ребром к центральной части

псалия (рис. 6,5,8,9). Отдаленное сходство с этими псалиями имеет Г-образный псалий с расположенными в разных плоскостях лопастными окончаниями из святилища кургана № 2 Тенгинского могильника второй половины IV – начала III в. до н.э. [Эрлих, 2011, с. 48, 55, 81, рис. 100,4].

Лопастные псалии из погребения 223в никак нельзя отнести к псалиям с «флажковидными» окончаниями, с которыми сопоставили их Ю.А. Прокопенко и Р.Р. Рудницкий [Прокопенко, Рудницкий, 2023, с. 206, рис. 11,7], разве что по наличию «волнообразного» края и отверстиям для подвесок. Наиболее похожие конструктивно и стилистически псалии с конусовидными подвесками и головками грифонов на концах изогнутых лопастей происходят из комплекса предметов конского убора, случайно обнаруженных в верховьях р. Большая Лаба, который автор публикации датировал второй половиной III – началом II в. до н.э. К этому комплексу отнесены также удила с крестовидными насадками и часть бронзового пластинчатого нагрудника [Прокопенко, 2016, с. 39–40, 43, рис. 2].

Защитное конское снаряжение представлено бронзовыми пластинчатыми налобниками выделенных нами типов 1 и 2 [Лимберис, Марченко, 2005а, с. 162–163, 166, рис. 1, 2]. В разграбленном в древности погребении 102в сохранилась средняя часть налобника типа 1 (с круглой верхней частью и трапецевидно вытянутой нижней), с тремя кругами циркулярного орнамента и пластинчатой петлей на двух заклепках на внутренней стороне (рис. 15,9). В погребении 238в целый налобник типа 2 (с симметричными веерообразно расширенными концами и прогнутыми сторонами) лежал непосредственно на черепе лошади. Крепился налобник к оголовью при помощи двух пластинчатых петель на двух заклепках: одна – сверху, а вторая – по центру налобника с внутренней стороны (рис. 8,6). Длина пластины – 34,6 см, ширина на концах – около 24 см, в средней части – 8,9 см.

Ближайшим к Старокорсунскому городищу № 2 меотским памятником, где были найдены налобники обоих типов, является могильник «у селища № 5» хут. Ленина. Сохранившиеся материалы этой коллекции были нами изучены⁴. Памятник по составу амфор-

ной тары, типам чернолаковых сосудов, наборам местной керамики, вооружения и конской узды аналогичен Прикубанскому могильнику IV – начала III в. до н.э., хронология которого определена датировками более чем трехсот амфор различных центров производства [Монахов и др., 2021].

Данные из разных прикубанских памятников позволили нам ограничить период использования меотами налобников обоих типов второй половиной IV – началом III в. до н.э. [Марченко, Лимберис, 2009, с. 71–73].

С обоснованной нами хронологией налобников не согласился А.В. Симоненко, который считает, что наша датировка некорректна, так как опирается на «сомнительный», по его мнению, материал из погребений 65, 111 и 240 могильника у селища № 5 хут. Ленина, где налобники «якобы» были найдены с амфорами типа Солоха I, но проверить наше сообщение он не может, так как коллекция утрачена. Опубликованный же нами комплекс погребения 238в могильника Старокорсунского городища № 2 [Лимберис, Марченко, 2007, с. 71, 77, 78, рис. 11,3,4, 14,1] исследователь проигнорировал. В то же время А.В. Симоненко в качестве аргумента в пользу предлагаемой им поздней датировки налобников приводит комплексы из кургана Новолабинского городища IV и склепа Татарского городища, хронология которых не подкреплена амфорным или другим надежно датированным материалом. Странно, что автор, ссылаясь на работу Б.А. Раева и Г.Е. Беспалого, почему-то не заметил статью А.М. Ждановского о Начерзиевском комплексе с налобником типа 2 и амфорами Солоха I [Ждановский, 2006, с. 89, 92, табл. 6,1, 9,2,3]. Свой основной вывод автор сформулировал очень четко: «Мне кажется (курсив наш. – Н. Л., И. М.), что совокупность всех данных и сопутствующий инвентарь указывают на III в. до н.э. как на время появления таких налобников, а бытовали они, судя по находкам, вплоть до конца II в. до н.э.» [Симоненко, 2015, с. 272–274].

В настоящее время уточненная хронология амфорной тары позволяет предположить, что датировка налобников типа 2 у меотов Прикубанья, возможно, не выходит за пределы второй – последней четверти IV в. до н.э. [Лимберис, Марченко, 2023, с. 120]. Развитие же налобников типа 1 продолжалось, и его

поздние варианты могли существовать и в первой половине III в. до н.э. В меотских же памятниках второй половины III в. до н.э. подобные налобники (как 1, так и 2 типа) не были встречены.

К деталям конской сбруи относится бронзовый нащечник из погребения 46в, вырезанный из тонкой прокованной пластины (рис. 3,9). Концы, закрученные в разные стороны, имеют в центре выпуклые окружности, на одной из которых (большей по диаметру) пробиты два маленьких отверстия для крепления, сохранился и бронзовый штифт. Под волютами с обеих сторон расположены острые выступы. Края пластины орнаментированы пуансоном. Длина – 11, 5 см.

Аналогичных изделий нам не известно. Но характерная волютообразная (S-видная) форма пластины и остроугольные выступы напоминают о бронзовых литых зооморфных нащечниках типа I Мордвиновско-уляпского второй четверти IV в. до н.э., изображающих фантастических «петушков-гиппокампов» [Канторович, 2022, т. 1, с. 316–318, т. 2, с. 126]. Два подобных нащечника (тип II по Ю.А. Прокопенко) с выступами, имитирующими конечности или плавники изображенных на них фантастических существ, были найдены в окрестностях г. Ставрополя [Прокопенко, 2021, с. 473–475, рис. 3,3,4]. Старокорсунский нащечник, похожий на них по форме и рудиментарным остроугольным выступам, представляет собой изделие, несомненно, подражающее оригинальным образцам литых нащечников.

Основным видом вооружения меотских воинов (как всадников, так и пехотинцев) в IV–III вв. до н.э. были мечи синдо-меотского типа. В погребениях они всегда располагались слева от всадника, вдоль руки, острием к ногам. Целые мечи из погребений 41в, 44в, 93в и 238в – длинные (90–94,5 см), клинок равномерно сужается к острию. Края клинка у основания рукояти срезались под прямым углом, рукоять плоская (рис. 1,15, 4,13, 8,16). Более короткий меч из комплекса 294з (полная длина вряд ли более 70 см) имеет клинок равномерной ширины (6,5 см), сужающийся только на конце, рукоять в сечении уплощенно-овальная (рис. 12,12). Навершия мечей узкие, брусковидные, как правило, прямоугольного сече-

ния. Только меч из погребения 44в (длина 92 см) отличается навершием, изготовленным из отрезка круглого в сечении бруска (рис. 2,13), что не часто встречается у мечей синдо-меотского типа. Меч с таким навершием найден в погребении 242в этого же могильника [Лимберис, Марченко, 2007, с. 93, рис. 28,5] вместе с двумя амфорами (Синопы и малоазийских Эрифр), по которым и датирован первой четвертью III в. до н.э. [Монахов и др., 2022, с. 58, рис. 76].

А.В. Иванов, специально посвятивший доклад мечам с подобными навершиями («цилиндрическими» по терминологии автора), отнес к этому варианту 8 мечей из меотских памятников, ограничив их хронологию второй половиной IV в. до н.э. – второй третью III в. до н.э. [Иванов, 2010, с. 147, рис. 1]. В число таких мечей вошли два старокорсунских и меч из погребения 106 Пашковского могильника № 6. Однако в описании меча и на рисунке в отчете Н.В. Анфимов не отмечает особенностей в сечении брусковидного навершия. Более того, на полевой фотографии этого погребения хорошо видно, что навершие – прямоугольное в сечении [Анфимов, 1973, альбом 3].

В своей сводке А.В. Иванов учитывает также 4 меча с «цилиндрическими» навершиями из Закубанья. Здесь они появились раньше, чем на правобережье. Меч из кургана 30 у аула Начерзий имеет «брусковидное навершие с округленными концами» [Ждановский, 2006, с. 90, табл. 1,3]. Этот комплекс А.В. Иванов датировал по книдской амфоре третьей четвертью IV в. до н.э. [Иванов, 2010, с. 147]. Сейчас, в связи с уточнением хронологии книдской тары (о чем мы писали выше), его следует отнести ко второй четверти этого столетия. Вряд ли следует включать в сводку мечей с навершием этого варианта меч из разрушенного погребения Псекупского могильника № 1. В публикации автора раскопок изображен меч с брусковидным навершием [Ловпаче, 1985, табл. XVII,1], но определить достоверно форму сечения навершия из-за мелкого масштаба невозможно. При увеличении оно больше похоже на ромбовидное.

Хронология мечей этого варианта, предложенная А.В. Ивановым, не вызывает больших возражений. Однако его предположение о появлении круглых в сечении брусковидных

наверший в связи с проникновением в Прикубанье мечей прохоровского типа с серповидным навершием вряд ли может быть поддержано. Главным аргументом в пользу своей гипотезы автор считает круглое сечение навершия, по его мнению, являющееся связующим звеном между прохоровскими и синдо-меотскими клинками. На этом основании он предполагает, что «меч с цилиндрическим навершием тесно увязан с генезисом меотского меча с серповидным навершием» [Иванов, 2010, с. 147–148], то есть, как мы понимаем, мечи синдо-меотского типа с «цилиндрическим» навершием под сарматским влиянием постепенно трансформировались у меотов в мечи с серповидным навершием.

По логике вещей, познакомиться с прохоровскими мечами в первую очередь должны были меоты правобережья Кубани. Однако ранние экземпляры мечей с круглым в сечении навершием пока зафиксированы на левобережье, где раньше второй половины III в. до н.э., или даже II в. до н.э. сарматских захоронений мы не знаем. Хронологический анализ меотских погребений, сопровождавшихся мечами с серповидным навершием, показывает, что самые ранние из них относятся ко второй четверти – середине III в. до н.э. и их появление у местных племен связано с сарматским влиянием [Лимберис, Марченко, 2020, с. 94–95]. Поэтому нам трудно согласиться с предположением А.В. Иванова, что серповидные навершия меотских мечей произошли от коротких брусковидных, пусть и круглых в сечении, наверший мечей синдо-меотского типа.

В погребении 41в присутствовало оружие особого вида – два боевых ножа (рис. 1,10,11). Такие железные ножи (обычно более 20 см длиной), как правило, связанные с предметами вооружения и чаще всего с мечами, мы выделили в категорию боевых, разделив их на два варианта. К первому варианту относятся однолезвийные ножи с прямой спинкой, ко второму – двулезвийные экземпляры с равномерно сужающимся к концу клинком. Оба ножа из погребения 41в относятся к первому варианту. Один из них – целый, длиной 22,6 см; длина второго восстановлена – 17 см. Ножи находились, вероятнее всего, в отделении колчана, так как располагались рядом с наконечниками стрел. Боль-

шое количество боевых ножей (11 экз.) длиной от 30 см до 42 см происходит из Прикубанского могильника, где они встречаются в комплексах, начиная с первой четверти IV в. до н.э., вплоть до начала следующего столетия [Лимберис, Марченко, 2018, с. 221–223; Лимберис, Марченко, 2024, с. 27, рис. 2, 10–15]. Такие ножи помещались в особых отделениях на ножнах мечей и колчанов, или в специальных чехлах.

Ножи длиной до 41 см встречаются в памятниках кобанской культуры. Ножи из погребения 120 Лугового могильника и из разрушенного комплекса у с. Шали В.И. Козенкова выделила в тип Х и, вслед за В.Б. Виноградовым, отнесла к боевому оружию [Козенкова, 1982, с. 7, табл. II, 9]. В Закубанье этот вид оружия известен с раннемеотского времени. Два длинных ножа (длина – 31 см и 35,3 см) из Келермесского грунтового могильника связаны с погребениями второй половины VII – начала VI в. до н.э. [Галанина, 1985, с. 163, рис. 4, 11; Галанина, 1989, с. 85, рис. 15, 11]. Два ножа (длина – 22–23 см) из Уляпского могильника найдены в погребении 48 кургана 15 середины VI в. до н.э. Е.А. Беглова назвала их охотничьими. Ножи лежали в специальном чехле рядом с акинаком [Беглова, 1989, с. 146, рис. 3, 5, 6].

В.Е. Маслов совершенно правильно считает боевые ножи вспомогательным оружием, дополняющим мечи синдо-меотского типа. При этом, кроме ножей, он добавил в этот комплект и шилообразные стилеты. По его наблюдениям, этот «неопознанный» вид оружия для пробивания доспеха, встречается во всем ареале распространения синдо-меотских мечей. В числе находок из памятников Центрального Предкавказья и Южного Приуралья, автор приводит и «стилеть» из погребения 93в могильника Старокорсунского городища № 2 [Маслов, 2019, с. 141]. Однако этот предмет не может быть причислен к какому-либо виду оружия. По рисунку из нашей статьи, посвященной хронологии керамических комплексов из меотских могильников, где было дано изображение шила, вернее развертки, без его описания и размерных характеристик [Лимберис, Марченко, 2005, с. 252, рис. 14, 19, 24], В.Е. Маслов зачислил это орудие в разряд стилетов, так как оно лежало у локтя погребенного ря-

дом с мечом. Размеры этого предмета таковы: общая длина – 7,5 см, длина рабочей части – 5,3 см, сечение квадратное – 0,6 × 0,6 см.

Вызывает большое сомнение и «стилеть» из погребения 2 кургана 2 могильника Филипповка 2, на который ссылается В.Е. Маслов. Нахождение этого предмета не связано с мечом: авторы публикации отмечали, что неопределенный ими предмет находился справа у черепа скелета. Его длина – 11 см, толщина – 1 см [Рукавишникова, Яблонский, 2014, с. 121, рис. 3, 6]. Вряд ли подобные шилообразные предметы небольшой длины представляли собой стилеты, дополнявшие мечи синдо-меотского типа в качестве вспомогательного оружия.

Не исключено, что в качестве стилетов могли использоваться более длинные стержни, такие как штырь длиной около 30 см из погребения 7 кургана 1 Комаровского могильника, и штырь такой же длины из погребения 1 кургана 3 могильника Лысогорский-6, найденные с мечами синдо-меотского типа [Маслов, 2019, с. 141, рис. 4, 3, 4]. Однако вряд ли можно считать стилетом предмет из Шолоховского кургана, состоящий из двух заостренных, круглых в сечении штырей со втулками, в которые вставлена костяная рукоять-перехват. Размеры этого «ножа для метания» (длина одного клинка – 28 см, второго – 11 см, длина рукояти между ними – 5 см, наибольший диаметр клинков – 5 см), как условно назвал его В.Е. Максименко [Максименко, 1983, с. 113, рис. 13, 12], довольно внушительны для стилета. Штырь «с закругленным концом» из Комаровского могильника А.А. Туаллагов сравнил со штырем из Чегемского кургана-кладбища и на этом основании высказал предположение, что он мог служить пробивным оружием [Туаллагов, 2007, с. 160–161]. Однако штырь из погребения 4 Чегемского кургана-кладбища, длиной 30 см, на верхнем загнутом «в виде спирали» квадратном в сечении конце имеет насаженную пластинку с кольцом, а его нижний конец, круглый в сечении, изогнут серповидно и заострен. Совершенно очевидно, что подобная форма не позволяет использовать этот предмет в качестве стилета. Тем не менее Б.К. Кереев посчитал возможным отнести этот стержень к оружию для пробивания панциря. В погребении присутствовал меч с фигурным серповидным навер-

шим и фибула неапольского варианта, по которой комплекс можно датировать в пределах второй половины II – первой половины I в. до н.э. [Керефов, 1985, с. 193–194, 198, 200, рис. 5, 4, 11, 19; Кропотов, 2010, с. 50].

Наряду с мечами в оружейном наборе меотских всадников обязательно присутствовали копья, которые в количественном отношении занимают первое место. Железные наконечники копий разных типов были найдены в шести погребениях (41в, 44в, 46в, 93в, 238в, 239в), из которых только в двух (46в, 239в) отсутствовали мечи. Количество наконечников копий в погребениях – от 1 до 3-х. Копья, как правило, укладывались острием наконечника к голове погребенного, но в погребении 238в единственный наконечник лежал острием к ногам. В трех случаях наконечники копий лежали слева от погребенного, рядом с мечом (44в, 93в, 238в). В погребении 41в три наконечника лежали справа, на некотором расстоянии от черепа человека. Копья были положены вдоль туши лошади и наконечники находились у ее головы. Необычно располагались копья в погребении 46в. Два из них находились слева от погребенного: у плечевой кости и выше плеча, у черепа. Третье копье и дротик были уложены по диагонали могильной ямы, справа от погребенного.

Наиболее распространенными были наконечники копий с пером листовидной формы (отдел II), в основном плоские или ромбовидные в сечении (41в, 44в, 46в, 93в, 238в, 239в), что характерно для IV–III вв. до н.э. (рис. 1, 12–14, 2, 12, 3, 16, 17, 4, 10–12, 8, 15, 10, 1) Единственный наконечник треугольной формы (отдел III) был найден в погребении 46в (рис. 3, 15). Такие наконечники редко использовались меотами в этот период [Лимберис, Марченко, 2006, с. 156, 157, 162, 163, 164, 166, рис. 1, 2].

В два набора, кроме копий входило по одному дротику. Этот вид метательного оружия характеризуется пером небольшого размера пером и длинной втулкой, переходящей в верхней части в сплошной стержень. В погребении 46в был найден наконечник с треугольным пером, уплощенно-ромбовидного сечения, косо срезанным вверх от втулки (рис. 3, 18). Общая длина – 21,1 см, длина пера – 7,6 см, ширина пера – 2,9 см. Похоже,

что этот экземпляр представляет собой нечто переходное от наконечника легкого метательного копья к наконечнику дротика, хотя и близок к выделенному нами ранее I типу наконечников дротиков IV–II вв. до н.э., от которого он отличается сечением и оформлением срезов пера. Второй экземпляр (из погребения 93в) – с маленькой треугольной головкой, уплощенно-ромбовидной в сечении, и короткими опущенными шипами (рис. 4, 8). Общая длина – 18,5 см, длина пера – 5 см. По форме головки его нужно отнести к подтипу IIIa, хронология которого ограничивается IV в. до н.э. [Лимберис, Марченко, 2012, с. 411–412].

Как правило, в боевую экипировку меотских всадников входили лук и стрелы, наконечники которых были найдены в 8 погребениях. Наборы стрел представлены, практически исключительно, железными наконечниками одного типа – втульчатыми трехлопастными с маленькой или немного удлиненной треугольной головкой, основания лопастей срезаются горизонтально или скошены вверх. Средние размеры: общая высота – 2,2–3,1 см, высота головки – 1,1–1,6 см. В погребениях 41в (рис. 1, 2) и 93в (рис. 5, 13) наконечники стрел (11 и 33 экз. соответственно) помещались в колчанах рядом с мечом. Вероятно, такой же колчан был в ограбленном погребении 356з, где единственный железный наконечник (рис. 14, 2) лежал под сохранившейся частью клинка меча. Однако при наличии в погребении меча, колчан могли положить и в другом месте: в погребении 238в колчан с восемью стрелами (рис. 8, 3) располагался в ногах, а не рядом с мечом; в погребении 44в, в котором также был меч, 16 наконечников стрел (рис. 2, 3) лежали у стенки ямы между всадником и лошастью, вероятно, также в колчане. В ограбленном погребении 239в (без меча) 6 наконечников стрел (рис. 10, 3) были найдены слева от скелета мужчины под наконечником копья.

В погребении 46в, где не было меча, колчан со стрелами (более 30 экз.), находился у левого колена погребенного. Это единственный набор, в котором два бронзовых наконечника (трехгранный со скрытой внутренней втулкой и трехлопастной втульчатый) были найдены вместе с железными и одним костяным пулевидным (рис. 3, 4, 5, 6, 8) того же типа,

что и фрагмент в наборе из погребения 41в. Аналогичные наборы наконечников стрел широко представлены в погребениях всадников IV в. до н.э. Прикубанского могильника [Лимберис, Марченко, 2024, с. 25–27, рис. 2, 4–9].

Интересны случаи, когда отдельные железные наконечники стрел, не связанные с колчанными наборами, находились на скелете человека или лошади. В погребении 44в наконечник стрелы лежал на грудинной кости человека. Такой же наконечник застрял в шейных позвонках лошади. Вероятно, здесь был захоронен всадник, убитый в бою, лошадь под которым также пала от вражеской стрелы. На поле боя погибли и всадники из погребений 46в (наконечник стрелы был обнаружен под левым крылом таза, около крестца) и 239в (на скелете обнаружены два наконечника – у левой ключицы и лопатки). Два наконечника находились между ребер лошади в погребении 223в (рис. 6,2). Логично предположить, что она была убита, но не специально для погребения (в этом случае животное умертвили бы другим способом). Наконечник стрелы в погребении 93в (рис. 5,12) был найден среди разрубленных костей какого-то крупного грызуна, лежащих справа от погребенного под перевернутой вверх дном миской. Это животное, очевидно, было убито на охоте и положено в захоронение в качестве папугушней пищи.

Ворворки, найденные в погребениях всадников, бывают связаны как с лошастью, так и с человеком. В первом случае мы относим их к деталям конской упряжи, во втором – к ременной гарнитуре всадника

В погребении 41в высокая усеченно-коническая костяная ворворка (рис. 1,5) находилась под черепом лошади. В погребении 46в с лошадью связаны 3 костяных ворворки низкой усеченно-конической формы: одна лежала около бедренной кости левой задней ноги лошади, вторая – около путовой кости левой передней ноги, третья – под черепом лошади (рис. 3,2). Две такие же костяные ворворки были найдены на правом крыле таза человека и под правой кистью вместе с двумя бронзовыми полусферическими (рис. 3,3).

В погребении 93в четыре костяные ворворки связаны с мечом: две (круглая и прямоугольная) лежали около острия меча, круглая – на середине клинка, прямоугольная –

между клинком меча и левым предплечьем (рис. 5,1,2,3). Еще одна костяная ворворка находилась под черепом человека, в области шеи (рис. 5,11). На груди погребенного лежала массивная шестигранная бронзовая бусина. Эти предметы, вероятно, являются деталями портупейных ремней.

Единственная литая бронзовая ворворка усеченно-конусовидной формы с расширенным основанием лежала рядом с удилами в погребении 650з (рис. 15,11). Ворворки этого типа, служившие, по мнению исследователей, фиксаторами ремней оголовья лошади, широко были распространены в скифском мире в V–IV вв. до н.э., в том числе у меотов. Одна высокая и несколько низких усеченно-конических ворворок известны в курганах-святилищах Тенгинского городища II второй половины IV – начала III в. до н.э. [Эрлих, 2011, с. 62, рис. 106,7,8].

С упряжью, скорее всего, связана и крупная, округлой формы, бронзовая бусина-пронизь из погребения 118з (рис. 11,2), найденная недалеко от удила. В комплексах из тенгинских святилищ выделяется три типа бронзовых пронизей для шнурков конского оголовья, но круглых среди них нет [Эрлих, 2011, с. 62, рис. 106,9–11].

Не исключено, что к деталям оголовья лошади относится и полусферическая бронзовая бляха (диаметр – 2,3 см) из комплекса 99в с отверстием и отогнутым краем, орнаментированным пуансоном (рис. 15,4). Аналогичные бляхи, учитывая наличие отверстия, А.В. Симоненко склонен считать «ворварками», которые в сарматских комплексах Северного Причерноморья не известны ранее II в. до н.э. [Симоненко, 2015, с. 241, рис. 85,8–14].

Датировки большинства всаднических погребений устанавливаются по совместным находкам греческих амфор разных средиземноморских центров производства, хронология которых в последнее время была уточнена.

Погребение 44в (рис. 2) датируется клейменной амфорой Синопы (рис. 2,9) началом III в. до н.э. [Монахов и др., 2022, с. 250, Sn.25].

В погребении 93в (рис. 4, 5) находилась амфора неустановленного центра производства (рис. 4,9), которые С.Ю. Монахов выделяет в «рыжановский» вариант середины – третьей четверти IV в. до н.э. [Монахов и др.,

2022, с. 176, Un.2]. Совместно найдены 5 терракотовых кружков (диаметр – 2,1–2,4 см) с изображением головы Медузы Горгоны с высунутым языком, мелкими завитками на голове и одним-двумя рядами жемчужного орнамента по краю (рис. 5, 4–8). Лицевая сторона горгонеионов заглазована белой краской и позолочена, обратная – выкрашена в красный цвет, имеются парные отверстия для бронзовой проволоочной петельки, сохранившейся на одном экземпляре. Такие вотивные украшения довольно широко использовались в погребальном обряде меотов Прикубанья во второй половине IV в. до н.э. [Эрлих, 2012, с. 259–261; Кузнецова и др., 2022, с. 145]. Комплексы с горгонеионами из правобережных памятников (погребения 86в, 93в, 238в, 381в, 356з Старокорсунского городища № 2, № 91/1981 хут. Ленина № 2) по амфорной таре в основном относятся к третьей четверти и последней трети четвертого столетия [Монахов и др., 2022 с. 45, 47, 53–56].

Узкая хронология погребения 99в (рис. 15, 2–8) определяется двумя амфорами Родоса (рис. 15, 6, 7) варианта «вилланова» поздней серии I-E-2, относящимися к началу последней трети III в. до н.э. [Монахов и др., 2022, с. 160, Rd.6]. Медная пантикапейская монета с отверстием, которую носили в качестве медальона, не позволяет использовать ее для датировки.

В погребениях 237в (рис. 7) и 239в (рис. 9, 10) было найдено по две амфоры Коса (рис. 7, 7, 8, 10, 11, 12) «позднего» варианта I-B серии I-B-1, по которым эти комплексы и датируются последней четвертью IV в. до н.э. по: [Монахов и др., 2022, с. 151–153, Ks.6, Ks.7, Ks.8, Ks.9].

Датировка погребения 238в (рис. 8) также опирается на хронологию двух амфор. Косская амфора (рис. 8, 12) относится к той же серии, что и найденные в погребениях 237в и 239в. Центр производства второй амфоры (рис. 8, 13) пока не установлен. Из привозных вещей, кроме амфор, в комплекс входили три красноглиняных унгентария (рис. 8, 9–11), аналогии которым в основном приходится на последнюю четверть IV в. до н.э., и горгонеион (рис. 8, 2) того же типа, что и в погребении 93в (см. также 356з). Узкая хронология комплекса ограничивается в пределах 330–310-х гг. [Монахов и др., 2022, с. 53, 54, Ks.5, Un.31].

Время захоронения погребения 118з (рис. 11) устанавливается по амфоре Менды (рис. 11, 5) «мелитопольского» варианта II-C, которая узко датируется 340–330-ми гг. [Монахов и др., 2022, с. 109, Md.27]. Учитывая, что она попала в захоронение с отбитыми ручками, горлом и ножкой, дату комплекса следует немного омолодить до конца третьей четверти IV в. до н.э. Совместно был найден красноглиняный мортар (рис. 11, 8), вероятно, синопского производства, большая часть стенок которого утрачена, но на ручке сохранился отпечаток в виде изображения головы Медузы Горгоны в фас, с ожерельем из амфоровидных подвесок и змеями по краям. На голове чудовища стоит маленькая антропоморфная фигурка с опущенными полураскрытыми крыльями. Аналогичный отпечаток пока найти не удалось. Близкий по форме красноглиняный мортар со сливом и ручками был найден в погребении 405 Прикубанского могильника, которое по двум амфорам Менды было отнесено нами ко второй четверти IV в. до н.э. [Монахов и др., 2021, с. 77, Md.46, Md.47; Лимберис, Марченко, 2024, рис. 5, 6].

Тремя амфорами сопровождалось погребение 294з (рис. 12, 13). Две из них – книдские (рис. 12, 8, 9) «елизаветовского» и «чередниковского» вариантов. Датировка обеих ограничивается 340-ми годами. Третья, гераклейская (рис. 12, 10), амфора варианта I-A имеет широкий хронологический диапазон. Перекрестная хронология амфор Книда и совместно найденных чернолаковых скифоса и кубковидного канфара неаттического производства (рис. 12, 4, 5) позволяет датировать этот комплекс началом третьей четверти IV в. до н.э., а в абсолютных датах – 350–340-ми гг. [Монахов и др., 2022, с. 39–40].

Хронология погребения 356з (рис. 14) по амфорам Коса (рис. 14, 9) «раннего» варианта I-A и Менды (рис. 14, 10) «мелитопольского» варианта ограничивается третьей четвертью IV в. до н.э. [Монахов и др., 2022, с. 45, Ks.2, Md.26]. В комплексе также присутствовал горгонеион (рис. 14, 3), аналогичный найденным в погребениях 93в и 238в.

Погребение 650з (рис. 15, 11–13) представляло собой остатки скелета лошади с удилами и бронзовой ворворкой. Находилось

оно менее, чем в 1,5 м от богатого погребения 652з, частично ограбленного в древности, с которым мы и связываем захоронение лошади. Лошадь, вероятно, была положена на край могильной ямы. Погребение 652з хорошо датируется по трем амфорам – двум книдским «чередникового» варианта и мендейской «мелитопольского» варианта, и другим, не замеченным грабителями, импортным сосудам (стеклянной чаше, чернолаковому лекифу *Class Talcott* и арибаллическому лекифу с краснофигурной пальметтой), совокупная хронология которых ограничивается второй четвертью IV в. до н.э. [Лимберис, Марченко, 2016, с. 78–83; Монахов и др., 2022, с. 32–34, Md.23, Kn.3, Kn.4]. В остальных погребениях амфор не было.

Единственной привязкой для датировки ограбленного погребения 24в (рис. 15,1) является стержневидный железный псалий с коническими шишечками на концах, форма которого характерна для IV–III вв. до н.э. и практически не изменилась за этот период.

В погребении 41в (рис. 1) были найдены удила с псалиями того же типа и полный комплект оружия, включая длинный меч, аналогичный мечам из комплексов 44в, 93в и 239в. Учитывая узкую хронологию этих комплексов, погребение можно широко датировать третьей четвертью IV – началом III в. до н.э. Этому времени в целом соответствует и набор сероглиняных сосудов [Лимберис, Марченко, 2005, хронол. табл.].

Погребение 46в (рис. 3) – единственное, где в большом колчанном наборе, кроме железных наконечников стрел, присутствовали два бронзовых и костяной наконечники, и для его датировки это, очевидно, имеет значение. В Прикубанском могильнике аналогичные типы немногочисленных бронзовых и крайне редко использовавшихся меотами костяных наконечников стрел встречаются в комплексах, даты которых по амфорам не выходят за середину IV в. до н.э. [Лимберис, Марченко, 2024, с. 26–27, 29]. Модифицированный пластинчатый нащечник, подражающий литым зооморфным образцам второй четверти IV в. до н.э., вряд ли мог быть изготовлен (возможно, меотским мастером) намного позднее этого времени.

Большой округлый кувшин с плоской петельчатой ручкой (рис. 3,12) из этого погребения является довольно редким типом меотской керамики. Сосуд близкой морфологии (рис. 5,18) присутствует в погребении 93в середины – третьей четверти IV в. до н.э. Однако более похожие экземпляры относятся уже к концу IV – началу III в. до н.э. [Лимберис, Марченко, 2005, с. 231, рис. 3,12, 4,12; Монахов и др., 2022, с. 197, 244, Un.43, Sn.13]. В погребении 93в есть и кувшинчик с рифленным горлом (рис. 5,17), но ручка его крепится непосредственно к венчику, а не ниже, как у сосуда из погребения 46в. Полную ему аналогию представляет собой кувшинчик из комплекса 9з с амфорой Менды 350–330 гг. [Лимберис, Марченко, 2005, с. 231, рис. 22,8; Монахов и др., 2022, Md.24]. Скорее всего, хронология погребения 46в не выходит за пределы середины – третьей четверти IV в. до н.э.

Разрушенное захоронение 102в (рис. 15,9,10) по налобнику типа 1 нужно датировать второй половиной IV – началом III в. до н.э.

Хронология погребения 223в (рис. 6) установлена по немногочисленным аналогиям стрержневидным и лопастным псалиям с подвесками, но главным образом по крестовидным насадкам варианта В, датировка которых по комплексам с амфорами из памятников правобережья Кубани не выходит за пределы последней четверти IV – начала III в. до н.э. [Лимберис, Марченко, 2019, с. 164, 167, 171; Лимберис, Марченко, 2022, с. 271].

Как видно из хронологии погребений, основное их количество с узкими датировками приходится на третью четверть IV в. до н.э., ко второй четверти относится лишь одно погребение, и три – к последней четверти столетия. Погребений III в. до н.э. – всего два. Одно из них датируется началом столетия, второе – последней третью. Тем не менее эта небольшая выборка, показывает, что в IV – III вв. до н.э. меоты, населявшие одно из крупных городищ правобережья Нижней Кубани, имели стратифицированное устройство общества, к элите которого относились всадники. Хорошо экипированная конница ничем не уступала аналогичному воинскому контингенту из пунктов, расположенных у восточных границ Азиатского Боспора и в Закубанье.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда и Кубанского научного фонда «Меотские всадники Кубани VI в. до н.э. – III в. н.э.» (проект № 24-18-20014).

The study was carried out under the grant of the Russian Science Foundation and the Kuban Science Foundation “Maeotian Horsemen of Kuban VI c. B.C. – III c. A.D.” (project No. 24-18-20014).

² Половозрастные определения выполнены антропологом, д.и.н. М.А. Балабановой (ВолГУ).

³ Определение доктора Норберта Бенеке (Германский археологический институт).

⁴ И.С. Каменецким была составлена краткая опись находок из этого могильника, сохранившихся на базе Северо-Кавказской экспедиции ИА РАН в ст-це Старокорсунской, которую он нам и передал. По этому списку налобники числятся в погребениях 65 (с амфорой «Усть-Лабинского» типа), 111, 123 и 240 (все – с амфорами Солоха I). В хранилище нам удалось обнаружить налобники из погребений 111 (вместе с терракотовыми украшениями и удилами с крестовидными насадками) и 123.

ПРИЛОЖЕНИЯ

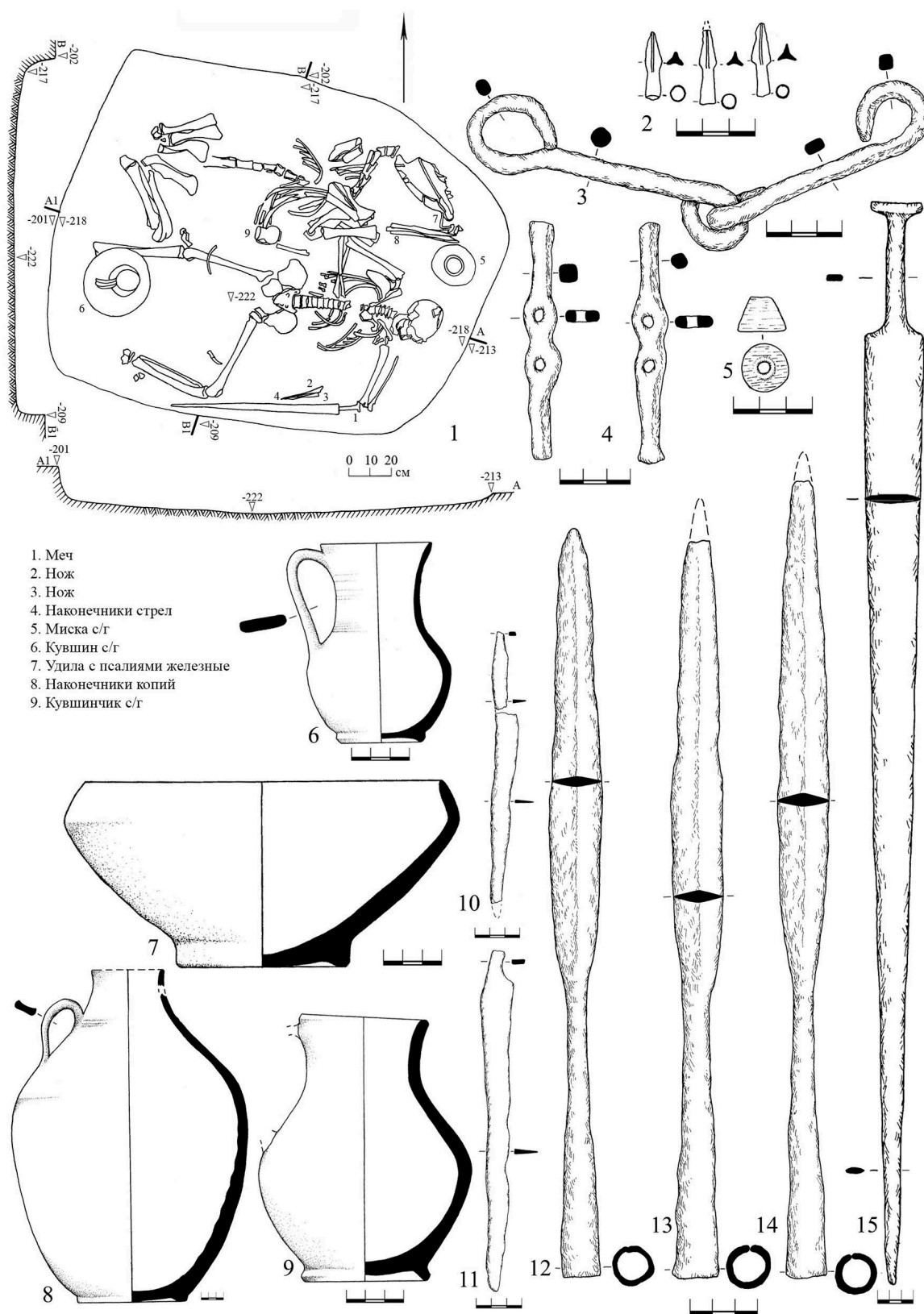

Рис. 1. Могильник Старокорсунского городища № 2, погребение 416

Fig. 1. Burial ground of Starokorsunskaya-2 settlement, burial 416

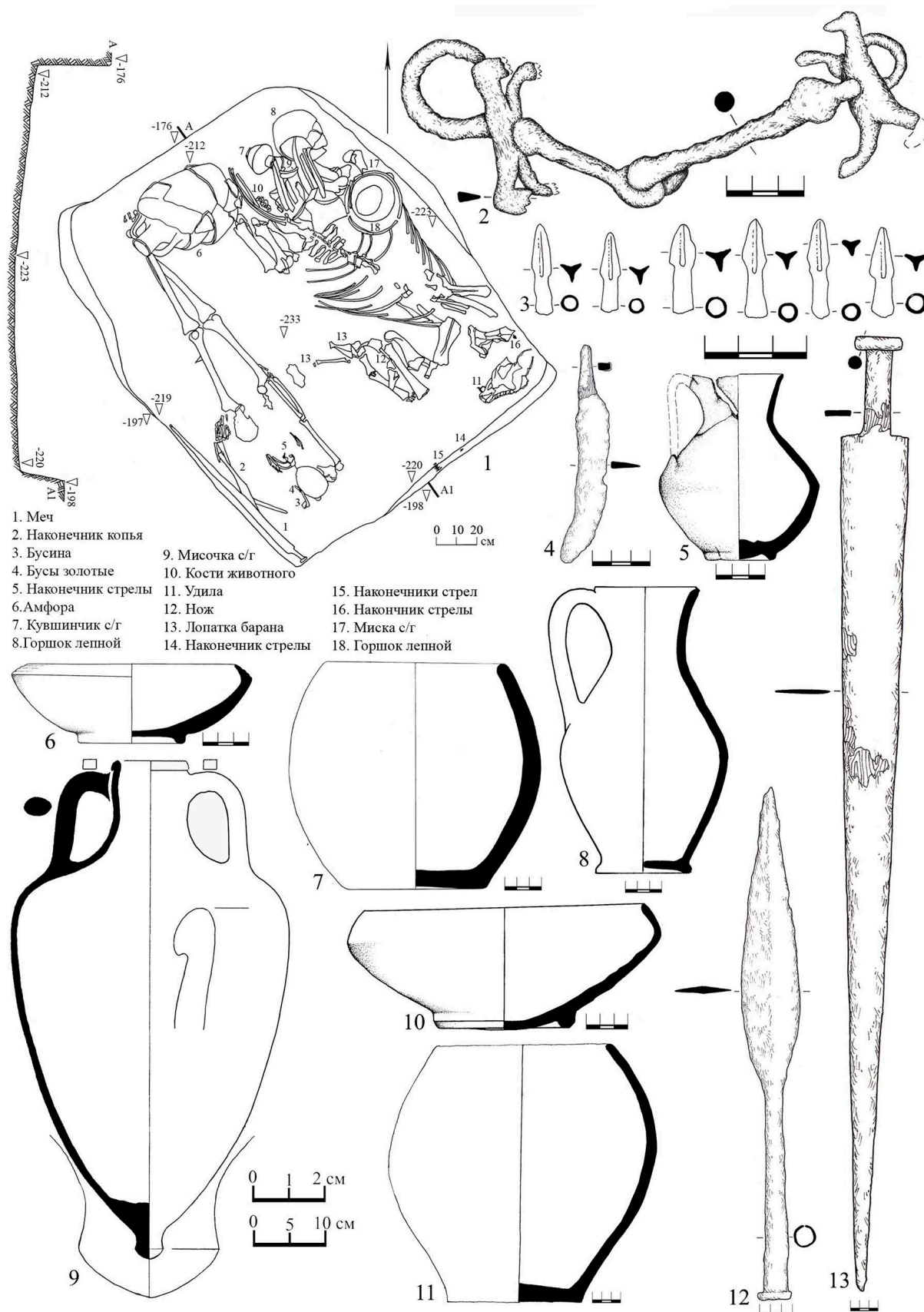

Рис. 2. Могильник Старокорсунского городища № 2, погребение 44в

Fig. 2. Burial ground of Starokorsunskaya-2 settlement, burial 44в

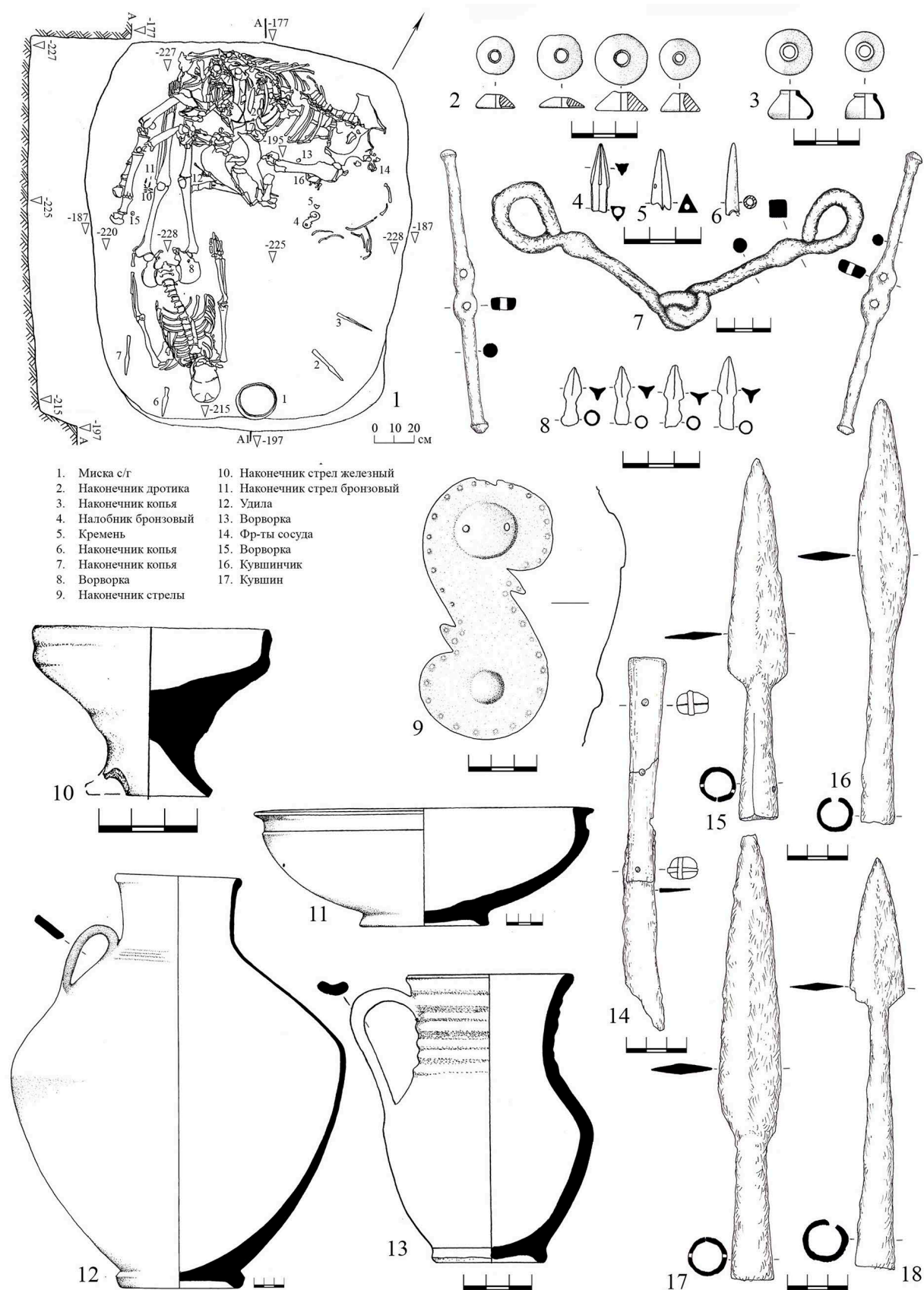
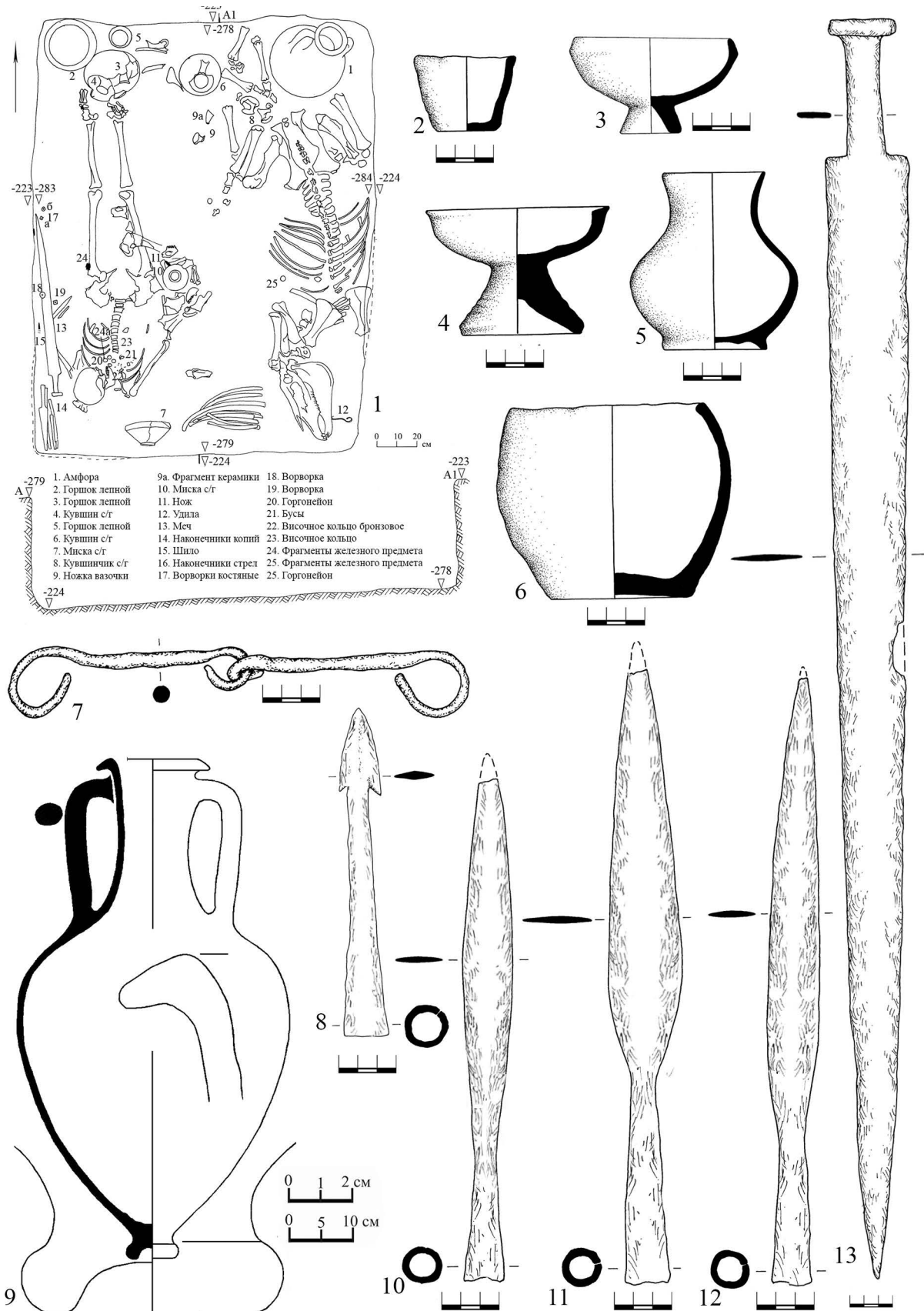

Рис. 3. Могильник Старокорсунского городища № 2, погребение 46а

Fig. 3. Burial ground of Starokorsunskaya-2 settlement, burial 46a

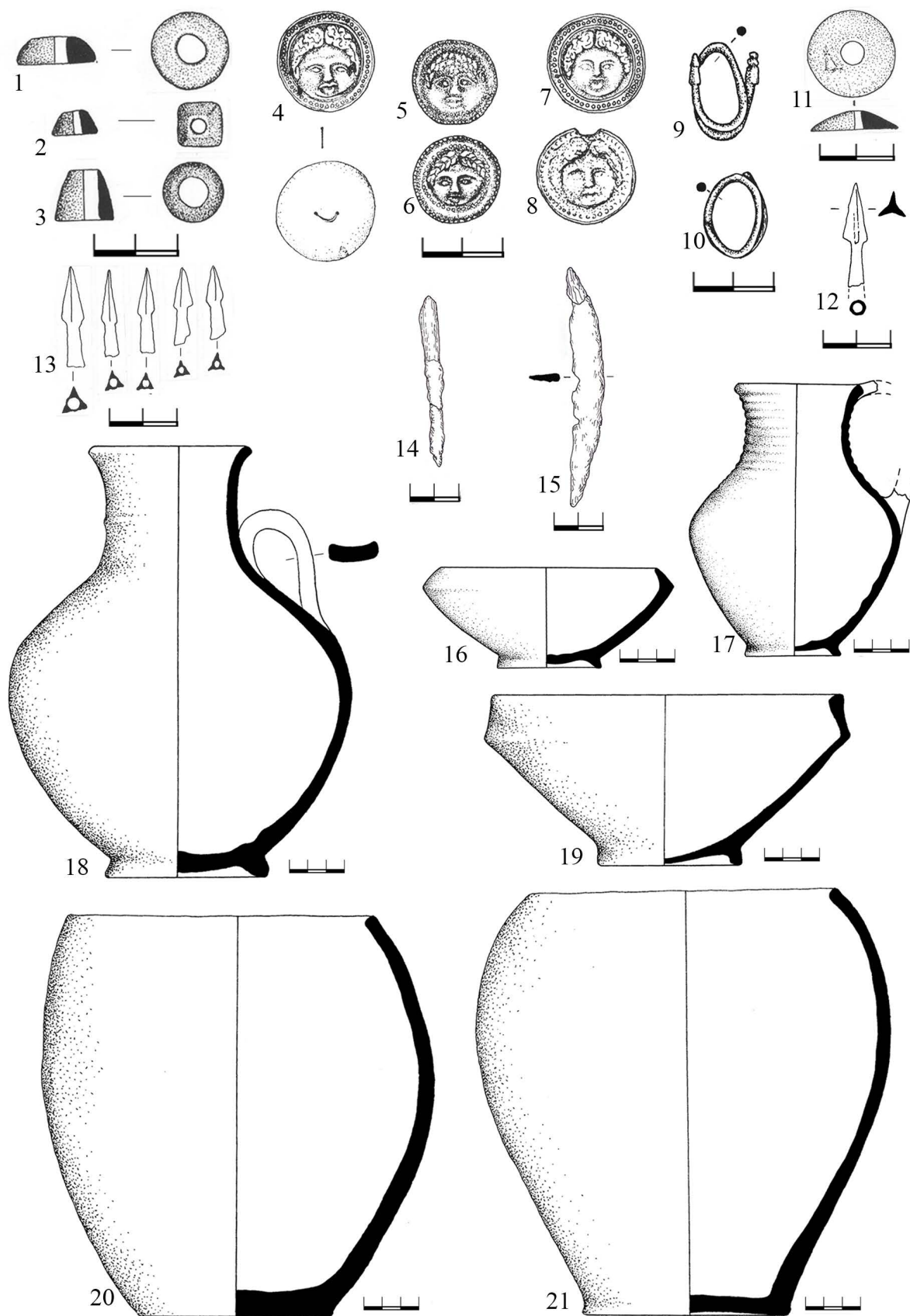

Рис. 5. Могильник Старокорсунского городища № 2, погребение 93б (продолжение)

Fig. 5. Burial ground of Starokorsunskaya-2 settlement, burial 93b (continuation)

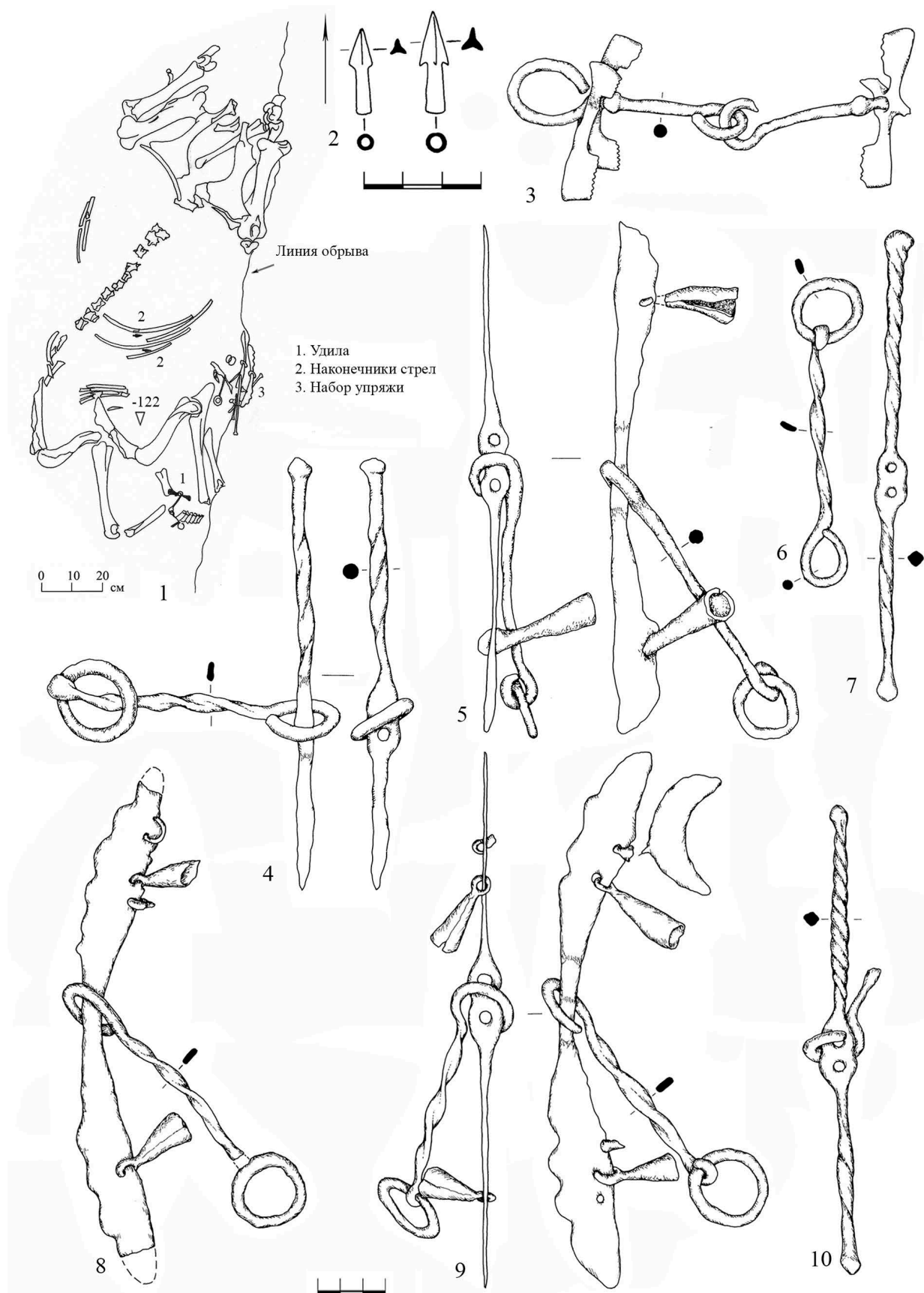

Рис. 6. Могильник Старокорсунского городища № 2, погребение 223а

Fig. 6. Burial ground of Starokorsunskaya-2 settlement, burial 223a

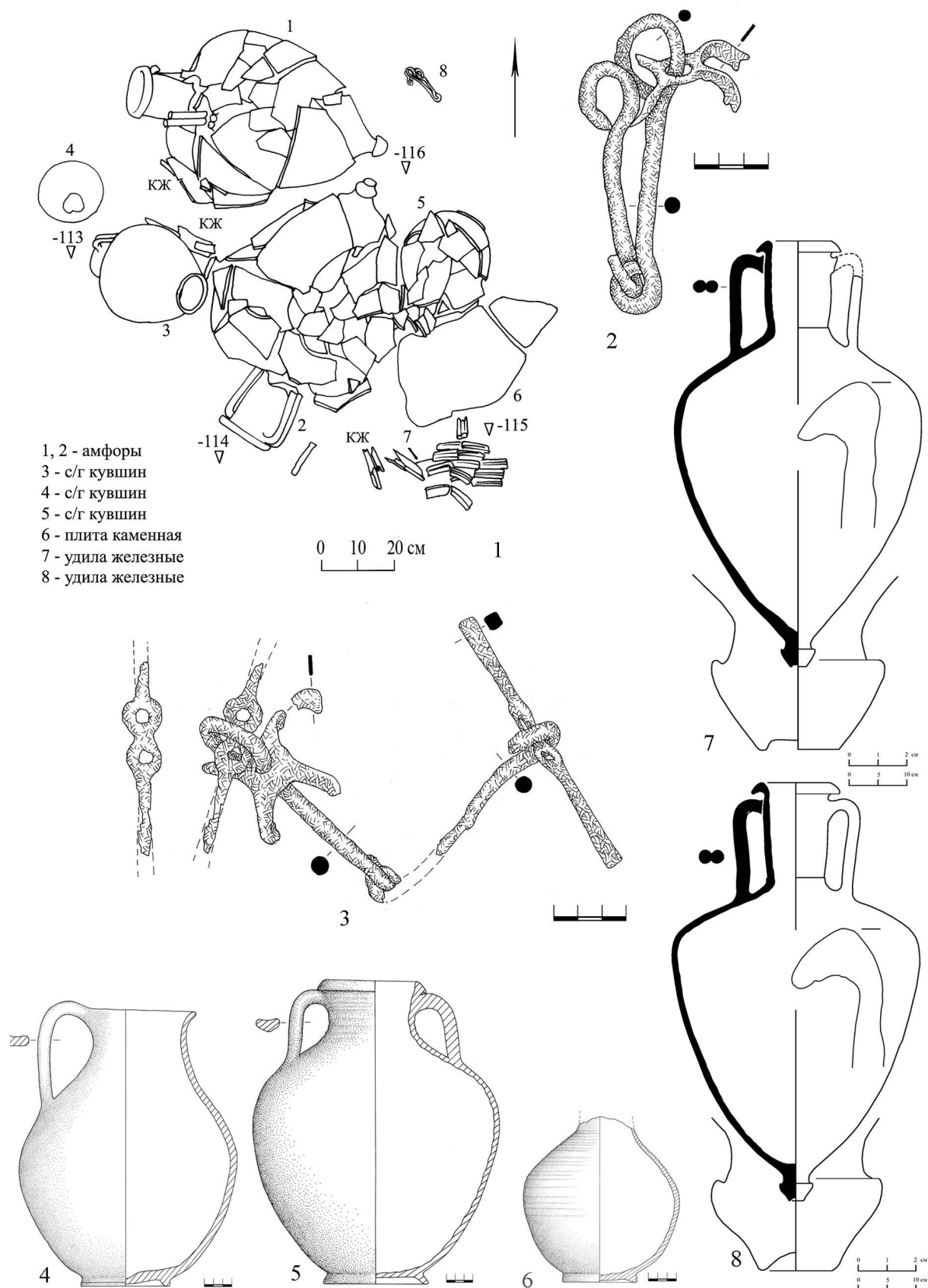

Рис. 7. Могильник Старокорсунского городища № 2, погребение 237е

Fig. 7. Burial ground of Starokorsunskaya-2 settlement, burial 237e

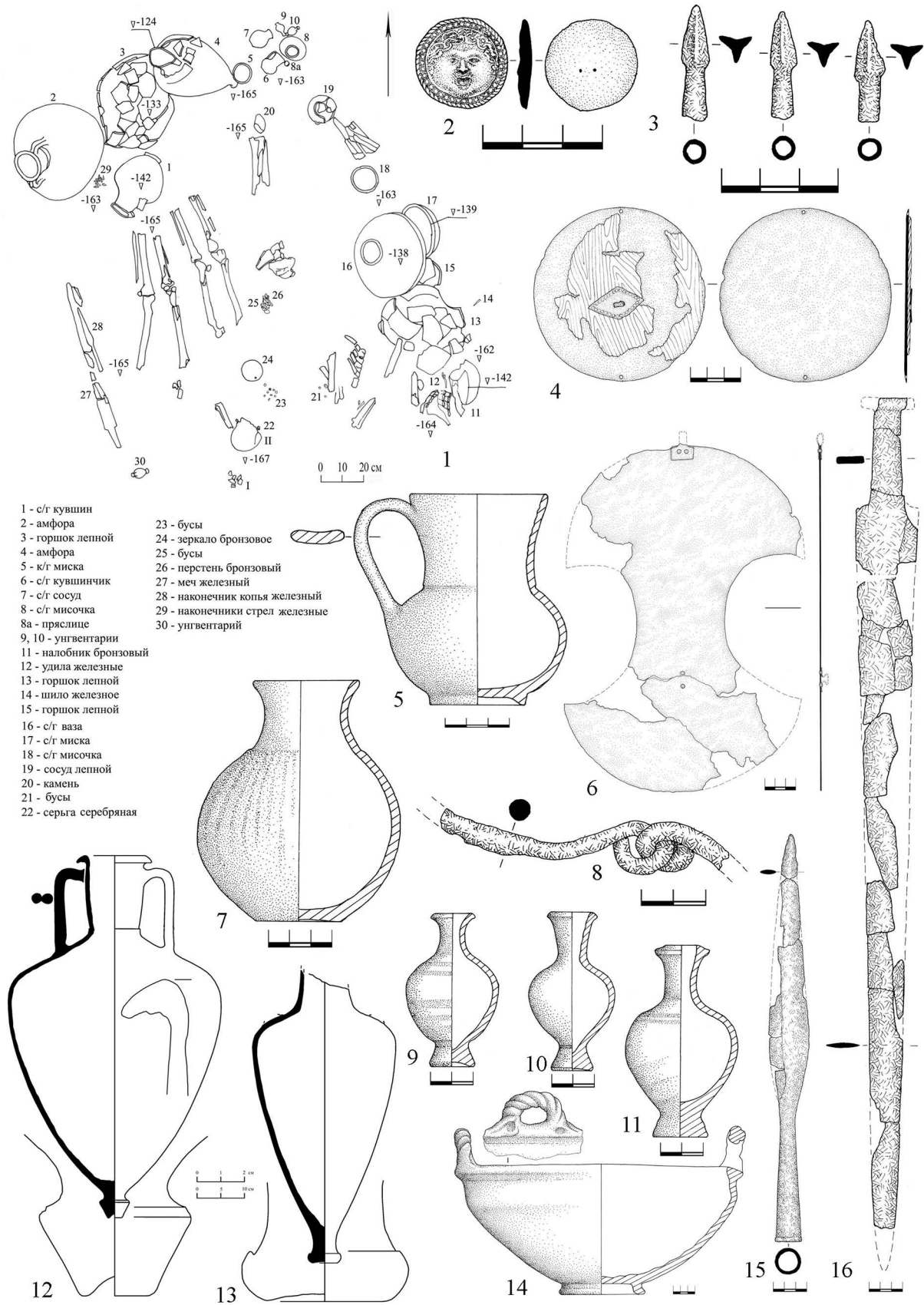

Рис. 8. Могильник Старокорсунского городища № 2, погребение 238е

Fig. 8. Burial ground of Starokorsunskaya-2 settlement, burial 238e

- 1 - фрагменты с/г кувшина
- 2 - наконечник копья
- 3 - с/г миска
- 4 - удила железные
- 5 - серьга серебряная
- 5а - фрагмент железного ножа
- 6, 7, 8 - с/г миски
- 9 - фрагмент вазочки
- 10 - амфора
- 11 - горшок лепной
- 12 - с/г кувшин
- 13 - курильница лепная
- 14 - с/г сосуд
- 15 - с/г вазочка
- 16 - с/г кувшинчик
- 17 - фрагменты лепного горшка
- 17а - альчики
- 18, 19 - горшки лепные
- 20 - фрагменты амфоры
- 21 - горшок лепной
- 22 - плита каменная
- 23 - горшок лепной
- 24 - перстень бронзовый

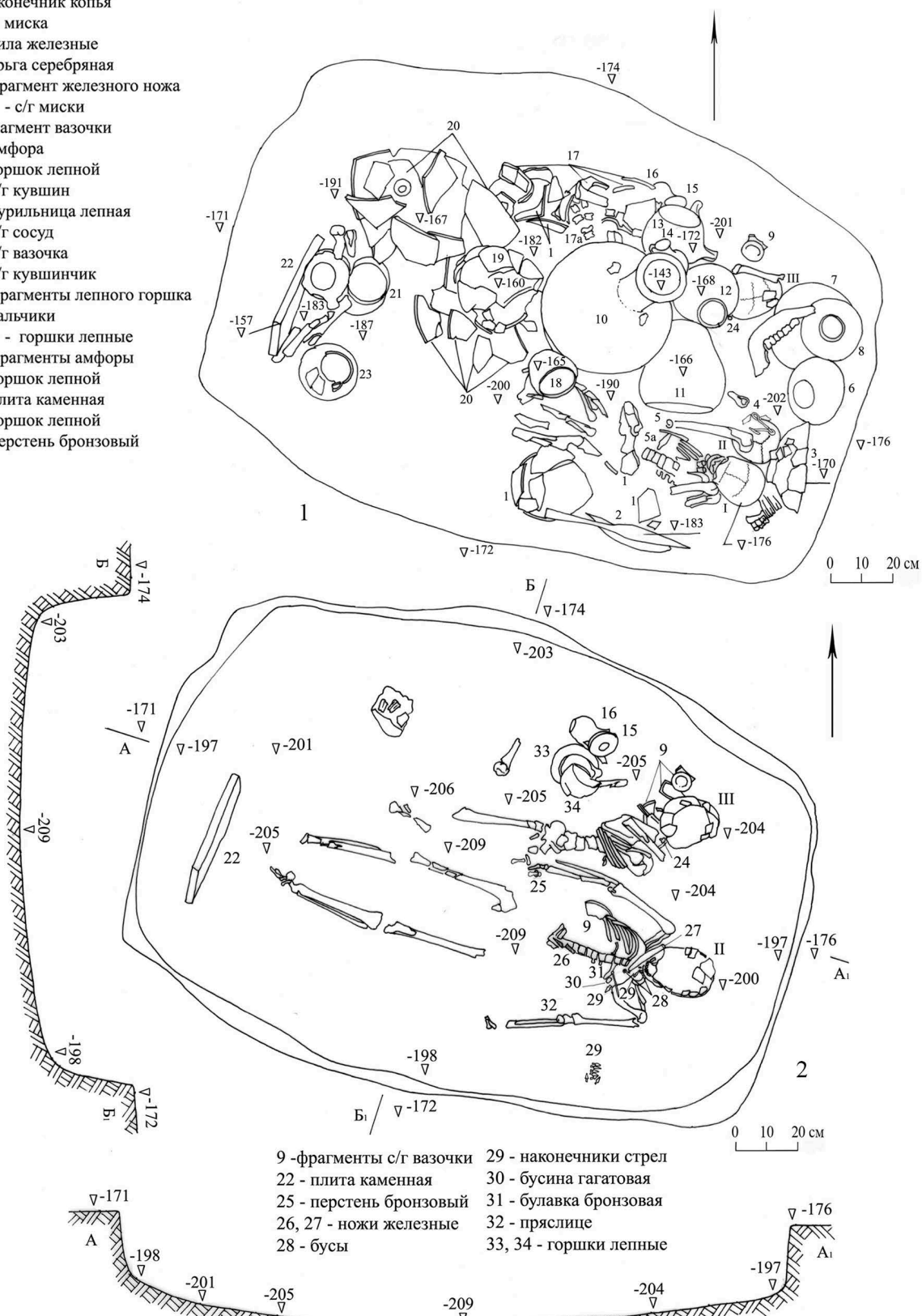

Рис. 9. Могильник Старокорсунского городища № 2, погребение 239а

Fig. 9. Burial ground of Starokorsunskaya-2 settlement, burial 239a

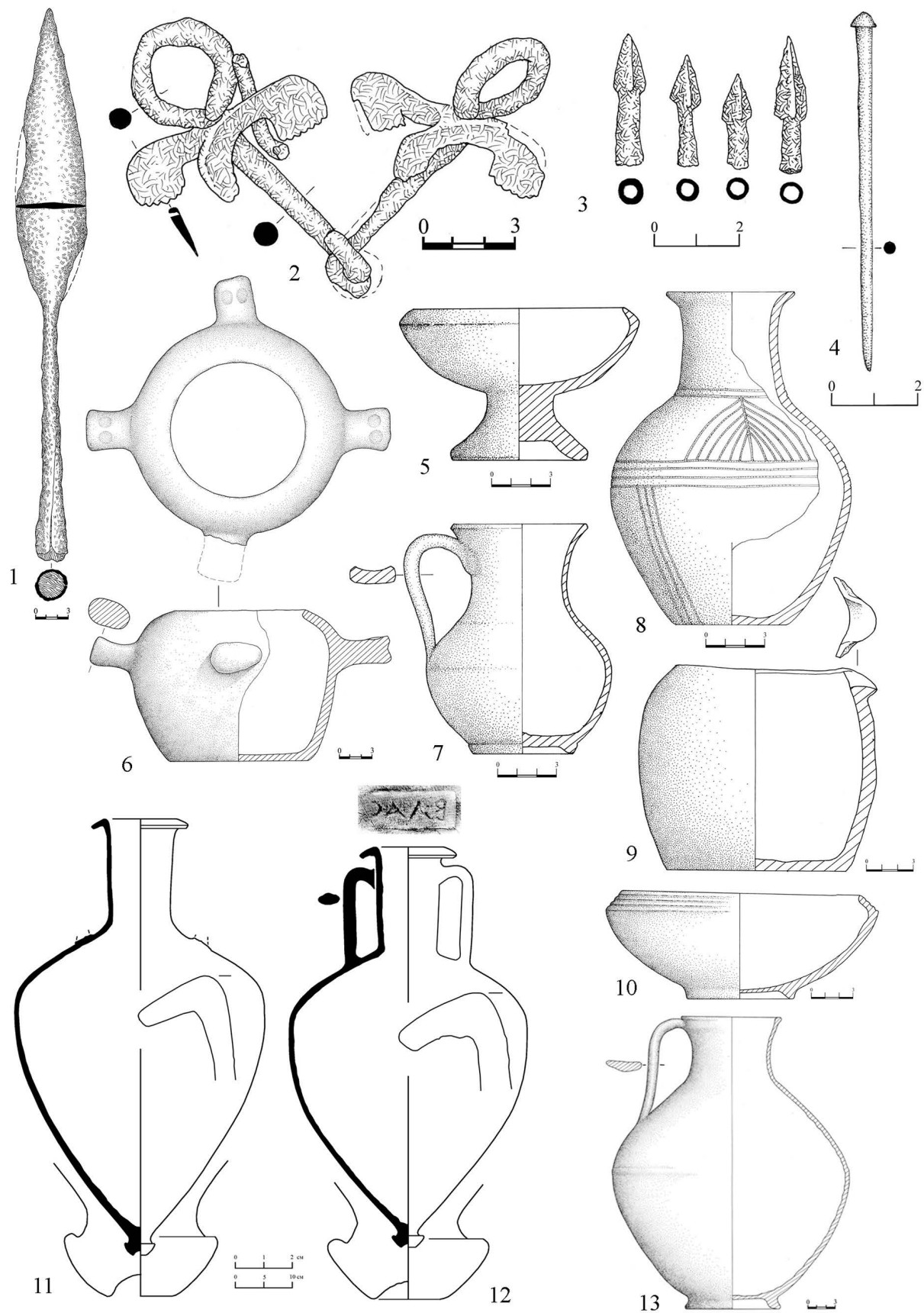

Рис. 10. Могильник Старокорсунского городища № 2, погребение 239в (продолжение)

Fig. 10. Burial ground of Starokorsunskaya-2 settlement, burial 239b (continuation)

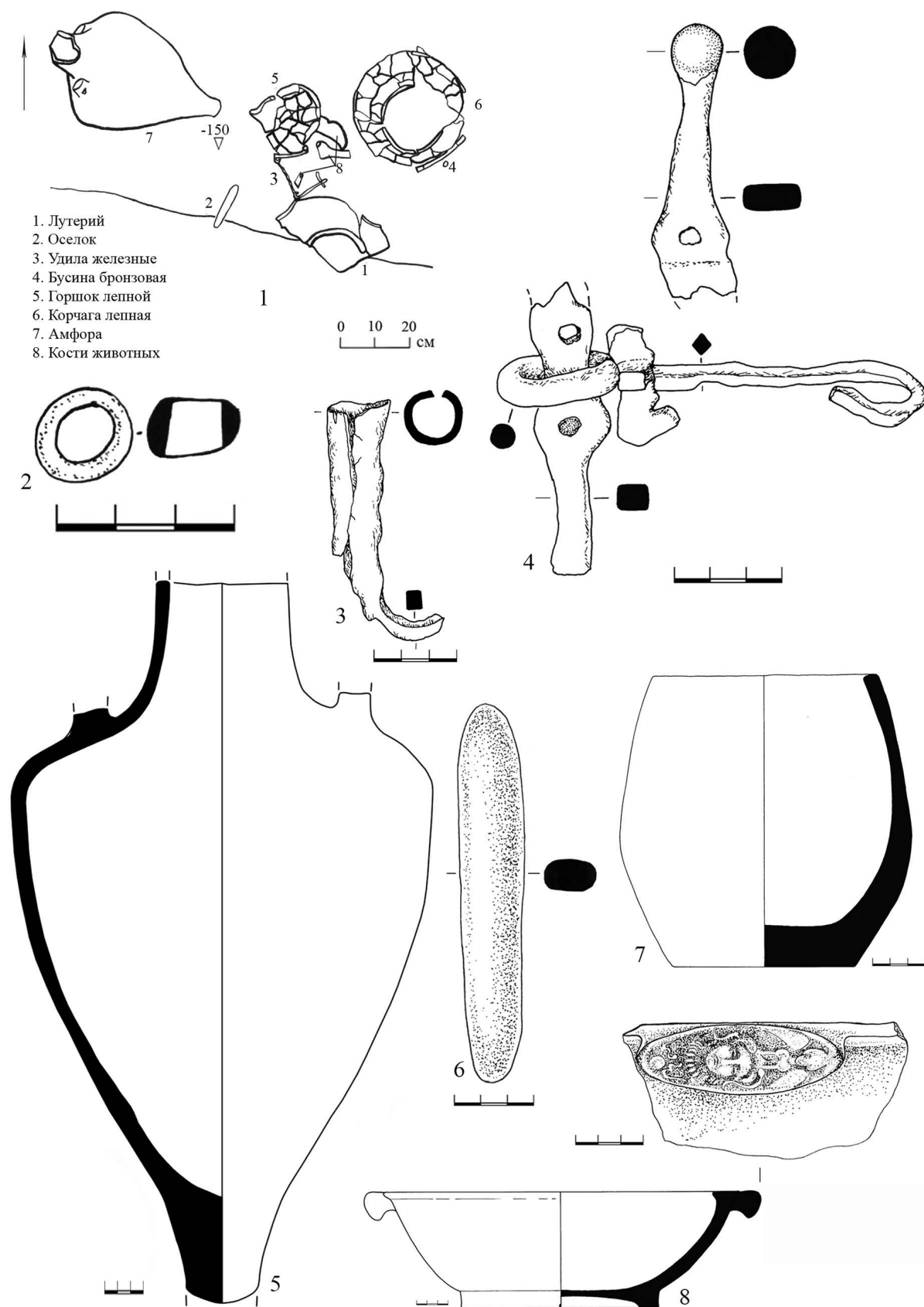

Рис. 11. Могильник Старокорсунского городища № 2, погребение 1183

Fig. 11. Burial ground of Starokorsunskaya-2 settlement, burial 1183

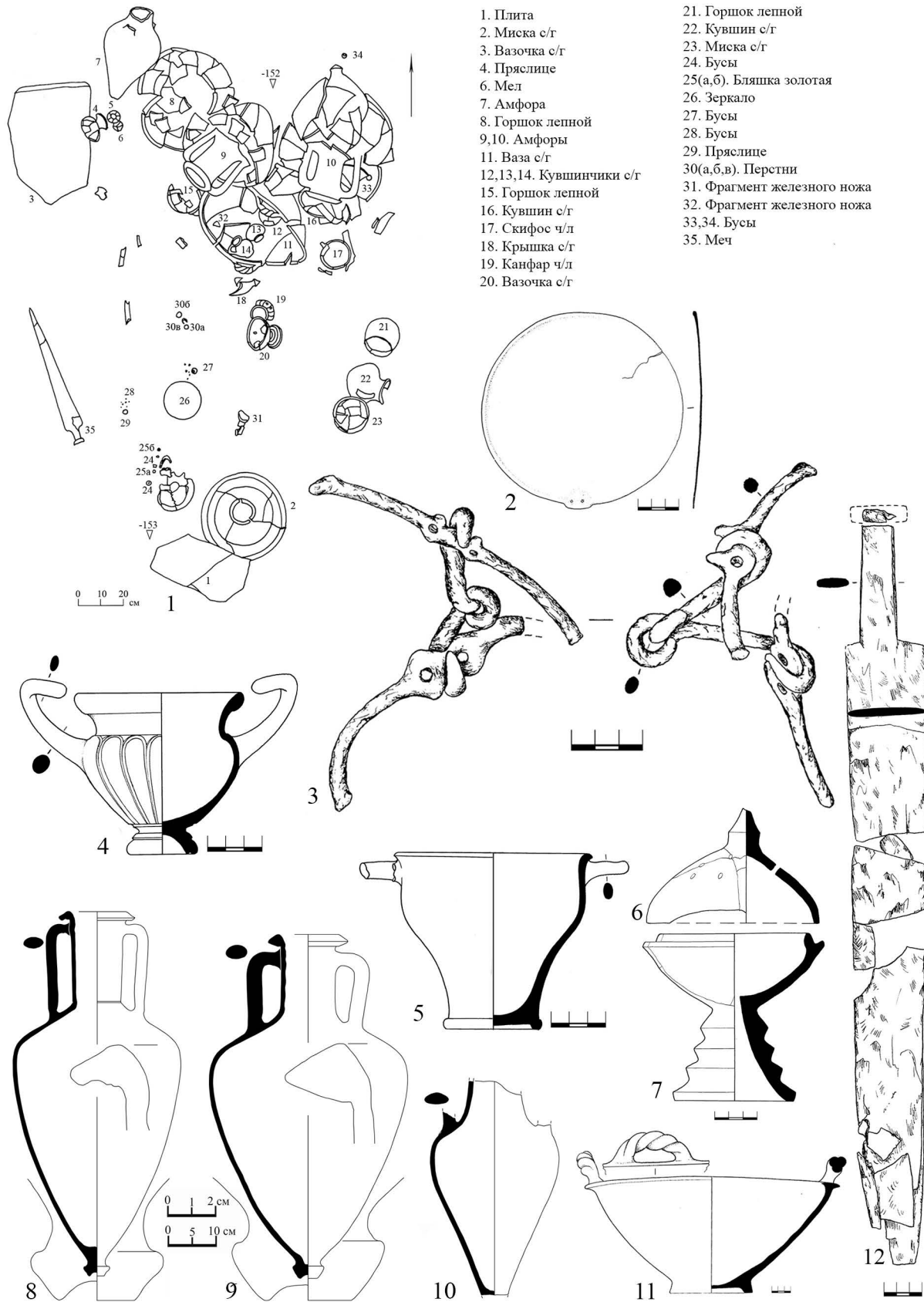

Рис. 12. Могильник Старокорсунского городища № 2, погребение 294з

Fig. 12. Burial ground of Starokorsunskaya-2 settlement, burial 294z

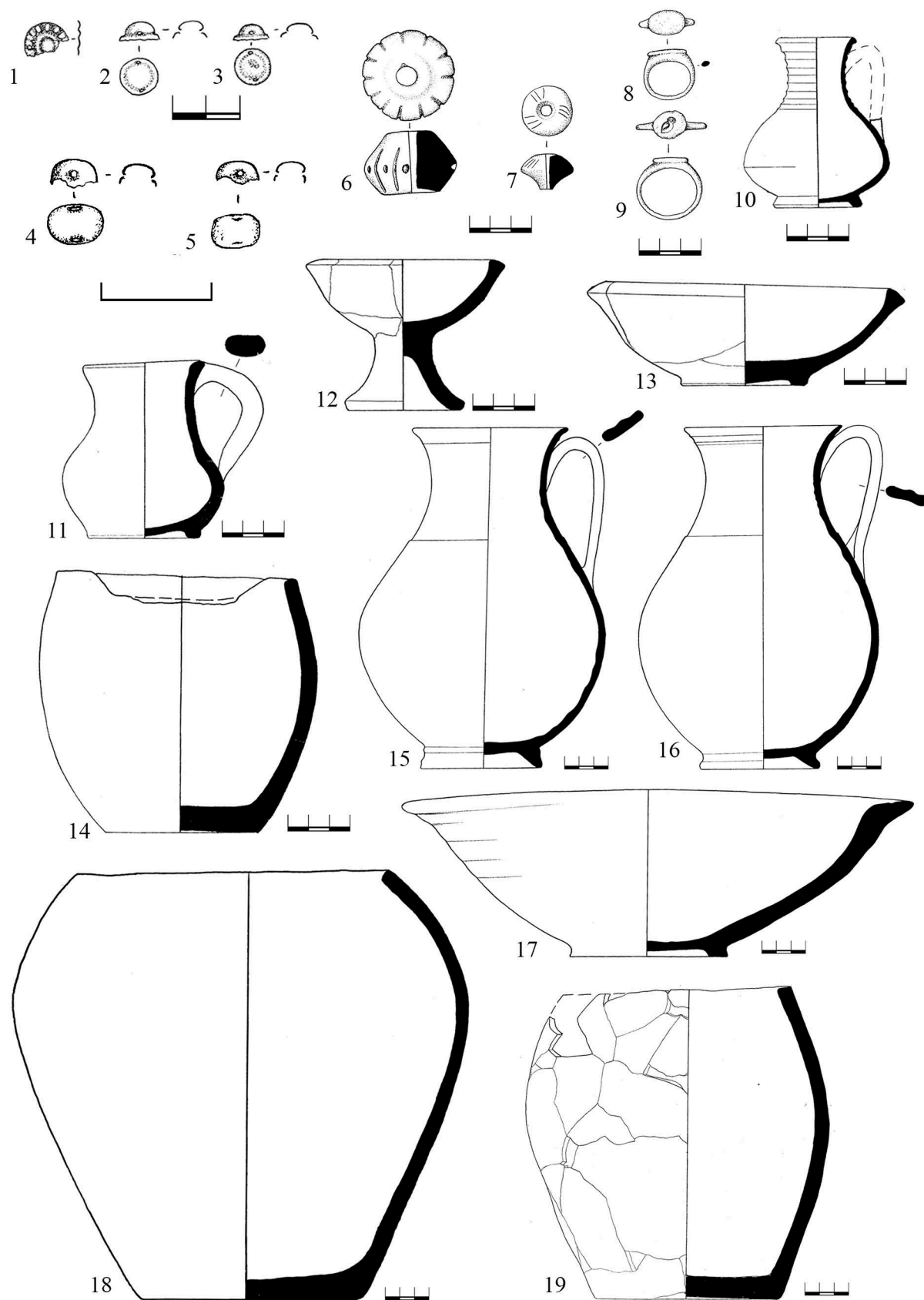

Рис. 13. Могильник Старокорсунского городища № 2, погребение 294з (продолжение)

Fig. 13. Burial ground of Starokorsunskaya-2 settlement, burial 294z (continuation)

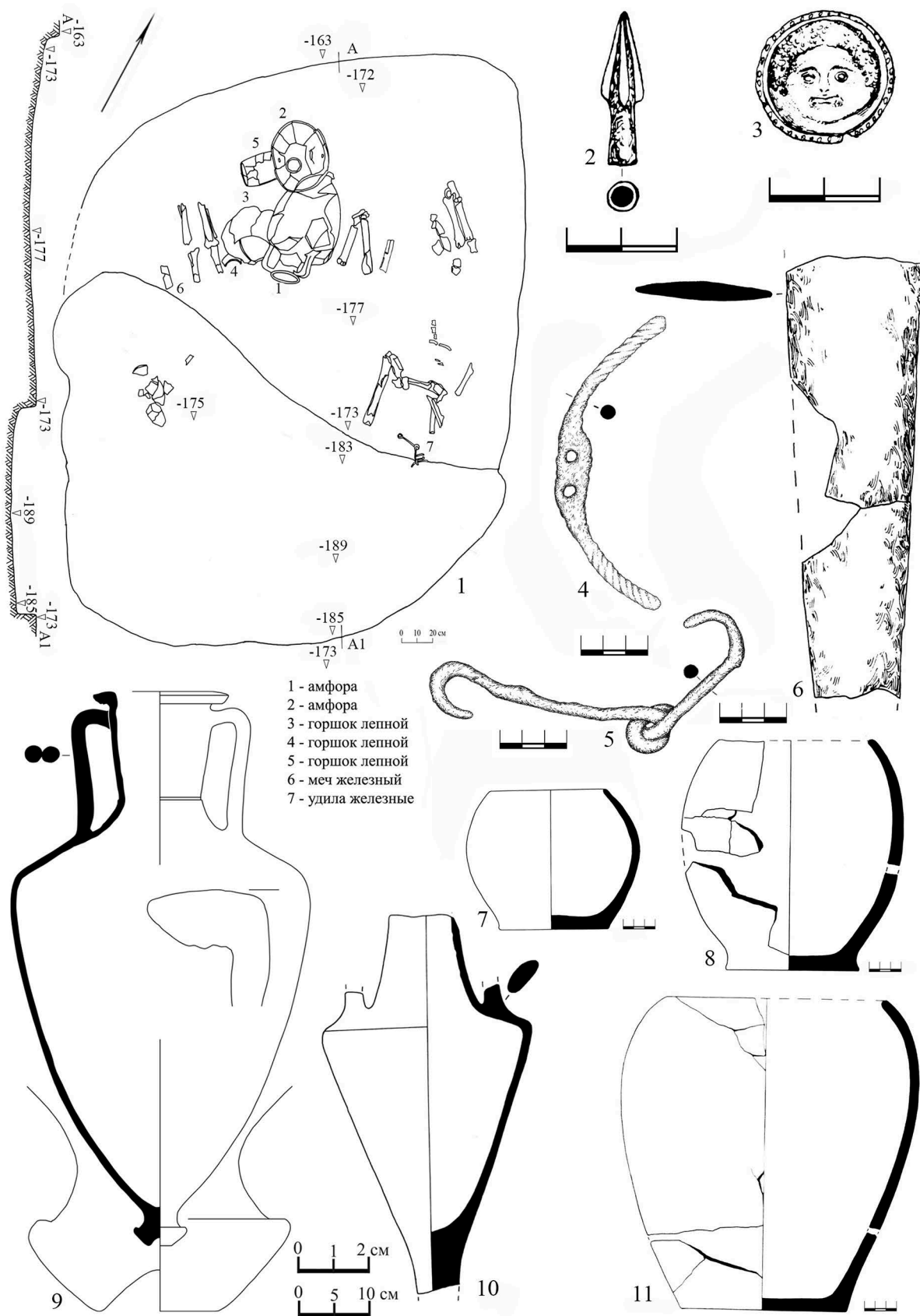

Рис. 14. Могильник Старокорсунского городища № 2, погребение 356з

Fig. 14. Burial ground of Starokorsunskaya-2 settlement, burial 356з

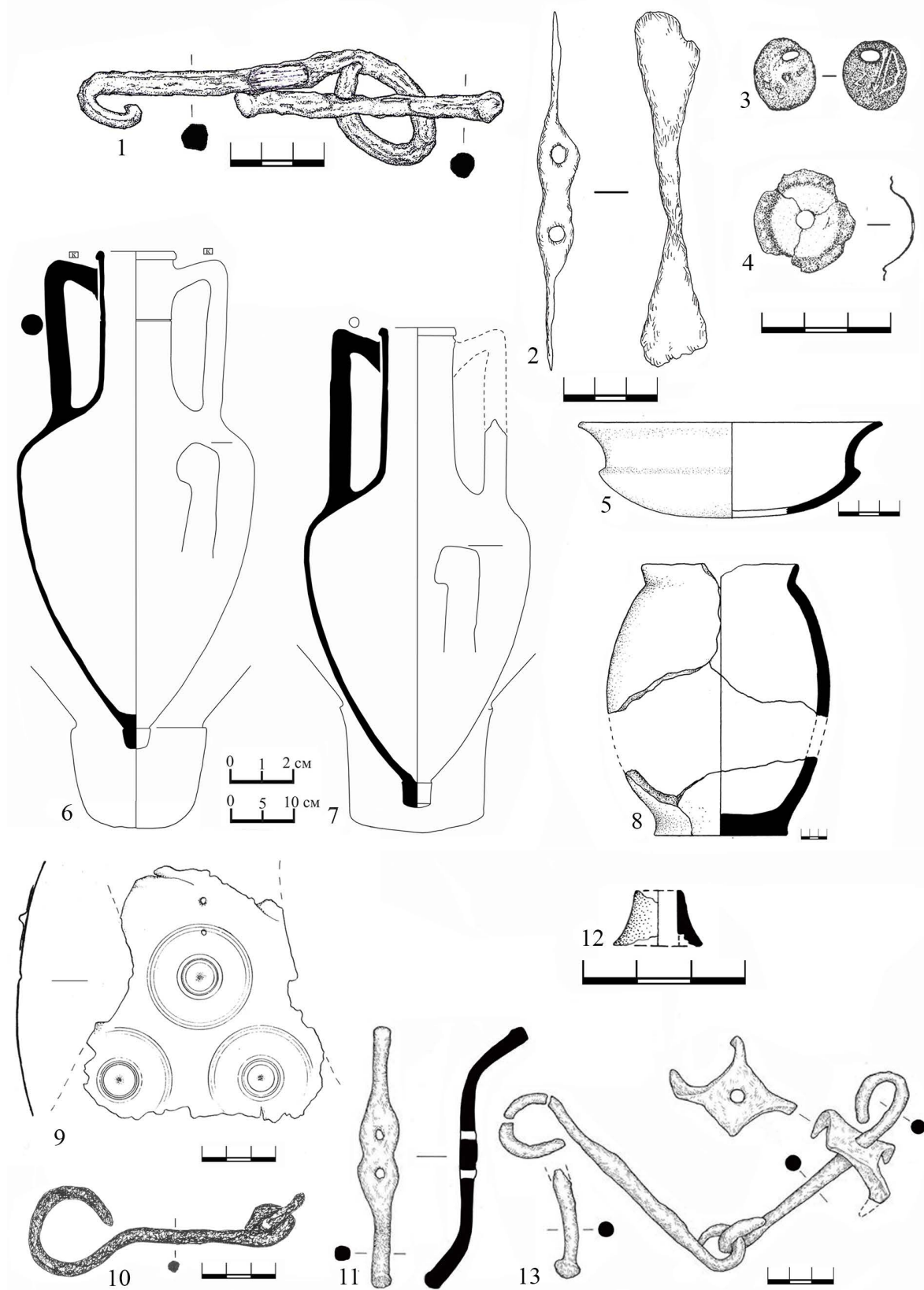

Рис. 15. Могильник Старокорсунского городища № 2:

1 – погребение 24в; 2–8 – погребение 99в; 9, 10 – погребение 102в; 12, 13 – погребение 650з

Fig. 15. Burial ground of Starokorsunskaya-2 settlement:

1 – burial 24в; 2–8 – burial 99в; 9, 10 – burial 102в; 12, 13 – burial 650з

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамова М. П., 1993. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. – IV в. н.э.). М. : ИА РАН. 240 с.
- Анфимов Н. В., 1973. Отчет за 1972 год о раскопках Пашковского шестого могильника // Архив ИА РАН. Р-1, 6219, 6219в.
- Беглова Е.А., 1989. Погребальный обряд уляпских грунтовых могильников в Красногвардейском районе // Меоты – предки адыгов. Майкоп : Адыгейский НИИ ЭЯЛИ. С. 140–157.
- Беглова Е. А., Эрлих В. Р., 2018. Меоты Закубанья в сарматское время (по материалам Тенгинского грунтового могильника). М. ; СПб. : Нестор-История. 384 с.
- Галанина Л. К., 1985. К проблеме взаимоотношений скифов с меотами (по данным новых раскопок Келермесского курганного могильника) // Советская археология. № 3. С. 156–165.
- Галанина Л. К., 1989. Новые погребальные комплексы раннемеотского времени из Келермесского грунтового могильника // Меоты – предки адыгов. Майкоп : Адыг. НИИ ЭЯЛИ. С. 74–102.
- Галанина Л. К., 2005. Кубанское уздечное снаряжение (по материалам Елизаветинского кургана, раскопанного Н.И. Веселовским в 1913 г.) // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 37. С. 97–108.
- Галанина Л. К., 2010. Конское снаряжение из коллекции Елизаветинских древностей, хранящихся в Государственном Эрмитаже (раскопки Н.И. Веселовского 1914, 1915, 1917 гг.) // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 38. С. 108–122.
- Ждановский А. М., 2006. Кургan № 30 у аула Начерзий // Раев Б. А., Беспалый Г. Е. Кургan скифского времени на грунтовом могильнике IV Новолабинского городища. Ростов н/Д : ЮНЦ РАН. С. 87–100.
- Иванов А. В., 2010. Синдо-меотские мечи с цилиндрическим навершием // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. XXVI «Крупновские чтения» : тез. докл. Междунар. науч. конф. по археологии Северного Кавказа (г. Магас, 26–30 апреля 2010 г.). Магас : Пилигрим. С. 146–149.
- Керефов Б. К., 1985. Чегемский курган-кладбище сарматского времени. Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Нальчик : Эльбрус. С. 135–259.
- Канторович А. Р., 2022. Искусство скифского звериного стиля Восточной Европы. Классификация, типология, хронология, эволюция. М. : МГУ. Т. 1. 431 с. ; Т. 2. 359 с.
- Козенкова В. И., 1982. Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант. САИ. В2-5. М. : Наука. 176 с.
- Кропотов В. В., 2010. Фибулы сарматской эпохи. Киев : ИА НАНУ : АДЕФ-Украина. 384 с.
- Кузнецова Е. А., Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., Монахов С. Ю., 2022. Погребение с книдскими амфорами из могильника Старокорсунского городища № 2 // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 267. С. 139–150.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2005. Хронология керамических комплексов с античными импортами из раскопок меотских могильников правобережья Кубани // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 5. Краснодар. С. 219–324.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2005а. Пластинчатые налобники из Прикубанья // Четвертая Кубанская археологическая конференция. Тезисы и доклады. Краснодар : Символика. С. 162–166.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2006. Типология и хронология меотских железных наконечников копий из памятников правобережья Кубани // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 6. Краснодар. С. 152–181.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2007. Раскопки могильника Старокорсунского городища № 2 в 2006 г. // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 7. Краснодар. С. 70–150.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2012. Меотские дротики // Золото, конь и человек. Сборник статей к 60-летию А.В. Симоненко. Киев : Скиф. С. 411–415.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2016. Погребение со стеклянной чашей из могильника Старокорсунского городища № 2 // Археологические вести. Вып. 22. С. 76–84.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2018. Боевые ножи меотов // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX «Крупновские чтения» : материалы Междунар. науч. конф. (г. Карачаевск, 22–29 апреля 2018 г.). Карачаевск. С. 221–223.

- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2019. Железные удила со строгими насадками из меотских могильников Прикубанья // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.) : материалы X Междунар. науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Т. V. Симферополь : Салта. С. 161–174.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2020. Хронология мечей с серповидным навершием из меотских могильников // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. Т. 25, № 4. С. 89–103. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.4.9>
- Лимберис Н.Ю., Марченко И.И., 2022. Комплекс конской узды из меотского погребения на правобережье Кубани // Нижневолжский археологический вестник. Т. 21, № 1. С. 267–275. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.1.14>
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2023. О некоторых меотских импортах в раннесарматских погребениях // Региональные особенности хронологии и периодизации савроматской и сарматских культур : материалы XI Всерос. науч. конф. с междунар. участием «Проблемы сарматской археологии и истории», посвящ. памяти А.С. Скрипкина (г. Волгоград, 15–19 мая 2023 г.). Волгоград : Изд-во ВолГУ. С. 114–127.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2024. Вооружение меотских всадников IV в. до н.э. (по материалам Прикубанского могильника) // Нижневолжский археологический вестник. Т. 23, № 3. С. 21–37. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.3.2>
- Ловпаче Н. Г., 1985. Могильники в устье реки Псекупса // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп : Адыгейский НИИ ЭЯЛИ. С. 16–64.
- Лунев М. Ю., 2010. Новые погребения IV в. до н.э. из могильника на ул. Постовой (Почтовой) // Древности Боспора. Т. 14. М. : ИА РАН. С. 357–372.
- Максименко В. Е., 1983. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов н/Д : Изд-во Рост. ун-та. 224 с.
- Марченко И. И., Лимберис Н. Ю., 2009. Пластинчатые конские налобники из Прикубанья // Археология, этнография и антропология Евразии. Т. 3, № 39. С. 69–74.
- Маслов В. Е., 2019. Синдо-меотские мечи vs. акинаки (реалии сегодняшнего дня) // Stratum plus. № 3. С. 133–154.
- Могилев А. Д., 2010. «Строгие» детали узды раннего железного века // Stratum plus. № 3. С. 281–288.
- Монахов С. Ю., 2003. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре : каталог-определитель. М. ; Саратов : Киммериды : Сарат. ун-т. 680 с.
- Монахов С. Ю., Марченко И. И., Лимберис Н. Ю., Кузнецова Е. В., Чурекова Н. Б., 2021. Амфоры Прикубанского некрополя IV – начала III в. до н.э. (из собрания Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е.Д. Фелицына). Саратов : Волга. 324 с.
- Монахов С. Ю., Марченко И. И., Лимберис Н. Ю., Кузнецова Е. В., Чурекова Н. Б., 2022. Амфоры VII–I вв. до н.э. из собрания Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е.Д. Фелицына. Саратов : Амирит. 304 с.
- Прокопенко Ю. А., 2016. Комплексы предметов конской упряжи, деталей воинского щита III – начала II в. до н.э. и металлических сосудов конца I – II до н.э. из района верховьев р. Большая Лаба // Из истории культуры народов Северного Кавказа. Вып. 8. Ставрополь : Печатный Двор. С. 38–52.
- Прокопенко Ю. А., 2021. Налобные и нащечные пластины конского убора IV – начала II в. до н.э. из памятников Ставропольской возвышенности // Материала по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. № 13. Нес-Циона : Киммерия. С. 467–482.
- Прокопенко Ю. А., Рудницкий Р. Р., 2023. «Строгановские» курганы на горе Змейка (южные окрестности г. Минеральные Воды) // Из истории культуры народов Северного Кавказа. Вып. 16. Ставрополь ; М. : Печатный Двор. С. 189–242.
- Рукавишников И. В., Яблонский Л. Т., 2014. Исследование кургана 2 могильника Филипповка 2 // Российская археология. № 4. С. 118–133.
- Симоненко А. В., 2015. Сарматские всадники Северного Причерноморья. Киев : Олег Филук. 466 с.
- Смирнов К. Ф., 1953. Северский курган // Труды ГИМ. Т. IX. М. : Госкультпросветиздат. 42 с.
- Туаллагов А. А., 2007. Северный Кавказ: от скифов до ранних алан (историко-археологические очерки). Владикавказ : СОИГСИ. 399 с.
- Эрлих В. Р., 2011. Святилища некрополя Тенгинского городища II, IV в. до н.э. М. : Наука. 212 с.

Эрлих В. Р., 2012. Украшения из золоченой терракоты в меотских памятниках Прикубанья (к проблеме культурных контактов в раннеэллинистическое время) // Евразия в скифо-сарматское время. Памяти Ирины Ивановны Гузиной. Труды ГИМ. Вып. 191. М. : ГИМ. С. 259–272.

REFERENCES

- Abramova M.P., 1993. *Tsentral'noye Predkavkaz'ye v sarmatskoye vremya (III v. do n.e. – IV v. n.e.)* [Central Ciscaucasia (Predkavkaz'e) in the Sarmatian Period (3rd century B.C. – 4th century A.D.)]. Moscow, IA RAS. 240 p.
- Anfimov N.V., 1973. Otchyot za 1972 god o raskopkakh Pashkovskogo shestogo mogil'nika [Report on the Excavations of the Pashkovsky Sixth Burial Ground for 1972]. *Arkhir LA RAN*, R-1, nos. 6219, 6219b.
- Beglova E.A., 1989. Pogrebal'nyy obryad ulyapskikh gruntovykh mogil'nikov v Krasnogvardeyskom rayone [Funeral Rite of the Ulyap Burial Grounds in the Krasnogvardeysky District]. *Meoty – predki adygov* [Maeots – Ancestors of the Adyghe]. Maykop, Adyghe Research Institute of Economics, Language, Literature and History, pp. 140–157.
- Beglova E.A., Erlich V.R., 2018. *Meoty Zakuban'ya v sarmatskoye vremya (po materialam Tenginskogo gruntovogo mogil'nika)* [Maeotians of Trans-Kuban Region in Sarmatian Time (Based on Materials of Tenginsky Burial Ground)]. Moscow, Saint Petersburg, Nestor-History Publ. 384 p.
- Galanina L.K., 1985. K probleme vzaimootnosheniy skifov s meotami (po dannym novykh raskopok Kelermesskogo kurgannogo mogil'nika) [On the Problem of the Relationship Between the Scythians and the Maeots]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology], no. 3, pp. 156–165.
- Galanina L.K., 1989. Novyye pogrebal'nyye komplekсы rannemeotskogo vremeni iz Kelermesskogo gruntovogo mogil'nika [New Burial Complexes of the Early Meotian Period from the Kelermes Cemetery]. *Meoty – predki adygov* [Maeots – Ancestors of the Adyghe]. Maykop, Adyghe Research Institute of Economics, Language, Literature and History, pp. 74–102.
- Galanina L.K., 2005. Kubanskoye uzdechnoye snaryazheniye (po materialam Yelizavetinskogo kurgana, raskopannogo N.I. Veselovskim v 1913 g.) [Kuban Bridle Equipment (Based on Materials from the Elizavetinsky Burial Mound Excavated by N.I. Veselovsky in 1913)]. *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha* [Archaeological Papers of the State Hermitage Museum], iss. 37, pp. 97–108.
- Galanina L.K., 2010. Konskoye snaryazheniye iz kollektsii Yelizavetinskikh drevnostey, khranyashchikhsya v Gosudarstvennom Ermitazhe (raskopki N.I. Veselovskogo 1914, 1915, 1917 gg.) [Horse Equipment from the Collection of Elizavetinskoe Antiquities Stored in the State Hermitage Museum (Excavations by N.I. Veselovsky in 1914, 1915, 1917)]. *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha* [Archaeological Papers of the State Hermitage Museum], iss. 38, pp. 108–122.
- Zhdanovsky A.M., 2006. Kurgan № 30 u aula Nacherziy [Kurgan no. 30 near the Village of Nacherziy]. Raev B.A., Bepaly G.E. *Kurgan skifskogo vremeni na gruntovom mogil'nike IV Novolabinskogo gorodishcha* [Kurgan of the Scythian Period on the Burial Ground IV of Novolabinskoye Settlement]. Rostov-on-Don, SSSC RAS, pp. 87–100.
- Ivanov A.V., 2010. Sindo-meotskiye mechi s tsilindricheskimi navershiyem [Sindo-Meotian Swords with a Cylindrical Pommel]. *Problemy khronologii i periodizatsii arkheologicheskikh pamyatnikov i kultur Severnogo Kavkaza. XXVI «Krupnovskiy chteniya»: tez. dokl. Mezhdunar. nauch. konf. po arkheologii Severnogo Kavkaza (g. Magas. 26–30 aprelya 2010 g.)* [Problems of Chronology and Periodization of Archaeological Sites and Cultures of the North Caucasus. XXVI “Krupnovsk Readings” on the Archeology of the North Caucasus. Magas. April 26–30, 2010. Abstracts of Reports of the International Scientific Conference]. Magas, Pilgrim Publ., pp. 146–149.
- Kerefov B.K., 1985. *Chegemskiy kurgan-kladbishche sarmatskogo vremeni. Arkheologicheskiye issledovaniya na novostroykakh Kabardino-Balkarii v 1972–1979 gg.* [Chegem Burial Mound of the Sarmatian Period. Archaeological Research on New Buildings of Kabardino-Balkaria in 1972–1979]. Nalchik, Elbrus Publ., pp. 135–259.
- Kantorovich A.R., 2022. *Iskusstvo skifskogo zverinogo stilya Vostochnoy Yevropy. Klassifikatsiya, tipologiya, khronologiya, evolyutsiya* [Art of the Scythian Animal Style of Eastern Europe. Classification, Typology, Chronology, Evolution]. Moscow, MSU. Vol. 1. 431 p., vol. 2. 359 p.
- Kozenkova V.I., 1982. *Tipologiya i khronologicheskaya klassifikatsiya predmetov kobanskoy kul'tury. Vostochnyy variant* [Typology and Chronological Classification of Objects of the Koban Culture. Eastern variant]. *Svod arkheologicheskikh istochnikov*, iss. B2-5. Moscow, Nauka Publ. 176 p.

- Kropotov V.V., 2010. *Fibuly sarmatskoy epokhi* [Fibulae of the Sarmatian Era]. Kiev, IANASU, ADEF-Ukraine Publ. 384 p.
- Kuznetsova E.A., Limberis N.Yu., Marchenko I.I., Monakhov S.Yu., 2022. Pogrebeniye s knidskimi amforami iz mogil'nika Starokorsunskogo gorodishcha № 2 [The Burial with Knidian Amphorae from the Burial Ground of Starokorsunskaya-2 Settlement]. *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheolgi* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], iss. 267, pp. 139-150.
- Limberis N.Yu., Marchenko I.I., 2005. Khronologiya keramicheskikh kompleksov s antichnymi importami iz raskopok meotskikh mogil'nikov pravoberezh'ya Kubani [Chronology of Ceramic Complexes with Ancient Imports from Excavations of Meotian Burial Grounds on the Right Bank of the Kuban]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Kubani* [Materials and Research on Archaeology of the Kuban Region], iss. 5, Krasnodar, pp. 219-324.
- Limberis N.Yu., Marchenko I.I., 2005a. Plastinchatyye nalobniki iz Prikuban'ya [Plate Forehead Pieces from the Kuban Region]. *Chetvortaya Kubanskaya arkheologicheskaya konferentsiya. Tezisy i doklady* [Fourth Kuban Archaeological Conference. Theses and Reports]. Krasnodar, Symbolika Publ., pp. 162-166.
- Limberis N.Yu., Marchenko I.I., 2006. Tipologiya i khronologiya meotskikh zheleznykh nakonechnikov kopiy iz pamyatnikov pravoberezh'ya Kubani [Typology and Chronology of Maeotian Iron Spearheads from Monuments of the Right Bank of the Kuban]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Kubani* [Materials and Research on Archaeology of the Kuban Region], iss. 6. Krasnodar, pp. 152-181.
- Limberis N.Yu., Marchenko I.I., 2007. Raskopki mogil'nika Starokorsunskogo gorodishcha № 2 v 2006 g. [The Excavations of Burial Ground of Starokorsunskaya-2 Settlement in 2006]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Kubani* [Materials and Research on Archaeology of the Kuban Region], iss. 7. Krasnodar, pp. 70-150.
- Limberis N.Yu., Marchenko I.I., 2012. Meotskie drotiki [The Maeotian Darts]. *Zoloto, kon'i chelovek. Sbornik statej k 60-letiyu A.V. Simonenko* [Gold, Horse and Man. Collection of Articles for the 60th Anniversary of A.V. Simonenko]. Kyiv, Skif Publ., pp. 411-415.
- Limberis N.Yu., Marchenko I.I., 2016. Pogrebeniye so steklyannoy chashey iz mogil'nika Starokorsunskogo gorodishcha № 2 [A Burial with a Glass Bowl from the Cemetery of Starokorsun'skoe Gorodische no. 2]. *Arkheologicheskiye vesti* [Archaeological News], iss. 22, pp. 76-84.
- Limberis N.Yu., Marchenko I.I., 2018. Boevye nozhi meotov [The Combat Knives of the Maeotians]. *Kavkaz v sisteme kul'turnykh svyazey Evrazii v drevnosti i srednevekov'e. XXX «Krupnovskiye chteniya»: materialy Mezhdunar. nauch. konf. (g. Karachayevsk, 22–29 aprelya 2018 g.)* [Caucasus in the System of Cultural Relations of Eurasia in Antiquity and the Middle Ages. XXX “Krupnov Readings”. Materials of the International Scientific Conference. Karachayevsk, April 22–29, 2018]. Karachayevsk, pp. 221-223.
- Limberis N.Yu., Marchenko I.I., 2019. Zheleznye udila so strogimi nasadkami iz meotskikh mogil'nikov Prikuban'ya [The Iron Bits with a Rigid Check-Devices from the Maeotian Burials of the Kuban River Region]. *Krym v sarmatskuyu epokhu (II v. do n.e. – V v. n.e.): materialy X Mezhdunar. nauch. konf. «Problemy sarmatskoy arkheologii i istorii»* [The Crimea in the Age of the Sarmatians (200 BC – AD 400). Proceedings of the 10th International Research Conference “The Aspects of Sarmatian Archeology and History”], vol. V. Simferopol', Salta LTD Publ., pp. 161-174.
- Limberis N.Yu., Marchenko I.I., 2020. Khronologiya mechey s serpovidnym navershiyem iz meotskikh mogil'nikov [Chronology of Swords with a Crescent-Shaped Top from Maeotian Burial Grounds]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of VolSU. History. Area Studies. International Relations], vol. 25, no. 4, pp. 89-103. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.4.9>
- Limberis N.Yu., Marchenko I.I., 2022. Komplex konskoy uzdy iz meotskogo pogrebeniya na pravoberezh'e Kubani [Horse Bridle Assemblage from the Maeotian Burial on the Right Bank of the Kuban River]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 21, no. 1, pp. 267-275. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.1.14>
- Limberis N.Yu., Marchenko I.I., 2023. O nekotorykh meotskikh importakh v rannesarmatskikh pogrebeniyakh [On Some Categories of Maeotian Imports in Early Sarmatian Burials]. *Regional'nyye osobennosti khronologii i periodizatsii savromatskoy i sarmatskikh kul'tur: materialy XI Vseros. nauch. konf. s mezhdunar. uchastiyem «Problemy sarmatskoy arkheologii i istorii», posvyashch. pamyati A.S. Skripkina (g. Volgograd, 15–19 maya 2023 g.)* [Chronology and Periodization of the Sauromat and Sarmatian Cultures: Regional Features.

- Proceedings of the 11th All-Russian Scientific Conference with International Participation “Problems of Sarmatian Archeology and History” Dedicated to the Memory of Prof. Anatoly S. Skripkin, Volgograd, May 15–19, 2023]. Volgograd, VolSU, pp. 114–127.
- Limberis N.Yu., Marchenko I.I., 2024. Vooruzhenie meotskih vsadnikov IV v. do n.e. (po materialam Prikubanskogo mogil’nika) [Armament of the Maeotian Horsemen of the 4th Century BC (Based on Materials from the Prikubansky Burial Ground)]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 23, no. 3, pp. 21–37. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.3.2>
- Lovpache N.G., 1985. Mogil’niki v ust’ye reki Psekupsa [Burial Grounds at the Mouth of the Psekups River]. *Voprosy arkheologii Adygei* [Issues of Archeology of Adygea]. Maykop, Adyge Research Institute of Economics, Language, Literature and History, pp. 16–64.
- Lunev M.Yu., 2010. Novyye pogrebeniya IV v. do n.e. iz mogil’nika na ul. Postovoy (Pochtovoy) [Recently Uncovered Burials of the 4th Century BC from the Cemetery on Postovaya (Pochtovaya) Street in Krasnodar]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosphorus], vol. 14. Moscow, IA RAS, pp. 357–372.
- Maksimenko V.E., 1983. *Savromaty i sarmaty na Nizhnem Donu* [Sauromatians and Sarmatians on the Lower Don]. Rostov-on-Don, Rostov University. 224 p.
- Marchenko I.I., Limberis N.Yu., 2009. Plastinchatye konskie nalobniki iz Prikuban’ya [Lamellar Horse Foreheads from the Kuban Region]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia], vol. 3, no. 39, pp. 69–74.
- Maslov V.E., 2019. Sindo-meotskiye mechi vs. akinaki (realii segodnyashnego dnya) [The Swords of Sindian-Maeotian Types vs. Akinakes: Current Realities]. *Stratum plus*, no. 3, pp. 133–154.
- Mogilov A.D., 2010. «Strogiye» detali uzdy rannego zheleznogo veka [“Rigit” Details of an Early Iron Age Bridle]. *Stratum plus*, no. 3, pp. 281–288.
- Monakhov S.Yu., 2003. *Grecheskiye amfory v Prichernomor’ye. Tipologiya amfor vedushchikh tsentrov-eksportirov tovarov v keramicheskoy tare: katalog-opredelitel’* [Greek Amphorae in the Black Sea Region. Typology of Amphorae of Leading Centers-Exporters of Goods in Ceramic Containers. Catalogue-Identifier]. Moscow, Saratov, Kimmerida Publ., Saratov University. 680 p.
- Monakhov S.Yu., Marchenko I.I., Limberis N.Yu., Kuznetsova E.V., Churekova N.B., 2021. *Amfory Prikubanskogo nekropolya IV – nachala III v. do n.e. (iz sobraniya Krasnodarskogo gosudarstvennogo istoriko-arkheologicheskogo muzeya-zapovednika im. E.D. Felitsyna)* [Amphorae of the Prikubansky Necropolis of the 4th – Early 3rd Century BC (from the Collection of the Krasnodar State Historical and Archaeological Museum-Reserve named after E.D. Felitsyn)]. Saratov, Volga Publ. 324 p.
- Monakhov S.Yu., Marchenko I.I., Limberis N.Yu., Kuznetsova E.V., Churekova N.B., 2022. *Amfory VII–I vv. do n.e. iz sobraniya Krasnodarskogo gosudarstvennogo istoriko-arkheologicheskogo muzeya-zapovednika im. Ye.D. Felitsyna* [Amphorae of the 7th – 1st Centuries BC from the Collection of the Krasnodar State Historical and Archaeological Museum-Reserve named after E.D. Felitsyn]. Saratov, Amirit Publ. 304 p.
- Prokopenko Yu.A., 2016. Kompleksy predmetov konskoy upryazhi, detaley voinskogo shchita III – nachala II v. do n.e. i metallicheskikh sosudov kontsa I – II do n.e. iz rayona verkhov’yev r. Bol’shaya Laba [Complexes Objects Harness, Parts Military Shield from 3rd – Beginning of 2nd Century BC and Metal Vessels End 1st – 2nd c. AD from District Upper River Bolshaya Laba]. *Iz istorii kul’tury narodov Severnogo Kavkaza* [From the History of the North Caucasian Peoples Cultural], iss. 8. Stavropol, Pechatny Dvor Publ., pp. 38–52.
- Prokopenko Yu.A., 2021. Nalobnyye i nashchochnyye plastiny konskogo ubora IV – nachala II v. do n.e. iz pamyatnikov Stavropol’skoy vozvysheynosti [Horse Frontlets and Cheek-Guards of the 4th – Early 2nd Centuries BC from Monuments of Stavropol Upland]. *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor’ya* [Materials on Archeology and History of the Ancient and Medieval Black Sea Region], no. 13. Ness Ziona, Cimmeria Publ., pp. 467–482.
- Prokopenko Yu.A., Rudnitsky R.R., 2023. «Stroganovskiy» kurgany na gore Zmeyka (yuzhnyye okrestnosti g. Mineral’nyye Vody) [Stroganovsky Mounds on Mount Zmeyka (Southern Environs of the City Mineralnye Vody)]. *Iz istorii kul’tury narodov Severnogo Kavkaza* [From the History of the North Caucasian Peoples Cultural], iss. 16. Stavropol, Moscow, Pechatny Dvor Publ., pp. 189–242.
- Rukavishnikova I.V., Yablonsky L.T., 2014. Issledovaniye kurgana 2 mogil’nika Filippovka 2 [The Researches of the Burial Mound 2 of the Burial Filippovka 2]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology], no. 4, pp. 118–133.
- Simonenko A.V., 2015. *Sarmatskiye vsadniki Severnogo Prichernomor’ya* [The Sarmatian Horsemen of North Pontic Region)]. Kyiv, Oleg Filyuk Publ. 466 p.

- Smirnov K.F., 1953. *Severskiy kurgan* [Seversky Kurgan]. Trudy GIM, vol. IX. Moscow, Goskultprosvetizdat. 42 p.
- Tuallagov A.A., 2007. *Severnyy Kavkaz: ot skifov do rannikh alan (istoriko-arkheologicheskiye ocherki)* [The North Caucasus: from the Scythians to the Early Alans (Historical and Archaeological Essays)]. Vladikavkaz, North Ossetian Institute of Humanitarian and Social Research. 399 p.
- Erlikh V.R., 2011. *Svyatilishcha nekropolya Tenginskogo gorodishcha II, IV v. do n.e.* [The Shrines in the Necropolis of the 2nd Tenginskaya settlement 4th Century B.C.]. Moscow, Nauka Publ. 212 p.
- Erlich V.R., 2012. Ukrasheniya iz zolochonoy terrakoty v meotskikh pamyatnikakh Prikuban'ya (k probleme kul'turnykh kontaktov v ranneellinisticheskoye vremya) [Gilded Terracotta Ornaments in the Maeotian Monuments of the Kuban Region (Towards the Problem of Cultural Contacts in the Early Hellenistic Period)]. *Yevraziya v skifo-sarmatskoye vremya. Pamyati Iriny Ivanovny Gushchinoy* [Eurasia in the Scythian-Sarmatian Period. In Memory of Irina Ivanovna Gushchina]. Trudy GIM, iss. 191. Moscow, SHM, pp. 259-272.

Information About the Authors

Natalya Yu. Limberis, Senior Researcher, Scientific Research Institute of Archaeology, Kuban State University, Stavropolskaya St, 149, 350040 Krasnodar, Russian Federation, limberis2@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0395-315X>

Ivan I. Marchenko, Candidate of Sciences (History), Professor, Department of World History and International Relations, Kuban State University, Stavropolskaya St, 149, 350040 Krasnodar, Russian Federation, meot@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7319-5214>

Информация об авторах

Наталья Юрьевна Лимберис, старший научный сотрудник НИИ археологии, Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, 350040 г. Краснодар, Российская Федерация, limberis2@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0395-315X>

Иван Иванович Марченко, кандидат исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, 350040 г. Краснодар, Российская Федерация, meot@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7319-5214>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2025.3.5>

UDC 904

LBC 63.4(2)

Submitted: 10.11.2024

Accepted: 06.08.2025

LATE ANTIQUE BONE COMBS FROM THE TERRITORY OF THE LOWER DON REGION¹

Evgeny V. Vdovchenkov

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

Inna V. Beletskaya

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

Abstract. Late antique three-layer bone combs are one of the most distinctive symbols of the Chernyakhov culture antiquities. This article presents a collection of bone combs and their fragments from the Lower Don territory, located outside the main distribution area of the Chernyakhov culture. This study examines a selection of 18 bone combs and their fragments. The terminology and typology by R.G. Shishkin are used in the description of the combs. The combs can be divided into two groups: those found in the Late Antique Tanais layer and those found in burials. The finds of combs in the kurgan cemeteries of the steppe zone are associated with complexes in T-shaped catacombs of late Roman times in the Lower Don region dating from the second half of the 3rd to the early 5th centuries AD. In late antique Tanais, the combs found in the layers of settlement and its necropolis date back to the mid-4th – mid-5th centuries. Thus, the two groups of bone combs – from the steppe (8 items) and Tanais (10 items) – follow one another chronologically. In the burial complexes from the Lower Don region, the combs are divided almost equally by the gender of the deceased. Female individuals were buried in four of the ten burials, males in three, and two remained undetermined. The appearance of crests among nomads is the result of contacts between the bearers of the tradition of burials in T-shaped catacombs and the population of the Chernyakhov culture. The appearance of combs in the Tanais could be influenced not only by contacts but also by the migration of bearers of the Chernyakhov tradition to Tanais in the 4th century. Three-layer bone combs are important evidence of stable contacts between the population of the Lower Don region and their western neighbors for at least a century and a half, and they reflect the dynamics of the evolution of these artifacts.

Key words: three-layer bone combs, Lower Don, Late Antique epoch Tanais, Late Roman period, Hunnic epoch, Chernyakhov culture, T-shaped catacomb burials.

Citation. Vdovchenkov E. V., Beletskaya I. V., 2025. Pozdneantichnye kostyanye grebni s territorii Nizhnego Podon'ya [Late Antique Bone Combs from the Territory of the Lower Don Region]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskii Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 24, no. 3, pp. 129-158. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2025.3.5>

УДК 904

ББК 63.4(2)

Дата поступления статьи: 10.11.2024

Дата принятия статьи: 06.08.2025

ПОЗДНЕАНТИЧНЫЕ КОСТЯНЫЕ ГРЕБНИ С ТЕРРИТОРИИ НИЖНЕГО ПОДОНЬЯ¹

Евгений Викторович Вдовченко

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Инна Владимировна Белецкая

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Аннотация. Костяные трехслойные гребни позднеантичного времени – один из ярких символов черняховских древностей. В настоящей статье собрана подборка костяных гребней и их фрагментов с территории

Нижнего Подонья, находящейся за пределами основного ареала распространения черняховской культуры. В данной статье приводится подборка из 18 костяных гребней и их фрагментов. При описании гребней использована терминология и типология Р.Г. Шишкина. Гребни можно разделить на две группы – из слоя позднеантичного Танаиса и из погребений. Находки гребней в курганных могильниках степной зоны связаны с комплексами в Т-образных катакомбах позднеримского времени на Нижнем Дону, которые датируются второй половиной III – началом V в. н.э. В позднеантичном Танаисе гребни, найденные в слоях городища и на его некрополе, датируются серединой IV – серединой V века. Таким образом, две группы костяных гребней – из степи (8 экз.) и Танаиса (10 экз.) хронологически следуют друг за другом. Гребни в комплексах из Нижнего Подонья по гендерной принадлежности погребения делятся примерно поровну. В пяти из десяти погребений с гребнями были погребены женщины, в трех мужчины, и два остались неопределенными. Появление гребней у кочевников – это результат контактов носителей традиции захоронений в Т-образных катакомбах с населением черняховской культуры. На появление гребней в Танаисе могли повлиять не только контакты с черняховцами, но и миграция носителей черняховской традиции в IV в. в Танаис. Костяные трехслойные гребни – важное свидетельство устойчивых контактов населения нижнедонского региона с западными соседями на протяжении как минимум полутора веков, и в данной выборке отражена динамика эволюции этих изделий.

Ключевые слова: костяные трехслойные гребни, Нижний Дон, поздний Танаис, позднеримское время, гуннская эпоха, черняховская культура, катакомбные Т-образные погребения.

Цитирование. Вдовченко Е. В., Белецкая И. В., 2025. Позднеантичные костяные гребни с территории Нижнего Подонья // Нижневолжский археологический вестник. Т. 24, № 3. С. 129–158. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2025.3.5>

Введение

Костяные трехслойные гребни² позднеантичного времени на территории Восточной Европы – одна из ярких категорий предметов, символизирующих эпоху и черняховскую культуру. Территория Нижнего Подонья не входила в ареал черняховской культуры, но стабильно прослеживаются связи между нижнедонским населением и населением Северного Причерноморья, свидетельством чего являются и гребни. В данной статье представлена подборка позднеантичных костяных гребней и их фрагментов с территории Нижнего Подонья³.

Костяные гребни уже привлекали к себе внимание исследователей. Базовой по гребням германских культур является классическая работа З. Томас [Thomas, 1960]. К настоящему времени существует значительное количество исследований по этой теме. Изучая гребни Центральной и Восточной Европы позднеримского времени и эпохи Великого переселения народов, авторы поднимали проблемы типологии, хронологии, центров производства (см.: [Cnotliwy, 2010; Masek, 2016; Opreanu, Lăzărescu, 2022]). Гребни черняховской культуры анализировались во многих работах, но особо следует выделить статьи по типологии гребней Г.Ф. Никитиной [Никитина, 1969] и Р.Г. Шишкина [Шишкин, 1999; 2002].

Что касается гребней с территории Нижнего Подонья, то краткую характеристику 4 известным на тот момент находкам из раскопок позднеантичного Танаиса дал Д.Б. Шелов [Шелов, 1972, с. 322–323]. Первый гребень из курганного некрополя опубликован Г.М. Мелентьевой в 1973 г. [Мелентьева, 1973]. В 1994 г. 5 гребней рассматривались в ряду других изделий из кости Л.А. Демиденко [Демиденко, 1994, с. 148, табл. XIX, 1–5, рис. 2, 3, 3, 1, 2, 3, 4, 1]. На основе подборки Л.А. Демиденко гребни анализировались как одна из категорий материала А.М. Обломского для датировки позднеантичного Танаиса [Обломский, 2010, с. 179, рис. 9, 1–5].

Нижнедонские гребни можно разделить на две группы – находки в слое позднеантичного Танаиса и в погребениях степной зоны и некрополя Танаиса. Особой информативностью отличаются гребни, найденные в погребениях [Мелентьева, 1973; Безуглов, Толочко, 2002; Ильюков, 2016].

В нашей работе при описании дается краткая информация о контексте находки, ее характеристика, номер и место хранения, номер по Госкаталогу. В названии гребня из погребения дается название памятника, номер кургана и погребения, год находки (Московский I, 2/2, 1984). В названии гребня из городища – название городища и год находки (Танаис, 1969).

Типология

В настоящий момент есть общая типология гребней З. Томас [Thomas, 1960]. Для гребней черняховской культуры ключевую роль играют типологии Г.Ф. Никитиной [Никитина, 1969] и Р.Г. Шишкина [Шишкин, 1999]. Типология Г.Ф. Никитиной неполная и не учитывает всего разнообразия деталей, в то время как работа Р.Г. Шишкина, несмотря на тезисность, более универсальна. При описании гребней будут использованы все три типологии, а также терминология и схемы Р.Г. Шишкина [Шишкин, 1999, с. 46, рис. 1, 2]. Типология по Р.Г. Шишкину [Шишкин, 1999] выглядит следующим образом (в связи с трудодоступностью этой публикации таблицы воспроизведены на рис. 2).

Классы: I – без плечиков и предплечий, II – с предплечьями, III – с плечиками и предплечьями. Серия определяется по форме головки, варианты серии – по высоте головки по отношению к ширине накладок. Деление на группы происходит по форме плечиков, на подгруппы – по относительной ширине плечиков. Если есть сомнения в типе или отсутствует деталь, то тогда в описании эта информация будет помещена в скобки.

Типология гребней с территории Нижнего Подонья представлена в таблице 1.

Гребень Танаис XVI/131, 2005 (каталог № 10, рис. 5, 4) не относится к числу трехслойных. Однослойные гребни известны в Центральной Европе I–II вв. и на раннем этапе в черняховской культуре [Никитина, 1969, 153–154; Щукин, 2005, с. 176]. Однослойные гребни-подвески в дальнейшем появляются на поздних этапах черняховской культуры и соответствуют типу III по Томас [Шишкин, 2002, с. 245–246]. Так, такие гребни найдены в Верхнем Подонье [Земцов, 2003, рис. 1, 11; Обломский, Козмирчук, 2015, с. 57, рис. 91, 1; Обломский, Козмирчук, 2015а, с. 161, рис. 242, 1–3]. Однослойные гребни других типов в римское время встречаются, но редко. Ближе всего географически гребень из позднесарматского погребения Высочино V, курган 18, погребение 1 [Беспалый, 2000, с. 157, рис. 5, 6]. Узкий гребень с короткими пропилами и стилизованным украшением в виде парных петушиных головок на рукояти (одна из

них обломана) и по 4 врезных концентрических кружка с каждой стороны и отверстием для подвешивания все же далек от рассматриваемого. Другой пример – гребень из Ошкского могильника в Прикамье, но он с зооморфной головкой и заметно толще танаисского экземпляра [Лещинская, 2014, с. 75, табл. 68, 1]. Прямых аналогий гребню 2005 г. найти не удалось.

Большинство рассматриваемых гребней относится к трехслойным (подробнее они охарактеризованы в связи с рассмотрением их хронологии) или представлено обломками, не исключаяющими такую атрибуцию.

Хронология комплексов с гребнями

В рамках нашего исследования как базовая используется хронология Я. Тейрала [Tejral, 1986; 1992; 1997]. Особое внимание в статье уделено наработкам М.В. Любичева – в связи с географической близостью исследованных им древностей интересующего нас времени днепро-донецкой лесостепи нижнедонскому региону [Любичев, 2019].

Могильник Московский I, из которого происходят два комплекса с гребнями (каталог № 1, 2, рис. 3, 1, 2), является самой крупной курганный группой среди могильников с катакомбами второй половины III – IV в. – 12 из 24 погребений относятся к этой культурной традиции [Безуглов, 2008, с. 286]. С.И. Безуглов датировал эту группу погребений Московского I второй половиной III в. и отнес к первой группе памятников позднеримского времени с катакомбами [Безуглов, 2008, с. 286–287].

Следует обратить внимание на связку в кургане Московский I, 2/2, 1984 Т-образной катакомбы (тип I) и подбоя с ориентированной головой на север погребением, а также четырехугольную лепную курильницу – традиционный атрибут предшествующей эпохи. По М.В. Любичеву гребень из этого комплекса (каталог № 1, рис. 3, 1) – хроноиндикатор ХИ 30 (тип I.2A по Р.Г. Шишкину) [Любичев, 2019, с. 26]. Этот хроноиндикатор появляется по разработкам М.В. Любичева на фазе В (ступени C₂/C₃ и C₃ по Я. Тейралу) и продолжается на фазе С (ступени C₃ и D₁ по Я. Тейралу).

Гребень из комплекса Московский I, 3/1, 1984 (каталог № 2, рис. 3,2) также является хроноиндикатором ХИ 30 (тип I.2B по Р.Г. Шишкину). Этот комплекс близок погребению Московский I, 2/2, 1984, относится к группе погребений курганного могильника Московский I, который С.И. Безуглов датировал второй половиной III в. н.э. [Безуглов, 2008, с. 286]. Однако язычок пряжки из погребения Московский I, 2/2, 1984 явно огибают часть рамки и имеет рельефный выступ (площадку) у основания (рис. 7,8), что характерно для пряжек типа П10 [Малашев, 2000, с. 198, 202]), который датируется не ранее второй четверти IV века.

Увеличение высоты головки гребня по отношению к ширине – хронологический показатель, и этот гребень может быть более ранним по сравнению с гребнем из кургана Московский I, 3/1.

Гребень из комплекса Большая Мазанка III, 3/1, 1995 (каталог № 3, рис. 3,5) по М.В. Любичеву – хроноиндикатор ХИ 30 (тип I.2B по Р.Г. Шишкину; фаза В; C₂/C₃ и C₃ по Я. Тейралу; продолжается на фазе С; ступени C₃ и D₁ по Я. Тейралу) [Любичев, 2019, с. 26].

Пряжка из этого комплекса, судя по рисунку в публикации [Парусимов, 1998, рис. 35,7], имеет короткий слабо прогнутый язычок с уступом у основания спереди, но без выступа в задней части, то есть относится к типу П7 [Малашев, 2000, с. 196]. По В.Ю. Малашеву этот тип появляется в конце хронологической группы Па, но распространение получает в группе Пб, что определяет дату около середины – второй половины III в. [Малашев, 2000, с. 199, рис. 1].

Фибула в публикации определена как «лучковая», однако на рисунке [Парусимов, 1998, с. 28, рис. 35,9] она изображена с явным прогибом при переходе дужки к короткой ножке; судя по всему, она двучленная, не ясно, приемник сплошной или (скорее) подвязной. То есть эта застежка относится к серии I подгруппы 2 группы 16 или подгруппе 1 группы 17 [Амброз, 1966], вариант ее по имеющимся данным неопределим. Такие фибулы на юге Восточной Европы распространяются от носителей черняховской культуры, сформировавшейся в середине III века. На связь с ней на-

ряду с фибулой и гребнем указывают бусы. Зеркало в центре диска имело «выпуклину», но, судя по описанию и рисунку, выступ был небольшим и окружен орнаментом [Парусимов, 1998, с. 28, рис. 35,10]. Таким образом, остальной инвентарь не противоречит дате комплекса, установленного по пряжке.

В Большой Дмитриевке (Саратовская область) найден типологически близкий гребень (рис. 3,6) [Матюхин, Ляхов, 1991]. Гребень типа Никитина-1 характерен для ранних фаз черняховской культуры [Шишкин, 2002], но встречается и в первой половине IV века.

По заключению А.А. Красноперова, комплексы Большая Дмитриевка, 13/2 и Большая Мазанка III, 3/1 относительно близки в пределах середины – второй половины III – первой четверти IV в. [Красноперов, 2021, с. 197]. И.О. Гавритухин предлагает для Большой Дмитриевки хронологические границы середина – вторая половина III – первая половина (и может быть, даже середина) IV в. [Гавритухин, 2010, с. 54].

Гребень с треугольной головкой из комплекса Вербовый лог VI, 1/1, 1987 (каталог № 5, рис. 3,3) относится к типу относительно ранних. По М.В. Любичеву – хроноиндикатор ХИ 31/1 (тип I.6B по Р.Г. Шишкину) [Любичев, 2019, с. 26].

Такие гребни, соответствующие типам II по З. Томас [Thomas, 1960, S. 94] и I/2a по Г.Ф. Никитиной, были распространены на протяжении III – первой половины IV в. [Никитина, 1969, с. 149; Щукин, 2005, с. 174–175]. По периодизации черняховской культуры, предложенной О.А. Гей и И.А. Бажаном, гребни с подтреугольной спинкой (хроноиндикатор 66) существуют в выделяемых ими периодах 2 и 3 (270/280–350/355 гг.) [Гей, Бажан, 1997, с. 43, табл. 67,12, 68,23]. По разработкам М.В. Любичева хроноиндикатор ХИ 31/1 появляется на фазе Е (ступень D₁ по Я. Тейралу) [Любичев, 2019, с. 34], что заметно позже датировки Г.Ф. Никитиной, но следует учесть, что М.В. Любичев оперирует материалами только левобережья Днепра.

Наконечник ремня из комплекса Вербовый лог VI, 1/1, 1987 (рис. 7,9) также привлек к себе внимание исследователей [Bezuglov, 1995; Малашев, 2000, с. 205, рис. 12Д,1; Безуглов, 2008, с. 288, рис. 4,12]. По В.Ю. Ма-

лашеву он относится к типу Н7 [Малашев, 2000, рис. 2], что наряду с пряжкой типа П10 [Малашев, 2000, с. 196] ограничивает дату комплекса временем не ранее 2-й четверти IV века. Фрагмент двучленной прогнутой фибулы и имеющая утраты железная пряжка (вероятно, П9 или П10) не уточняют эту дату, но и не противоречат ей. В.Ю. Малашев отнес этот комплекс к группе ШБ, датируемой второй – третьей четвертями IV в. [Малашев, 2000, рис. 1, 12Д]. И.О. Гавритухин предполагает, что можно сузить датировку комплекса до «скорее, около второй четверти IV в.» [Гавритухин, 2010, с. 56].

Гребень из комплекса Новосадковский, 18/1, 1985 (каталог № 6, рис. 3, 4) по М.В. Любичеву – хроноиндикатор ХИ 32/1 (тип Ш.14В.7а по Р.Г. Шишкину) [Любичев, 2019, с. 26–27]. По разработкам М.В. Любичева этот хроноиндикатор появляется в фазе В (ступени C_2/C_3 и C_3 по Я. Тейралу). Типология таких гребней дана О.В. Петраускасом. Это вариант 3 – гребни со спинками, которые имеют плоский верх и дугообразно вогнутые стороны [Петраускас, 2009, рис. 9, вариант 3]. Г.Ф. Никитина гребни с трапециевидной спинкой датировала IV в. [Никитина, 1969, с. 158, тип II, 2]. О.В. Петраускас бытование гребней с профилированными боками (вариант 3) на основании находок в комплексах датирует не позднее середины IV в. [Петраускас, 2009, с. 193–194].

По сочетанию наиболее раннего и поздних хроноиндикаторов комплекс датируется А.А. Красноперовым 2-й четвертью IV в., самое позднее, около середины IV в. [Красноперов, 2019, с. 109–110]. Он обращает внимание на гребень, рассмотренный Петраускасом [Петраускас, 2009, с. 193–194], амфору типа D по Д.Б. Шелову, которая датируется III в. [Шелов, 1978, с. 19], а также на одночастный наконечник с секировидным расширением и фасетировкой и пряжку без инкрустации, с почковидным щитком и язычком, доходящим до середины высоты сечения рамки (рис. 7, 4а, б), которые распространяются со 2-й четверти IV в. (тип П10 по: [Малашев, 2000, с. 196, рис. 1, 2; Малашев и др., 2015, с. 99]).

Еще одна пряжка из Новосадковского, судя по схематичному рисунку [Ильюков, 2016, рис. 3, 15з], относится к типу П9 или П10

по В.Ю. Малашеву. Неопубликованная пряжка, судя по описанию [Ильюков, 2016, с. 116], принадлежит тому же кругу. Что касается фрагментированной фибулы (рис. 7, 3), она относится к серии I подгруппы 2 группы 16 [Амброз, 1966], вариант ее по имеющимся данным неопределим. Фибулы этой серии на юге Восточной Европы бытовали от середины III до, как минимум, начала V века.

В.Ю. Малашев датирует одночастный наконечник Н8 временем не ранее 2-й половины IV в. [Малашев, 2000, рис. 1, 2] с дальнейшим использованием в 1-й половине V века. Исходя из этих данных, комплекс следует датировать временем около середины IV века.

Гребень из комплекса Донской 4, 1962 (каталог № 7, рис. 4, 1) по М.В. Любичеву – хроноиндикатор ХИ 34/1а или ХИ 34/1б (тип Ш(1С)1b по Р.Г. Шишкину), так как трудно судить о наличии / отсутствии канала между головкой и плечами при отсутствии головки гребня [Любичев, 2019, с. 26]. По разработкам М.В. Любичева этот хроноиндикатор существует на фазе D (ступени C_3/D_1 по Я. Тейралу) и продолжается на фазе E (ступень D_1 по Я. Тейралу) [Любичев, 2019, с. 34–35].

Г.М. Мелентьева относит погребение к IV в. [Мелентьева, 1973, с. 128], однако существует мнение о его датировке развитым поздним IV в. [Безуглов, Толочко, 2002, с. 46; Безуглов, 2008, с. 290]. Хроноиндикатором в комплексе выступает стеклянный сосуд желтовато-зеленоватого стекла с напаянными синими нитями [Мелентьева, 1973, рис. 54; Безуглов, 2008, рис. 7, 10], который датируют IV в. [Безуглов, Толочко, 2002, с. 46]. Также важный хроноиндикатор – небольшая бронзовая пряжка с сильно утолщенной спереди круглой рамкой размерами $1,7 \times 1,4$ см (рис. 7, 2), на язычке у основания есть квадратная площадка с Х-образным вырезом, сам язычок длинный и охватывает рамку на всю ее высоту. Пряжка, как и сосуд, учитывая контекст памятника, И.О. Гавритухиным датированы ранним гуннским временем, последней четвертью IV в. – началом V в. [Гавритухин, 1999, с. 60, рис. 14, 77, 78; Обломский, 2010, с. 178].

Против этого решительно возразил С.И. Безуглов, фиксируя верхнюю границу

группы погребений с Т-образными катакомбами (тип I) поздним IV в. [Безуглов, 2008, с. 290]⁴. И.О. Гавритухин указывает на то, что в раннегуннский период, соответствующий периоду D₁ по Тейралу (360/370–400/410 гг.), нижнедонские памятники с катакомбной традицией еще существуют, на что указывает эта пряжка и ряд других находок [Гавритухин, 2010, с. 55–56]. Ближайшая по форме и декору аналогия стеклянному сосуду – находка из Барчи, которую И.О. Гавритухин ставит в ряд с другими сосудами финальной фазы черняховской культуры, то есть раннегуннского времени [Gavritukhin, 2017, p. 103, fig. 14,52].

Гребень из комплекса Высочино II, 12/1, 1978 (каталог № 8, рис. 6,5а,б,в,г) слишком фрагментирован, чтобы делать заключения о его типе. Серьга из этого погребения [Беспалый, Лукьяшко, 2008, с. 45–46, табл. XXX, 4] может быть его хроноиндикатором. Близкие по типу золотые серьги с фигурным пластинчатым щитком в Крыму датируются первой половиной V в. н.э. [Хайрединова, 2002, рис. 4], но они имеют другую конструкцию крепления дужки к щитку. Близкими по конструкции являются серьги, широко распространенные в Предгорном и Юго-Западном Крыму во второй половине III – IV в. (например, [Свиридов, Язиков, 2023, рис. 316, 343]), но они отличаются формой и технологией изготовления щитка. Лишь пара, относящаяся к позднейшим в этом ряду, датированная серединой – второй половиной IV в. [Свиридов, Язиков, 2023, рис. 59,3,4], близка интересующей нас технологически, но, как и другие крымские, не имеет выступов в нижней части щитка. Ближе всего серьге из Высочино находка из Фанагории, датированные концом IV – первой половиной V в. [Фанагория, 2015, кат. № 112, 248], хотя они и отличаются рядом деталей.

В комплексе Кузнецовский I, 3/1, 1975 (каталог № 4, рис. 6,б) содержится ранний гребень – тип I по З. Томас. Хронологическую позицию комплекса Кузнецовский I, 3/1, 1975 можно определить, обратившись к соседним курганам 1 и 4. Они составляют компактную группу из трех курганов, вытянутых по одной линии, которые близки культурно и, скорее всего, сооружены в одно время. Следует обратить внимание на погребальное сооружение погребения 1 кургана 1 – подбой,

ориентированный на северо-восток. Это погребение, судя по пряжке с язычком, опущенным до середины высоты рамки [Узянов, 1975, рис. 968], датируется не ранее второй четверти IV в. (тип П10 по: [Малашев, 2000, с. 196, рис. 1, 2]).

В то же время в Т-образной катакомбе погребения 1 кургана 4 можно отметить наличие трех квадратных курильниц [Узянов, 1975, рис. 1053]. И квадратные курильницы, и североориентированные погребения характерны для предшествующей эпохи – позднесарматской культуры II–III вв. н.э. По нашему мнению, эта группа погребений относится к первому хронологическому горизонту катакомбных памятников Подонья римского времени, когда они сохраняли некоторые черты позднесарматской традиции II–III вв. н.э. [Безуглов, 2008, с. 286–287]. Пряжка из кургана 4, судя по неотчетливому фото в отчете [Узянов, 1975, рис. 1054], относится к типу П9 по В.Ю. Малашеву, то есть датируется от конца III до третьей четверти IV в. [Малашев, 2000, рис. 1, 2].

По сочетанию раннего типа гребня и пряжек из курганов 1 и 4 можно осторожно предположить для всех трех курганов (1, 3, 4) дату около второй четверти IV века. Возможно и то, что курган 4 в этой группе немного более поздний, чем курганы 1 и 3. В любом случае, эта группа погребений требует отдельного разбора.

Гребень из комплекса Танаис 60/18, 2000 (каталог № 9, рис. 4,2) по М.В. Любичеву – хроноиндикатор ХИ 34/2 (тип III.1C.4b по Р.Г. Шишкину) [Любичев, 2019, с. 26]. Фибулы из погребения определены как принадлежащие к среднеевропейской хронологической ступени D₁ (360/370–380–400/410 гг.) [Безуглов, Толочко, 2002, с. 44]. Но авторы публикации указывают, что в Танаисе такие фибулы могут относиться и к ступени D₂ по Я. Тейралу (380/400–440/450 гг.), отмечают они и долгое использование этих застёжек. Вместе с крупной пряжкой фибулы составляли типичный женский восточногерманский костюм, чему вполне соответствует наличие гребня [Безуглов, Толочко, 2002, с. 46]. Декоративные пропилы в плечиках – это поздний признак для типа III по З. Томас. Датируется комплекс концом IV – первой половиной V века.

Гребень Танаис, 1956 (каталог № 12, рис. 5, 1а, б, в) по М.В. Любичеву – хроноиндикатор ХИ 34/1а, существующий в фазе D (тип III.4B.8а по Р.Г. Шишкину; ступени C₃/D₁ по Я. Тейралу) и продолжается в фазе E (ступень D₁ по Я. Тейралу).

Большое количество декоративных гвоздиков и штырей на верхней части корпуса гребня является поздним признаком, благодаря чему гребень может быть датирован временем с середины IV в. [Шишкин, 2002, с. 245].

Гребень Танаис, 1978 (каталог № 13, рис. 5, 2) по М.В. Любичеву – хроноиндикатор ХИ 34 (тип III.2B(-) по Р.Г. Шишкину; фаза D; по Я. Тейралу – ступени C₃/D₁). Следует обратить внимание на то, что боковые накладки состоят из двух пластин – и это поздний признак для гребней [Шишкин, 2002, с. 245].

Гребень Танаис, 1969 (каталог № 14, рис. 5, 3) относится, судя по размерам, к числу амулетов-подвесок. Гребни-амулеты с высокой головкой Б.В. Магомедов относит к последней четверти IV – первой трети V в. [Магомедов, 2022, 283].

Особо выделяется гребень Танаис XVI/131, 2005 (каталог № 10, рис. 5, 4). Однослойные гребни известны в Центральной Европе I–II вв. на раннем этапе в черняховской культуре [Никитина, 1969, 153–154; Щукин, 2005, с. 176]. Но на поздних этапах они не типичны.

И.В. Толочко датирован комплекс по бронзовой прогнутой подвязной фибуле (рис. 7, 10) концом IV – первой половиной V в. н.э. Прогнутые подвязные фибулы с ленточной спинкой серии I подгруппы 3 группы 16 по Амброзу [Амброз, 1966, с. 68] ориентировочно датируются V–VI вв. и связываются с Северным Кавказом [Гавритухин и др., 2019, с. 179, рис. 2, 5, 6]. Аналогичные фибулы встречаются в Танаисе [Арсеньева и др., 2001, с. 207, табл. 39, 474], но уровень проработки этой категории фибул не позволяет дать датировку точнее, чем конец IV – первая половина V в. н.э.

Гребень Танаис, 1972 (каталог № 11, рис. 4, 3) по М.В. Любичеву – хроноиндикатор ХИ 36 (тип III.7B.9а по Р.Г. Шишкину; фаза B; C₂/C₃ и C₃ по Я. Тейралу) [Любичев, 2019, с. 28].

Аналог этому гребню по форме есть в могильнике Фронтное, погребение 6 [Свиридов, Языков, 2023, рис. 39]. Авторами публикации погребение из Фронтного продатировано второй половиной III – началом IV века. Датировка этих гребней М.В. Любичевым и гребня из Фронтного выходит за пределы существования позднеантичного Танаиса.

Поздние слои Танаиса по краснолаковой керамике датируются концом IV – серединой V в. [Arsen'eva, Domzalski, 2002]. По амфорной керамике Танаис датируется последней четвертью IV – V веком. Амфоры типа F по Д.Б. Шелову, характерные для IV в., встречаются достаточно редко, в отличие от амфор типа E.

А.М. Обломский в своей статье на основании анализа разных категорий материала пришел к выводу о том, что поздний Танаис возник одновременно в раннегуннское время, в эпоху финала черняховской культуры и распространения стилей, характерных для фазы D₁ центральноевропейской шкалы [Обломский, 2010, с. 180]. Это, в общем, соответствует выводам Д.Б. Шелова, сделанным намного ранее о том, что в Танаисе жизнь возобновилась в конце 370-х – 380-е гг. – уже после гуннского нашествия [Шелов, 1972, с. 326–327].

В отчете о раскопках Танаиса 1971 г. участник раскопок Д.В. Деопик выделил три строительных периода позднего Танаиса, начиная с последней четверти IV в. [Арсеньева, 1971, с. 6–9]. Вывод был подтвержден в дальнейшем и работами российско-немецкой экспедиции, но начало позднего Танаиса М. Ульрих отнес к середине IV в. [Ullrich, 2018, S. 145].

С учетом обильного декора, что является поздним признаком, гребень Танаис, 1972, по всей видимости, среди находок в Танаисе принадлежит к самым ранним. Он не может быть датирован ранее середины IV в. и, таким образом, относится к ступени C₃ или C₃/D₁ по Я. Тейралу.

Таким образом, подводя итоги, можно сказать, что гребни могут быть разделены на две группы – на гребни из степей Нижнего Подонья и гребни из самого Танаиса и его некрополя. Находки гребней в курганных могильниках степной зоны связаны с комплексами с Т-образными катакомбами позднеантичного

ского времени на Нижнем Дону (тип I), которые датируются второй половиной III – IV в. н.э. [Малашев, Кривошеев, 2023].

Вопрос хронологии позднеантичного Танаиса – очень сложный, требует системного подхода и анализа материала со всех участков Танаиса, поскольку в это время по площади городище не уступало городу римского времени. Выводы М. Ульриха ограничены XIX раскопом, а обобщающей работы, учитывающей весь накопленный материал, еще нет. Определить хронологические позиции гребней в слое тоже очень сложно, поскольку только один из них был найден в закрытом комплексе – Танаис, 1972 в подвале Ф. Поэтому в данной статье мы придерживаемся хронологических границ позднеантичного Танаиса, обозначенных в работе М. Ульриха, но считаем, что эта проблема требует отдельного решения, а датировка гребней может быть в будущем уточнена.

Таким образом, в нашей подборке две группы костяных гребней – из степи (8 экз.) и Танаиса (10 экз.) хронологически идут одна за другой, накладываясь друг на друга по времени (учитывая самый поздний в степи – Донской 4, 1962 и самый ранний в Танаисе – Танаис, 1972).

Гребни в курганных некрополях Нижнего Подонья относятся к периоду C₂/C₃ и D₁ по Я. Тейралу, находки на некрополе и слоях городища позднеантичного Танаиса датируются периодами C₃/D₁, D₁ и D₂ по Я. Тейралу.

Любопытно сопоставить наши выводы с хронологическими наблюдениями Р.Г. Шишкина по материалам черняховских древностей [Шишкин, 1999; 2002].

I тип (рис. 3, 1, 2, 5, 6, 6, 6) датируется Р.Г. Шишкиным III–IV вв., но в IV в. наблюдается увеличение высоты головки. Гребни с высотой головки, равной примерно половине ширины, датируются им второй половиной III – началом IV века. В нашей подборке комплекс из Вербового лога VI (рис. 3, 3) датируется второй четвертью IV века.

III тип – с плечиками (рис. 4, 5, 1–3, 6, 1–5) – появляется не ранее начала IV в. и существует до первой трети V века. В нашей подборке самый ранний гребень – из Новосадковского, который датируется временем около середины IV века.

Миниатюрные гребни в виде подвески-амулета появляются с середины IV века. Гребень – Танаис, 1969 (рис. 5, 3), найденный в позднем Танаисе, не может быть датирован раньше середины IV века.

Пропилы в плечиках фиксируются с середины IV в. [Шишкин, 1999, с. 45]. В нашей подборке это Танаис, 60/18, 2000 (рис. 4, 2), который датируется концом IV – первой половиной V в. н.э.

Тенденция к увеличению высоты головки и ширины плечиков обозначается после второй половины IV в., что наблюдается на гребне Донской 4, 1962 (рис. 4, 1), который относится к последней четверти IV в. – началу V века.

Каталог

1. Московский I, 2/2, 1984 – Мартыновский район Ростовской области (рис. 1, 6) [Ильюков, 1985, с. 14–18; Власкин, Ильюков, 1999].

В кургане, окруженном ровиком, была найдены катакомба и подбой, вход в которые зафиксирован из одной ямы. В катакомбе (погр. 2) костяк отсутствовал, в разрушенном подбое (погр. 1) под западной стенкой находился костяк женщины с северной ориентировкой (половозрастное определение Е.Ф. Батиевой). В погребении 2, помимо гребня, находились льячки, шило, нож, пряслице, две сероглиняные миски, один горшок, кружка, миниатюрный серолощенный сосуд, оселок, четырехугольная лепная курильница. Этот комплекс привлекает к себе особое внимание в связи с тем, что здесь найдена льячка – довольно редкая находка для сарматских погребений. Авторы публикации высказали идею, что оба комплекса из кургана относятся к одному человеку – а именно женщине из подбоя [Власкин, Ильюков, 1999, с. 54–55]. С учетом того, что пряслица характерны для женских погребений, а оселки – для мужских, но аналогичные случаи размещения костяка в одной камере, а инвентаря – в другой для сарматского времени нам неизвестны, здесь ситуация остается неясной.

Костяной гребень (рис. 3, 1) состоит из 6 пластин разного размера с пропиленными зубьями (количество зубьев – от 6 до 9), на-

кладок и сердцевин, прикрывающей верхние края четырех центральных пластин с зубьями. Два крайних зубца (ножки в терминологии Р.Г. Шишкина) имеют на боковых гранях в верхней их части выступы в виде углов со скругленными вершинами.

В каждой сегментовидной накладке просверлено по 14 округлых сквозных отверстий. В каждой пластине с зубьями просверлено по 1–3 таких же отверстия, в сердцевине – 3. В большей части отверстий сохранились тонкие бронзовые гвоздики с округлыми шляпками, соединяющие все пластины в единую конструкцию.

Размеры – длина 11 см, высота 5 см, толщина – 1,5 см. Номер в Госкаталоге: 9641814. Номер по КП (ГИК): АВМ 17621/55. Место хранения: ГБУК РО «Акса́йский военно-исторический музей».

Этот гребень датируется второй четвертью IV века.

2. Московский I, 3/1, 1984 (рис. 1,6) – Мартыновский район Ростовской области, раскопки Л.С. Ильюкова [Ильюков, 1985, с. 18–21].

Погребение совершено в Т-образной катакомбе (тип I), ограблено, погребенный мужчина лежал головой на запад (половозрастное определение Е.Ф. Батиевой). В погребении найдены нож, серебряная пряжка (овальная рамка 2,0 × 1,4 см, квадратный выступ у основания языка украшен крестиком) (рис. 7,8; прорисовка по фото в отчете), «фибула» (эти фрагменты по фото в отчете неопределимы), янтарная бусина, фрагмент темно-серой лощеной миски, сероглиняная крышка с овальным отверстием в центре, кости овцы. Гребень находился в месте, где должны были быть кости таза.

Трехчастный костяной гребень (рис. 3,2) состоит из 7 вкладышей с зубцами (количество зубцов – от 6 до 8), зажатых между двумя сегментовидными накладками. В древности сверху между сегментовидными накладками находилась узкая деревянная сердцевина (сохранились незначительные следы древесного тлена). Два крайних зубца имеют на боковых гранях в верхней их части небольшие выступы в виде углов со скругленными вершинами. В каждой сегментовидной накладке просверлено по 9 округлых сквозных

отверстий. Отверстия расположены в два ряда – 2 отверстия в верхнем ряду, 7 – в нижнем. В каждом вкладыше с зубцами просверлено по одному такому же отверстию. Сквозь эти отверстия продеты бронзовые заклепки-гвоздики с округлыми шляпками.

Длина изделия – 10,2 см, общая высота – 6,0 см, толщина – 0,9 см, ширина пластин вкладышей – 1,1–1,7 см, длина зубьев – 2,0–2,5 см.

Номер в Госкаталоге: 9641876. Номер по КП (ГИК): АВМ 17621/59. Место хранения: ГБУК РО «Акса́йский военно-исторический музей».

Этот гребень датируется второй четвертью IV века.

3. Большая Мазанка III, 3/1, 1995 (рис. 1,8) – Зимовниковский район Ростовской области [Парусимов, 1998, с. 28, рис. 35].

Большая Мазанка III, 3/1 – Т-образная ограбленная катакомба (тип I) с женским погребением. В могиле обнаружены железная фибула, имеющая утраты, фрагменты зеркала-подвески с боковым ушком и плохо читаемым орнаментом на обратной стороне диска, пряжка с рамкой из синего стекла, гребень с полукруглой спинкой, лепной горшок, янтарные (в том числе «грибовидные» / 8-образные) бусы, фрагментированный железный нож, деревянная рукоять.

Трехчастный костяной гребень (рис. 3,5) состоит из 3 вкладышей с зубцами (сохранившихся 8), зажатых между двумя фрагментированными сегментовидными накладками. Было еще два вкладыша, которые не сохранились. Пластины закреплены 6 железными заклепками. Сохранившийся крайний зубец имеет на боковой грани в верхней ее части небольшой выступ в виде угла со скругленной вершиной.

Длина гребня – 11,0 см, высота – 7,1 см, длина зубцов – 2,5 см. Место хранения: ГБУК РО «Новочеркасский музей истории донского казачества».

Этот гребень скорее относится ко второй половине III века.

4. Кузнецовский I, 3/1, 1975 (рис. 1,4) – хутор Кузнецовка, Семикаракорский район, Ростовская область [Узянов, 1975, с. 660–662].

Погребение совершено в Т-образной катакомбе (тип I), ограблено. Судя по инвентарю (бусы), погребение предположи-

тельно женское. В погребении найдены фрагменты от трехчастного костяного гребня (рис. 6, б) [Узянов, 1975, рис. 1016]. Место хранения неизвестно.

Размер головки гребня позволяет прийти к выводу, что это гребень без плечиков. Комплекс датируется второй четвертью IV века.

5. Вербовый лог VI, 1/1, 1987 (рис. 1, 7) – Дубовский район, Ростовская область [Науменко, 1987; Bezuglov, 1995].

Погребение совершено в Т-образной катакомбе (тип I) и было ограблено в древности. Погребенный был ориентирован головой к СЗ, параллельно длинной оси камеры. В могиле найдены серебряный наконечник ремня, двучленная железная фибула с прогнутой спинкой и утраченной ножкой, нож, обломок меча, железная пряжка плохой сохранности, серебряная пряжка (рис. 7, 9), бронзовая 14-гранная «обойма» в виде бусины, жаровня из части гончарного сосуда, костяной гребень. Судя по инвентарю, можно предположить, что погребение являлось мужским.

В комплексе находился трехслойный костяной гребень (рис. 3, 3) с подтреугольной спинкой и 6 сохранившимися зубцами. 15 обломанных зубцов и их фрагментов хранятся вместе с гребнем (не отражены на рисунке). Пластинки гребня скреплены пятью железными заклепками. В гребне было 4 вкладыша с зубцами, но один из крайних вкладышей не сохранился. Обе накладки украшены циркульным орнаментом, располагающимся по периметру накладки и в центре.

Длина гребня – 10,0 см, высота – 7,6 см, высота спинки – 4,3 см, длина зубцов – 3,0 см.

Номер в Госкаталоге: 47622377. Номер по КП (ГИК): АМЗТ КП 355/27. Инвентарный номер: АО-29/27. Место хранения: ГБУК РО «Археологический музей-заповедник «Танаис»».

Гребень датируется второй четвертью IV века.

6. Новосадковский, 18/1, 1985 (рис. 1, 5) – Мартыновский район Ростовской области [Ильюков, 1985; 2016].

Катакомба II типа – с расположением камеры и костяка вдоль входной ямы. Погребенный – мужчина 35–40 лет (половозрастное определение Е.Ф. Батиевой). Сопутству-

ющий инвентарь: амфора (тип D по Д.Б. Шелову [Шелов, 1978]), три пряжки (в том числе рис. 7, 4а–б), W-образные золотые накладки (рис. 7, 5), меч, нож, оселок, 3 лепных горшка, 1 жаровня из боковины сосуда, янтарная бусина, серебряное бочонковидное навершие нагайки, серебряные наконечник ремня и пряжка (не опубликована) – детали сумочки, кремешок, железная фибула (рис. 7, 3), обоймицы из согнутых пополам металлических пластин, остатки ручки деревянного сосуда, укрепленной бронзовыми скрепками, гребень.

Гребень (рис. 3, 4) находился у левого плеча погребенного. Он состоял из двух накладок с глубокими симметричными боковыми выемками полуовальной формы, сердцевины, пяти вкладышей с зубцами (сохранилось 37 зубцов). Накладки по краям гравированы двумя парами линий, между которыми расположен «зигзагообразный» узор. Верхний край рукояти прямой, украшен двумя бороздками. Между накладками в верхней части гребня была сердцевина. Пластины скреплены семью бронзовыми гвоздиками. Одна ножка утрачена и ее основание сглажено.

Размеры: ширина – 10,7 см, высота – 8,3 см. Номер по КП (ГИК): РОМК КП 21732. Инвентарный номер: А2-32. Номер в Госкаталоге: 24563244. Место хранения: ГБУК РО «Ростовский областной музей краеведения».

Комплекс следует датировать временем около середины IV века.

7. Донской 4, 1962 (рис. 1, 3) – г. Новочеркасск, Кобяковская экспедиция ЛОИА [Мелентьева, 1973]. В публикации обозначен как «курган между ст. Кривянская и Заплавская (там хут. Донской)» [Мелентьева, 1973, с. 124], то есть курган на окраине пос. Донской г. Новочеркаска. К сожалению, в отчете С.И. Капошиной за 1962 г. на плане раскопок, проводимых А.Н. Мелентьевым, этот курган не указан.

Комплекс знаменателен тем, что курган 4 – это первое исследованное погребение с Т-образной катакомбой (тип I) позднеримского времени на Дону. Погребение было ограблено. Найдены стеклянный сосуд желтовато-зеленоватого стекла с напаянными синими арковидными элементами, образующими полосу из крупных овалов, сероглиняный кувшин, бронзовая пряжка (рис. 7, 2) и костяной гребень.

Трехслойный гребень имеет 7 вкладышей с зубцами, одна накладка утрачена, от другой осталось три фрагмента (рис. 4,1). Вкладыши скреплены 7 бронзовыми гвоздиками. По следам верхнего края вкладышей можно судить о том, что головка гребня обломана, место облома заглажено. Вариант реконструкции головки представлен в публикации Г.М. Мелентьевой [Мелентьева, 1973, рис. 54].

Размеры: длина – 10,8 см, высота – 3,3 см. Номер в Госкаталоге: 16636580. Номер по КП: 2574/50. Инвентарный номер: АИ-28/50. Место хранения: ГБУК РО «Ростовский областной музей краеведения».

Комплекс может быть отнесен к последней четверти IV – началу V века.

8. Высочино II, 12/1, 1978 (рис. 1,2) – фрагменты гребня [Беспалый, Лукьяшко, 2008, с. 45–46, табл. XXX].

Ограбленная Т-образная катакомба (тип I), основное и единственное погребение в кургане. Погребенный ориентирован головой на ВЮВ. На горизонте перед сооружением кургана располагались лепной сосуд, остатки конской упряжи и сероглиняный сосуд. В погребении и грабительском выкиде зафиксированы обломки стеклянного сосуда из прозрачного желтоватого оттенка стекла, фрагменты гребня, коралловые пронизки, подвеска из янтаря, бронзовые обоймы, полусферические накладки, ключ от шкатулки, золотая щитковая серьга с витой пружинной дужкой. Щиток серьги каплевидной формы, с гнездом для стеклянной вставки и псевдозернью. Судя по инвентарю (серьга и коралловые пронизки), погребение женское.

Сохранились небольшие фрагменты костяного трехслойного гребня (рис. 6,5) с бронзовыми заклепками (4 фрагмента) [Беспалый, Лукьяшко, 2008, табл. XXX,11]. На одной накладке есть два циркульных орнамента, часто встречающихся на гребнях (см. рис. 3,3, 4,3). Эта накладка – левая в ряду 4 фрагментов – соединена бронзовой заклепкой с кусочком вкладыша с обломками 7 зубцов. Крайний справа в ряду фрагмент – это вкладыш с 8 обломанными зубцами. Второй фрагмент слева – часть сердцевины с заклепкой (это не накладка – заклепка выступает по обе стороны кости, и не вкладыш с зубцами, судя

по форме и губчатому материалу кости, который обычно и использовался для сердцевины). Второй фрагмент справа – часть сердцевины (судя по форме и губчатому материалу кости).

Размеры фрагментов: 1,3 × 1,5 × 1,0 см, 1,5 × 1,6 × 0,9 см, 2,5 × 0,6 × 1,0 см, 2,4 × 0,5 × 0,5 см. Толщина сердцевины и вкладышей 0,6 см. Толщина накладок 0,2 см. Номер в Госкаталоге: 54146050. Номер по КП (ГИК): АМЗ КП 20713/69. Место хранения: ГБУК РО «Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник им. А.А. Горбенко».

Тип гребня по этим фрагментам неопределим. Комплекс датируется второй половиной III века.

9. Танаис, 60/18, 2000 (рис. 1,1) – восточный некрополь Танаиса [Безуглов, Толочко, 2002].

Погребена была женщина 30–35 лет, прямоугольная яма вымощена плоскими камнями, ориентировка костяка на СЗ. Найдено две двупластинчатых фибулы, имеющие следы ремонта и долгого использования, плохой сохранности железная пряжка с овальной рамкой и (под правой ключицей и лопаткой погребенной) гребень [Безуглов, Толочко, 2002, рис. 4,2, с. 46].

Гребень трехсоставной (рис. 4,2) с округлой спинкой и 4 бронзовыми заклепками, полукруглый выступ на прямой спинке. Особенностью гребня является то, что его сердцевина сделана монолитом с зубцами (чаще встречаются гребни из небольших вкладышей с зубцами, что проще в производстве). Декоративные пропилены в плечики – это поздний признак для гребней.

Высота – 7,2 см, длина – 10,1 см. Номер в Госкаталоге: 16545965. Номер по КП (ГИК): АМЗТ КП 251/92.

Место хранения: ГБУК РО «Археологический музей-заповедник “Танаис”». В настоящее время данный предмет находится в экспозиции.

Датировка комплекса: конец IV – первая половина V в. н.э.

10. Танаис, XVI/131, 2005 (рис. 1,1) – XVI раскоп [Арсеньева, Толочко, 2005]⁵.

Простая грунтовая яма, узкая, вытянутой овальной формы, ориентирована по линии СЗ–ЮВ. Юго-восточная часть могилы раз-

рушена. На дне погребения расчищен костяк женщины 35–40 лет, лежавшей на спине, головой на СЗ. В области груди расчищены бронзовая фибула (рис. 7, 10) и железная игла. У левого предплечья обнаружен костяной гребень (рис. 5, 4), по предположению авторов раскопок, изготовленный из концевой накладки лука [Арсеньева, Толочко, 2005, рис. 67–69]. Также найдены фрагменты железной пряжки и лепной горшок.

На одном конце костяного изделия вырезано 11 зубцов (8 сохранилось), на другом – отверстие для подвешивания. На лицевой поверхности изделия штриховкой обозначен крестообразный узор.

Высота (длина) – 9,7 см, ширина – 2,4 см. Номер по КП (ГИК): АМЗТ КП 294/63. Место хранения: ГБУК РО «Археологический музей-заповедник “Танаис”».

Комплекс датируется концом IV – первой половиной V в. н.э.

11. Танаис, 1972 (рис. 1, 1) – IV раскоп, юго-западная часть. Подвал Ф [Арсеньева, Шелов, 1974, с. 151–153, табл. XXV, 9].

В слое подвала найден костяной гребень с головкой округлой формы и двумя выступами по бокам (рис. 4, 3), с обеих сторон накладки украшены циркульным орнаментом. На одной стороне гребня вдоль края головки идет два ряда кружков, а ниже они образуют 5 треугольников (каждый из 10 кружков), обращенных вершинами к центру гребня. На второй стороне гребня в центре накладки располагаются две концентрические окружности, украшенные кружками с циркульным орнаментом, и окруженные треугольниками из таких же кружков, направленных вершинами к кругу.

Длина гребня – 9,8 см, высота – 6,7 см, толщина – 1 см. Место хранения: ГБУК РО «Археологический музей-заповедник “Танаис”».

В подвале Ф была найдена серия предметов из кости – зашлифованные кости, наконечник стрелы, игольник, крючки, рукоятки, проколки. Но следов производства гребней в этом подвале нет. Временная позиция данного гребня может быть определена как вторая половина IV века. Это, по всей видимости, самый ранний гребень, известный в позднеантичном Танаисе.

12. Танаис, 1956 г. (рис. 1, 1) – IV раскоп. Найден в культурном слое, где встреча-

лась керамика IV в. [Шелов, 1956; Шелов, 1972, с. 322–323].

Трехсоставной гребень (рис. 5, 1а, б, в) изготовлен из накладок, скрепленных бронзовыми штырями, сохранились пять штырей на своих местах. Имеет в верхней части спинки полукруглый выступ. Два фрагмента лежат отдельно – вкладыш с обломанными зубцами и фрагмент накладки подовальной формы с неровными краями. Вкладышей было не менее 4, но сохранился только один.

Длина – 7 см, ширина – 2,6 см, толщина спинки – 1,3 см, размеры фрагмента с зубьями – 2,3 × 1,3 см, толщина – 0,6–0,3 см. Фрагмент кости – 2,9 × 1,4 см, толщина – 0,2 см. Номер в Госкаталоге: 43082691. Номер по КП (ГИК): КП 4240/30. АМЗТ КП 97/61. Инвентарный номер: АЭ-26/61. Место хранения: ГБУК РО «Археологический музей-заповедник “Танаис”».

Гребень может быть датирован в пределах существования позднеантичного Танаиса.

13. Танаис, 1978 (рис. 1, 1) – VI раскоп. Помещение БМ [Арсеньева, 1978, с. 20, рис. 85].

Гребень костяной (рис. 5, 2), состоит из 7 вкладышей с зубцами (сохранилось 5 вкладышей с зубцами и фрагмент еще одного), накладок и сердцевин, соединенных бронзовыми заклепками (четыре крепили головку гребня, четыре заклепки крепили вкладыши). Каждая из боковых накладок состоит из двух пластин. Спинка украшена горизонтальными врезными линиями. Зубцы обломаны.

Высота накладки – 4,0 см, ширина сохранившейся накладки – 5,9 см. Номер в Госкаталоге: 33721907. Номер по КП (ГИК): АМЗТ КП 20/37. Инвентарный номер: АГ-38/37. № 2637, КП 251/20. Место хранения: ГБУК РО «Археологический музей-заповедник “Танаис”». В настоящее время предмет находится в экспозиции.

Следует обратить внимание на размеры этого гребня. Хотя он и небольшой, мы бы не относили его к типу подвесок-амулетов, о которых пишет Б.В. Магомедов [Магомедов, 2022, с. 282–284, рис. 1]. Он все же не такой маленький, и, во всяком случае, больше гребня «Танаис, 1969» (рис. 5, 3) – его ширина не менее 7 см, и также есть вкладыши.

Хронологическая атрибуция связана с общей датировкой слоев городища позднеантичного Танаиса.

14. Танаис, 1969 (рис. 1,1) – IV раскоп, расчистка стены 89 [Арсеньева, Алексеева, 1970, с. 9, 11, рис. 48].

Костяной гребень (рис. 5,3). Гребень составной из трех пластин – средней части и накладок, скрепленных четырьмя бронзовыми заклепками. Накладки сохранились частично. На зубцах (которых, помимо ножек, было 18) сделаны короткие бороздки.

Высота – 4,9 см, ширина – 4,3 см, толщина – 0,5 см. Номер в Госкаталоге: 43082682. Номер по КП (ГИК): АМЗТ КП 97/59. Инвентарный номер: АЭ-26/59.

Место хранения: ГБУК РО «Археологический музей-заповедник “Танаис”». В настоящее время предмет находится в экспозиции.

Следует обратить внимание на размеры этого гребня. Он небольшой, и, возможно, относится к типу подвесок-амулетов, о которых пишет Б.В. Магомедов [Магомедов, 2022, с. 282–284, рис. 1]. Их отличают небольшие размеры и отверстия для подвешивания (которое могло быть на обломанной части головки гребня).

Все гребни-подвески – это гребни с плечиками [Шишкин, 2002, с. 246]. Трудно судить, в какой степени головка гребня была повреждена, но вполне возможно, что здесь накладки значительно выступали над основой гребня, как, например, в гребне из Киевской области с высокой головкой [Магомедов, 2022, с. 282–284, рис. 1,7]. В Верхнем Подонье, в могильнике Ксизово 17Б, погребение 2 найден гребень-подвеска, но однослойный [Обломский, Козмирчук, 2015, с. 57, рис. 91,1].

Хронологическая атрибуция связана с общей датировкой слоев городища позднеантичного Танаиса.

15. Танаис, 1958 (рис. 1,1) – фрагмент гребня. Раскоп VI, кв. IV, № 44 отчета, раскопки Д.Б. Шелова.

Фрагмент гребня (рис. 6,1) в плане имеет подпрямоугольную форму. Этот фрагмент – часть гребня с двумя зубцами, расслоившаяся на части (6 частей, склеенных при реставрации), и одной железной заклепкой. При внимательном осмотре гребня создается впечатление, что склеенные фрагменты – это части

трех вкладышей, одного относительно целого и двух расколотых (может быть, это две части одного вкладыша), склеенных не очень корректно. Целый, располагающийся по центру, вкладыш изначально имел около 8 зубцов. Размеры фрагмента – 4,7 × 3,8 см, толщина – 0,6 см.

Номер в Госкаталоге: 43082692. Номер по КП (ГИК): АМЗТ КП 97/63. Инвентарный номер: АЭ-26/63. Место хранения: ГБУК РО «Археологический музей-заповедник “Танаис”».

Хронологическая атрибуция связана с общей датировкой слоев городища позднеантичного Танаиса.

16. Танаис, 1966 (рис. 1,1) – фрагмент гребня, VI раскоп.

Фрагмент гребня (рис. 6,2). В плане вкладыш гребня имеет прямоугольную форму с вырезом с одной стороны и пятью сильно обломанными зубцами с другой. На зубцах сделаны короткие бороздки. На одной из длинных сторон есть часть канала сквозного отверстия для заклепки.

Длина – 3,7 см, ширина – 1,1 см, толщина – 0,47 см. Номер в Госкаталоге: 43082619. Номер по КП (ГИК): АМЗТ КП 97/62. Инвентарный номер: АЭ-26/62. Место хранения: ГБУК РО «Археологический музей-заповедник “Танаис”».

Вкладыш является составной частью трехслойного гребня. Хронологическая атрибуция связана с общей датировкой слоев городища позднеантичного Танаиса.

17. Танаис, сл. нах. 1 (рис. 1,1). Фрагмент гребня, вкладыш с 7 зубцами.

Фрагмент гребня (рис. 6,3). Спинка высокая и неширокая с семью зубцами, в верхней части спинка скруглена и в ней есть маленькая бронзовая заклепка. Зубцы скошены под углом и на них сделаны короткие бороздки. Поверхность заполирована.

Длина – 5,7 см, ширина – 1,4 см, толщина – 0,6 см. Номер в Госкаталоге: 47607148. Номер по КП (ГИК): АМЗТ КП 326/744. Место хранения: ГБУК РО «Археологический музей-заповедник “Танаис”».

Вкладыш является составной частью трехслойного гребня. Хронологическая атрибуция связана с общей датировкой слоев городища позднеантичного Танаиса.

18. Танаис, сл. нах. 2 (рис. 1,1).

Фрагмент головки гребня (рис. 6,4). Линия накладки показывает, что она была частью головки гребня, переход в плечо обломан. Одна поверхность гладкая, на второй рисунок в виде двух параллельных желобков. Угол закруглен.

Ширина – 3,7 см, высота – 3,5 см, толщина – 0,3 см. Номер в Госкаталоге: 47602215. Номер по КП (ГИК): АМЗТ КП 326/105. Инвентарный номер: АЭ-82/105. Место хранения: «Археологический музей-заповедник “Танаис”». Хронологическая атрибуция связана с общей датировкой слоев городища позднеантичного Танаиса.

Заключение

В черняховской культуре гребни находят как в женских, так и мужских погребениях. Гребни в нижнедонских комплексах по гендерному признаку делятся примерно поровну. В пяти из десяти погребений с гребнями были погребены женщины – Высочино II, 12/1, 1978; Кузнецовский I, 3/1, 1975; Большая Мазанка III, 3/1, 1995; Танаис, 60/18, 2000 (где костюм погребенной связан с восточногерманской традицией); Танаис XVI/131, 2005 (но этот гребень стоит особняком в ряду гребней из Нижнего Подонья). Мужскими были, судя по всему, погребения из Вербового лога VI, 1/1, 1987; Московского I, 3/1, 1984; Новосадковского, 18/1, 1985. Комплексы Московский I, 2/2, 1984 и Донской 4, 1962 не определены.

Возникает вопрос о культурном и социальном контексте появления гребней на Нижнем Дону. Это открытый вопрос, ответ на который можно только обозначить. Появление гребней у кочевников и в Танаисе может быть связано с разными факторами. У номадов – это результат контактов носителей катакомбной традиции с населением черняховской культуры, которые начались в середине III в. и в дальнейшем развивались. В погребениях кочевников – носителей традиции Т-образных катакомб, и соотносимых с аланами-танаитами, гребни могли быть престижными предметами, что, впрочем, не исключает их полезности в быту и практического использования.

На системный характер таких контактов указывает также география находок гребней

в степных древностях – к донским находкам, например, можно добавить уже упомянутую Большую Дмитриевку, курган 13, погребение 2, 1989 с правобережья Волги и Дмухайловку, курган 13 с левобережья Днепра (Магдалиновский район Днепропетровской области), где было найдено мужское погребение в катакомбе с гребнем типа III по З. Томас и Г.Ф. Никитиной (рис. 7,1) [Симоненко, 1995, с. 347]. Стеклянная чаша и серебряная пряжка (рис. 7,6,7) позволяют датировать комплекс первой четвертью V в. [Гороховский, 1988, с. 19]. Это близко оценке И.О. Гавритухина, который отнес комплекс к началу гуннского времени [Gavritukhin, 2017, p. 101, fig. 9,15–17].

Однослойный костяной гребень Танаис XVI/131, 2005 (рис. 5,4) выделяется из гребней Танаиса этого времени. Это единственный в подборке не трехслойный гребень или его фрагмент. О том, что это не сегмент составного гребня, говорит отсутствие заклепок, а также выгнутая форма – все остальные составные части гребней из Танаиса прямые и могут быть легко подогнаны друг к другу.

Этот предмет мог служить подвеской-амулетом. Об этом свидетельствуют размеры изделия, а также отверстие для подвешивания (ср.: [Магомедов, 2022, с. 282–284, рис. 1]). По всей видимости, это оригинальная местная поделка, и, таким образом, этот предмет не относится к кругу древностей черняховской культуры. Но создан, возможно, под влиянием этой традиции.

Со второй половины III в. и по первую четверть V в. мы видим устойчивые контакты кочевников – носителей традиции Т-образных катакомб с населением черняховской культуры. Эти контакты существовали на протяжении всего времени бытования черняховской культуры и практически синхронных им степных памятников культурной традиции так называемых «аланов-танаитов». Об этих контактах свидетельствует и типичная черняховская керамика, найденная в степных комплексах.

На появление гребней в Танаисе могли повлиять не только контакты, но и миграция носителей черняховской традиции. Вопрос о составе населения позднего Танаиса еще требует отдельного исследования, но присутствие восточногерманского элемента отмечено ис-

следователями – на примере того же погребения Восточного некрополя Танаиса, курган 60, погребение 18, раскопки 2000 г. [Безуглов, Толочко, 2002]. Черняховским влиянием объясняется изготовление амулетов-подвесок (рис. 5, 4).

Таким образом, на Нижнем Дону на настоящий момент известна довольно представительная выборка костяных трехслойных гребней – 18 экземпляров и фрагментов, включая одно изделие, выбивающееся из этой традиции. Определение точной хронологической позиции по этим гребням, особенно из слоев городища – отдельная задача, и мы планируем продолжить эту работу в следующих статьях. Но уже можно говорить о том, что эта выборка – важное свидетельство устойчивых контактов населения нижнедонского региона с западными соседями на протяжении как минимум полутора веков, и в ней отражена динамика эволюции костяных гребней.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Работа выполнена при поддержке Программы стратегического академического лидерства Южного федерального университета («Приоритет 2030»).

The work was carried out with the support of the Strategic Academic Leadership Program of the Southern Federal University (Priority 2030).

² Иногда их называют «роговые». В данном случае под костяными подразумеваются как костяные, так и, возможно, роговые гребни.

³ Авторы выражают искреннюю признательность коллегам: сотрудникам ГБУК РО «Археологический музей-заповедник “Танаис”» Демиденко Людмиле Анатольевне и Толочко Ирине Викторовне, сотруднику ГБУК РО «Аксайский военно-исторический музей» Потаповой Юлии Борисовне, сотруднику ГБУК РО «Ростовский областной музей краеведения» Яценко Елене Григорьевне, сотруднику ГБУК РО «Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник» Гусач Ирине Рудольфовне за возможность поработать с коллекциями, а также Гавритухину Игорю Олеговичу, Малашеву Владимиру Юрьевичу, Васильеву Александру Александровичу и Красноперову Александру Анатольевичу за ценные консультации.

⁴ На XIV Всероссийской научной конференции «Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века» 17 мая 2025 г. С.И. Безуглов сообщил, что форма языка пряжки была изменена в процессе реставрации, и изначально он был короче.

⁵ Авторы благодарят сотрудника ГБУК РО «Археологический музей-заповедник “Танаис”» Толочко Ирину Викторовну за предоставленный неопубликованный материал.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Таблица 1. Типология костяных гребней с территории Нижнего Подонья

Table 1. Typology of bone combs from the Lower Don region

№ п/п	Название комплекса	Типология по Р.Г. Шишкину	Типология по Г.Ф. Никитиной	Типология по З. Томас
1	Московский I, 2/2, 1984	I.2A	тип I, вар. 1	I
2	Московский I, 3/1, 1984	I.2B	тип I, вар. 1	I
3	Большая Мазанка III, 3/1, 1995	I.2B	тип I, вар. 1	I
4	Кузнецовский I, 3/1, 1975	I.2B	тип I, вар. 1	I
5	Вербовый лог VI, 1/1, 1987	I.6B	I/2a	II
6	Новосадковский, 18/1, 1985	III.14B.7a	тип II, вар. 2	III
7	Донской 4, 1962	III(1C)1b	тип III, вар. 1a	III
8	Высочино II, 12/1, 1978	—	—	—
9	Танаис, 60/18, 2000	III.1C.4b	III26	III
10	Танаис XVI/131, 2005	—	—	—
11	Танаис, 1972	III.7B.9a	тип III, вар. 2a	III
12	Танаис, 1956	III.4B.8a	тип III, вар. 1	III
13	Танаис, 1978	III.2B(—)	тип III, вар. неопр.	III
14	Танаис, 1969	III(—)(—)	тип III	III
15	Танаис, 1958	—	—	—
16	Танаис, 1966	—	—	—
17	Танаис, сл. нах. 1	—	—	—
18	Танаис, сл. нах. 2	III C4(—)	тип III	III

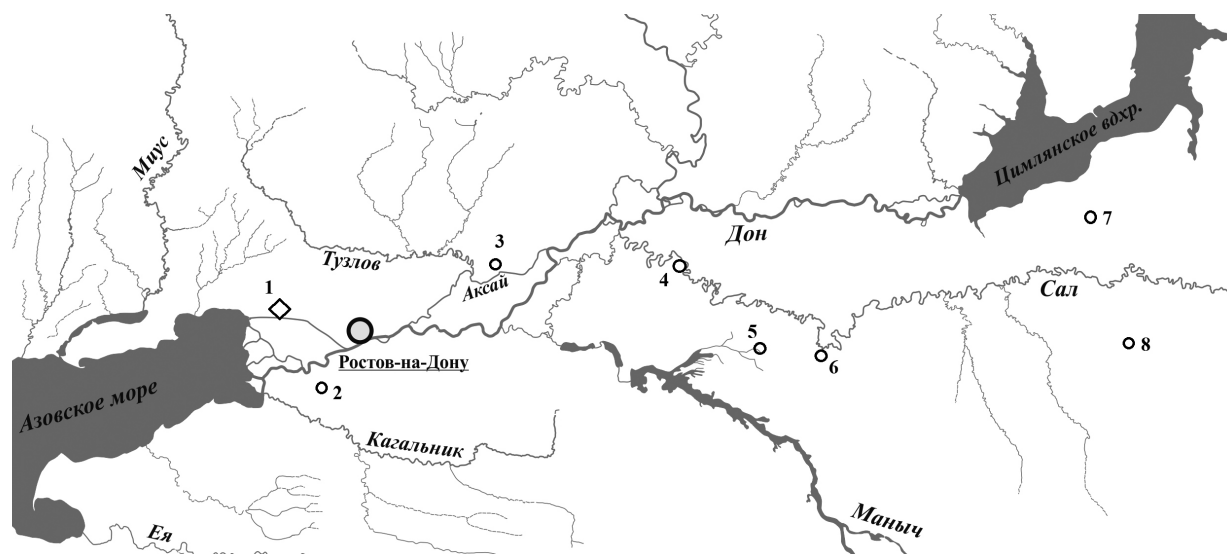
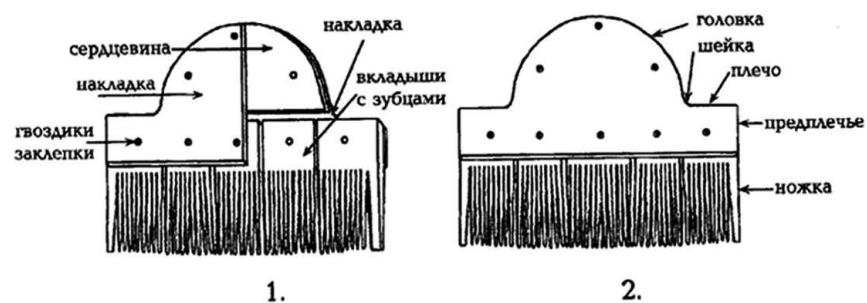

Рис. 1. Карта Нижнего Дона с местами находок гребней:

1 – Танаис; 2 – Высочино II; 3 – Донской; 4 – Кузнецовский I; 5 – Новосадковский; 6 – Московский I;
7 – Вербовый лог VI; 8 – Большая Мазанка III

Fig. 1. Map of the Lower Don with the sites of the comb finds:

1 – Tanais; 2 – Vysochino II; 3 – Donskoy; 4 – Kuznetsovsky I; 5 – Novosadkovsky; 6 – Moskovsky I;
7 – Verbovy Log VI; 8 – Bolshaya Mazanka III

К Л А С С						
I	II	III			В а р и а н т	
		а	б	с	П о д г р у п п а	

С е р и я	1				С е р и я	9			
	2					10			
	3					11			
	4					12			
	5					13			
	6					14			
	7					15			
	8					16			
		А	В	С			А	В	С
Вариант					Вариант				

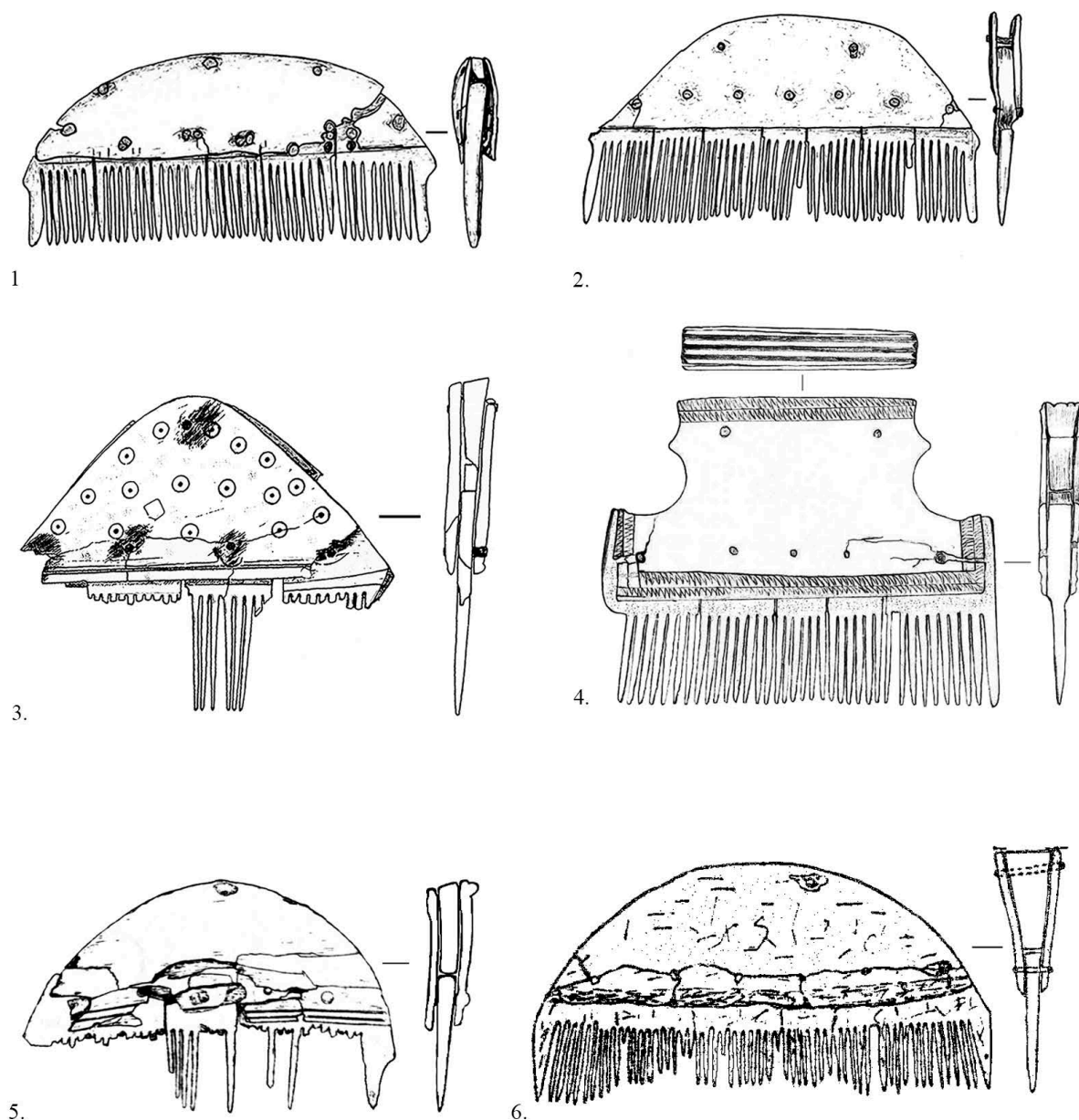

Рис. 3. Трехслойные костяные гребни из курганных могильников Нижнего Подонья.

Рисунки И.В. Белецкой:

1 – Московский I, кург. 2, погр. 2, 1984 г., каталог № 1; 2 – Московский I, курган 3, погр. 1, 1984 г., каталог № 2;
3 – Вербовый лог VI, кург. I, погр. 1, 1987 г., каталог № 5; 4 – Новосадковский, кург. 18, погр. 1, 1985 г., каталог № 6;
5 – Большая Мазанка III, 3/1, 1995 г., каталог № 3; 6 – Большая Дмитриевка, 13/2, 1989 г.

Fig. 3. Three-layer bone combs from the kurgan cemeteries of the Lower Don. Drawings by I.V. Beletskaya:

1 – Moskovskiy I, kurgan 2, burial 2, 1984, catalog no. 1; 2 – Moskovskiy I, kurgan 3, burial 1, 1984, catalog no. 2;
3 – Verbovy log VI, kurgan I, burial 1, 1987, catalog no. 5; 4 – Novosadkovsky, kurgan 18, burial 1, 1985, catalog no. 6;
5 – Bolshaya Mazanka III, 3/1, 1994, catalog no. 3; 6 – Bolshaya Dmitrievka, 13/2, 1989

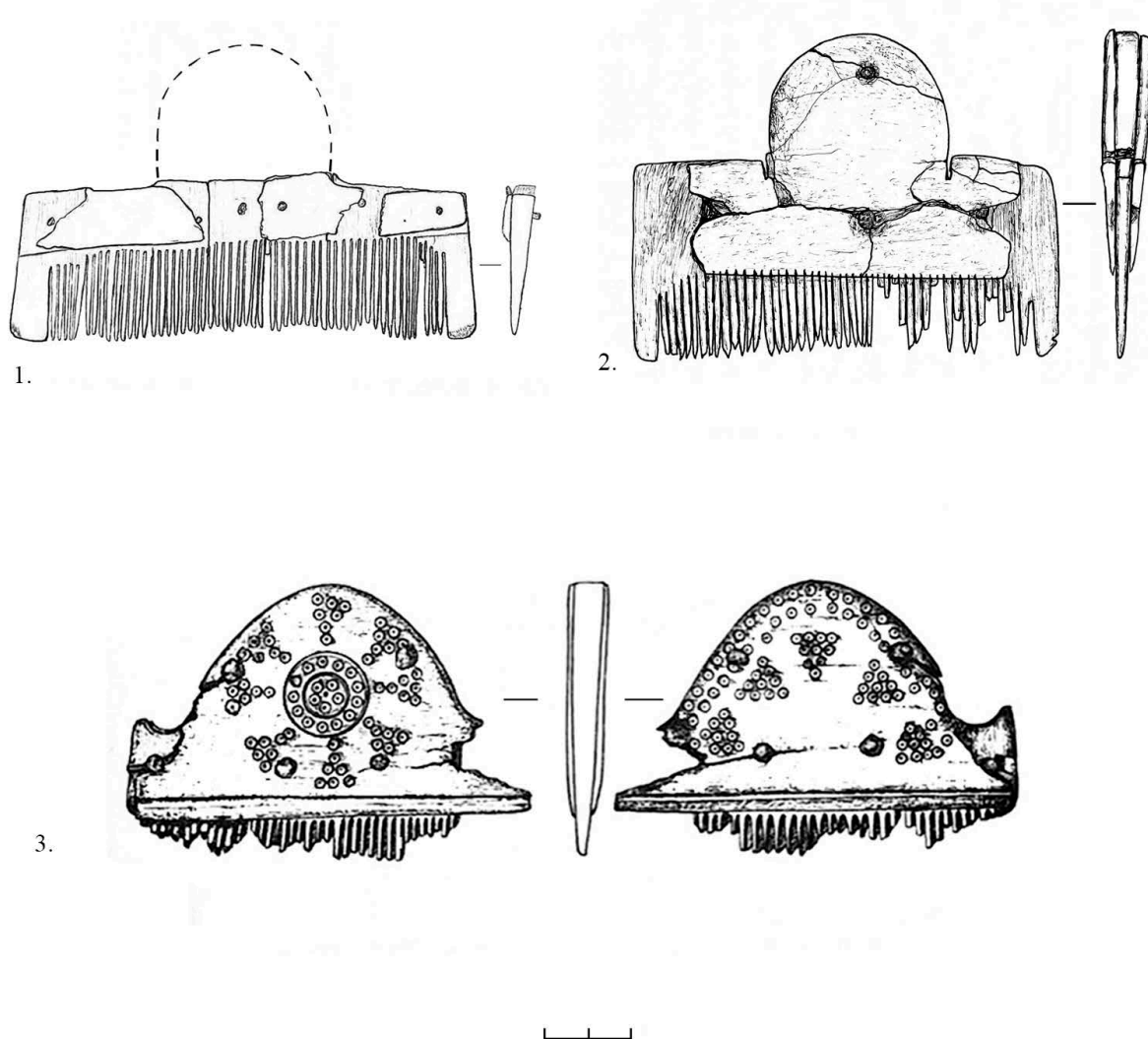

Рис. 4. Трехслойные костяные гребни из курганного могильника Донской, некрополя Танаиса и городища Танаиса. Рисунки И.В. Белецкой:

1 – Донской, кург. 4, 1962 г., каталог № 7; 2 – восточный некрополь Танаиса, кург. 60, погр. 18, 2000 г., каталог № 9;
3 – Танаис, IV раскоп, 1972 г., каталог № 11

Fig. 4. Three-layer bone combs from the Donskoy kurgan cemetery, the necropolis of Tanais, and the settlement of Tanais. Drawings by I. V. Beletskaya:

1 – Donskoy, kurgan 4, 1962, catalog no. 7; 2 – the Eastern necropolis of Tanais, kurgan 60, burial 18, 2000, catalog no. 9;
3 – Tanais, IV trench, 1972, catalog no. 11

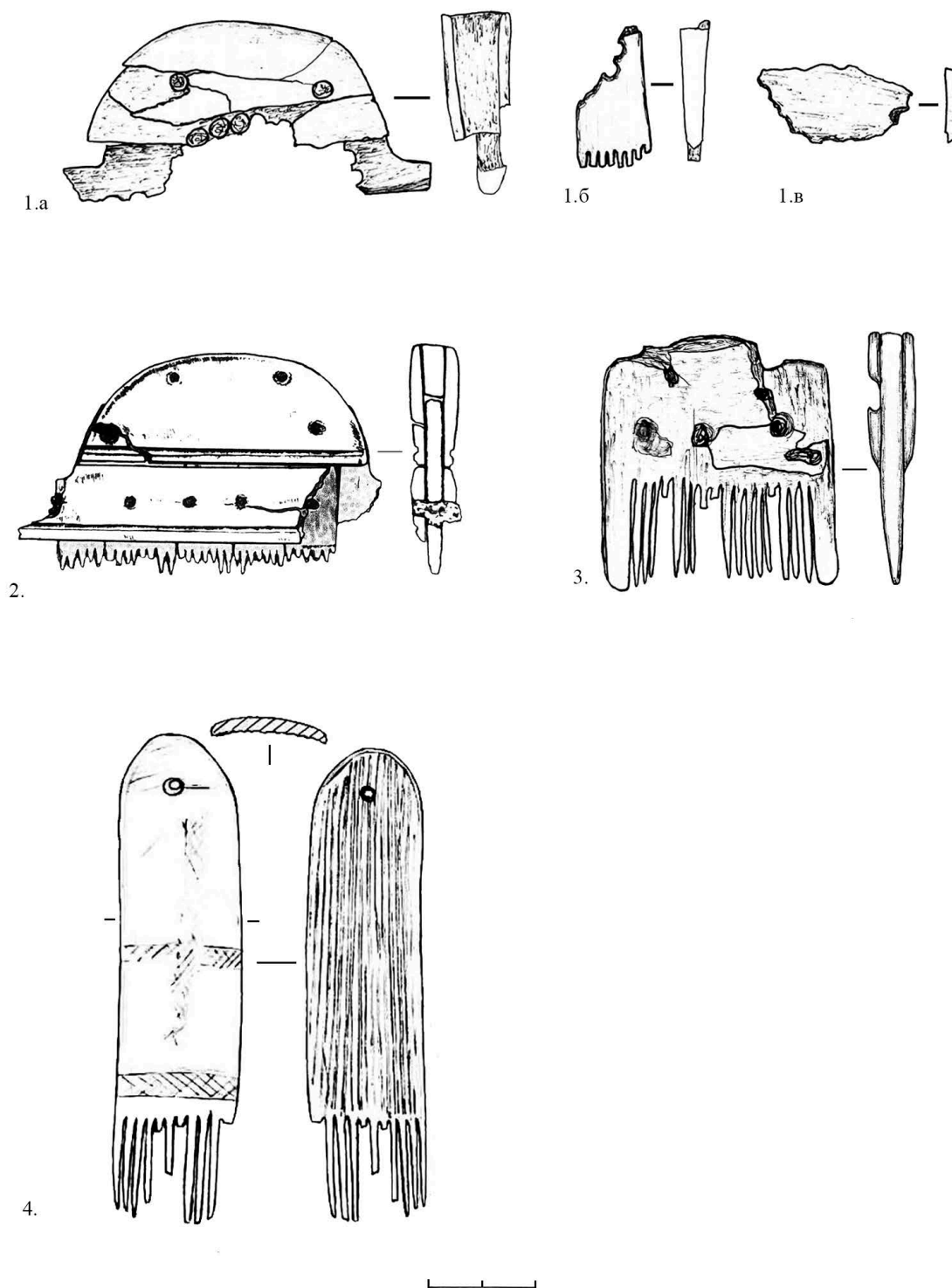

Рис. 5. Трехслойные и однослойные костяные гребни из некрополя и городища Танаиса.

Рисунки И.В. Белецкой:

1 – Танаис, IV раскоп, 1956 г., каталог № 12; 2 – Танаис, VI раскоп, 1978 г., каталог № 13;
3 – Танаис, IV раскоп, 1969 г., каталог № 14; 4 – Танаис, XVI раскоп, погр. 131, 2005 г., каталог № 10

Fig. 5. Three-layer and single-layer bone combs from the necropolis and the settlement of Tanais.

Drawings by I. V. Beletskaya:

1 – Tanais, IV trench, 1956, catalog no. 12; 2 – Tanais, VI trench, 1978, catalog no. 13;
3 – Tanais, IV trench, 1969, catalog no. 14; 4 – Tanais, XVI trench, burial 131, 2005, catalog no. 10

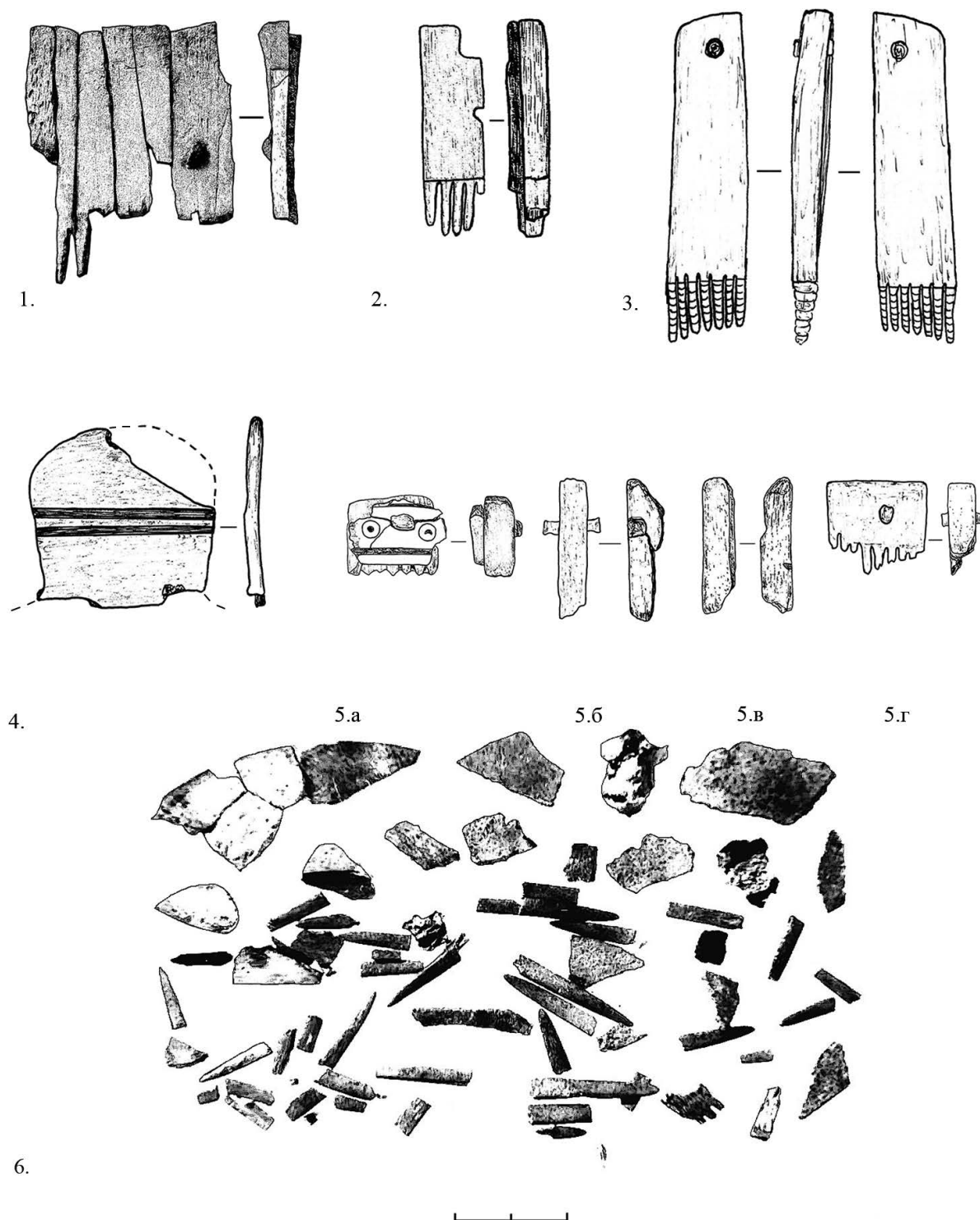

Рис. 6. Фрагменты трехслойных костяных гребней из курганного могильника Высочино II и городища Танаиса. Рисунки И.В. Белецкой:

1 – Танаис, VI раскоп, 1958 г., каталог № 15; 2 – Танаис, VI раскоп, 1966 г., каталог № 16;
3 – Танаис. Случайная находка, каталог № 17; 4 – Танаис. Случайная находка, каталог № 18;
5 – Высочино II, кург. 12, погр. 1, 1978, каталог № 8; 6 – Кузнецовский I, 3/1, 1975, каталог № 4

Fig. 6. Fragments of three-layer bone combs from the Vysochino II burial mound and the Tanais settlement.

Drawings by I.V. Beletskaya:

1 – Tanais, VI trench, 1958, catalog no. 15; 2 – Tanais, VI trench, 1966, catalog no. 16;
3 – Tanais. A random find, catalog no. 17; 4 – Tanais. A random find, catalog no. 18;
5 – Vysochino II, kurgan 12, burial 1, 1978, catalog no. 8; 6 – Kuznetsovsky I, 3/1, 1975, catalog no. 4

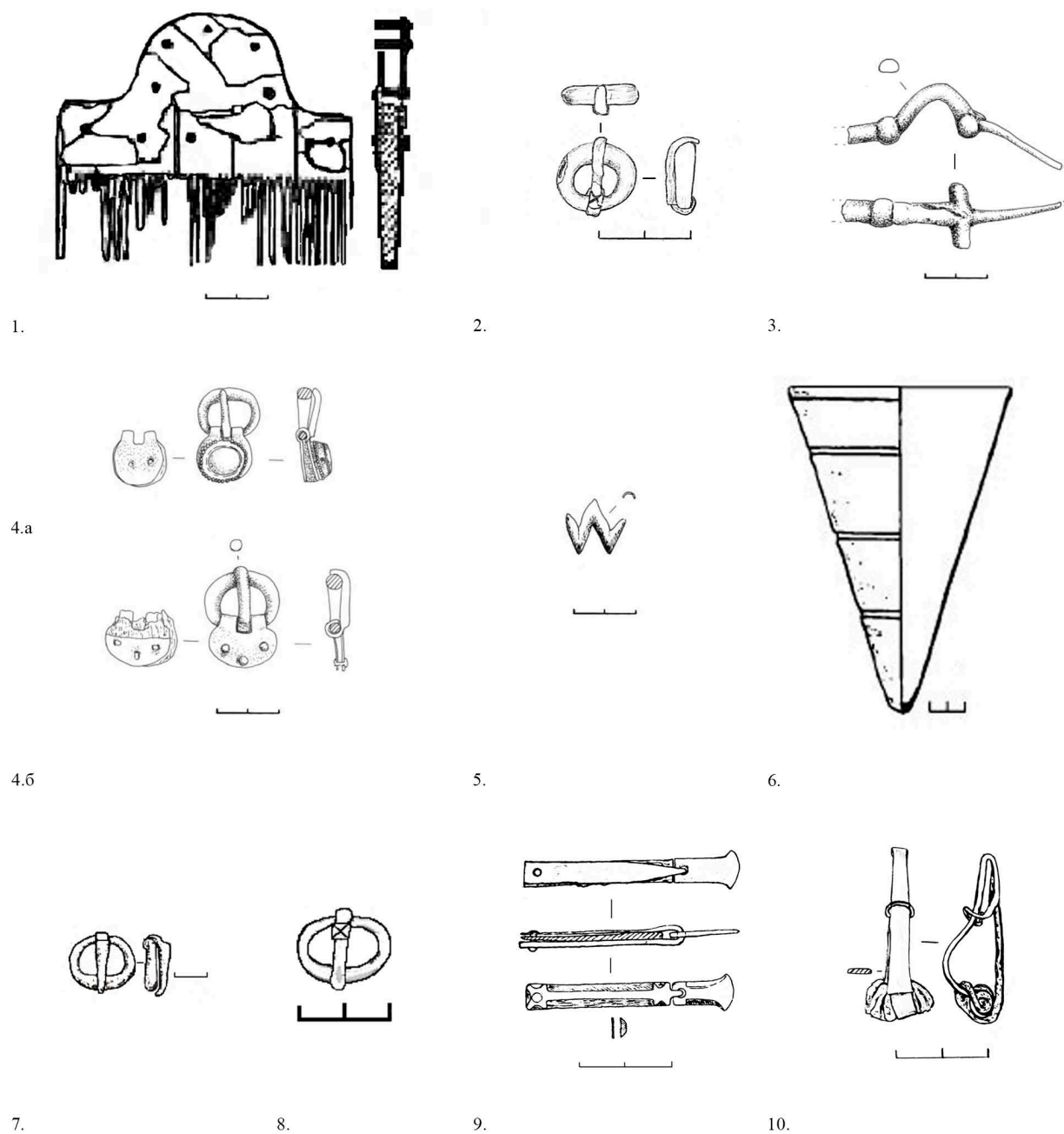

Рис. 7. Гребень из Дмухайловки и датирующий погребения материал.

7,2,7,8,10 – рисунки И.В. Белецкой:

- 1 – гребень (Дмухайловка 13); 2 – пряжка (Донской 4, 1962); 3 – фибула (Новосадковский, 18/1, 1985);
4 – пряжки (Новосадковский, 18/1, 1985); 5 – бляшка (Новосадковский, 18/1, 1985);
6 – стеклянный сосуд (Дмухайловка 13); 7 – пряжка (Дмухайловка 13); 8 – пряжка (Московский I, 2/2, 1984);
9 – наконечник ремня (Вербовый лог VI, 1/1, 1987); 10 – фибула (Танаис XVI/131, 2005)

Fig. 7. Comb from Dmukhailovka and the burial dating materials. 7,2,7,8,10 – drawings by I. V. Beletskaya:

- 1 – comb (Dmukhailovka 13); 2 – buckle (Donskoy 4, 1962); 3 – fibulae (Novosadkovsky, 18/1, 1985);
4 – buckles (Novosadkovsky, 18/1, 1985); 5 – plaque (Novosadkovsky, 18/1, 1985);
6 – glass vessel (Dmukhailovka 13); 7 – buckle (Dmukhailovka 13); 8 – buckle (Moskovsky I, 2/2, 1984);
9 – belt tip (Verbovy Log VI, 1/1, 1987); 10 – fibulae (Tanaïs XVI/131, 2005)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Амброз А. К., 1966. Фибулы юга Европейской части СССР II в. до н.э. – IV в. н.э. Свод археологических источников. Вып. Д1-30. М. : Наука. 111 с.
- Арсеньева Т. М., 1971. Отчет о работах Нижне-Донской археологической экспедиции в 1971 г. // Архив ИА РАН. № 4588.
- Арсеньева Т. М., 1978. Отчет о работах Нижне-Донской археологической экспедиции в 1977–1978 гг. // Архив ИА РАН. № 7084.
- Арсеньева Т. М., Алексеева Е. М., 1970. Отчет о работе Нижне-Донской экспедиции в 1969 г. // Архив ИА РАН. № 3991.
- Арсеньева Т. М., Безуглов С. И., Толочко И. В., 2001. Некрополь Танаиса. Раскопки 1981–1995 гг. М. : Палеограф. 273 с.
- Арсеньева Т. М., Толочко И. В., 2005. Отчет о спасательных раскопках Нижне-Донской экспедиции на западном участке грунтового некрополя Танаиса в 2005 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 26378.
- Арсеньева Т. М., Шелов Д. Б., 1974. Раскопки юго-западного участка Танаиса (1964–1972 гг.) // Археологические памятники Нижнего Подонья. М. : Наука. С. 123–171.
- Безуглов С. И., 2008. Курганные катакомбные погребения позднеримской эпохи в нижнедонских степях // Проблемы современной археологии. Сборник памяти В.А. Башилова. Материалы и исследования по археологии России. № 10. М. : ИА РАН. С. 284–301.
- Безуглов С. И., Толочко И. В., 2002. Новые данные к характеристике некрополя позднего Танаиса // Донская археология. № 1-2. С. 42–50.
- Беспалый Е. И., 2000. Позднесарматское погребение из могильника Высочино-V на водоразделе между Кагальником и Доном // Сарматы и их соседи на Дону. Ростов н/Д : ООО «Терра» : НПК «Гефест». С. 156–168.
- Беспалый Е. И., Лукьяшко С. И., 2008. Древнее население междуречья Дона и Кагальника. Курганный могильник у с. Высочино. Ростов н/Д : Изд-во ЮНЦ РАН. 223 с.
- Власкин М. В., Ильюков Л. С., 1999. Погребение литейщика позднесарматской культуры // Донская археология. № 1. С. 50–56.
- Гавритухин И. О., 1999. Хронологические индикаторы финала черняховской культуры // Сто лет черняховской культуре. Киев : Ин-т археологии НАН Украины. С. 48–86.
- Гавритухин И. О., 2010. Находка из Супруг в контексте восточноевропейских сильно профилированных фибул // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов : сб. науч. ст. по итогам работы II Междунар. науч. конф., Тула, 5–8 ноября 2008 года. Конф. 2, ч. 1. Тула : Гос. музей-заповедник «Куликово поле». С. 49–67.
- Гавритухин И. О., Астафьев А. Е., Богданов Е. С., 2019. Фибулы с поселения Каракабак (полуостров Мангышлак) // Поволжская археология. № 3 (29). С. 170–189.
- Гей О. А., Бажан И. А., 1997. Хронология эпохи «готских походов» (на территории Восточной Европы и Кавказа). М. : ОНТИ ПНЦ РАН. 144 с.
- Гороховский Е. Л., 1988. Кантемировские курганы на Полтавщине и проблема древности раннеримского периода на юге Восточной Европы // Охрана и исследование памятников археологии Полтавщины. Полтава. С. 18–19.
- Демиденко Л. А., 1994. Костяные изделия первых веков нашей эры из Танаиса // Вестник Танаиса. № 1. Ростов н/Д : Гефест. С. 140–175.
- Земцов Г. Л., 2003. Миграционные потоки III–V вв. и верхнедонской регион (на примере поселения Мухино-2) // Контактные зоны Евразии на рубеже эпох. Самара : Самар. обл. историко-краевед. музей. С. 108–116.
- Ильюков Л. С., 1985. Отчет об исследовании курганных могильников на левобережье реки Сал в Мартыновском районе Ростовской области в 1984 году // Архив ИА РАН. № 11857.
- Ильюков Л. С., 2016. Катакомбное погребение из Новосадковского могильника в междуречье Сала и Маныча // Археологическая наука: практика, теория, история. Сборник статей памяти И.С. Каменецкого. М. : ИА РАН. С. 113–119.

- Красноперов А. А., 2019. Пряжка из Бродовского могильника (Прикамье) в контексте полихромных стилей // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конф. 4, ч. 2. Тула : Гос. музей-заповедник «Куликово поле». С. 103–190.
- Красноперов А. А., 2021. Распространение янтарных грибовидных бус-подвесок в Поволжье и Прикамье и индикаторы финала позднесарматского времени // Археологические вести. № 32. С. 194–211.
- Лещинская Н. А., 2014. Вятский край в пьяноборскую эпоху (по материалам погребальных памятников I–V вв. н.э.) // Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 27. Ижевск : Сарапульская типография. 472 с.
- Любичев М. В., 2019. Ранняя история днепродонецкой лесостепи I–V веков. Ч. 2. Харьков : Естет принт. 368 с.
- Магомедов Б. В., 2022. Гребни черняховской культуры: магическая функция // Друзей медлительный уход... Памяти Олега Шарова. Кишинев : Stratum Plus. С. 281–294.
- Малашев В. Ю., 2000. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону. Ростов н/Д : Терра. С. 194–232.
- Малашев В. Ю., Гаджиев М. С., Ильюков Л. С., 2015. Страна маскутов в западном Прикаспии. Курганные могильники Прикаспийского Дагестана III–V вв. Махачкала : Издательский дом Мавраевъ. 452 с.
- Малашев В. Ю., Кривошеев М. В., 2023. Катакомбные памятники степного Волго-Донья и Предкавказья середины III – IV века // Региональные особенности хронологии и периодизации савроматской и сарматских культур : материалы XI Всерос. науч. конф. с междунар. участием, посвящ. памяти А.С. Скрипкина, Волгоград, 15–19 мая 2023 года. Волгоград : Изд-во ВолГУ. С. 265–281.
- Матюхин А. Д., Ляхов С. В., 1991. Новое позднесарматское погребение в лесостепном Саратовском правобережье // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов : СГУ. С. 135–152.
- Мелентьева Г. М., 1973. Курган позднесарматского времени на Нижнем Дону // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 133. С. 124–128.
- Науменко С. А., 1987. Отчет об исследованиях Цимлянской оросительной системы // Архив АМЗТ. № НВФ 297/1.
- Никитина Г. Ф., 1969. Гребни черняховской культуры // Советская археология. № 1. С. 147–159.
- Обломский А. М., 2010. Хронология поселения Танаис позднеантичного периода // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конф. 2, ч. 1. Тула : Гос. музей-заповедник «Куликово поле». С. 174–202.
- Обломский А. М., Козмирчук И. А., 2015. Материалы гуннского времени могильника Ксизово-17 (описание погребений, ритуальных объектов, вещевой комплекс) // Острая Лука Дона в древности. Археологический комплекс памятников гуннского времени у с. Ксизово (конец IV – V в.). Раннеславянский мир. Вып. 16. М. : ИА РАН. С. 37–74.
- Обломский А. М., Козмирчук И. А., 2015а. Могильник гуннского времени Ксизово-19 // Острая Лука Дона в древности. Археологический комплекс памятников гуннского времени у с. Ксизово (конец IV – V в.). Раннеславянский мир. Вып. 16. М. : ИА РАН. С. 134–164.
- Парусимов И. Н., 1998. Раскопки курганов в Зимовниковском районе // Труды Новочеркасской археологической экспедиции. Вып. 3. Новочеркасск : [б. и.]. 110 с.
- Петраускас О. В., 2009. Час появи та деякі особливості розвитку трупопокладень із західною орієнтацією в черняхівській культурі (за даними могильників України) // Ostrogothica. Археология Центральной и Восточной Европы позднеимского времени и эпохи Великого переселения народов. Сборник научных трудов к 10-летию Германско-Славянской археологической экспедиции Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина. Харьков : Тимченко. С. 186–215.
- Свиридов А. Н., Язиков С. В., 2023. Могильник римского времени Фронтное 3 в Юго-Западном Крыму. Ч. 1. М. : ИА РАН. 460 с.
- Симоненко А. В., 1995. Катакомбные погребения сарматов северопонтийского региона // A Móra Ferenc Múzeum évkönyve: Studia archaeologica. № 1. С. 345–374.
- Узянов А. А., 1975. Раскопки курганов Кузнецовский I могильника. Отчет Донской экспедиции за 1975 г. Т. IV // Архив ИА РАН. № 11238.
- Фанагория, 2015. Результаты археологических исследований. Т. 2. Золото Фанагории. М. : Ин-т археологии РАН. 604 с.

- Хайрединова Э. А., 2002. Женский костюм варваров юго-западного Крыма в V – первой половине VI в. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. IX. С. 53–118.
- Шишкин Р. Г., 1999. Классификация и типология трехслойных гребней черняховской культуры // Сто років вивчення культур полів поховань на Україні : тези доповідей семінару. Київ. С. 43–48.
- Шишкин Р. Г., 2002. Хронологические признаки трехслойных гребней черняховской культуры // Сучасні проблеми археології. Київ : Ін-т археології НАН України. С. 244–246.
- Шелов Д. Б., 1956. Отчет Д.Б. Шелова о работе Нижне-Донской экспедиции в 1956 г. // Архив АМЗТ. № НВФ 297/2.
- Шелов Д. Б., 1972. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М. : Наука. 351 с.
- Шелов Д. Б., 1978. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 156. С. 16–21.
- Щукин М. Б., 2005. Готский путь (готы, Рим и черняховская культура). СПб. : Филол. фак. СПбГУ. 576 с.
- Arsen'eva T. M., Domžalski K., 2002. Late Roman Red Slip Pottery from Tanais // *Eurasia Antiqua*. Bd. 8. P. 15–491.
- Bezuglov S. I., 1995. Késő római kori katakombás temetkezések az Alsó-Don-Vidék sztyeppein // *A Móra Ferenc Museum Évkönyve Studia Archaeologica*. Bd. I. Szeged : Móra Ferenc Múzeum. S. 325–343.
- Cnotliwy E., 2010. Grzebień dzwonowatego typu w Europie // *Acta Archaeologica Pomoranica*, IV. Szczecin : PPHU TOTEM. 240 s.
- Gavritukhin I., 2017. Glass Vessels of the Final of the Chernyakhov Culture // *Na hranicích impéria – Extra fines imperii. Jaroslavu Tejralovi k 80. Narodeninám*. Brno : Masarykova univerzita; Archeologický ústav Akademie věd, ČR, Brno, v.v.i. : Munipress. P. 83–109.
- Masek Z., 2016. The Transformation of Late Antique Comb Types on the Frontier of the Roman and Germanic World – Early medieval antler combs from Rákóczi falva (County Jász-Nagykun-Szolnok, Hungary) // *Antaeus*, no. 34, pp. 105172.
- Opresanu C. H., Lăzărescu V.-A., 2022. Antler Comb Production in the Settlement at Suceagu-Rădaia (Cluj County). A Contribution to the Study of the Cultural Contacts at the Beginnings of the Migration Period // *Ephemeris Napocensis*. Iss. 32. P. 95–134.
- Tejral J., 1986. Fremde Einflüsse und kulturelle Veränderungen nördlich der mittleren Donau zu Beginn der Völkerwanderungszeit // *Peregrinatio Gothica. Archaeologica Baltica* 7. Łódź : Uniwersytet Łódzki. S. 175–238.
- Tejral J., 1992. Zur Chronologie und Deutung der südöstlichen Kulturelemente in der frühen Völkerwanderungszeit im Karpatenbecken // *Die Völkerwanderungszeit im Karpatenbecken*. Nürnberg : Anzeiger des Germanischen Nationalmuseum. S. 11–46.
- Tejral J., 1997. Neue Aspekte der frühvölkerwanderungszeitlichen Chronologie im Mitteldonaunraum // *Neue Beiträge zur Erforschung der Spätantike im mittleren Donaunraum*. Brno : Archeologický Ústav. S. 321–392.
- Thomas S., 1960. Studien zu den germanischen Kämmen der römischen Kaiserzeit // *Arbeits- und Forschungsberichte zur sächsischen Bodendenkmalpflege*. Bd. 8. S. 54–215.
- Ullrich M., 2018. Eine Siedlung der Völkerwanderungszeit auf Ruinen des antiken Tanais: Ergebnisse der russisch-deutschen Ausgrabungen 1933 bis 2004 // *Deutsches Archäologisches Institut*.

REFERENCES

- Ambroz A.K., 1966. *Fibuly yuga Evropeyskoy chasti SSSR II v. do n.e. – IV v. n.e.* [Fibulae of the South of the European Part of the USSR 2nd c. BC – 4th c. AD]. *Svod arheologicheskikh istochnikov*, iss. Д1-30. Moscow, Nauka Publ. 111 p.
- Arsen'eva T.M., 1971. Otchet o rabotah Nizhne-Donskoy arheologicheskoy ekspeditsii v 1971 g. [Report on the Work of the Lower Don Archaeological Expedition in 1971]. *Arkhir IA RAN*, no. 4588.
- Arsen'eva T.M., 1978. Otchet o robotakh Nizhne-donskoy arheologicheskoy ekspeditsii v 1977–1978 gg. [Report on the Work of the Lower Don Archaeological Expedition in 1977–1978]. *Arkhir IA RAN*, no. 7084.
- Arsen'eva T.M., Alekseeva E.M., 1970. Otchet o rabote Nizhne-Donskoy ekspeditsii v 1969 g. [Report on the Work of the Lower Don Expedition in 1969]. *Arkhir IA RAN*, no. 3991.
- Arsen'eva T.M., Bezuglov S.I., Tolochko I.V., 2001. *Nekropol' Tanaisa. Raskopki 1981–1995 gg.* [Necropolis of Tanais. Excavations 1981–1995]. Moscow, Paleograf Publ. 273 p.

- Arsen'eva T.M., Tolochko I.V., 2005. Otchet o spasatel'nyh raskopkah Nizhne-Donskoy ekspeditsii na zapadnom uchastke gruntovogo nekropolya Tanaisa v 2005 g. [Report on the Rescue Excavations of the Lower-Don Expedition in the Western Section of the Tanais Underground Necropolis in 2005]. *Arkhiv IA RAN*, f. 1. R-1, no. 26378.
- Arsen'eva T.M., Shelov D.B., 1974. Raskopki yugo-zapadnogo uchastka Tanaisa (1964–1972 gg.) [Excavations of the Southwestern Section of Tanais (1964–1972)]. *Arkheologicheskie pamyatniki Nizhnego Podon'ya* [Archaeological Sites of the Lower Don Region]. Moscow, Nauka Publ., pp. 123–171.
- Bezuglov S.I., 2008. Kurgannye katakombnye pogrebeniya pozdnerimskoy ehpkhi v nizhnedonskikh stepyakh [Kurgan Catacomb Burials of the Late Roman Era in the Lower Don Steppes]. *Problemy sovremennoy arkheologii. Sbornik pamyati V.A. Bashilova* [Problems of Modern Archaeology. Collection of the Memory of V.A. Bashilov]. Materialy i issledovaniya po arkheologii Rossii, no. 10. Moscow, IA RAS, pp. 284–301.
- Bezuglov S.I., Tolochko I.V., 2002. Novye dannye k kharakteristike nekropolya pozdnego Tanaisa [New Data on the Characteristics of the Necropolis of the Late Tanais]. *Donskaya arkheologiya* [Don Archeology], no. 1–2, pp. 42–50.
- Bespalyy E. I., 2000. Pozdnesarmatskoe pogrebenie iz mogil'nika Vysochino-V na vodorazdele mezhdru Kagal'nikom i Donom [Late Sarmatian Burial from the Vysochino-V Burial Ground on the Watershed between Kagalnik and the Don]. *Sarmaty i ih sosedi na Donu* [Sarmatians and Their Neighbors on the Don]. Rostov-on-Don, OOO «Terra», NPK «Gefest», pp. 156–168.
- Bespalyy E.I., Luk'yashko S.I., 2008. *Drevnee naselenie mezhdurech'ya Dona i Kagal'nika. Kurgannyi mogil'nik u s. Vysochino* [The Ancient Population of the Interfluvium of the Don and Kagalnik. Kurgan Burial Ground near the Village of Vysochino]. Rostov-on-Don, SSC RAS. 223 p.
- Vlaskin M.V., Il'yukov L.S., 1999. Pogrebenie liteyshhika pozdnesarmatskoy kul'tury [Burial of a Caster of the Late Sarmatian Culture]. *Donskaya arheologiya* [Don Archeology], no. 1, pp. 50–56.
- Gavritukhin I.O., 1999. Khronologicheskie indikatory finala chernyakhovskoy kul'tury [Chronological Indicators of the Final of the Chernyakhov Culture]. *Sto let chernyakhovskoy kul'ture* [One Hundred Years of Chernyakhov Culture]. Kiev, IA NASU, pp. 48–86.
- Gavritukhin I.O., 2010. Nahodka iz Suprut v kontekste vostochnoevropskikh sil'no profilirovannykh fibul [The Suprut Find in the Context of Eastern European Highly Profiled Fibulae]. *Lesnaya i lesostepnaya zony Vostochnoy Evropy v epokhi rimskikh vliyaniy i Velikogo pereseleniya narodov: sb. nauch. st. po itogam raboty II Mezhdunar. nauch. konf., Tula, 5–8 noyabrya 2008 goda* [Forest and Forest-Steppe Zones of Eastern Europe in the Era of Roman Influences and the Great Migration of Peoples: Collection of Scientific Articles Based on the Results of the II International Scientific Conference, Tula, November 5–8, 2008]. Conf. 2, part 1. Tula, State Museum-reserve “Kulikovo field”, pp. 49–67.
- Gavritukhin I.O., Astafiev A.E., Bogdanov E.S., 2019. Fibuly s poseleniya Karakabak (poluostrov Mangyshlak) [Fibulae from the Settlement Karakabak (Mangystau Peninsula)]. *Povolzhskaya arheologiya* [The Volga River Region Archeology], no. 3 (29), pp. 170–189.
- Gey O.A., Bazhan I.A., 1997. *Khronologiya ehpkhi «gotsskikh pokhodov» (na territorii Vostochnoy Evropy i Kavkaza)* [Chronology of the Era of the “Gothic Campaigns” (on the Territory of Eastern Europe and the Caucasus)]. Moscow, ONTI PNC RAS. 144 p.
- Gorohovskiy E.L., 1988. Kantemirovskie kurgany na Poltavshchine i problema drevnosti rannerimskogo perioda na yuge Vostochnoy Evropy [Kantemirovsky Burial Mounds in Poltava Region and the Problem of Antiquity of the Early Roman Period in the South of Eastern Europe]. *Ohrana i issledovanie pamyatnikov arheologii Poltavshchiny* [Protection and Research of Archaeological Monuments of Poltava region]. Poltava, pp. 18–19.
- Demidenko L.A., 1994. Kostyanye izdeliya pervykh vekov nashey ery iz Tanaisa [Bone Products of the First Centuries of Common Era from Tanais]. *Vestnik Tanaisa* [Bulletin of the Tanais], no. 1. Rostov-on-Don, Gefest Publ., pp. 140–175.
- Zemtsov G.L., 2003. Migratsionnyye potoki III–V vv. i verkhnedonskoy region (na primere poseleniya Mukhino-2) [Migration Flows of the III–V Centuries and the Upper Don Region (on the Example of the Mukhino-2 Settlement)]. *Kontaknyye zony Evrazii na rubezhe epoch* [Contact Zones of Eurasia at the Turn of the Epochs]. Samara, Samara Regional Museum of Local Lore, pp. 108–116.
- Il'yukov L.S., 1985. Otchet ob issledovanii kurgannykh mogil'nikov na levoberezh'e reki Sal v Martynovskom rayone Rostovskoy oblasti v 1984 godu [The Report on the Study of Burial Mounds on the Left Bank of the Sal River in the Martynovsky District of the Rostov Region in 1984]. *Arkhiv IA RAN*, no. 11857.

- Il'yukov L.S., 2016. Katakombnoe pogrebenie iz Novosadkovskogo mogil'nika v mezhdurech'ye Sala i Manycha [Catacomb Burial from the Novosadkovsky Burial Ground in the Interfluvium of Sala and Manych]. *Arkheologicheskaya nauka: praktika, teoriya, istoriya. Sbornik statey pamyati I.S. Kamenetskogo* [Archaeological Science: Practice, Theory, History. Collection of Articles in the Memory of I.S. Kamenetsky]. Moscow, IAS RAS, pp. 113-119.
- Krasnoperov A.A., 2019. Pryazhka iz Brodovskogo mogil'nika (Prikam'ye) v kontekste polikhromnykh stiley [Buckle from the Brodovsky Burial Ground (Kama Region) in the Context of Polychrome Styles]. *Lesnaya i lesostepnaya zony Vostochnoy Evropy v ehpokhi rimskikh vliyaniy i Velikogo pereseleniya narodov. Konf. 4, ch. 2* [Forest and Forest-Steppe Zones of Eastern Europe in the Era of Roman Influences and the Great Migration of Peoples. Conference 4. Part 2]. Tula, The State Museum-Reserve "Kulikovo Field", pp. 103-190.
- Krasnoperov A.A., 2021. Rasprostraneniye yantarnykh gribovidnykh bus-podvesok v Povolzh'ye i Prikam'ye i indykatory finala pozdnesarmatskogo vremeni [The Spread of Amber Mushroom-shaped Pendant Beads in the Volga Region and the Kama Region and Indicators of the Finale of the Late Sarmatian Period]. *Arheologicheskie vesti* [Archaeological News], no. 32, pp. 194-211.
- Leshchinskaya N.A., 2014. Vyatskiy kray v pianoborskuyu epokhu (po materialam pogrebalnykh pamyatnikov I–V vv. n.e.) [Vyatka Region in the Pyanobor Epoch (Based on the Materials of Funerary Monuments of the 1st – 5th c. AD)]. *Materialy i issledovaniya Kamsko-Vyatskoy arkheologicheskoy ekspeditsii* [Materials and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition], vol. 27. Izhevsk, Sarapul'skaya tipografiya. 472 p.
- Lyubichev M.V., 2019. *Rannyya istoriya dnepro-donetskoj lesostepi I–V vekov* [The Early History of the Dnieper-Donetsk Forest-Steppe of the 1st – 5th Centuries]. Part 2. Khar'kov, Estet print. 368 p.
- Magomedov B.V., 2022. Grebni chernyakhovskoy kul'tury: magicheskaya funktsiya [The Combs of the Chernyakhov Culture: a Magical Function]. *Druzye medlitel'nyy ukhod... Pamyati Olega Sharova* [The Footsteps of my Friends Leaving... Ad Memoriam Oleg Sharov]. Kishinev, Stratum Plus Publ., pp. 281-294.
- Malashev V.Yu., 2000. Periodizatsiya remennykh garnitur pozdnesarmatskogo vremeni [Periodization of Belt Sets of the Late Sarmatian period]. *Sarmaty i ikh sosedi na Donu* [The Sarmatians and Their Neighbors on the Don]. Rostov-on-Don, Terra Publ., pp. 194-232.
- Malashev V.Yu., Gadzhiev M.S., Il'yukov L.S., 2015. *Strana maskutov v zapadnom Prikaspii. Kurgannye mogil'niki Prikaspiyskogo Dagestana III–V vv.* [The Country of the Maskuts in the Western Caspian Sea. Burial Mounds of the Caspian Dagestan of the 3rd – 5th Centuries]. Makhachkala, Izdatel'skiy dom Mavraev. 452 p.
- Malashev V. Ju., Krivosheev M. V., 2023. Katakombnye pamjatniki stepnogo Volgo-Don'ja i Predkavkaz'ja serediny III – IV veka [Catacomb Monuments of the Volga-Don steppe and the Pre-Caucasus in the Middle of the III – IV century]. *Regional'nye osobennosti khronologii i periodizatsii savromatskoj i sarmatskih kul'tur: materialy XI Vseros. nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem, posvjashh. pamjati A.S. Skripkina, Volgograd, 15–19 maja 2023 goda* [Regional features of the chronology and periodization of the Sauromatic and Sarmatian cultures: Proceedings of the XI All-Russian Scientific Conference with International participation dedicated to the memory of A.S. Skripkin, Volgograd, May 15–19, 2023]. Volgograd, VolSU, pp. 265-281.
- Matyuhin A.D., Lyahov S.V., 1991. Novoe pozdnesarmatskoe pogrebenie v lesostepnom Saratovskom pravoberezh'ye [A New Late Sarmatian Burial in the Forest-Steppe Saratov Right Bank]. *Arheologiya Vostochno-Evropeyskoj stepi* [Archeology of the East European Steppe]. Saratov, SSU, pp. 135-152.
- Melent'eva G.M., 1973. Kurgan pozdnesarmatskogo vremeni na Nizhnem Donu [Kurgan of the Late Sarmatian Period on the Lower Don]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], iss. 133, pp. 124-128.
- Naumenko S.A., 1987. Otchet ob issledovaniyakh Tsimlyanskoy orositel'noy sistemy [Research Report on the Tsimlyansk Irrigation System]. *Arkhiv AMZT*, no. NVF 297/1.
- Nikitina G.F., 1969. Grebni chernyakhovskoy kul'tury [Combs of the Chernyakhov Culture]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archeology], no. 1, pp. 147-159.
- Oblomskiy A.M., 2010. Khronologiya poseleniya Tanais pozdneantichnogo perioda [Chronology of the Tanais Settlement of the Late Antique Period]. *Lesnaya i lesostepnaya zony Vostochnoy Evropy v ehpokhi rimskikh vliyaniy i Velikogo pereseleniya narodov. Konf. 2, ch. 1* [Forest and Forest-Steppe zones of Eastern Europe in the Era of Roman Influences and the Great Migration of Peoples. Conference 2, part 1]. Tula, The State Museum-Reserve "Kulikovo Field", pp. 174-202.
- Oblomskiy A.M., Kozmirschuk I.A., 2015. Materialy gunnskogo vremeni mogil'nika Ksizovo-17 (opisanie pogrebenij, ritual'nykh ob'ektov, veshhevoj kompleks) [Materials from the Ksizovo-17 Burial Ground of the Hunnic Period

- (Description of Burials, Ritual Objects, and Material Items)]. *Ostraya Luka Dona v drevnosti. Arheologicheskii kompleks pamyatnikov gunnskogo vremeni u s. Ksizovo (konets IV – V v.)* [Ostraya Luka of the Don in Ancient Times. Archaeological Complex of Hun-Era Monuments Near the Village of Ksizovo (Late 4th – 5th Centuries)]. Ranneslavyanskiy mir, iss. 16. Moscow, IA RAS, pp. 37-74.
- Oblomskiy A. M., Kozmirschuk I. A., 2015a. Mogil'nik gunnskogo vremeni Ksizovo-19 [Burial Ground of the Hunnic period Ksizovo-19]. *Ostraya Luka Dona v drevnosti. Arheologicheskii kompleks pamyatnikov gunnskogo vremeni u s. Ksizovo (konets IV – V v.)* [Ostraya Luka of the Don in Ancient Times. Archaeological Complex of Hun-Era Monuments near the Village of Ksizovo (Late 4th – 5th Centuries)]. Ranneslavyanskiy mir, iss. 16. Moscow, IA RAS, pp. 134-164.
- Parusimov I.N., 1998. Raskopki kurganov v Zimovnikovskom rayone [Excavation of mounds in the Zimovnikovsky district]. *Trudy Novochoerkasskoy arheologicheskoy ekspeditsii* [Proceedings of the Novochoerkassk archaeological expedition], iss. 3. Novochoerkassk. 110 p.
- Petrauskas O.V., 2009. Chas poyavi ta deyaki osoblivosti rozvitku trupopokladen' iz zakhidnoyu orientaciyu v chernyakhivs'kij kul'turi (za danimi mogil'nikiv Ukraïni) [The Hour of the Appearance of that Deed is Special for the Development of the Corpse-Laying of the Dead in the Black Ukrainian Culture (Beyond the Burial Grounds of Ukraine)]. *Ostrogothica. Arkheologiya Tsentral'noy i Vostochnoy Evropy pozdnerimskogo vremeni i ehpokhi Velikogo pereseleniya narodov. Sbornik nauchnykh trudov k 10-letiyu Germano-Slavyanskoy arkheologicheskoy ehkspeditsii Khar'kovskogo natsional'nogo universiteta imeni V.N. Karazina* [Ostrogothica. Archaeology of Central and Eastern Europe of the Late Roman Period and the Era of the Great Migration of Peoples. Collection of Scientific Papers on the 10th Anniversary of the German-Slavic Archaeological Expedition of V.N. Karazin]. Khar'kov, Timchenko Publ., pp. 186-215.
- Sviridov A.N., Yazikov S.V., 2023. Mogil'nik rimskogo vremeni Frontovoe 3 v Jugo-Zapadnom Krymu [Roman-Era Burial Ground Frontovoe 3 in Southwestern Crimea]. Part 1. Moscow, IA RAS. 460 p.
- Simonenko A.V., 1995. Katakombnye pogrebeniya sarmatov severnopontyiskogo regiona [Catacomb Burials of the Sarmatians in the Northern Pontic Region]. *A Móra Ferenc Múzeum évkönyve: Studia archaeologica*, no. I, pp. 345-374.
- Uzyanov A.A., 1975. Raskopki kurganov Kuznetsovskiy I mogil'nika. Otchet Donskoy ekspeditsii za 1975 g. [Excavations of the Burial Mounds of the Kuznetsovsky I Burial Ground], vol. IV. *Arhiv IA RAN*, no. 11238. *Fanagoriya. Rezul'taty arkheologicheskikh issledovaniy. Zoloto Fanagorii* [Phanagoria. The Results of Archaeological Research. The Gold of Phanagoria], 2015. Moscow, IA RAS. 604 p.
- Khairidinova E.A., 2002. Zhenskiy kostyum varvarov yugo-zapadnogo kryma v V – pervoy polovine VI v. [The Female Costume of the Barbarians of the Southwestern Crimea in the 5th – First Half of the 6th Centuries]. *Materialy po arkheologii, istorii i ehtnografii Tavrii* [Materials on Archeology, History and Ethnography of Tauria], vol. IX, pp. 53-118.
- Shishkin R.G., 1999. Klassifikatsiya i tipologiya trekhslonnykh grebney chernyakhovskoy kul'tury [Classification and Typology of the Three-Layered Combs of the Chernyakhov Culture]. *Sto rokov vivchennya kul'tur poliv pokhovan' na Ukraïni: tezi dopovidej seminaru* [One Hundred Years of Studying the Cultures of Burial Fields in Ukraine. Abstracts of the Seminar Reports]. Kyiv, pp. 43-48.
- Shishkin R.G., 2002. Khronologicheskie priznaki trekhslonnykh grebney chernyakhovskoy kul'tury [Chronological Signs of the Three-Layered Combs of the Chernyakhov Culture]. *Suchasni problemi arkheologii* [Modern Problems of Archaeology]. Kyiv, pp. 244-246.
- Shelov D.B., 1956. Otchet D.B. Shelova o rabote Nizhne-Donskoj ehkspeditsii v 1956 g. [D.B. Shelov's Report on the Work of the Nizhne-Don Expedition in 1956]. *Arkhiv AMZT*, no. NVF 297/2.
- Shelov D.B., 1972. *Tanais i Nizhniy Don v pervye veka nashey ery* [Tanais and the Lower Don in the First Centuries of Our Era]. Moscow, Nauka Publ. 351 p.
- Shelov D.B., 1978. Uzkogorlye svetloglinyanye amfory pervykh vekov nashey ery [Narrow-Necked Light-Clay Amphorae of the First Centuries of Our Era]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], iss. 156, pp. 16-21.
- Shchukin M.B., 2005. *Gotskiy put' (goty, Rim i chernyakhovskaya kul'tura)* [The Gothic Way (Goths, Rome and Chernyakhov Culture)]. Saint Petersburg, Philology Faculty SpbU. 576 p.
- Arsen'eva T.M., Domžalski K., 2002. Late Roman Red Slip Pottery from Tanais. *Eurasia Antiqua*. Bd. 8, pp. 15-491.
- Bezuglov S.I., 1995. Késő római kori katakombás temetkezések az Alsó-Don-Vidék sztyeppein. *A Móra Ferenc Museum Évkönyve Studia Archaeologica*. I. Szeged, Ferenc Museum, s. 325-343.

- Cnotliwy E., 2010. *Grzebień dzwonowatego typu w Europie*. Acta Archaeologica Pomoranica, IV. Szczecin, PPHU TOTEM. 240 s.
- Gavritukhin I., 2017. Glass Vessels of the Final of the Chernyakhov Culture. *Na hranicích impéria – Extra fines imperii. Jaroslavu Tejralovi k 80. Narodeninám*. Brno, Masarykova univerzita; Archeologický ústav Akademie věd, ČR, Brno, v.v.i., Munipress, pp. 83-109.
- Masek Z., 2016. The Transformation of Late Antique Comb Types on the Frontier of the Roman and Germanic World – Early medieval antler combs from Rákócziálva (County Jász-Nagykun-Szolnok, Hungary). *Antaeus*, no. 34, pp. 105-172.
- Opreanu C.H., Lăzărescu V.-A., 2022. Antler Comb Production in the Settlement at Suceagu-Rădaia (Cluj County). A Contribution to the Study of the Cultural Contacts at the Beginnings of the Migration Period. *Ephemeris Napocensis*, iss. 32, pp. 95-134.
- Tejral J., 1986. Fremde Einflüsse und kulturelle Veränderungen nördlich der mittleren Donau zu Beginn der Völkerwanderungszeit. *Peregrinatio Gothica. Archaeologica Baltica 7*. Łódź, Uniwersytet Łódzki, S. 175-238.
- Tejral J., 1992. Zur Chronologie und Deutung der südöstlichen Kulturelemente in der frühen Völkerwanderungszeit im Karpatenbecken. *Die Völkerwanderungszeit im Karpatenbecken*. Nürnberg, Anzeiger des Germanischen Nationalmuseum, S. 11-46.
- Tejral J., 1997. Neue Aspekte der frühvölkerwanderungszeitlichen Chronologie im Mitteldonaauraum. *Neue Beiträge zur Erforschung der Spätantike im mittleren Donaauraum*. Brno, Archeologický Ústav, S. 321-392.
- Thomas S., 1960. Studien zu den germanischen Kämmen der römischen Kaiserzeit. *Arbeits- und Forschungsberichte zur sächsischen Bodendenkmalpflege*, Bd. 8, S. 54-215.
- Ullrich M., 2018. *Eine Siedlung der Völkerwanderungszeit auf Ruinen des antiken Tanais: Ergebnisse der russisch-deutschen Ausgrabungen 1933 bis 2004*. Deutsches Archäologisches Institut.

Information About the Authors

Evgeny V. Vdovchenkov, Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Department of Archaeology and History of the Ancient World, Southern Federal University, B. Sadovaya St, 105/42, 344006 Rostov-on-Don, Russian Federation, vdovchenkov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0160-8520>

Inna V. Beletskaya, Junior Researcher, Institute of History and International Relations, Southern Federal University, B. Sadovaya St, 105/42, 344006 Rostov-on-Don, Russian Federation, inesskadekina@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0008-7702-2781>

Информация об авторах

Евгений Викторович Вдовченков, доктор исторических наук, доцент кафедры археологии и истории Древнего мира, Южный федеральный университет, ул. Б. Садовая, 105/42, 344006 г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, vdovchenkov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0160-8520>

Инна Владимировна Белецкая, младший научный сотрудник Института истории и международных отношений, Южный федеральный университет, ул. Б. Садовая, 105/42, 344006 г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, inesskadekina@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0008-7702-2781>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2025.3.6>

UDC 902(470.4):903.25

LBC 63.48(235.47)-417

Submitted: 02.07.2025

Accepted: 06.08.2025

GOLDEN HORDE BRACELETS FROM THE LOWER VOLGA REGION MONUMENTS (PRODUCTION TECHNIQUE AND ELEMENTAL COMPOSITION)

Kseniya S. Kovaleva

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. A series of 13 bracelets from the Golden Horde period (second half of the 13th – 14th century AD) originating from urban and burial monuments of the Lower Volga region was studied using X-ray fluorescence (XRF) analysis to determine their elemental composition; the main manufacturing techniques were also identified. The items presented in the sample belong to the common types of Golden Horde bracelets – wire and plate, with variations of ornaments and their combinations characteristic of the Golden Horde monuments of the Lower Volga and Bulgarian regions, as well as among the Mordvin population of this period. The following main technological schemes were identified: casting with minor mechanical deformation (bending), casting with pressure finishing (forging, drawing, cutting), and forging. The decoration of the bracelets was either cast together with the body or applied by chasing (traces of three types of chasing were identified) and/or engraving. The majority (11 out of 13) of the bracelets were made of brass; the average zinc content in these suggests a likely intent to preserve the golden color of the alloy, imitating precious metal. Two items were made of other metals – unalloyed copper and high-grade two-component silver. Comparison with samples of rural monuments in the Ukek area and another, Bulgarian, region of the Golden Horde showed a close relationship between the composition and type of the product – most bracelets are also made of brass with medium and high zinc content; bronze and copper are present to a lesser extent. Such a pronounced role for brass in bracelet production is absent in contemporaneous Old Russian samples. This study of a single artifact category allows us to assume that the Golden Horde craftsmen had at their disposal a sufficient amount of zinc-containing raw materials to maintain the composition of the alloy and, accordingly, control the color imitating the precious metal. However, the question of the source of brass entering the territory of the Ulus of Jochi remains open.

Key words: Golden Horde, metalworking, non-ferrous metals, brass, bracelets, X-ray fluorescence (XRF).

Citation. Kovaleva K.S., 2025. Zolotoordynskie braslety s territorii pamyatnikov Nizhnego Povolzh'ya (tekhnika izgotovleniya i elementnyy sostav) [Golden Horde Bracelets from the Lower Volga Region Monuments (Production Technique and Elemental Composition)]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskij Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 24, no. 3, pp. 159-178. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2025.3.6>

УДК 902(470.4):903.25

ББК 63.48(235.47)-417

Дата поступления статьи: 02.07.2025

Дата принятия статьи: 06.08.2025

ЗОЛОТООРДЫНСКИЕ БРАСЛЕТЫ С ТЕРРИТОРИИ ПАМЯТНИКОВ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ (ТЕХНИКА ИЗГОТОВЛЕНИЯ И ЭЛЕМЕНТНЫЙ СОСТАВ)

Ксения Сергеевна Ковалева

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Серия из 13 браслетов золотоордынского времени (вторая половина XIII – XIV в.) из городских и погребальных памятников Нижнего Поволжья была изучена методом РФА на предмет элементного состава, также определены основные технологические схемы, по которым они были изготовлены. Представленные в выборке изделия относятся к распространенным типам золотоордынских браслетов – дротовым и пластинчатым, с вариациями орнаментов и их комбинациями, характерными для золотоордынских памятников нижеволжского

и болгарского регионов, а также мордовского населения этого времени. Были выявлены следующие основные схемы изготовления, определенные методом трасологии: литье с незначительно механической деформацией (изгибание), литье с доработкой давлением (ковка, вытяжка, рубка), ковка. Декор браслетов был либо отлит вместе с корпусом, либо нанесен чеканкой (выявлены следы трех типов чеканов) и/или гравировкой. Большинство (11 из 13) браслетов были выполнены из латуней, средние значения содержания цинка в них свидетельствуют, вероятно, о стремлении сохранить золотистый цвет сплава, имитирующий драгоценный металл. Два предмета были выполнены из других металлов – нелегированной меди и высокопробного двухкомпонентного серебра. Сравнение с выборками сельских памятников округа Укека и другого, болгарского, региона Золотой Орды показало близкое соотношение между составом и типом изделия – большинство браслетов также выполнены из латуней со средним и высоким содержанием цинка, в меньшей степени присутствуют бронзы и медь. В синхронных древнерусских выборках такая ярко выраженная роль латуней в производстве браслетов отсутствует. Проведенное исследование одной категории предметов позволяет предположить, что золотоордынские мастера имели в своем распоряжении достаточное количество цинкосодержащего сырья, чтобы получать сплав определенной рецептуры и, соответственно, контролировать цвет, имитирующий драгоценный металл. Однако вопрос источника поступления латуни на территорию Улуса Джучи остается открытым.

Ключевые слова: Золотая Орда, металлообработка, цветные металлы, латунь, браслеты, рентгенофлуоресцентный анализ (РФА).

Цитирование. Ковалева К. С., 2025. Золотоордынские браслеты с территории памятников Нижнего Поволжья (техника изготовления и элементный состав) // Нижневолжский археологический вестник. Т. 24, № 3. С. 159–178. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2025.3.6>

В рамках исследования золотоордынского цветного металла и металлообработки была изучена серия браслетов, происходящих из поселенческих и погребальных памятников центрального региона Улуса Джучи (Нижнего Поволжья) с целью определения зависимости рецептур от типа браслета и техники изготовления и выявления возможных закономерностей, определяющих выбор золотоордынским мастером рецептуры для изготовления одной категории украшений (браслетов).

Выборка составила 11 браслетов и их фрагментов с территории Селитренного (3), Водянского (5), Царевского (1), Увекского (2) городищ, а также из погребальных памятников (2 ед.: к/м Абганерово III, кург. 1, погр. 1 и Бахтияровка I, кург. 27, погр. 1). Таким образом, все изделия происходят из памятников нижневолжского региона (Нижнее Поволжье и междуречье Волги и Дона), датируемых второй половиной XIII – XIV веком. Часть браслетов уже опубликованы в составе комплексов (табл. 1, 1–3, 8, 9, 12, 13), часть публикуется впервые¹.

Описание выборки. На данный момент единой типологии золотоордынских браслетов не существует, большинство из них основаны на материалах кочевнических погребений, в которых браслеты встречаются довольно редко (например: [Федоров-Давыдов, 1966а, с. 41–42; Мыськов, 2015, с. 162–163]).

Классификации материалов (и браслетов в том числе) поселений разработаны для отдельных памятников – Болгара [Полякова, 1996, с. 179–187; Руденко, 2015, с. 314–315] и Увека [Недашковский, 2000, с. 44–46].

Все приведенные в данном исследовании браслеты по форме можно разделить на пластинчатые тупоконечные (тип IV по Г.А. Федорову-Давыдову, тип II по Е.П. Мыськову, отдел В по Л.Ф. Недашковскому и т. д.) и дровые, из круглого (отдел А по Л.Ф. Недашковскому) или полукруглого дрота (тип I по Е.П. Мыськову). Пластинчатые количественно преобладают в выборке и насчитывают 8 экземпляров. Их декор разнообразен, доминирующими стали различные варианты геометрических узоров, прежде всего в виде 2–5 линий (выпуклых или вогнутых, в зависимости от техники изготовления и нанесения орнамента) вдоль всего обруча. Браслет из Абганерово, помимо 4 продольных канавок в средней части, также имеет выровненную площадку, на которой мелким зигзагом выполнен Х-образный рисунок в рамке (рис. 1, 1). Подобная композиция – продольные линии и центральная площадка (чаще площадки дублируются еще на концах браслета) – широко распространена для пластинчатых браслетов золотоордынского времени так называемого «булгарского типа». При этом на последних часто фиксируется специфичная техника, при

которой форма браслета подправлялась ковкой с внутренней стороны, тем самым на внешней стороне формировался валик с двумя канавками по краям, а с внутренней – желобок со следами бойка инструмента [Руденко, 2019]. На фрагменте браслета, происходящего с Водянского городища, помимо двух продольных линий по краям, сохранился чеканный циркульный орнамент из 7 окружностей, формирующих вместе цветочное соцветие. В целом комбинации геометрических элементов – линий, окружностей, мелкого зигзага широко представлены на пластинчатых браслетах и отмечены в материалах мордовских могильников золотоордынского времени [Алихова, 1954, с. 277, рис. 18,8–9; Глазистова, 2024, с. 72, рис. 5,2–6, с. 73, рис. 6,3–6, с. 74], кладя из XIII в. Отрава [Байпаков, Настич, 1981, рис. 5,1–2, 6], Болгара и болгарской области [Полякова, 1996, с. 177–178, рис. 178,7–8; Руденко, 2015, с. 316–324; 2022, с. 546]. Пластинчатые с прямоугольными концами браслеты с продольными линиями и орнаментальными площадками известны и на территории древнерусских памятников синхронного времени, но часто их отличает наличие шарнирного замка [Седова, 1981, рис. 41,7–10; Сарачева, 2007, рис. 2,9, с. 82].

Так называемые львиноголовые браслеты широко распространены в материалах золотоордынских памятников Нижнего Поволжья [Федоров-Давыдов, 1994, с. 193] и, особенно, Болгара, где существовал свой, отличный от нижневолжского региона, стиль изображения львиных морд [Руденко, 2015, с. 320–321]. В данной выборке этот тип представлен браслетом с Водянского городища (табл. 1,8, рис. 1,5). Грубо выполненное изображение морды животного (льва?) читается на единственном сохранившемся конце браслета. Остальная поверхность заполнена орнаментом в виде «узелков счастья» внутри линзовидных фигур, ограниченных вдоль краев двумя продольными линиями. Такая композиция – «личины» и линия «узелков счастья» присутствует на одном браслете из Болгара, с дополнением в виде сильно стилизованной арабской надписи в центральной части [Полякова, 1996, с. 181, рис. 63,7; Мухаметшин, Хакимзянов, 2013, с. 318]. Чаше львиные маски сочетаются с линиями вдоль корпуса, иногда

дополнительно орнаментированными насечками и циркульным орнаментом [Григорьев и др., 2003, рис. 1; Руденко, 2015, ил. 429–497, 505; и пр.], либо благожелательными надписями [Федоров-Давыдов, 1978; Волков, 2002, с. 106–110; Мухаметшин, Хакимзянов, 2013, с. 318; Болдуряну, 2020]. Для большинства болгарских образцов устойчиво сохранялась композиция из цветочной розетки в средней части и оформления окончаний львиными мордами [Руденко, 2015, с. 321], встречается она и за пределами болгарской области [Ельников, 2001, рис. 13,9; 2006, рис. 78,3].

Близким по характеру изображения, но кардинально отличающимся по исполнению является представленный в выборке полностью литой браслет из Селитренного городища (табл. 1,11, рис. 1,8). По краям и центру корпуса проходят три продольных линии-валика, а на центральной площадке изображен стоящий на четырех лапах кошачий (лев или леопард?) с объемной кисточкой на конце хвоста. Аналогий данному браслету пока найти не удалось.

Пластинчатые браслеты с эпиграфическим орнаментом в выборке представлены двумя небольшими обломками, с Водянского (табл. 1,7, рис. 1,6) и Увекского² (табл. 1,13, рис. 1,7) городищ. Последний сохранился в четырех мелких фрагментах. И основа, и декор отлиты, следы какой-либо дополнительной обработки не могут быть зафиксированы ввиду фрагментированности. Браслеты с благожелательными надписями известны, прежде всего, на городских памятниках – Селитренном городище [Федоров-Давыдов, 1978], серия браслетов из Болгара и селищах Болгарской округи [Полякова, 1996, с. 184, рис. 63,6; Руденко, 2001, с. 202, рис. 43,14], Никольском селище [Винничек В., Винничек К., 2023, фото 14, рис. 15,12], на западных окраинах Улуса Джучи – браслеты из Царева городища [Кравченко, 2015, рис. 9,10] и Костешть [Болдуряну, 2020]. В материалах погребальных памятников подобные изделия встречены в Новохарьковском могильнике [Волков, 2002].

Еще один происходящий с Селитренного городища браслет (табл. 1,9, рис. 1,4) был, вероятно, грубо переделан (переоформлен) из другого браслета или иного предмета. Пер-

воначальный орнамент идентифицировать сложно из-за нанесенного поверх крупного чекана. Выделяются рамка с циркульным орнаментом вдоль одного из краев, внутри которой элементы «забиты» идущей по центру корпуса браслета линией из крупных шарообразных вдавлений, нанесенных, вероятно, инструментом типа пурошника. В средней части фрагмента поперек проходят еще три вдавления, за которыми следуют четыре вдавления, расположенные ромбом. Возможно, оригинальное оформление предмета было близко браслету с эпиграфическим орнаментом с Царева городища [Кравченко, 2015, рис. 9,3].

Дротовые браслеты представлены 3 экземплярами. Браслет из курганного могильника Бахтияровка (табл. 1,2, рис. 1,9) имеет полукруглый в сечении дрот с разомкнутыми скругленными концами. Подобные неорнаментированные браслеты из разных металлов встречены как в курганных могильниках золотоордынского времени, так и некрополях, близких к городам (Увекское, Царевское городище) [Федоров-Давыдов, 1966а, с. 41–42; Каримова, 2013, с. 38; Мыськов, 2015, с. 163]. Известны и образцы с лаконичным гравированным орнаментом в виде точек или зигзага, нанесенным по спинке, либо спинке и концах браслетов [Алихова, 1954, с. 276–277, рис. 18,5; Дьяченко и др., 1994, с. 106].

Еще один браслет из полукруглого в сечении дрота с обломанными концами происходит с Селитренного городища (табл. 1,10, рис. 1,10). Его спинка украшена овальными площадками с «сеточным» узором. Весьма отдаленной аналогией ему является дротовый браслет, происходящий из материалов Казбекского могильника в округе золотоордынского города Мохши с единичной ромбической неорнаментированной площадкой [Белорыбкин и др., 2024, с. 145, с. 246, рис. 105,6]. Датированные золотоордынским временем узкомассивные с подтреугольным сечением браслеты с ромбическими орнаментированными пуансоном площадками в центральной части и у концов найдены и на Рождественском городище [Руденко, 2001, с. 81, с. 198, рис. 39,12].

Фрагмент браслета из Царевского городища (табл. 1,3, рис. 1,11) выделяется на фоне остальной выборки, так как является частью

составного изделия. Сохранилась одна половина в виде дрота с уплощенной схематичной звериной мордой, выделяющимися ушами и удлинённой мордой на одном конце и креплением на другом. Составные створчатые браслеты редко встречаются в материалах золотоордынского времени и представлены в основном пластинчатыми экземплярами. Оформление же концов браслетов зооморфными фигурами является более распространенной традицией. Так, дротовые браслеты со змеиными головками на концах встречены в Болгаре [Полякова, 1996, с. 178–179, рис. 63,13] и мордовских могильниках [Ляхов, 1997, с. 86, рис. 5,1–2; Археологические исследования ... , 2011, с. 90; Глазистова, 2024, с. 68–70]. Но самой близкой, хотя и не точной аналогией браслету из Царевского городища являются золотые браслеты с головами драконов из Симферопольского клада [Сокровища ... , 2000, с. 321, кат. 510, 511]. Дротовые браслеты отлиты, а головки дополнительно проработаны резцом – выделены завитками уши, а головы частично покрыты чешуйчатым орнаментом. Автор первой публикации В.А. Мальм высказала предположение о среднеазиатском происхождении браслетов, М.Г. Крамаровский отнес их к группе предметов Симферопольского клада, произведенных в Золотой Орде, отметив при этом некоторое влияние ахеменидской традиции [Мальм, 1980; Крамаровский, 2019, с. 196]. Можно предположить, что браслет из Царевского городища, изготовленный из латуни, цвет которой приближен к золотому (табл. 1,3), и отличающийся меньшей проработанностью и детализацией драконьей головки, является подражанием браслетам Симферопольского клада.

Помимо относительно целых и определяемых форм в выборке присутствуют два предмета, которые к браслетам можно отнести лишь условно. Один из них (табл. 1,4, рис. 1,12) представляет собой небольшой фрагмент толстого (0,6 см в диаметре), круглого в сечении, литого дрота. Степень кривизны изгиба вполне соотносится с целыми формами дротовых браслетов. Еще один фрагмент (табл. 1,6, рис. 1,13) является либо заготовкой, либо, наоборот, ломом изделия из скрученного дрота. Фрагмент длиной 3,2 см изготовлен путемковки с поворотом и умень-

шением поперечного сечения квадратного в сечении дрота. Размер первоначального дрота – $4,6 \times 4,3$ мм, в скрученной части в районе обрубленного конца – 3×3 мм. Витые из 2–3 проволочек браслеты являются относительно частым, хоть и не представленным в данной выборке типом, в то время как браслеты из скрученного дрота (или литого псевдоскрученного) встречаются значительно реже (например, в Барбашинском могильнике золотоордынского времени [Археологические исследования ... , 2011, с. 82]), также известны железные домонгольские скрученные браслеты (XII в.) [Руденко, 2023, с. 82, с. 91, рис. 1,2–3].

Таким образом, представленные в выборке изделия относятся к распространенным типам золотоордынских браслетов – дротовым и пластинчатым тупоконечным с вариациями орнаментов и их комбинациями, характерными для золотоордынских памятников нижеволжского и болгарского регионов, а также мордовского населения этого времени. При этом некоторые экземпляры из Царевского и Селитренного городищ находят лишь отдаленные аналогии.

Исследование техники изготовления и элементного состава. Визуальное исследование техники изготовления проводилось при помощи увеличительных приборов (луп и, для части выборки из Селитренного городища, микроскопа Stemi 2000C (Zeiss) с камерой AxioCam ERc 5s³), но без проведения металлографического анализа, что позволило выявить основные этапы схем изготовления только предварительно. Изучение элементного состава браслетов проводилось методом неразрушающего безэталонного рентгено-флуоресцентного анализа (РФА) при помощи РФА-спектрометра Bruker Mistral M1 и портативного РФА-спектрометра Bruker 5i Tracer⁴. Ранжирование сплавов происходило на основе методики, где порогом искусственного легирования является концентрация металла выше 1 % [Енисова и др., 2008, с. 128].

В результате визуального обследования было выявлено три схемы изготовления пластинчатых браслетов: 1) браслет отливался вместе с орнаментом в жесткую форму, а затем изгибался⁵ (рис. 1,3,5–8); 2) основа браслета отливалась и дорабатывалась приемамиковки, орнамент наносился при помощи че-

канов (одного или нескольких) и резцов, затем также изгибался (рис. 1,1); 3) браслет вырезался из металлической кованой пластины, орнамент наносился чеканом, изгибался (рис. 1,2). Фрагмент одного из браслетов с Селитренного городища (табл. 1,9, рис. 1,4) оказался переделан из другого браслета или изделия – так, более тонко выполненный чеканный орнамент (следы от фигурных чеканов-пуансонов) частично перекрывается более крупным чеканом (пурошником). Необходимо отметить, что Г.А. Федоровым-Давыдовым опубликован еще один браслет с Селитренного городища, вырезанный из уже бывшего в использовании кованого предмета (по его предположению, сосуда), украшенного орнаментом из линий и листьев, прочерченных инструментом с заостренным бойком и пуансоном (?) в виде буквы «п». На другой (лицевой) стороне уже вырезанного браслета с помощью матриц сформирован орнамент из арабской благожелательной надписи и морды льва [Федоров-Давыдов, 1978].

Основной формообразующей операцией для большинства браслетов является литье с последующим изгибанием. Часть из них (5) отливалась вместе с декором (рис. 2,1), вероятно, в каменные литейные формы, о чем свидетельствует гладкая оборотная сторона при небольшой (0,5–0,7 мм) толщине. Один браслет изготовлен в технике литья по утрачиваемой модели, о чем свидетельствуют характерные следы работы с воском на орнаментированных площадках (рис. 2,2). Все они прошли полный цикл послелитейной обработки. О литье как одной из основных применяемых техник в производстве золотоордынских браслетов свидетельствует и наличие каменных литейных форм [Кубанкин, Ситников, 2024, с. 207].

Литьем с доработкой давлением выполнено 4 браслета. Браслет с зооморфной головкой из Царевского городища изготовлен литьем с последующей доработкой приемамиковки – вытяжкой и гибкой. Крепление со второй (утраченной) частью представляет собой сформированную рубкой (возможно, зубильцем и долотом) площадку с отверстием, в котором сохранился железный штифт. Другой конец, зооморфный, имеет рельефные ушки, также сформированные зубильцем (или

чеканом) и орнаментированные гравировкой. Гравированный рисунок так же украшает «морду» и «затылок» (пространство за ушками) фигуры.

Ковкой доработаны концы браслетов из Абганерово и Бахтияровки – им придана скругленная уплощенная форма (табл. 1,1,2). Один браслет из Водянского городища (табл. 1,5) вырезан из кованой пластины. Полностью ковкой изготовлен только один скрученный фрагмент, отнесенный к браслетам условно.

Декор представленных браслетов, если не был отлит вместе с корпусом, нанесен либо с помощью чеканки (2), либо гравировкой (2). Среди чеканов зафиксированы циркульный (пуансон с кольцевым оттиском), инструменты типа толстого расходника для получения мягкой линии и пурошника со сферическим боем. Гравировкой резцами разной толщины нанесены рисунок на «морде» и «затылке» зооморфной фигуры (дракона?) на браслете из Царевского городища, а также на браслете из Абганерово Х-образная фигура, выполненная мелким зигзагом (рис. 2,3).

Результаты исследования состава методом РФА. Исследование браслетов на предмет элементного состава показало, что 11 из них изготовлены из латуней, 1 – из высокопробного двухкомпонентного серебра и еще 1 – из «чистой» меди.

Известно, что латуни имеют высокие механические и технологические свойства – достаточно упруги (что немаловажно для такого предмета, как браслет, который в процессе носки и надевания / снятия подвергается нагрузке), пластичны и хорошо поддаются обработке в горячем и холодном состояниях. Важнейшей особенностью латуни является ее золотистый цвет и блеск, позволяющие имитировать драгоценные металлы. Содержание цинка в сплаве более 10 % проявляется в переходе от красноватых тонов, характерных для меди, в желтую область, визуально мало отличимую от цвета золота. В латунях с $Zn > 22\%$ проявляется зеленоватый оттенок золото-серебряных сплавов с $Ag\ 20\text{--}30\%$ [Baker, 2013, p. 234]. Сплав имеет ярко выраженный металлический блеск, который легко поддерживается и восстанавливается полировкой.

В представленных латунях (рис. 3) содержание цинка варьируется от 2,3 до 20,6 %, среднее значение 10,19 %, олово колеблется в пределах 1,34–6,57 %, в среднем 2 %, свинец – в диапазоне 1,07–5,38 %, среднее 1,5 %. Низкие показатели содержания свинца, до 3 %, вероятно, являются следствием не целенаправленного легирования, а использования плохо очищенной «черновой» меди, либо загрязнением образца [Ковалева, 2024].

Максимальное содержание цинка зафиксировано в браслете с Селитренного городища (табл. 1,10), выполненного из многокомпонентного сплава с небольшой примесью олова (1,34 %) и свинца (5,38 %). Высокое содержание цинка (12–16 %) отмечено также в браслетах из Абганерово (табл. 1,1), браслете с эпиграфическим орнаментом из Водянского городища (табл. 1,7), в составе которых отмечено также около 2 % олова, и «переделанным» браслетом из Селитренного (табл. 1,9), изготовленным из двойной латуни без дополнительных лигатур.

Из двойной латуни (либо, если учитывать свинец в концентрациях 1–2 % свинцовой латуни), помимо упомянутого браслета из Селитренного, изготовлены фрагмент дрота (табл. 1,4) и пластинчатый браслет с циркульным орнаментом (табл. 1,5) из Водянского городища, при этом концентрации цинка в них низки – 2–4 %. В составе металла дрота также отмечена небольшая (1,2 %) примесь сурьмы.

Наибольшую долю в выборке (7) занимают оловянные латуни (табл. 1,1,3,7,8,11–13), содержание цинка в них колеблется в пределах 6,14–14,84 %, среднее значение приходится на 9,7 %. Олово добавлено в невысоких концентрациях 1–3 %, лишь в одном случае в браслете из Увекского городища зафиксировано содержание в 6,57 % (табл. 1,12). Исходя из того что все литые браслеты с литым же декором в своем составе имеют Sn в концентрациях 1,34–6,57 %, нельзя полностью исключать целенаправленное введение в сплав небольших порций олова (лома оловянных бронз) для улучшения литейных свойств – благодаря взаимному влиянию олова и цинка во время реакции затвердевания в сплавах $Cu + Zn + Sn$ [Park et al., 2021, p. 10].

Примесь свинца, которую можно интерпретировать как эффект загрязнения, отмече-

на в 7 пробах (табл. 1, 1, 4, 5, 8, 9, 12–13) и не превышает 2,1 %.

Всего два предмета в изученной серии были изготовлены не из латуней. Из нелегированной меди изготовлен только один предмет – крученный фрагмент дрота. Браслет из курганного могильника Бахтияровка (табл. 1, 2) изготовлен из высокопробного двухкомпонентного серебра, содержание меди – 2,44 %. Также отмечена небольшая примесь золота (1,35 %). Визуально на браслете слой золочения не прослеживается, а в составе полностью отсутствует ртуть, требуемая для составления амальгамы, исходя из чего можно предположить, что золото попало в состав сплава как естественный компонент серебряной руды.

При сопоставлении техники изготовления и состава обращает на себя внимание, что все литые браслеты изготовлены из оловянных / многокомпонентных латуней, в то время как кованные и литые с доработкой давлением изготовлены из серебра, меди, двойной высокоцинковой латуни, двойной низкоцинковой латуни.

Таким образом, изученная выборка представлена браслетами, выполненными из двух типов металлов и сплавов – высокопробное серебро и латуни (двойные, оловянные, многокомпонентные), а единственное медное изделие браслетом, с большой долей вероятности, не является. Синхронные выборки в рамках Улуса Джучи демонстрируют несколько большее разнообразие типов металлов и сплавов, используемых для производства такой категории материальной культуры, как браслеты. Изученные браслеты золотоордынского Болгара представлены латунями с содержанием цинка 10–25 % (около 42 % выборки браслетов), медью (25 %) и бронзами (33 %) [Зайцева, 2010, табл.; Хлебникова, 1996, табл. 1–3]. В коллекции браслетов из Увекского городища и сельских поселений его округа⁶ латуни с цинком в пределах 8–22 % также доминируют (57 %), на долю медных изделий приходится около 29 %, а бронз – 14 % [Недашковский, 2002, табл., 14, 64, 69, 78, 89; 2013, табл. 1, 212]. Серебряные браслеты из Отрара демонстрируют весьма специфичный состав, где серебро 7 из 10 образцов было разбавлено значительными порциями латуни

[Кузнецова, 1981, табл.]. В коллекциях второй половины XIII – XIV в. с территории русских земель (Ярославль, Новгород, Устьинский археологический комплекс) доминирование латуней и их ярко выраженная роль для производства браслетов отсутствуют [Коновалов, 2008, с. 53–72; Ениосова и др., 2008, с. 175–179; Зайцева, Сапрыкина, 2014, с. 203–208].

Серебряные изделия не часто попадают в золотоордынские выборки для анализа на предмет элементного состава, однако коллекции серебряных браслетов известны и достаточно обширны (например: [Руденко, 2019]). Браслеты из цветных металлов, проанализированные в данном исследовании, указывают на то, что и для более простых изделий использовался металл, который, при условии контроля содержания цинка, позволял имитировать драгоценные металлы (золото и золотосеребряные сплавы). Но необходимые для поддержания цвета концентрации цинка (>10 %) выдержаны только в половине браслетов выборки. Среднее и высокое содержание цинка в латунных браслетах болгарской и увекской «областей» также свидетельствует, вероятно, о стремлении сохранить золотистый цвет.

Отмечено, что при выборе типа металла / сплава ремесленник несвободен в своем выборе, он исходит из функционального назначения изделия и руководствуется эстетическими представлениями, при этом на него воздействуют технологические, экономические (стоимость сырья и готового изделия) и даже социальные ограничения [Saussus et al., 2023, р. 13]. Проведенное исследование лишь одной категории украшений позволяет судить о том, что золотоордынские мастера располагали достаточным количеством цинкосодержащего сырья, чтобы иметь возможность выдерживать (или стремиться выдерживать) состав, при котором сплав будет иметь цвет, имитирующий драгоценный металл. При этом невысокое, в ряде случаев минимальное для сохранения цвета содержание цинка в браслетах свидетельствует о том, что латуни неоднократно переплавлялись (при каждой переплавке потеря цинка вследствие его летучести составляет около 10 %) [Dungworth, 1995, р. 133]) и разбавлялись медью (как «чистой», так и черновой с примесью свинца) и оловянными бронзами.

Вопрос об источниках латуни в Золотой Орде является открытым. Л.Ф. Недашковским высказывалось предположение, что она ввозилась на территорию Золотой Орды через Русь и Прибалтику из Западной Европы [Недашковский, 2018, с. 250], однако северный торговый путь, связывавший Западную Европу и Византию через Балтику и русские земли, активно функционировал в более раннее время [Morton, 2019, pp. 58–63].

Находясь на пересечении торговых путей и с итальянскими факториями Таной и Кафрой на своей территории, в XIV в. Улус Джучи стал транзитным пунктом для масштабной морской и караванной торговли, одним из ведущих товаров которой был металл. В торговых документах XIV в. имеются сведения о поставках из стран Западной Европы и Византии серебра, меди, олова, в меньшей степени – свинца, однако латунь и каламин (карбонат цинка, необходимый для производства латуни) в них практически отсутствуют [Еманов, 2018, с. 81–82, 85–86, 95, 97; Карпов, 2021, с. 250–251]. При этом, в списках ввозимых в Европу через Орду товаров фигурирует происходившая из византийской Троады, иранских владений ильханов или Индии туция [Еманов, 2018, с. 97]. Туция (туттия, оксид цинка) применялась в медицинских целях, как компонент красителей, а в иранской и индийской металлообработке его использовали для получения латуни [Morton, 2019, p. 36, 73–74].

Богатые цинковыми рудами Индия и Персия являлись крупнейшими центрами производства латунных изделий в эпоху Средневековья. Осуществлявшаяся через Кавказ и Каспий торговля между Золотой Ордой и Хулагуидским Ираном была источником поступления восточных товаров в Золотую Орду, среди которых были и металлические предметы [Калан, 2012, с. 65–66]. Можно предполагать, что лом этих изделий служил источником цинкосодержащего сырья в Золотой

Орде. Однако сопоставление с металлом Ближнего Востока демонстрирует значительное расхождение в составе тройных латуней, так как в качестве третьего компонента они чаще содержат свинец в концентрациях до 17 % [Craddock et al., 1998, p. 75–77; Orfanou et al., 2018, p. 20]. В Золотой Орде же более широкое применение нашли оловянные латуни, свинцовые встречены единично и с содержанием Pb в среднем около 3 %. Таким образом, на данный момент можно судить лишь о том, что на территорию Золотой Орды условно «свежая» латунь и цинкосодержащее сырье регулярно поступали, но не об их источнике.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Изображения браслетов Селитренного городища, находящихся на хранении в фондах Государственного исторического музея, взяты из открытого источника – Государственного каталога музейного фонда Российской Федерации (<https://goscatalog.ru/>).

² В публикации Л.Ф. Недашковского отнесен к безщитковым перстням [Недашковский, 2000, с. 44].

³ Выражаю огромную признательность руководству Государственного исторического музея и отдела археологических памятников за возможность использования оборудования.

⁴ Исследование выполнялось с использованием приборной базы Государственного исторического музея и Центра коллективного пользования научным оборудованием для археометрических исследований при ИА РАН (г. Москва). Аналитик – И.А. Сапрыкина.

⁵ Ввиду фрагментированности нельзя полностью исключить, что концы некоторых браслетов (табл. 1, 7, 11–13) дополнительно не проковывались.

⁶ Один из браслетов, проанализированных Л.Ф. Недашковским методом ОЭСА [Недашковский, 2002, табл. 62], вошел в выборку и данного исследования (табл. 1, 12) и продемонстрировал расхождение в содержании цинка (2,2 и 6,5 % соответственно) в оловянной латунь.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Таблица 1. Каталог браслетов золотоордынского времени с территории Нижнего Поволжья с результатами исследования химического состава цветного и драгоценного металлов по методу РФА

Table 1. Catalogue of Golden Horde period bracelets from the territory of the Lower Volga region with the results of a study of the chemical composition of non-ferrous and precious metals using the XRF method

№ п/п	Паспорт	Место и шифр хранения	Рис.	Техника	Публикация
1	к/м Абганеро-во III, кург. 1, погр. 1	ВОКМ, 30017/2	1	Литье, ковка, чеканка	[Дьяченко и др., 1994, с. 106, 135, рис. 14,4; Мыськов, 2015, с. 163, табл. XXVIII, I]
2	к/м Бахтияровка I, кург. 27, погр. 1	ВОКМ	9	Литье, ковка	[Мыськов, 2015, с. 163, табл. XXVIII, I]
3	Царевское городище, 1964, п/м	ВОКМ, 24055/4	11	Литье, рубка, гравировка	[Федоров-Давыдов, 1966б, рис. 9,8; Ковалева, 2019, с. 64, рис. 1, I]
4	Водянское городище, 1969, п/м № 353	ВОКМ, 14266/9/4	12	Литье	—
5	Водянское городище, 1969, Р. 1, яма 6	ВОКМ, 14266/9	2	Ковка, резка, чеканка	—
6	Водянское городище, 1992, Р. 2, шт. 1, уч. Б1	ВОКМ, 8080/19	13	Ковка	—
7	Водянское городище, 2004, Р-1, земл. 1	ВОКМ, 32448/30	6	Литье	—
8	Водянское городище, 2012, Р. 1, пл. 1, кв 16Б	ВОКМ, 33747/3	5	Литье	[Лапшин, Мыськов, 2013, с. 62, с. 209, рис. 109,8]
9	Селитренное городище 1986, п/м	ГИМ, 111012/оп. В 2694/20	4	Литье, чеканка	[Федоров-Давыдов, 1994, с. 194, рис. 43,5]
10	Селитренное городище, 1987, п/м	ГИМ, 111013/оп. В 2695/13	10	Литье по утрачиваемой модели	—
11	Селитренное городище, 1989	ГИМ, 111015/оп. В 2697/93	8	Литье	—
12	Увекское городище, 1909	СОМКНВ, 43277; АО 1045/2	3	Литье	[Недашковский, 2000, с. 41, рис. 7,27, с. 45]
13	Увекское городище, 1916	НВСП, 28706; АО 263/4	7	Литье	[Недашковский, 2000, с. 41, рис. 7,14, с. 45]

Окончание таблицы 1

End of Table 1

№ п/п	Состав											
	Mn	Fe	Ni	Cu	Zn	As	Sb	Ag	Sn	Pb	Au	Hg
1	—	0,38	0,04	82,6	12,2	0,22	0,00	0,25	2,08	2,14	-	-
2	x	0,00	0,00	2,44	0,00	0,00	0,00	95,8	0,00	0,38	1,35	x
3	—	0,09	0,07	86,4	10,65	0,08	0,49	0,07	1,59	0,51	-	-
4	0,03	1,19	0,06	89,959	4,81	0,28	1,2	0,35	0,001	2,12	—	—
5	—	0,2	0,08	95,17	2,35	—	—	—	0,76	1,09	—	—
6	—	0,29	0,04	98,769	0,001	—	—	—	0,5	0,4	—	—
7	—	0,04	—	82,68	14,84	0,03	—	0,33	2,01	0,05	—	—
8	—	0,16	0,16	87,53	8,13	0,1	0,45	0,14	2,26	1,07	—	—
9	x	0,23	0,03	80,99	16,28	0,00	0,03	0,08	0,87	1,47	0,00	0,00
10	x	0,48	0,05	71,71	20,65	0,00	0,13	0,13	1,34	5,38	0,00	0,11
11	x	0,72	0,05	88,64	6,14	0,10	0,09	0,23	2,96	0,94	0,00	0,05
12	—	1,02	—	83,57	7,74	—	—	—	6,57	1,1	—	—
13	—	0,06	0,04	88	8,33	—	—	—	1,98	1,59	—	—

Рис. 1. Браслеты с территории золотоордынских памятников Нижнего Поволжья:

1 – к/м Абганерово; 2, 5, 6, 12, 13 – Водянское городище; 3, 7 – Увекское городище;
4, 8, 10 – Селитренное городище; 9 – к/м Бахтияровка; 11 – Царевское городище.
4, 8, 6 – по: [Госкаталог (Goskatalog.RU) 35977698, 33858242, 31093742]; остальные – фото автора

Fig. 1. Bracelets from the territory of the Golden Horde monuments of the Lower Volga region:

1 – Abganerovo kurgan cemetery; 2, 5, 6, 12, 13 – Vodyanskoye settlement; 3, 7 – Uvek settlement;
4, 8, 10 – Selitrennoye settlement; 9 – Bakhtiyarovka kurgan cemetery; 11 – Tsarevskoye settlement.
4, 8, 6 – after: [State Catalogue of the Museum Fund of Russia (Goskatalog.RU) nos. 35977698, 33858242, 31093742];
the rest – photos by the author

Рис. 2. Технологические следы на золотоордынских браслетах:

- 1 – литой орнамент на браслете с надписью из Водянского городища;
2 – следы работы с утрачиваемой (восковой) моделью на площадке браслета из Селитренного городища;
3 – гравированный орнамент в виде зигзага на браслете из Абганерово

Fig. 2. Technological traces on Golden Horde bracelets:

- 1 – cast ornament on a bracelet with an inscription from the Vodyanskoye settlement;
2 – traces of work with a lost (wax) model on the area of a bracelet from the Selitrennoe settlement;
3 – engraved ornament in the form of a zigzag on a bracelet from Abganerovo

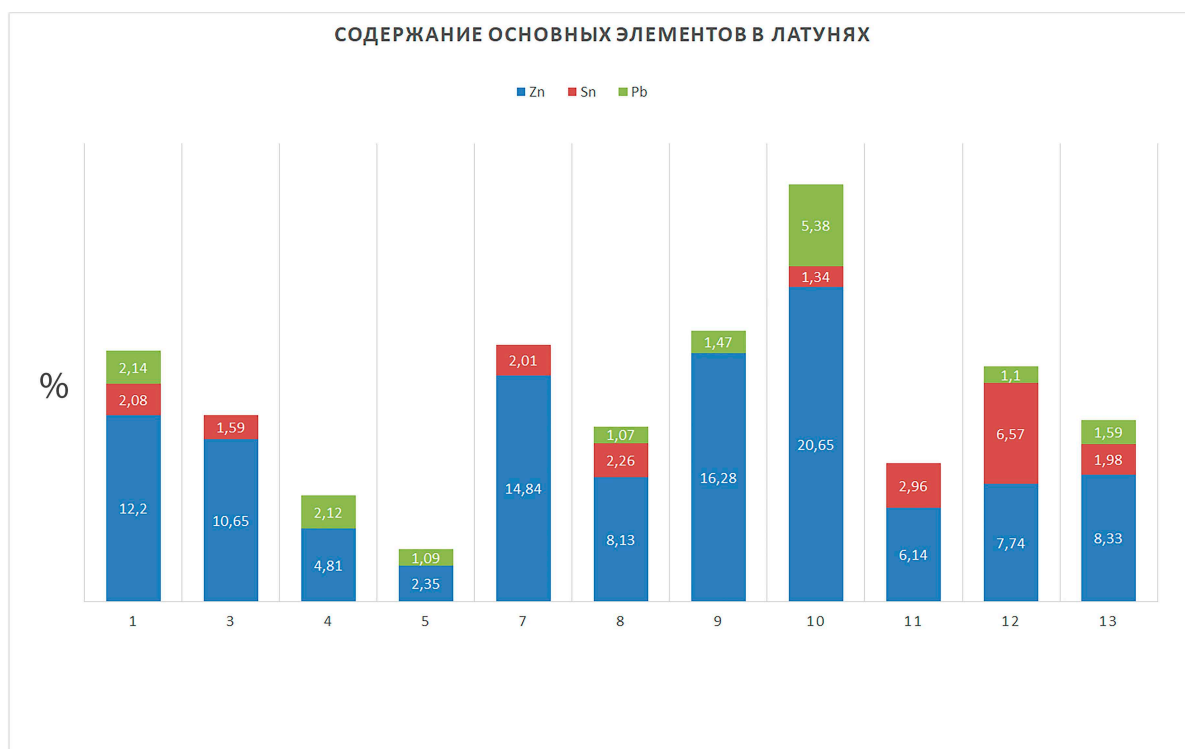

Рис. 3. Гистограмма содержания цинка, олова и свинца в латунях золотоордынских браслетов Нижнего Поволжья

Fig. 3. Histogram of the content of zinc, tin, and lead in brass of Golden Horde bracelets of the Lower Volga region

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алихова А. Е., 1954. Муранский могильник и селище // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. 1. М. : Изд-во АН СССР. С. 259–301.
- Археологические исследования на территории города Самары. Раскопки В.Н. Глазова и В.А. Миллера на Барбашинском могильнике, 2011. Самара : СОИКМ им. П.В. Алабина. 96 с.
- Байпаков К. М., Настич В. Н., 1981. Клад серебряных вещей и монет XIII в. из Отрара // Казахстан в эпоху феодализма (Проблемы этнополитической истории). Алма-Ата : Наука КазССР. С. 20–60.
- Белорыбкин Г. Н., Иконников Д. С., Мельниченко О. В., Винничек В. А., Лебедев В. П., Гумаюнов С. В., Голубев О. В., 2024. Средневековый город Мохши. Пенза : Изд-во ИРРПО. 264 с.
- Болдуряну А. И., 2020. Браслет с арабской надписью и львиной личиной с городища Костешть XIV в. (Молдова) // «На одно крыло – серебряная, На другое – золотая...». Сборник статей памяти Светланы Рябцевой. Кишинев : Stratum Plus. С. 201–206.
- Винничек В. А., Винничек К. М., 2023. Средневековые древности Никольского селища. Пенза : ИРРПО. 88 с.
- Волков И. В., 2002. Золотоордынские браслеты с надписями // Новохарьковский могильник Золотой Орды. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та. С. 106–110.
- Глазистова Н. И., 2024. Бронзовые и железные браслеты Барбашинского могильника из раскопок А.С. Башкирова в 1921 г. // Археология евразийских степей. № 3. С. 66–80. DOI: <https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.3.66.80>
- Григорьев Е. М., Егоров В. Л., Руденко К. А., 2003. Ювелирные изделия с Селитренного городища // Археология восточноевропейской лесостепи. Пенза : ПГПУ. С. 507–512.
- Дьяченко А. Н., Блохин В. Г., Шинкарь О. А., 1994. Археологические исследования у с. Абганерово Октябрьского района Волгоградской области // Археолого-этнографические исследования в Волгоградской области. Волгоград : Перемена. С. 83–139.
- Ельников М. В., 2001. Средневековый могильник Мамай-Сурка (по материалам исследований 1989–1992 гг.). Т. I. Запорожье : ЗГУ. 275 с.
- Ельников М. В., 2006. Средневековый могильник Мамай-Сурка (по материалам исследований 1993–1994 гг.). Т. II. Запорожье : ЗНУ. 356 с.
- Еманов А. Г., 2018. Между полярной звездой и полуденным солнцем. Каффа в мировой торговле XIII–XV веков. СПб : Алетея. 368 с.
- Ениосова Н. В., Митоян Р. А., Сарачева Т. Г., 2008. Химический состав ювелирного сырья эпохи средневековья и пути его поступления на территорию Древней Руси // Цветные и драгоценные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху Средневековья. М. : Вост. лит. С. 107–188.
- Зайцева И. Е., 2010. Цветной металл Волжской Болгарии (предварительный анализ) // Русь и Восток в IX–XVI веках. Новые археологические исследования. М. : Наука. С. 116–138.
- Зайцева И. Е., Сапрыкина И. А., 2014. Новые данные к характеристике цветного металла Северо-Восточной Руси (по материалам исследований в средневековом Ярославле) // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 233. С. 193–208.
- Калан Э., 2012. Золотая Орда (Улус Джучи) и страны Востока: торгово-экономические взаимоотношения во второй половине XIII – XIV в. Казань : ИИ им. Ш. Марджани АН РТ. 156 с.
- Каримова Р. Р., 2013. Элементы убранства и аксессуары костюма кочевников Золотой Орды (типология и социокультурная интерпретация). Казань : ИИ им. Ш. Марджани АН РТ. 211 с.
- Карпов С. П., 2021. История Таны (Азова) в XIII–XV вв. Т. 1. Тана в XIII–XIV вв. СПб. : Алетея. 375 с.
- Ковалева К. С., 2019. Результаты исследования техники изготовления золотоордынских изделий из цветных металлов (из коллекции Волгоградского областного краеведческого музея) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. Т. 24, № 1. С. 61–74. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.1.5>
- Ковалева К. С., 2024. Определение порога «загрязнение / лигатура» свинцом сплавов на основе меди золотоордынских памятников Нижнего Поволжья // Нижневолжский археологический вестник. Т. 23, № 4. С. 115–126. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.4.5>

- Коновалов А. А., 2008. Цветной металл (медь и ее сплавы) в изделиях Новгорода X–XV вв. // Цветные и драгоценные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху Средневековья. М. : Вост. лит. С. 7–106.
- Кравченко Э. Е., 2015. Памятники золотоордынского времени в степях между Днестром и Доном // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Кишинев : Stratum Plus. С. 411–478.
- Крамаровский М. Г., 2019. «Симферопольский клад»: первые владельцы и гипотеза стоимости сокровищницы в XIV в. // Античная древность и средние века. Т. 47. С. 195–209. DOI: <http://dx.doi.org/10.15826/adsv.2019.47.014>
- Кубанкин Д. А., Ситдинов А. Г., 2024. Города не исчезают... История Укека в находках (каталог выставки). Казань : Изд-во АН РТ. 252 с.
- Кузнецова Э. Ф., 1981. Спектральный анализ серебряных вещей клада XIII в. из Отрара // Казахстан в эпоху феодализма : (Проблемы этнополитической истории). Алма-Ата : Наука КазССР. С. 60–62.
- Лапшин А. С., Мыськов Е. П., 2013. Исследования на Водянском городище в 2011–2012 гг. М. : Перо. 213 с.
- Ляхов С. В., 1997. Исследования Аткарского грунтового мордовского могильника XII–XIV вв. в 1996 г. // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1996 г. Вып. 2. Саратов : Орион. С. 79–97.
- Мальм В. А., 1980. Симферопольский клад (Буклет из серии «Сокровища Государственного ордена Ленина Исторического музея»). М. : Внешторгиздат. 14 с.
- Мухаметшин Д. Г., Хакимзянов Ф.С., 2013. Надписи на металлических изделиях // Великий Болгар. М.; Казань : Феория. С. 316–319.
- Мыськов Е. П., 2015. Кочевники Волго-Донских степей в эпоху Золотой Орды. Волгоград : Изд-во Волгогр. фил. РАНХиГС. 484 с.
- Недашковский Л. Ф., 2000. Золотоордынский город Укек и его округа. М. : Вост. лит. 224 с.
- Недашковский Л. Ф., 2002. Химический состав изделий из цветных металлов с золотоордынских поселений центральной части Саратовской области // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 5. С. 335–347.
- Недашковский Л. Ф., 2013. Химический состав изделий из цветных металлов и стекла с Багаевского селища // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Барнаул : АлтГУ. С. 77–81.
- Недашковский Л. Ф., 2018. Химический состав изделий из цветных металлов с золотоордынских поселений северных районов Нижнего Поволжья // Stratum Plus. № 6. С. 243–254.
- Полякова Г. Ф., 1996. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань : ИЯЛИ АНТ. С. 154–257.
- Руденко К. А., 2001. Материальная культура болгарских селищ низовий Камы XI–XIV вв. Казань : РИЦ «Школа». 220 с.
- Руденко К. А., 2015. Булгарское серебро. Древности Биляра. Т. II. Казань : Заман. 528 с.
- Руденко К. А., 2019. Золотые и серебряные браслеты XIII–XIV вв. из Булгарской области Золотой Орды: систематизация, атрибуция и датировка // В поисках сущности. Сборник статей в честь 60-летия Н.Д. Руссеева. Кишинев : Stratum Plus. С. 239–262.
- Руденко К. А., 2022. Цветная металлургия Булгарской области Золотой Орды // Археология Волго-Уралья. Т. VI. Средние века (вторая треть XIII – первая половина XV в.). Эпоха Золотой Орды (Улус Джучи). Казань : Изд-во АН РТ. С. 525–558.
- Руденко К. А., 2023. Железные браслеты с селищ низовий Камы домонгольского времени // 800-летие победы болгар над монгольской армией под стенами Золотаревского городища : Всерос. науч.-практ. конф. Пенза : ИРРПО. С. 79–92.
- Сарачева Т. Г., 2007. Ювелирные изделия второй половины XIII – XVI в. с территории Северо-Восточной Руси // Краткие сообщения института археологии. Вып. 221. С. 73–88.
- Седова М. В., 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М. : Наука. 195 с.
- Сокровища Золотой Орды, 2000. Каталог выставки. СПб. : Славия. 345 с.
- Федоров-Давыдов Г. А., 1966а. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М. : Изд-во Моск. ун-та. 274 с.
- Федоров-Давыдов Г. А., 1966б. Новый Сарай по раскопкам в 1963–1964 // Советская археология. № 2. С. 233–248.

- Федоров-Давыдов Г. А., 1978. Браслет с надписью с Селитренного городища // Советская археология. № 2. С. 286–288.
- Федоров-Давыдов Г. А., 1994. Золотоордынские города Поволжья. М. : Изд-во МГУ. 232 с.
- Хлебникова Т. А., 1996. Анализы Болгарского цветного металла // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань : ИЯЛИ АНТ. С. 269–292.
- Baker J. M., 2013. The Colour and Composition of Early Anglo-Saxon Copper Alloy Jewelry. Durham Theses, Durham University. 501 p. URL: <http://etheses.dur.ac.uk/10550>
- Craddock P., La Niece S., Hook D., 1998. Brass in the Medieval Islamic World // 2000 Years of Zinc and Brass. London : BMP. P. 73–113.
- Dungworth D. B., 1995. Iron Age and Roman Copper Alloys from Northern Britain. University of Durham. 291 p. URL: <http://etheses.dur.ac.uk/1024>
- Morton V., 2019. Brass from the Past. Brass Made, Used and Traded from Prehistoric Times to 1800. Oxford : Archaeopress. 370 p.
- Orfanou V., Collinet A., El Morr Z., Bourgarit D., 2018. Archaeometallurgical Investigation of Metal Wares from the Medieval Iranian World (10th–15th Centuries): The ISLAMETAL Project // Journal of Archaeological Science. Vol. 95. P. 16–32.
- Park J.-S., Voyakin D., Kurbanov B., 2021. Bronze-to-Brass Transition in the Medieval Bukhara Oasis // Archaeological and Anthropological Sciences. Vol. 13, № 32. P. 1–13. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12520-021-01287-3>
- Saussus L., Thomas N., Bourgarit D., 2023. Exactly How Free? Constrained Choices and Product Ranges of Medieval Copper-Alloy Objects Found Between the Meuse and Loire Rivers (9th – 16th Centuries CE) // Heritage Science. Vol. 11, № 75. P. 11–24. DOI: <https://doi.org/10.1186/s40494-023-00915-6>

REFERENCES

- Alihova A.E., 1954. Muranskiy mogil'nik i selishche [Muranskiy Cemetery and Settlement]. *Trudy Kuybyshevskoy arheologicheskoy ekspeditsii* [Proceedings of the Kuibyshev Archaeological Expedition], vol. 1. Moscow, AS USSR, pp. 259–301.
- Arheologicheskie issledovaniya na territorii goroda Samary. Raskopki V.N. Glazova i V.A. Millera na Barbashinskom mogil'nike* [Archaeological Research in the Territory of the City of Samara. Excavations of V. N. Glazov and V. A. Miller at the Barbashinsky Cemetery], 2011. Samara, Samara Regional Museum of Local Lore named after P.V. Alabin. 96 p.
- Baypakov K.M., Nastich V.N., 1981. Klad serebryanyh veshchey i monet XIII v. iz Otrara [A Hoard of Silver Items and Coins of the 13th Century from Otrar]. *Kazakhstan v epokhu feodalizma (Problemy etnopoliticheskoy istorii)* [Kazakhstan in the Era of Feudalism (Problems of Ethnopolitical History)]. Alma-Ata, Nauka KazSSR Publ., pp. 20–60.
- Belorybkin G.N., Ikonnikov D.S., Mel'nicenko O.V., Vinnichuk V.A., Lebedev V.P., Gumayunov S.V., Golubev O.V., 2024. *Srednevekoviy gorod Mohshi* [The Medieval City of Mokhshi]. Penza, Institute of Regional Development of the Penza Region. 264 p.
- Boldureanu A.I., 2020. Braslet s arabskoy nadpis'yu i l'vinoy lichinoy s gorodishcha Kotesht' XIV v. (Moldova) [Bracelet with Arabic Inscription and Leonine Mask Found in Costesti Town of the 14th Century (Moldova)]. «*Na odno krylo – serebryanaya, Na drugoe – zolotaya...*». *Sbornik statey pamyati Svetlany Ryabtsevoy* [“One Her Wing is Silver, The Other One is Made of Gold...” Selected Papers in Memory of Svetlana Ryabtseva]. Kishinev, Stratum Plus, pp. 201–206.
- Vinnichuk V. A., Vinnichuk K.M., 2023. *Srednevekovye drevnosti Nikol'skogo selishcha* [Medieval Antiquities of Nikolskoye Settlement]. Penza, Institute of Regional Development of the Penza Region. 88 p.
- Volkov I.V., 2002. Zolotoordynskie braslety s nadpisyami [Golden Horde Bracelets with Inscriptions]. *Novohar'kovskiy mogil'nik Zolotoy Ordyy* [Novokharkovsky Burial Ground of the Golden Horde]. Voronezh, VSU, pp. 106–110.
- Glazistova N.I., 2024. Bronzovye i zheleznye braslety Barbashinskogo mogil'nika iz raskopok A.S. Bashkirova v 1921 g. [Bronze and Iron Bracelets of the Barbashinsky Burial Ground from the Excavation by A.S. Bashkirov in 1921]. *Arheologiya evraziyskikh stepey* [Archaeology of the Eurasian Steppes], no. 3, pp. 66–80. DOI: <https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.3.66.80>

- Grigor'ev E.M., Egorov V.L., Rudenko K.A., 2003. Yuvelirnye izdeliya s Selitrennogo gorodishcha [Jewelry from the Selitrennoye Settlement]. *Arheologiya vostochnoevropeyskoy lesostepi* [Archaeology of the East European Forest-Steppe]. Penza, PSPU, pp. 507-512.
- D'yachenko A.N., Blohin V.G., Shinkar' O.A., 1994. Arheologicheskie issledovaniya u s. Abganerovo Oktyabr'skogo rayona Volgogradskoy oblasti [Archaeological Research near the Village of Abganerovo, Oktyabrsky District, Volgograd Region]. *Arheologo-etnograficheskie issledovaniya v Volgogradskoy oblasti* [Archaeological and Ethnographic Research in the Volgograd Region]. Volgograd, Peremena Publ., pp. 83-139.
- El'nikov M.V., 2001. *Srednevekoviy mogil'nik Mamay-Surka (po materialam issledovaniy 1989–1992 gg.)* [The Medieval Burial Ground of Mamai-Surka (Based on Research Materials from 1989–1992)], vol. I. Zaporozh'e, ZSU. 275 p.
- El'nikov M.V., 2006. *Srednevekoviy mogil'nik Mamay-Surka (po materialam issledovaniy 1993–1994 gg.)* [The Medieval Burial Ground of Mamai-Surka (Based on Research Materials from 1993–1994)], vol. II. Zaporozh'e, ZNU. 356 p.
- Emanov A.G., 2018. *Mezhdru polyarnoy zvezdoy i poludennym solntsem. Kaffa v mirovoy torgovle XIII–XV vekov* [Between the North Star and the Midday Sun. Kaffa in World Trade of the 13th – 15th Centuries]. Saint Petersburg, Aleteyya Publ. 368 p.
- Eniosova N.V., Mitoyan R.A., Saracheva T.G., 2008. Himicheskiy sostav yuvelirnogo syr'ya epohi srednevekov'ya i puti ego postupleniya na territoriyu Drevney Rusi [Chemical Composition of Jewelry Raw Materials of the Middle Ages and the Ways of its Arrival to the Territory of Ancient Rus']. *Tsvetnye i dragotsennye metally i ih splavy na territorii Vostochnoy Evropy v epohu Srednevekov'ya* [Non-Ferrous and Precious Metals and Their Alloys in the Territory of Eastern Europe in the Middle Ages]. Moscow, Vost. lit. Publ., pp. 107-188.
- Zaytseva I.E., 2010. Tsvetnoy metall Volzhskoy Bolgarii (predvaritel'nyy analiz) [Non-Ferrous Metal of Volga Bulgaria (Preliminary Analysis)]. *Rus' i Vostok v IX–XVI vekah. Novye arheologicheskie issledovaniya* [Rus' and the East in the 9th – 16th Centuries. New Archaeological Research]. Moscow, Nauka Publ., pp. 116-138.
- Zaytseva I.E., Saprykina I.A., 2014. Novye dannye k karakteristike tsvetnogo metalla Severo-Vostochnoy Rusi (po materialam issledovaniy v srednevekovom Yaroslavle) [New Data on the Characteristic of Non-Ferrous Metal from North-Eastern Rus' (on the Material of Investigations in Medieval Yaroslavl)]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii* [Brief Communications of Institute of Archaeology], iss. 233, pp. 193-208.
- Kalan E., 2012. *Zolotaya Orda (Ulus Dzhuchi) i strany Vostoka: torgovo-ekonomicheskie vzaimootnosheniya vo vtoroy polovine XIII – XIV v.* [The Golden Horde (Jochi Ulus) and the Countries of the East: Trade and Economic Relations in the Second Half of the 13th and 14th Centuries]. Kazan, Mardzhani Institute of History AS RT. 156 p.
- Karimova R.R., 2013. *Elementy ubranstva i aksessuary kostyuma kochevnikov Zolotoy Ordyy (tipologiya i sotsiokul'turnaya interpretatsiya)* [Elements of Decoration and Accessories of the Costume of the Golden Horde Nomads (Typology and Socio-Cultural Interpretation)]. Kazan', Mardzhani Institute of History AS RT. 211 p.
- Karpov S.P., 2021. *Istoriya Tany (Azova) v XIII–XV vv. T. 1. Tana v XIII–XIV vv.* [History of Tana (Azov) in the 13th – 14th Centuries. Vol. 1. Tana in the 13th – 14th Centuries]. Saint Petersburg, Aleteyya Publ. 375 p.
- Kovaleva K.S., 2019. Rezul'taty issledovaniya tekhniki izgotovleniya zolotoordynskih izdeliy iz tsvetnykh metallov (iz kollektsii Volgogradskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya) [The Results of Studying the Technique of Making Golden Horde Products Made of Non-Ferrous Metals (from the Collection of the Volgograd Regional Museum of Local Lore)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relation], vol. 24, no. 1, pp. 61-74. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.1.5>
- Kovaleva K.S., 2024. Opreделение poroga «zagryaznenie / ligatura» svintsom splavov na osnove medi zolotoordynskih pamyatnikov Nizhnego Povolzh'ya [Lead “Contamination / Ligature” Threshold Evaluation in Copper-Based Alloys of the Golden Horde Monuments from the Lower Volga Region]. *Nizhnevolzhskiy arheologicheskiy vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 23, no. 4, pp. 115-126. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.4.5>
- Kononov A.A., 2008. Tsvetnoy metall (med' i ee splavy) v izdeliyah Novgoroda X–XV vv. [Non-Ferrous Metal (Copper and its Alloys) in Novgorod Products of the 10th – 15th Centuries]. *Tsvetnye i dragotsennye metally i ih splavy na territorii Vostochnoy Evropy v epohu Srednevekov'ya* [Non-Ferrous and Precious Metals and Their Alloys in the Territory of Eastern Europe in the Middle Ages]. Moscow, Vost. lit. Publ., pp. 7-106.

- Kravchenko E.E., 2015. Pamyatniki zolotoordynskogo vremeni v stepyah mezhdru Dneprom i Donom [Sites of Golden Horde Time in Steppes between the Dnieper and the Don]. *Genuevskaya Gazariya i Zolotaya Orda* [The Genoese Gazaria and the Golden Horde]. Kishinev, Stratum Plus Publ., pp. 411-478.
- Kramarovskiy M.G., 2019. «Simferopol'skiy klad»: pervye vladel'tsy i gipoteza stoimosti sokrovishchnitsy v XIV v. [The "Simferopol Treasure": Its First Owners and an Interpretation of the Value of this Treasury in the Fourteenth Century]. *Antichnaya drevnost' i srednie veka*, vol. 47, pp. 195-209. DOI: <http://dx.doi.org/10.15826/adsv.2019.47.014>
- Kubankin D.A., Sitdikov A.G., 2024. *Goroda ne ischezayut... Istoriya Ukeka v nahodkah (katalog vystavki)* [Cities do not Disappear... The History of Ukek in Finds (Exhibition Catalog)]. Kazan', AS RT. 252 p.
- Kuznetsova E.F., 1981. Spektral'nyy analiz serebryanykh veshchey klada XIII v. iz Otrara [Spectral Analysis of Silver Items from the 13th Century Hoard from Otrar]. *Kazakhstan v epokhu feodalizma: (Problemy etnopoliticheskoy istorii)* [Kazakhstan in the Era of Feudalism: (Problems of Ethnopolitical History)]. Alma-Ata, Nauka KazSSR Publ., pp. 60-62.
- Lapshin A.S., Mys'kov E.P., 2013. *Issledovaniya na Vodyanskom gorodishche v 2011–2012 gg.* [Research at the Vodyanskoye Settlement in 2011–2012]. Moscow, Pero Publ. 213 p.
- Lyahov S.V., 1997. Issledovaniya Atkarskogo gruntovogo mordovskogo mogil'nika XII–XIV vv. v 1996 g. [Research of the Atkarsk Mordvin Burial Ground of the 12th – 14th Centuries in 1996]. *Arheologicheskoe nasledie Saratovskogo kraya. Ohrana i issledovaniya v 1996 g.* [Archaeological Heritage of the Saratov Region. Protection and Research in 1996], iss. 2. Saratov, Orion Publ., pp. 79-97.
- Mal'm V.A., 1980. *Simferopol'skiy klad (Buklet iz serii «Sokrovishcha Gosudarstvennogo ordena Lenina Istoricheskogo muzeya»)* [Simferopol Treasure (Booklet from the Series "Treasures of the State Order of Lenin Historical Museum")]. Moscow, Vneshtorgizdat. 14 p.
- Muhametshin D.G., Hakimzyanov F.S., 2013. Nadpisi na metallicheskih izdeliyah [Inscriptions on Metal Products]. *Velikiy Bolgar* [Great Bolgar]. Moscow; Kazan', Feoriya Publ. C. 316-319.
- Mys'kov E.P., 2015. *Kochevniki Volgo-Donskih stepey v epokhu Zolotoy Ordyy* [Nomads of the Volga-Don Steppes in the Age of the Golden Horde]. Volgograd, Volgograd branch of RANEP. 484 p.
- Nedashkovskiy L.F., 2000. *Zolotoordynskiy gorod Ukek i ego okrug* [The Golden Horde City of Ukek and Its Districts]. Moscow, Vost. lit. Publ. 224 p.
- Nedashkovskiy L.F., 2002. Himicheskiy sostav izdeliy iz tsvetnykh metallov s zolotoordynskikh poseleniy tsentral'noy chasti Saratovskoy oblasti [Chemical Composition of Non-Ferrous Articles from the Golden Horde Settlements of the Central Part of Saratov Region]. *Nizhnevolzhskiy arheologicheskii vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], iss. 5, pp. 335-347.
- Nedashkovskiy L.F., 2013. Himicheskiy sostav izdeliy iz tsvetnykh metallov i stekla s Bagaevskogo selishcha [Chemical Composition of Non-ferrous Metal and Glass Products from the Bagaevskoye Settlement]. *Sovremennye resheniya aktual'nykh problem evraziyskoy arheologii* [Modern Solutions to Current Problems of Eurasian Archeology]. Barnaul, ASU, pp. 77-81.
- Nedashkovskiy L.F., 2018. Himicheskiy sostav izdeliy iz tsvetnykh metallov s zolotoordynskikh poseleniy severnykh rayonov Nizhnego Povolzh'ya [Chemical Composition of Non-ferrous Artifacts from the Golden Horde Settlements of the Northern Areas of the Lower Volga Region]. *Stratum Plus*, no. 6, pp. 243-254.
- Polyakova G.F., 1996. Izdeliya iz tsvetnykh i dragotsennykh metallov [Products from Non-Ferrous and Precious Metals]. *Gorod Bolgar. Remeslo metallurov, kuznetsov, liteyshchikov* [The City of Bolgar. Crafts of Metallurgists, Blacksmiths, Foundrymen]. Kazan', ILLHAST, pp. 154-257.
- Rudenko K.A., 2001. *Material'naya kul'tura bulgarskikh selishch nizoviy Kamy XI–XIV vv.* [Material Culture of the Bulgar Settlements of the Lower Reaches of the Kama in the 11th – 14th Centuries]. Kazan', RITs «Shkola». 220 p.
- Rudenko K.A., 2015. *Bulgarskoe srebro. Drevnosti Bilyara* [Bulgar Silver. Antiquities of Bilyar], vol. II. Kazan', Zaman Publ. 528 p.
- Rudenko K.A., 2019. Zolotye i serebryanye braslety XIII–XIV vv. iz Bulgarskoy oblasti Zolotoy Ordyy: sistematizatsiya, atributsiya i datirovka [Gold and Silver Bracelets of the 13th – 14th Centuries from the Bulgar Region of the Golden Horde: Systematization, Attribution and Dating]. *V poiskakh sushchnosti. Sbornik statey v chest' 60-letiya N.D. Russeeva* [In Search of Essence. Essays in Honour of Nicolai Russev on the Occasion of his 60th Birthday]. Kishinev, Stratum Plus Publ., pp. 239-262.

- Rudenko K.A., 2022. Tsvetnaya metallurgiya Bolgarskoy oblasti Zolotoy Ordy [Non-Ferrous Metallurgy of the Bolgar Region of the Golden Horde]. *Arheologiya Volgo-Ural'ya. T. VI. Srednie veka (vtoraya tret' XIII – pervaya polovina XV v.). Epoha Zolotoy Ordy (Ulus Dzhuchi)* [Archeology of the Volga-Ural Region. T. VI. The Middle Ages (Second Third of the 13th – First Half of the 15th Centuries). The Era of the Golden Horde (Ulus Jochi)]. Kazan', AS RT, pp. 525-558.
- Rudenko K.A., 2023. Zheleznye braslety s selishch nizoviy Kamy domongol'skogo vremeni [Iron Bracelets from the Settlements of the Lower Reaches of the Kama River in the Pre-Mongol Period]. *800-letie pobedy bulgar nad mongol'skoy armiej pod stenami Zolotarevskogo gorodishcha: Vseros. nauch.-prakt. konf.* [All-Russian Scientific and Practical Conference. "The 800th Anniversary of the Victory of the Bulgars over the Mongol Army under the Walls of the Zolotarevskoye Settlement"]. Penza, Institute of Regional Development of the Penza Region, pp. 79-92.
- Saracheva T.G., 2007. Yuvelirnye izdeliya vtoroy poloviny XIII – XVI v. s territorii Severo-Vostochnoy Rusi [Jewelry of the Second Half of the 13th – 16th Centuries from the Territory of North-Eastern Rus']. *Kratkie soobshcheniya instituta arheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], iss. 221, pp. 73-88.
- Sedova M.V., 1981. *Yuvelirnye izdeliya drevnego Novgoroda (X–XV vv.)* [Jewelry of Ancient Novgorod (10th – 15th Centuries)]. Moscow, Nauka Publ. 195 p.
- Sokrovishcha Zolotoy Ordy. Katalog vystavki* [Treasures of the Golden Horde. Exhibition Catalogue], 2000. Saint Petersburg, Slaviya Publ. 345 p.
- Fedorov-Davydov G.A., 1966a. *Kochevniki Vostochnoy Evropy pod vlast'yu zolotoordynskih hanov. Arheologicheskie pamyatniki* [Nomads of Eastern Europe under the Rule of the Golden Horde Khans. Archaeological Sites]. Moscow, MSU. 274 p.
- Fedorov-Davydov G.A., 1966b. Noviy Saray po raskopkam v 1963–1964 [New Saray from Excavations in 1963–1964]. *Sovetskaya arheologiya* [Soviet Archeology], no. 2, pp. 233-248.
- Fedorov-Davydov G.A., 1978. Braslet s nadpis'yu s Selitrennogo gorodishcha [Bracelet with an Inscription from the Selitrennoye Settlement]. *Sovetskaya arheologiya* [Soviet Archeology], no. 2, pp. 286-288.
- Fedorov-Davydov G.A., 1994. *Zolotoordynskie goroda Povolzh'ya* [Golden Horde Cities of the Volga Region]. Moscow, MSU. 232 p.
- Hlebnikova T.A., 1996. Analizy Bolgarskogo tsvetnogo metalla [Analysis of Bulgarian Non-Ferrous Metal]. *Gorod Bolgar. Remeslo metallurgov, kuznetsov, liteyshchikov*. Kazan', ILLH AST, pp. 269-292.
- Baker J.M., 2013. *The Colour and Composition of Early Anglo-Saxon Copper Alloy Jewelry*. Durham Theses, Durham University. 501 p. URL: <http://etheses.dur.ac.uk/10550>
- Craddock P., La Niece S., Hook D., 1998. Brass in the Medieval Islamic World. *2000 Years of Zinc and Brass*. London, BMP, pp. 73-113.
- Dungworth D.B., 1995. *Iron Age and Roman Copper Alloys from Northern Britain*. University of Durham. 291 p. URL: <http://etheses.dur.ac.uk/1024>
- Morton V., 2019. *Brass from the Past. Brass Made, Used and Traded from Prehistoric Times to 1800*. Oxford, Archaeopress. 370 p.
- Orfanou V., Collinet A., El Morr Z., Bourgarit D., 2018. Archaeometallurgical Investigation of Metal Wares from the Medieval Iranian World (10th – 15th Centuries): The ISLAMETAL Project. *Journal of Archaeological Science*, vol. 95, pp. 16-32.
- Park J.-S., Voyakin D., Kurbanov B., 2021. Bronze-to-brass Transition in the Medieval Bukhara Oasis. *Archaeological and Anthropological Sciences*, vol. 13, no. 32, pp. 1-13. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12520-021-01287-3>
- Saussus L., Thomas N., Bourgarit D., 2023. Exactly How Free? Constrained Choices and Product Ranges of Medieval Copper-Alloy Objects Found Between the Meuse and Loire Rivers (9th – 16th Centuries CE). *Heritage Science*, vol. 11, no. 75, pp. 11-24. DOI: <https://doi.org/10.1186/s40494-023-00915-6>

Information About the Author

Kseniya S. Kovaleva, Laboratory Assistant, Laboratory for Archaeological Research named after prof. A.S. Skripkin, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, ksenmorgan@gmail.com, kovaleva@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5429-1072>

Информация об авторе

Ксения Сергеевна Ковалева, лаборант лаборатории археологических исследований им. А.С. Скрипкина, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, ksenmorgan@gmail.com, kovaleva@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5429-1072>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2025.3.7>

UDC 904

LBC 63.4стд1-411

Submitted: 16.10.2024

Accepted: 13.12.2024

“THE YELOVTSY OF THEIR HELMETS BRISTLE LIKE FIERY FLAMES”: ON THE CREST DECORATION OF THE HELMET FROM GORODETS¹

Andrey E. Negin

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation

Abstract. The paper is devoted to the analysis and reconstruction of the crest and plume of a medieval helmet from Gorodets (Gorodets Historical and Art Museum Complex, Inv. No. GRM 3397). The crest was studied using X-ray radiography and with comparative analysis of existing analogues among archaeological and iconographic materials. Crests with metal rings on helmets were particularly widespread in the 13th–15th centuries. They served as fasteners for attaching a helmet ornament in the form of decorative cloth ribbons, threaded through a ring in such a way that a plume consisting of two dangling ends of one ribbon was formed. The linguistic analysis allows us to correlate these cloth ribbons with cloth flags called “Yalovets” or “Yelovets,” which were attached to the high spikes of helmets. At the same time, the crest of the helmet from Gorodets features a unique design with an imitation of a ball-“apple” on the spike in the form of intersecting metal strips in the form of semicircular eyelets. In M.V. Gorelik’s reconstruction, this element has a purely practical purpose, intended to suspend small decorative tassels made of horsehair. However, this reconstruction does not take into account the peculiarities of the ornamental decoration of the helmet bowl and completely covers one of its important quatrefoils positioned at the base of the crest. This element is part of the apotropaic protection of the helmet and its owner in the direction of all four sides of the world. Given these observations, the reconstruction of M.V. Gorelik seems to be incorrect, and the author of the paper presents his own version of the reconstruction of the crest and plume.

Key words: helmet, armour, Ancient Rus, Golden Horde, iconography.

Citation. Negin A.E., 2025. «Elovtsi zh shelomov ih, aki polomya ognyanoe, pashetsya»: k voprosu ob ukrashenii navershiya shlema iz Gorodtsa [“The Yelovtsy of Their Helmets Bristle Like Fiery Flames”: On the Crest Decoration of the Helmet from Gorodets]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 24, no. 3, pp. 179–191. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2025.3.7>

УДК 904

ББК 63.4стд1-411

Дата поступления статьи: 16.10.2024

Дата принятия статьи: 13.12.2024

«ЕЛОВЦИ Ж ШЕЛОМОВ ИХ, АКИ ПОЛОМЯ ОГНЯНОЕ, ПАШЕТСЯ»: К ВОПРОСУ ОБ УКРАШЕНИИ НАВЕРШИЯ ШЛЕМА ИЗ ГОРОДЦА¹

Андрей Евгеньевич Негин

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена исследованию и реконструкции навершия и плюмажа средневекового шлема из Городца. Навершие изучено с помощью рентгенографии, а также проведен сравнительный анализ с существующими аналогиями среди археологического и иконографического материала. Кольцевидные навершия на шлемах были особенно распространены в XIII–XV веках. Они предназначались для привешивания нашлемного украшения в виде декоративной матерчатой ленты, пропущенной через кольцо таким образом, что образовывался плюмаж из двух свисающих концов одной ленты. Лингвистический анализ позволяет соотнести эти ленты с матерчатыми флажками, крепившимися на высоких шпильях шлемов и именовавшимся «яловцами» или «еловцами». Вместе с тем навершие шлема из Городца имеет уникальную конструкцию с имитацией шарика-«яблока» на шпилье в виде пересекающихся металлических полос – «ушек». В реконструкции М.В. Горелика эта деталь имеет сугубо практическое назначение. К ней, по мнению исследова-

теля, привешивались небольшие декоративные кисточки из конского волоса. Однако такая реконструкция не учитывает особенности орнаментального украшения купола шлема и полностью закрывает собой одну из важных его составляющих в виде четырехлистника, расположенного как раз у основания навершия. Этот элемент является частью апотропейной защиты шлема и его владельца со всех четырех сторон света. В связи с этим реконструкция М.В. Горелика представляется неверной и автором статьи вводится в научный оборот собственный вариант реконструкции навершия и нашлемного украшения.

Ключевые слова: шлем, доспех, Древняя Русь, Золотая Орда, иконография.

Цитирование. Негин А. Е., 2025. «Еловцы ж шеломов их, аки поломя огняное, пашется»: к вопросу об украшении навершия шлема из Городца // Нижневолжский археологический вестник. Т. 24, № 3. С. 179–191. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2025.3.7>

В музее имени Александра Невского в г. Городец (Нижегородская область) хранится уникальный средневековый посеребренный и позолоченный шлем, найденный местным жителем на своем огороде (Городецкий историко-художественный музейный комплекс. Инв. № ГРМ 3397) [Негин, 2013; 2024] (рис. 2,3). Случайный характер находки не позволяет дать точную датировку шлема, которая может быть уточнена лишь по аналогичным находкам, а также по иконографическому материалу. Именно последний способен дать уточняющие сведения, благодаря которым возможно сузить хронологические рамки датировки.

Шлем из Городца имеет навершие для крепления нашлемного украшения при помощи кольца (рис. 2,1,3), изготовленное в форме железного круглого в сечении стержня общей высотой 4 см. В нижней части размещена монтажная шайба, при помощи которой навершие приклепывалось с внутренней стороны к тулье шлема. Диаметр этого основания-заклепки составляет 2 см. Нижняя часть стержня постепенно сужается к средней части, в которой расположена полая имитация шаровидного «яблока», изготовленное в виде крестообразно пересекающихся ушек. Над ушками стержень плоско раскован и значительно расширяется, образуя листовидный наконечник в 2 см высотой. Края листа фигурно вырезаны. В центре листа расположено круглое отверстие для крепления в нем железного кольца, которое хорошо видно на рентгенографии (рис. 2,1). Стержень навершия в его нынешнем состоянии не только несколько отогнут назад, но еще и немного изогнут книзу. Это может быть конструктивной особенностью, но может являться и следствием деформации при его нахождении в земле. Хотя на

некоторых миниатюрах из «Шахнаме» (библиотека Честера Битти, Дублин, Persian collection folio Per 104.4, 104.7, 104.9, 104.19; Музей изящных искусств, Бостон, Asia, Islamic Art, Accession Number: 41.31a; библиотека дворца Топкапы, Стамбул, Hazine 2153, fol. 22b) в изображениях навершия действительно изогнуты по направлению к затылочной части шлема. Изначально навершие было позолочено, до сих пор на нем прослеживаются остатки позолоты.

Наиболее близкие по форме навершия имеют другие известные нам аналогичные трехчастные шлемы: из кургана «Фулджера», в окрестностях коммуны Моску в Румынии [Spinei, 1986, p. 241, fig. 18,11; Spinei, 1994, p. 460, fig. 26,11] (рис. 1,11), Киева [Фундуклей, 1847, с. 91; Погодин, 1871, с. 22, табл. 38; Кирпичников, 1958, с. 68–69] (рис. 1,5), из Чингульского кургана [Отрощенко, Рассамакін, 1986, с. 27, рис. 7,2] (рис. 1,10), случайные находки из Прикубанья [Горелик, 2010а, с. 256, 258, рис. 3,1] и Краснодарского края [Кулешов, 2018, с. 192], на случайной находке с территории Нижнего Поочья² (рис. 1,6). Очевидно, такое же (ныне утраченное) навершие присутствовало на шлеме из села Никольское Орловской губернии (в настоящее время с. Никольское, Свердловский район, Орловская обл.) [Кирпичников, 1958, с. 68–69, табл. XVI,1]. Перечисленные находки относятся к XIII–XIV векам. Низкие кольцевидные приклепывавшиеся к тулье навершия имели также шлемы из курганного могильника Озерновский III, кург. 3 (Оренбургская обл.) [Овсянников, 1990] (рис. 1,9), в частной коллекции мусульманского оружия фонда «Фурусийя» [Rivkin, 2016, fig. 71] (рис. 1,19), из рек Маас [Das Reich der Salier ... , 1992, S. 100, Abb. 18,3] и Каргалки [Харламов, 2022, с. 118–

121]. Последние три экземпляра могут быть датированы несколько позднее – XV веком.

Следует отметить, что кольцевидные навершия на шлемах известны и на восточных, и на степных шлемах гораздо более раннего времени. Они венчают тульи так называемых кубанских шлемов VII–V вв. до н.э. [Галанина, 1985], имеются на шпильях сарматских боевых наголовий II в. н.э. из хутора Городского [Сазонов, 1992, с. 248–249, рис. 2, 11, 7, 3, 9, 5, 11, 4; Negin, 2019, p. 29, 34, fig. 8], а также на раннем шпангенхельме III в. н.э. из Дейр эль-Медины [Dittmann, 1940]. На данный момент нет возможности археологически проследить преемственность средневековых кольцевых наверший от перечисленных экземпляров, но такие шлемы известны и в древности, и в средневековье. Такие кольцевидные навершия получают широкое распространение, судя по иконографическому (рис. 1, 1) и археологическому материалам, в XIII – начале XV в. и присутствуют на шлемах из Верхнего Лейми, погр. 2 [Чахкиев, 1985, с. 64], кург. 4 у хутора Пролетарский [Зеленский, 1997], погр. 1 из кург. 3 у хутора Малаи [Анфимов, Зеленский, 2002], погр. 2 кург. 4 у станицы Дмитриевская [Блохин и др., 2003], на шлеме из коллекции Центрального музея Тавриды [Горев, Шабанов, 2017, с. 137–138, рис. 1, 1], из курганного могильника Лебеди VI [Чхаидзе, Дружинина, 2010, рис. 3, 2; Дружинина и др., 2011, с. 28, рис. 7, 2], курганного могильника Сидоренкова щель, кург. 11, погр. 2 [Дружинина, Дмитриев, 2018], из Кривенького, кург. 1, погр. 1 [Блохин и др., 2003, с. 191, рис. 9, 7]. Они продолжают использоваться и позже, в XV–XVI вв. на так называемых турбаных шлемах (рис. 1, 17) и мисюрках (например, шлем султана Мухаммада из Стамбульского военного музея. No: 9698 [Güçkıran, Mavi, 2015, s. 91]), «шапка ложчатая» боярина Никиты Ивановича Романова (Оружейная палата Московского кремля, инв. № ОР-2060) и т. д.), а на кавказских шлемах это крепление для плюмажа сохраняется вплоть до XIX в. (например, Царское село, инв. № ЕД-175-III; Государственный Эрмитаж, инв. № В.О.-5474; Национальный музей Республики Дагестан, инв. № ОР-48).

Кольца на навершиях были наиболее удобны для привешивания на них матерчато-

го нашлемного украшения, о чем свидетельствуют и изобразительные источники, и реально сохранившиеся поздние экземпляры с уцелевшими матерчатыми плюмажами (например, черкесская мисюрка из коллекции Государственного исторического музея) [Астацатурян, 1995, с. 51–53, рис. 76, 77]. Привязывать к кольцу плюмаж из конского волоса менее удобно, а крепить перо еще менее целесообразно. Привязать же к кольцу декоративную ленту очень просто и быстро. Делается это следующим образом. Лента пропускается через кольцо сначала одним концом, а затем противоположный конец ленты пропускается через кольцо в противоположном направлении. Таким образом формируется узел, прочно удерживающий ленту внутри кольца.

Кольца на навершиях, служившие для крепления украшения – ленты, М.В. Горелик считал определяющим признаком восточных шлемов золотоордынского времени, так как, судя по иконографическим материалам, подобное украшение шлемов на Руси не применялось [Горелик, 1987, с. 194; 2008, с. 139, 142; 2010б, с. 139–142]. В пользу данного предположения свидетельствует глубоко укоренившаяся именно на Кавказе традиция ленточных «плюмажей». На Руси же, судя по изображениям, в моду вошли лишь треугольные флажки на высоких шпильях шлемов, опять-таки заимствованные с Востока в XV веке. Таким образом, ленточное украшение наверший шлемов является датирующим признаком именно шлемов XIII–XV вв., так как позднее вытесняется треугольным флажком. Такое изменение было связано с распространением на шлемах наверший в виде высокого шпиля. Причем ранние образцы таких шпилей по своей форме напоминали короткие навершия, имея такое же «яблоко» между воронкообразной втулкой и шпилем, также зачастую на вершине у них было то же самое кольцо для привешивания ленточек (Таборовка [Горелик, Дорофеев, 1990] (рис. 1, 8), Таганча (шлем типа II Б по типологии А.Н. Кирпичникова) [Gawrysiak-Leszczynska, Musianowicz, 2002], Лосево [Чхаидзе, Дружинина, 2010, с. 427–428]). Но затем данная особенность постепенно исчезает, а шпиль становится все длиннее, тоньше и заостреннее.

На протяжении XIII–XV вв. наблюдается сходная конструкция наверший многих шлемов (рис. 1, 15, 17). Они отличаются по высоте стержня. Одни из них короткие, как на шлеме из Городца, а другие в виде длинных шпилей. Но на большинстве из них присутствует так называемое «яблоко» – шаровидное расширение в центральной части. У высоких шпилевидных наверший «яблоко» размещается над воронкообразной нижней частью, которая прилепывалась или приваривалась к тулье шлема. На вершине шпиля у них также зачастую размещалось кольцо. На более поздних экземплярах шпилевидных наверший, относящихся к XVI в., колец уже нет, и их конструкция подразумевает крепление на них треугольных флажков, которые показаны на иконографическом материале этого столетия.

На некоторых стерженьках-навершиях «крутобоких» трехчастных шлемов «яблоко» все же отсутствует. Эти наиболее простые по форме навершия присутствуют на шлеме из Киева (рис. 1, 5), а также на шлеме с территории Нижнего Поочья (рис. 1, 6). Шлем из Киева связывают с осадой города монголами в 1240 г. [Кирпичников, 1971, с. 30]. В этом случае киевский шлем – это экземпляр наиболее ранней модификации трехчастных шлемов. По-видимому, и шлем с территории Нижнего Поочья может относиться к этому же времени – второй четверти XIII века. В дальнейшем, очевидно, форма навершия усложняется, и на нем появляется «яблоко» или его декоративная имитация, которую мы видим на шлеме из Городца. Таким образом, форма навершия также может выступать в роли датирующего элемента. Вполне вероятно, что такое видоизменение на навершиях трехчастных шлемов типа IV (по типологии А.Н. Кирпичникова) [Кирпичников, 1971, с. 29–31] произошло под влиянием сфероконических шлемов с длинным шпилем с территории Поросья и других частей Половецкой степи. Судя по археологическим находкам на городище Княжа гора (рис. 1, 4), такие шлемы имели хождение уже в первой половине XIII в., хотя широкое распространение получили в конце XIII – начале XIV в. [Негин, 2012]. Следовательно, и большинство известных нам трехчастных шлемов должны быть датированы этим же временем. То есть экземпляры из

Никольского, Москву, Чингульского кургана, Таборовки и Краснодарского края относятся ко второй половине XIII – началу XIV века. А шлем из Городца, очевидно, наиболее поздний в данной группе. Об этом свидетельствует и его навершие, несколько отличающееся от других экземпляров группы полостью имитацией «яблока», а также четырехчастный декор тульи.

Плюмажи на шлемах можно разделить на три вида по материалу, из которого их изготавливали. Либо это были вставленные во втулку на навершии перья, либо к навершию крепился султан из конского волоса, либо шлем украшал «яловец». Если с первыми двумя видами украшения все более-менее понятно, то что представлял из себя «яловец»? Обычно его появление относят к XV в., по упоминанию в «Сказании о Мамаевом побоище» [Горелик, 1991, с. 2]³. Там указано, что «еловци ж шеломов их аки поломя огняное пашется». Из данного описания становится понятно, что это какое-то яркое, возможно красного цвета, нашлемное украшение. Трудно представить себе выкрашенные в ярко красный цвет перья; если обратиться к иконографическим материалам, то таковых красных перьев там мы не найдем. Плюмаж из конского волоса иногда изображался красным (миниатюра Большой ильханидской «Шахнаме» Лувр, Département des Arts de l'Islam, OA 7095; «альбом Дица», Государственная библиотека Берлина MS Diez A fol. 70: s. 9, 17). Но чаще всего красным цветом обозначали матерчатое нашлемное украшение либо в виде лент-лопастей (Большая ильханидская «Шахнаме», Гарвардский художественный музей / Музей Артура М. Саклера, завещание Херви Э. Ветцеля, Asian and Mediterranean Art, Inv. 1919.130. Fol. 159r; Национальная библиотека Франции. Отдел рукописей. Division orientale. Supplément persan 1443, fol. 94 (рис. 1, 18)), либо, несколько позднее, треугольные флажки на длинных шпилях наверший шлемов, ставшие популярными в XV–XVI вв. с увеличением длины шпиля навершия (например, «Шахнаме шаха Тахмаспа», музей Метрополитан, Нью-Йорк, Accession Number: 1970.301.55, Fol. 466r). Именно их в литературе часто именуют «яловцами» [Бобров, Худяков, 2002, с. 131]. Само название такого флажка происходит от

старо-татарского «елоу» («elou») – «флаг» [Срезневский, 1893, ст. 825]. А эта форма, вероятно, в свою очередь, происходит от кыпчакского «alam» – «знамя», так как в турецком языке есть схожая форма «alam», а в азербайджанском – «alām» [Радлов 1893, ст. 368, 371]. Это слово в виде вариантов «еловец», «еловь» распространилось и в русском языке со значением «кусочек ткани, флажок, султан на шлеме» [Фасмер, 1986, с. 16–17]. В описи казны боярина Бориса Федоровича Годунова 1588 г. упоминается «Еловь тафта червчатая, кругом бахрама шолк лазорев с золотом» [Древности Российского государства, 1853, с. XIII]. Это описание, а также уже упомянутое свидетельство в «Сказании о Куликовской битве», подтверждают выводы, основанные на анализе иконографического материала, о том, что яловцы на шлемах предпочитали изготавливать из красной материи [Савваитов 1896, с. 34]. На иконографическом материале эти матерчатые нашлемные украшения выступают в качестве отличительных знаков тех или иных воинских подразделений. Примечательно, что, как правило, у противоборствующих сторон разные типы плюмажей – у одних матерчатые флажки, а у других плюмажи из конского волоса (например, миниатюры из Большой ильханидской «Шахнаме», Гарвардский художественный музей / Музей Артура М. Саклера, завешание Херви Э. Ветцеля, Asian and Mediterranean Art, Inv. 1919.130. Fol. 159r; Гарвардский художественный музей / Музей Артура М. Саклера, дар Эдварда У. Форбса, Asian and Mediterranean Art, Inv. 1955.167). То есть любые матерчатые плюмажи можно трактовать как своего рода отличительные флажки. В связи с этим «яловцами» логично именовать все матерчатые украшения шлемов, а не только лишь треугольные флажки. Таким образом, ленточное нашлемное украшение – это также «яловец». И такой «яловец» присутствовал на навершии шлема из Городца.

М.В. Гореликом в 2002 г. была опубликована графическая реконструкция шлема из Городца [Горелик, 2002, с. 77, рис. 1а]

(рис. 2,2), в рамках которой он предложил интересный, но далеко не бесспорный вариант реконструкции. Он счел «ушки» на навершии сугубо функциональным элементом, трактуя их как крепления для привешивания кисточек из конского волоса, которые, несомненно, очень эффектно смотрятся. Однако исследователь не учел особенности декоративного оформления купола шлема. Как раз у основания навершия имеется изображение четырехлепесткового цветка, наведенное позолотой. Это важный апотропейный элемент, своего рода оберег, защищающий владельца шлема со всех четырех сторон света. И в случае привешивания кисточек из конского волоса, они скрывают данный элемент. А это, на наш взгляд, противоречило бы задумке оружейника, украсившего шлем апотропейной символикой.

Подводя итог следует отметить, что если термином «яловец» или «еловец» именовать все матерчатые нашлемные украшения, то их использование можно проследить уже с XIII в. не только на шлемах типа II Б (по типологии А.Н. Кирпичникова) (рис. 1,2,3,7,12,13), но также и на шлемах типа IV (согласно этой же типологии) (рис. 1,5,6,10,11,16). Необычная форма навершия шлема из Городца, вкупе с его четырехчастным орнаментальным оформлением, наведенным позолотой по слою серебрения, косвенным образом может свидетельствовать о его изготовлении не ранее начала или даже середины XIV века.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00083, <https://rscf.ru/project/24-28-00083>.

The work was carried out with the support of a grant from the Russian Science Foundation № 24-28-00083, <https://rscf.ru/project/24-28-00083>.

² Пользуясь случаем, выражаю свою благодарность А.В. Павлихину за подробную информацию о находке и предоставление ее фотографического изображения.

³ О датировке «Сказания о Мамаевом побоище» XV в. см.: [Салмина, 1974].

ПРИЛОЖЕНИЯ

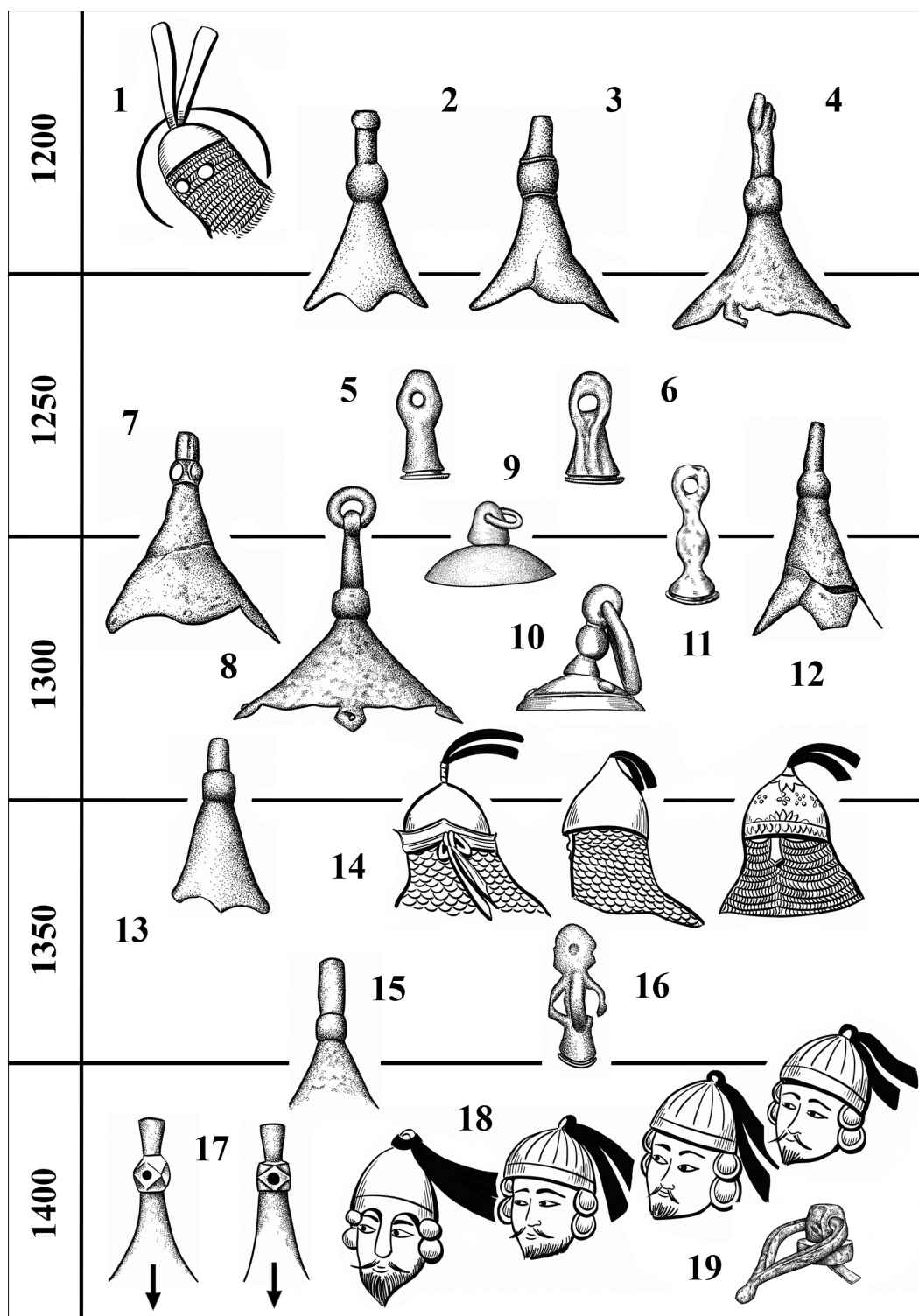

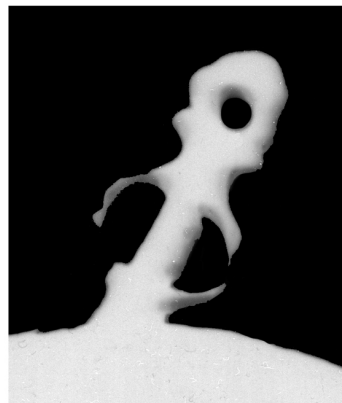
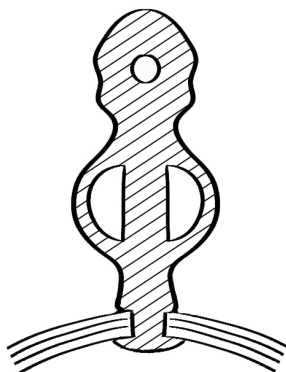
Рис. 1. Эволюция наверхий для «яловцев» в XIII–XV вв.
(рисунки автора по иконографическим и археологическим находкам):

- 1 – из иллюминированного манускрипта начала XIII в. поэмы Айуки «Варга и Гюльшах»;
2 – Дорогобуж, 1-я половина XIII в.; 3 – Хавалы, 1-я половина XIII в.; 4 – Княжа гора, 1-я половина XIII в.;
5 – Киев, 1-я половина XIII в.; 6 – Нижнее Поочье, 1-я половина XIII в.; 7 – Грузской, середина XIII в.;
8 – Таборовка, 2-я половина XIII в.; 9 – могильник Озерновский III, середина XIII – начало XIV в.;
10 – Чингульский курган, середина XIII – начало XIV в.; 11 – Москву, 2-я половина XIII – начало XIV в.;

12 – Прикубанский, 2-я половина XIII – начало XIV в.; 13 – Бурты, 2-я половина XIV в.;
14 – миниатюры из Большой ильханидской «Шахнаме», 1330-е гг.; 15 – Городец (шлем № 2), конец XIV – начало XV в.;
16 – Городец, третья четверть XIV в.; 17 – навершия «тюрбанных» шлемов из Метрополитен-музея, XV–XVI в.;
18 – парижская рукопись *Supplément persan* 1443, XV в.; 19 – навершие шлема из собрания «Фурсийя», XV в.

Fig. 1. Evolution of helmet crests for attaching of “Yalovets” in the 13th – 14th centuries
(author’s drawings according to iconography and archaeological finds):

1 – from an illuminated manuscript of Ayuka’s poem “Varka and Golshah” of the early 13th c.;
2 – Dorogobuzh, 1st half of the 13th c.; 3 – Khavaly, 1st half of the 13th c.; 4 – Knyazha Gora, 1st half of the 13th c.;
5 – Kiev, 1st half of the 13th c.; 6 – Lower Oka region, the 1st half of the 13th c.; 7 – Gruzskoy, middle of the 13th c.;
8 – Taborovka, 2nd half of the 13th c.; 9 – Ozerovsky III burial ground, mid-13th – early 14th c.;
10 – Chingul kurgan, mid-13th – early 14th c.; 11 – Mosku, 2nd half of 13th – early 14th c.;
12 – Prikubansky, 2nd half of 13th – early 14th c.; 13 – Burty, 2nd half of 14th c.;
14 – miniatures from the Great Ilkhanid “Shahnameh,” 1330s; 15 – Gorodets (helmet No. 2), late 14th – early 15th c.;
16 – Gorodets, third quarter of the 14th c.; 17 – crests of “turban” helmets from the Metropolitan Museum of Art,
15th – 16th cc.; 18 – Paris manuscript *Supplément persan* 1443, 15th c.;
19 – crest of the helmet from the “Fursiyya” collection, 15th c.

1

3

2

Рис. 2. Навершие шлема из Городца:

1 – фото и рисунок автора; 2 – реконструкция плюмажа шлема, предложенная М.В. Гореликом (по: [Горелик, 2002, с. 77, рис. 1а]); 3 – графическая реконструкция автора

Fig. 2. Crest of the helmet from Gorodets:

1 – photo and drawing by the author; 2 – reconstruction of the helmet plume proposed by M.V. Gorelik (after: [Gorelik, 2002, p. 77, fig. 1a]); 3 – author's graphic reconstruction

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анфимов И. Н., Зеленский Ю. В., 2002. Половецкие погребения из восточного Приазовья // Историко-археологический альманах. Вып. 8. Армавир ; М. : ИА РАН. С. 68–71.
- Аствацатурян Э. Г., 1995. Оружие народов Кавказа. М. ; Нальчик : Хоббикнига. 191 с.
- Блохин В. Г., Дьяченко А. Н., Скрипкин А. С., 2003. Средневековые рыцари Кубани // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 3. Краснодар : Кубанский ГУС. С. 184–208.
- Бобров Л. А., Худяков Ю. С., 2002. Защитное вооружение среднеазиатского воина эпохи позднего средневековья // Военное дело кочевников Северной и Центральной Азии. Новосибирск : НГУ. С. 106–168.
- Галанина Л. К., 1985. Шлемы кубанского типа (вопросы происхождения и хронологии) // Культурное наследие Востока: проблемы, поиски, суждения. Л. : Наука. С. 169–183.
- Горев С. В., Шабанов С. Б., 2017. Три позднесредневековых железных шлема из собрания Центрального музея Тавриды // История и археология Крыма. Вып. VI. С. 137–144.
- Горелик М. В., 1987. Ранний монгольский доспех // Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск : Наука. С. 172–198.
- Горелик М. В., 1991. Куликовская битва 1380 г. Русский и золотоордынский воины // Цейхгауз. № 1. С. 2–7.
- Горелик М. В., 2002. Армии монголо-татар X–XIV веков. Воинское искусство, снаряжение, оружие. М. : Восточный горизонт. 84 с.
- Горелик М. В., 2008. Золотоордынские латники Прикубанья // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 9. Армавир : АГПУ. С. 139–159.
- Горелик М. В., 2010а. Шлемы золотоордынских воинов Северного Кавказа из частных собраний // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 8. Золотоордынское время. Донецк : ДонГУ. С. 253–269.
- Горелик М. В., 2010б. Золотоордынские латники Восточного Приазовья // Батыр. Традиционная военная культура народов Евразии. № 1. М. : ООО «Издательский дом Марджани». С. 137–145.
- Горелик М. В., Дорофеев В. В., 1990. Погребение золотоордынского воина у с. Таборовка // Проблемы военной истории народов Востока. Бюллетень Комиссии по военной истории народов Востока. Л. : Всесоюзная ассоциация востоковедов. С. 119–132.
- Древности Российского государства, изданные по Высочайшему повелению Императора Николая I. Отд. 3: Броня, оружие, кареты и конская сбруя, 1853. М. : Тип. Августа Семена. 151 с.
- Дружинина И. А., Дмитриев А. В., 2018. Предметы вооружения из курганного могильника Сидоренкова щель // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 253. М. : Наука, С. 348–367. DOI: <http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.253.348-367>
- Дружинина И. А., Чхаидзе В. Н., Нарожный Е. И., 2011. Средневековые кочевники в Восточном Приазовье. Армавир ; М. : РИЦ АГПА. 266 с.
- Зеленский Ю. В., 1997. Позднекочевническое погребение со шлемом из степного Прикубанья // Историко-археологический сборник. Вып. 3. Армавир ; М. : ИА РАН. С. 89–91.
- Кирпичников А. Н., 1958. Русские шлемы X–XIII вв. // Советская археология. № 4. С. 47–69.
- Кирпичников А. Н., 1971. Древнерусское оружие. Вып. 3: Доспех, комплекс защитных средств IX–XIII вв. // Свод археологических источников. Вып. Е 1–36. М. ; Л. : Изд-во АН СССР. 92 с.
- Кулешов Ю. А., 2018. Уникальный позднесредневековый шлем с Юга России // Военная археология. Сборник материалов научного семинара. Вып. 4. М. : ИА РАН. С. 183–201.
- Негин А. Е., 2012. Об одном типе шлемов из кочевнических погребений с территории западного Дешт-и-Кыпчака // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Вып. 6, № 3. С. 62–70.
- Негин А. Е., 2013. Шлем из Городца. Н. Новгород : ННГУ. 96 с.
- Негин А. Е., 2024. Шлем из Городца. Н. Новгород : Литера. 144 с.
- Овсянников В. В., 1990. К вопросу о защитном вооружении поздних кочевников Южного Урала // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. Новосибирск : [б. и.]. С. 141–150.
- Отрощенко В. В., Рассмакин Ю. Я., 1986. Половецкий комплекс Чингульского кургана // Археология. Вып. 53. С. 14–36.

- Погодин М. П., 1871. Древняя русская история до монгольского ига. Т. III. Отд. 1. М. : Синодальная тип. 72 с.
- Радлов В. В., 1893. Опыт словаря тюркских наречий. Т. 1. Гласные. СПб. : Тип. Императ. акад. наук. 1048 с.
- Савваитов П. И., 1896. Описание старинных русских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора, в азбучном порядке расположенное. СПб. : Тип. Императ. акад. наук. 184 с.
- Сазонов А. А., 1992. Могильник первых веков нашей эры близ хутора Городского // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп : [б. и.]. С. 244–274.
- Салмина М. А., 1974. К вопросу о датировке «Сказания о Мамаевом побоище» // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 29. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние. С. 98–124.
- Срезневский И. И., 1893. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 1: А – К. СПб. : Изд. Отд-ния рус. яз. и словесности Императ. акад. наук. 771 с.
- Фасмер М., 1986. Этимологический словарь русского языка. Т. 2 (Е – Муж). М. : Прогресс. 672 с.
- Фундуклей И. И., 1847. Обзорение Киева в отношении к древности. Киев : Тип. Вальнера. 111 с.
- Харламов П. В., 2022. Уникальные предметы вооружения эпохи средневековья из Оренбургской области // Археология евразийских степей. № 3. С. 114–124. DOI: <https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.3.114.124>
- Чакхкиев Д. Ю., 1985. Полуподземный склеп у сел. Верхний Лейми // Средневековые погребальные памятники Чечено-Ингушетии. Грозный : Чечено-Ингушский институт истории, социологии и филологии. С. 64.
- Чхаидзе В. Н., Дружинина И. А., 2010. Погребение кочевника XIII – 1-й пол. XIV в. у села Лосево в степном Прикубанье // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 8. Золотоордынское время. Донецк : ДонГУ. С. 425–436.
- Das Reich der Salier 1024–1125. Katalog zur Ausstellung des Landes Rheinland-Pfalz. Sigmaringen : J. Thorbecke, 1992. 504 s.
- Dittmann K. H., 1940. Ein Eiserne Spangenhelm in Kairo // Germania. Bd. 24. S. 54–58.
- Gawrysiak-Leszczynska W., Musianowicz K., 2002. Kurhan z Tahanczy // Archeologia polski. T. 47. S. 287–340.
- Güçkıran T., Mavi A., 2015. Askeri Müze Miğfer Sergisi. İstanbul : Askeri Müze ve Kültür Sitesi Komutanlığı. 128 s.
- Negin A. E., 2019. Barbarian Helmets on the Trajan's Column Reliefs // Journal of Roman Military Equipment Studies. Vol. 20. P. 25–53.
- Rivkin K. A., 2016. Arms and Armor of Caucasus. Edina : Yamna Publishing. 328 p.
- Spinei V., 1986. Moldavia in the 11th–14th Centuries. Bucharest : Editura Academiei Republicii Socialiste România, 276 p.
- Spinei V., 1994. Moldova in secolele XI–XIV. Chişinău : Editura Universitat. 491 p.

REFERENCES

- Anfimov I.N., Zelenskiy Yu.V., 2002. Polovetskie pogrebeniya iz vostochnogo Priazov'ya [Polovtsian Burials from the Eastern Azov Region]. *Istoriko-arkheologicheskii al'manakh* [Historical and Archaeological Almanac], iss. 8. Armavir, Moscow, IA RAS, pp. 68–71.
- Astvatsaturyan E.G., 1995. *Oruzhie narodov Kavkaza* [Armament of the Peoples of the Caucasus]. Moscow, Nalchik, Khobbikniga Publ. 191 p.
- Blokhin V.G., D'yachenko A.N., Skripkin A.S., 2003. Srednevekovye rytsari Kubani [Medieval Knights of Kuban]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Kubani* [Materials and Researches on Archeology of Kuban], iss. 3. Krasnodar, Kubanskiy GUS, pp. 184–208.
- Bobrov L.A., Khudyakov Yu.S., 2002. Zashchitnoe vooruzhenie sredneaziatskogo voina epokhi pozdnego srednevekov'ya [Defensive armament of the Central Asian warrior of the late medieval epoch]. *Voennoe delo nomadov Severnoy i Tsentral'noy Azii* [Military Affairs of the Nomads of North and Central Asia]. Novosibirsk, NSU, pp. 106–168.
- Galanina L.K., 1985. Shlemy kubanskogo tipa (voprosy proiskhozhdeniya i khronologii) [Helmets of the Kuban Type (Questions of Origin and Chronology)]. *Kul'turnoe nasledie Vostoka: problemy, poiski, suzheniya* [Cultural Heritage of the East: Problems, Searches, Judgements]. Leningrad, Nauka Publ., pp. 169–183.
- Gorev S.V., Shabanov S.B., 2017. Tri pozdnesrednevekovykh zheleznykh shlema iz sobraniya Tsentral'nogo muzeya Tavridy [Three Late Medieval Iron Helmets from the Collection of the Central Museum of Tavrida]. *Istoriya i arkheologiya Kryma* [History and Archaeology of Crimea], vol. VI, pp. 137–144.

- Gorelik M.V., 1987. Ranniy mongol'skii dospekh [Early Mongolian Armour]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Mongolii* [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Mongolia]. Novosibirsk, Nauka Publ., pp. 172-198.
- Gorelik M.V., 1991. Kulikovskaya bitva 1380 g. Russkiy i zolotoordynskiy voiny [The Kulikovo Battle of 1380. Russian and Golden Horde Warriors]. *Zeughaus*, no. 1, pp. 2-7.
- Gorelik M.V., 2002. *Armii mongolo-tatar X–XIV vekov. Voinskoe iskusstvo, snaryazhenie, oruzhie* [Armies of the Mongolo-Tatars of the X–XIV Centuries. Military Art, Equipment, Armament]. Moscow, Vostochnyy gorizont Publ. 84 p.
- Gorelik M.V., 2008. Zolotoordynskie latniki Prikuban'ya [Golden Horde Knights of the Kuban Region]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Severnogo Kavkaza* [Materials and Researches on Archeology of the North Caucasus], vol. 9. Armavir, ASPU, pp. 139-159.
- Gorelik M.V., 2010a. Shlemy zolotoordynskikh voynov Severnogo Kavkaza iz chastnykh sobraniy [Helmets of Golden Horde Warriors of the North Caucasus from Private Collections]. *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ya. T. 8. Zolotoordynskoe vremya* [Steppes of Europe in the Middle Ages. Vol. 8. Golden Horde Time]. Donetsk, DonSU, pp. 253-269.
- Gorelik M.V., 2010b. Zolotoordynskie latniki Vostochnogo Priazov'ya [Golden Horde knights of the Eastern Azov]. *Batyr. Traditsionnaya voennaya kul'tura narodov Evrazii* [Batyr. Traditional Military Culture of the Peoples of Eurasia], no. 1. Moscow, Mardzhani Publ., pp. 137-145.
- Gorelik M.V., Dorofeev V.V., 1990. Pogrebenie zolotoordynskogo voina u s. Taborovka [Burial of a Golden Horde Warrior near the Village of Taborovka]. *Problemy voennoy istorii narodov Vostoka. Byulleten' Komissii po voennoy istorii narodov Vostoka* [Problems of the Military History of the Peoples of the East. Bulletin of the Commission on the Military History of the Peoples of the East]. Leningrad, All-Union Association of Orientalists, pp. 119-132.
- Drevnosti Rossiiskogo gosudarstva, izdannye po Vysochaishemu poveleniyu Imperatora Nikolaya I. Otd. 3: Bronya, oruzhie, karety i konskaya sbruya* [Antiquities of the Russian State, Published by the Highest Command of Emperor Nicholas I. Section 3: Armour, Armament, Carriages and Horse Harness], 1853. Moscow, Avgust Semen Publ. 151 p.
- Druzhinina I.A., Dmitriev A.V., 2018. Predmety vooruzheniya iz kurgannogo mogil'nika Sidorenkova shchel' [Items of Armour from the Sidorenkov Slit Burial Mound]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], vol. 253. Moscow, Nauka Publ., pp. 348-367. DOI: <http://doi.org/10.25681/IARAS.0130-2620.253.348-367>
- Druzhinina I.A., Chkhaidze V.N., Narozhnyy E.I., 2011. *Srednevekovye kochevniki v Vostochnom Priazov'e* [Medieval Nomads in the Eastern Azov Region]. Armavir, Moscow, RITs AGPA Publ. 266 p.
- Zelenskiy Yu.V., 1997. Pozdnekochevnicheskoe pogrebenie so shlemom iz stepnogo Prikuban'ya [Late Nomadic Burial with a Helmet from the Steppe Kuban]. *Istoriko-arkheologicheskii sbornik* [Historical and Archaeological Collection], iss. 3. Armavir, Moscow, IA RAS, pp. 89-91.
- Kirpichnikov A.N., 1958. Russkie shlemy X–XIII vv. [Russian helmets of the 10–13th c.]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archeology], no. 4, pp. 47-69.
- Kirpichnikov A.N., 1971. *Drevnerusskoe oruzhie. Vyp. 3: Dospekh, kompleks zashchitnykh sredstv IX–XIII vv.* [Ancient Russian Armament. Vol. 3: Armour, a Complex of Protective Equipment of 9–13th c.]. Svod arkheologicheskikh istochnikov, iss. E 1–36. Moscow, Leningrad, USSR AS. 92 p.
- Kuleshov Yu.A., 2018. Unikal'nyy pozdnesrednevekovyy shlem s Yuga Rossii [A Unique Late Medieval Helmet from the South of Russia]. *Voennaya arkheologiya. Sbornik materialov nauchnogo seminara* [Military Archaeology. Collection of Materials of the Scientific Seminar], iss. 4. Moscow, IA RAS, pp. 183-201.
- Negin A.E., 2012. Ob odnom tipe shlemov iz kochevnicheskikh pogrebenii s territorii zapadnogo Desht-i-Kypchaka [About one Type of Helmets from Nomadic Burials from the Territory of Western Desht-i-Kipchak]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Bulletin of the N.I. Lobachevsky Nizhny Novgorod University], iss. 6, no. 3, pp. 62-70.
- Negin A.E., 2013. *Shlem iz Gorodtsa* [Helmet from Gorodets]. Nizhny Novgorod, NNSU. 96 p.
- Negin A.E., 2024. *Shlem iz Gorodtsa* [Helmet from Gorodets]. Nizhny Novgorod, Litera Publ. 144 p.
- Ovsyannikov V.V., 1990. K voprosu o zashchitnom vooruzhenii pozdnykh kochevnikov Yuzhnogo Urala [To the Question About the Protective Armour of the Late Nomads of the Southern Urals]. *Voennoe delo drevnego*

- i srednevekovogo naseleniya Severnoy i Tsentral'noy Azii* [Military Affairs of the Ancient and Medieval Population of Northern and Central Asia]. Novosibirsk, pp. 141-150.
- Otroshchenko V.V., Rassamakin Yu. Ya., 1986. Polovets'kiy kompleks Chingul's'kogo kurgana [Polovtsian Complex of the Chingul Kurgan]. *Arkheologiya* [Archaeology], iss. 53, pp. 14-36.
- Pogodin M.P., 1871. *Drevnyaya russkaya istoriya do mongol'skogo iga* [Ancient Russian History Before the Mongol Yoke], vol. III, pt. 1. Moscow, Sinodal Publ. 72 p.
- Radlov V.V., 1893. *Opyt slovary tyurkskikh narechiy. Vol. 1. Glasnye* [Experience of the Dictionary of Turkic Adverbs. Vol. 1. Vowels]. Saint Petersburg, Imperial Academy of Sciences Publ. 1048 p.
- Savvaitov P.I., 1896. *Opisanie starinnykh russkikh utvarey, odezhd, oruzhiya, ratnykh dospekhov i konskogo pribora, v azbuchnom poryadke raspolozhennoe* [Description of Old Russian Utensils, Clothes, Weapons, Armour and Horse Equipment, in Alphabetical Order]. Saint Petersburg, Imperial Academy of Sciences. 184 p.
- Sazonov A.A., 1992. Mogil'nik pervykh vekov nashey ery bliz khutora Gorodskogo [The Burial Ground of the First Centuries AD near the Farm Gorodskoye]. *Voprosy arkheologii Adygei* [Archaeological Issues of Adygea]. Maikop, pp. 244-274.
- Salmina M.A., 1974. K voprosu o datirovke «Skazaniya o Mamaevom poboishche» [On the Question of the Dating of the "Tale of Mamay's Battle"]. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature], vol. 29. Leningrad, Nauka Publ., pp. 98-124.
- Sreznevskiy I.I., 1893. *Materialy dlya slovary drevnerusskogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam: Vol. 1: A – K* [Materials for the Dictionary of the Old Russian Language According to Written Monuments: Vol. 1: A – K]. Saint Petersburg, Imperial Academy of Sciences. 771 p.
- Fasmer M., 1986. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka. T. 2 (E – Muzh)* [Etymological Dictionary of the Russian Language. T. 2 (E – Muzh)]. Moscow, Progress Publ. 672 p.
- Fundukley I.I., 1847. *Obozrenie Kieva v otnoshenii k drevnosti* [Review of Kiev in Relation to Antiquity]. Kiev, Valner Publ. 111 p.
- Kharlamov P.V., 2022. Unikal'nye predmety vooruzheniya epokhi srednevekov'ya iz Orenburgskoi oblasti [Unique Medieval Armament Items from Orenburg Oblast]. *Arkheologiya evraziiskikh stepey* [Archaeology of the Eurasian Steppes], no. 3, pp. 114-124. DOI: <https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.3.114.124>
- Chakhkiev D.Yu., 1985. Polupodzemnyy sklep u sel. Verkhniy Leimi [Semi-Subterranean Crypt near the Village of Verkhny Leimi]. *Srednevekovye pogrebal'nye pamyatniki Checheno-Ingushetii* [Medieval Funerary Monuments of Chechnya-Ingushetia]. Grozny, Chechen-Ingush Institute of History, Sociology and Philology Publ., p. 64.
- Chkhaidze V.N., Druzhinina I.A., 2010. Pogrebenie kochevnika XIII – I-i pol. XIV vv. u sela Losevo v stepnom Prikuban'e [Burial of a Nomad of the 13th – 1st Half of the 14th CC. near the Village of Losevo in the Kuban Steppe]. *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ya. T. 8. Zolotoordynskoe vremya* [Steppes of Europe in the Middle Ages. Vol. 8. Golden Horde Time]. Donetsk, DonSU, pp. 425-436.
- Das Reich der Salier 1024–1125. Katalog zur Ausstellung des Landes Rheinland-Pfalz*. Sigmaringen, J. Thorbecke, 1992. 504 p.
- Dittmann K.H., 1940. Ein Eiserner Spangenhelm in Kairo. *Germania*, Bd. 24. S. 54-58.
- Gawrysiak-Leszczynska W., Musianowicz K., 2002. Kurhan z Tahanczy. *Archeologia polski*, vol. 47. S. 287-340.
- Güçkıran T., Mavi A., 2015. *Askeri Müze Miğfer Sergisi*. İstanbul, Askeri Müze ve Kültür Sitesi Komutanlığı. 128 s.
- Negin A.E., 2019. Barbarian Helmets on the Trajan's Column Reliefs. *Journal of Roman Military Equipment Studies*, vol. 20, pp. 25-53.
- Rivkin K.A., 2016. *Arms and Armor of Caucasus*. Edina, Yamna Publishing. 328 p.
- Spinei V., 1986. *Moldavia in the 11th–14th Centuries*. Bucharest, Editura Academiei Republicii Socialiste România. 276 p.
- Spinei V., 1994. *Moldova in secolele XI–XIV*. Chişinău, Editura Universitat. 491 p.

Information About the Author

Andrey E. Negin, Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Department of History of the Ancient World and Middle Ages, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Prosp. Gagarina, 23, 603950 Nizhny Novgorod, Russian Federation, negin@imomi.unn.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4945-4452>

Информация об авторе

Андрей Евгеньевич Негин, доктор исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, просп. Гагарина, 23, 603950 г. Нижний Новгород, Российская Федерация, negin@imomi.unn.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4945-4452>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2025.3.8>

UDC 902(470.4):569.9

LBC 63.444(235.54)-3

Submitted: 18.04.2025

Accepted: 06.08.2025

UNINTENTIONAL ARTIFICIAL DEFORMATION IN THE MEDIEVAL POPULATION OF THE LOWER VOLGA REGION (PALEOPATHOLOGICAL PERSPECTIVE)¹

Evgeniy V. Pererva

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Ksenia A. Balakhtina

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. This study presents comparative analysis results of medieval population series originating from the kurgan and ground burials in the Lower Volga region, categorized according to the presence or absence of unintentional artificial cranial deformation traces. A total of 753 cranial vaults were examined, of which 220 exhibited signs of unintentional artificial cradle (beshik)-type deformation. The series were divided into a nomadic group (under the kurgan and ground burials from the Khazar, Oghuz, Cuman, and Golden Horde periods) and a sedentary population group (necropolises of the Vodyanskoye, Krasnoyarskoye, and Selitrennoye settlements; burial grounds of the Tsarevskoye settlement and its suburbs; and the Shareniy Bugor cemetery). Comparative analysis evaluated 20 pathological and discrete traits of remains in adults and 8 features in immature individuals. Frequency comparisons were performed using the non-parametric Pearson's chi-square test (χ^2) for adult samples and Fisher's exact test for children's series, with verification using the non-parametric Mann-Whitney U test. The comparative analysis of the deformed and non-deformed skulls revealed no statistically significant differences between most traits across the examined series, including mixed-sex and non-adult groups. However, certain conditions were identified showing a significant variation in the compared series. The frequency of these traits was consistently higher in samples with unintentional cranial deformation. Notably, degenerative changes of the temporomandibular joint, vascular reactions, and nasal trauma were significantly more prevalent in both sedentary and nomadic populations with beshik-type deformation. The observed differences between individuals with and without traces of unintentional artificial deformation likely indicate populations that not only utilized beshik-type cradles in daily life but also adhered to traditions in family relations, diet, and lifestyle practices rooted in the nomadic cultures of ancient Central Asian peoples. The unintentional artificial deformation observed in skulls dating back to the late 7th to the 15th centuries was compatible with normal biological functioning. The pathological deviations identified in its carriers probably result from environmental and sociocultural factors affecting the human body.

Key words: Middle Ages, cradle-type cranial deformation, pathological conditions, statistical variation, nomadic populations, Golden Horde.

Citation. Pererva E.V., Balakhtina K.A., 2025. Neprednamerennaya iskusstvennaya deformatsiya u srednevekovogo naseleniya Nizhnego Povolzh'ya (paleopatologicheskiy aspekt) [Unintentional Artificial Deformation in the Medieval Population of the Lower Volga Region (Paleopathological Perspective)]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 24, no. 3, pp. 192-216. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2025.3.8>

НЕПРЕДНАМЕРЕННАЯ ИСКУССТВЕННАЯ ДЕФОРМАЦИЯ У СРЕДНЕВЕКОВОГО НАСЕЛЕНИЯ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ (ПАЛЕОПАТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)¹

Евгений Владимирович Перерва

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Ксения Александровна Балахтина

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Работа представляет собой результат сравнительного анализа серии средневекового населения, происходящего из подкурганых и грунтовых захоронений Нижнего Поволжья, разделенной по признаку наличия и отсутствия следов непреднамеренной искусственной деформации. Всего было исследовано 753 мозговые капсулы. Из них на 220 были выявлены признаки непреднамеренной искусственной деформации колыбельного (бешикового) типа. Серии разделены на кочевую группу (подкурганые и грунтовые захоронения хазарского, огузского, половецкого и золотоордынского времени) и выборку оседлого населения (некрополи Водянского, Красноярского и Селитренного городищ, могильники Царевского городища и его пригородов, могильник Шареный Бугор). Сравнение групп осуществлялось по 20 патологическим и дискретно варьирующим состояниям у взрослых и по 8 признакам у неполовозрелых индивидов. Сопоставление частот взрослых серий проводилось с помощью непараметрического критерия – хи-квадрата (χ^2) Пирсона, детских серий – точного теста Фишера; результаты проверялись непараметрическим критерием U Манна – Уитни. Сравнительный анализ черепов с деформацией и без нее показал, что по большей части признаков статистических различий в рассматриваемых сериях не выявлено, причем как в суммарных, разнородных, так и группах неполовозрелых индивидов. В то же время удалось обнаружить состояния, по которым сравниваемые серии различаются. Частота встречаемости этих признаков практически всегда выше в выборках с непреднамеренной деформацией головы. Особенно выделяются такие состояния, как дегенеративные изменения в области височно-нижнечелюстного сустава, васкулярная реакция и травмы носа, которые достоверно чаще наблюдаются и у оседлого, и у кочевого населения с бешиковой деформацией. Зафиксированные различия между индивидами, которые имеют на черепе следы непреднамеренной искусственной деформацией и без нее, вероятнее всего, являются индикаторами населения, которое не только использовало в быту колыбель по типу «бешик», но и придерживалось традиций в семейных отношениях, питании и образе жизни, берущих свое начало в кочевой среде древних народов Средней Азии. Непреднамеренная искусственная деформация, зафиксированная на черепах населения второй половины VII – XV в., вполне совместима с нормальной жизнедеятельностью, а выявленные у ее носителей патологические отклонения вызваны средовыми и социокультурными факторами, воздействующими на организм человека.

Ключевые слова: эпоха средневековья, колыбельная деформация головы, патологические состояния, статистические различия, кочевники, Золотая Орда.

Цитирование. Перерва Е. В., Балахтина К. А., 2025. Непреднамеренная искусственная деформация у средневекового населения Нижнего Поволжья (палеопатологический аспект) // Нижневолжский археологический вестник. Т. 24, № 3. С. 192–216. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2025.3.8>

Введение

Причины появления признаков деформации черепа на антропологических материалах древнего и средневекового времени могут иметь как намеренный, так и непреднамеренный характер. К последнему варианту обычно относят затылочную [Жиров, 1940; Касимова, 1980; Шведчикова, 2006; Перерва, 2004;

2015] или теменную (теменно-затылочную) [Жиров, 1940; Рычков, 1957; Беневоленская, 1976; Громов, 2004; Казарницкий, 2012] модификацию головы. Формирование ее обычно связано с практикой продолжительной фиксации ребенка, при которой его голова и тело привязывались к колыбели или иной плоской поверхности [Gerszten, 1993; Gerszten P., Gerszten E., 1995; Allison et al., 1981, p. 240; и т. д.].

Широкое распространение подобных модификаций формы головы на территории Евразийского континента объясняется бытованием колыбелей «бешик» с мочеотводными приспособлениями [Покровский, 1886; Касимова, 1980; Китов и др., 2019, с. 165]. При использовании данной люльки ребенка не вынимали даже для кормления, и содержали его в ней до 1 года или 1,5 лет, пока ребенок не начинал ходить. У осетин дети могли находиться в колыбели еще более длительный срок [Перерва, 2015, с. 99].

Помимо культурной деформации, вызванной использованием особых колыбелей, в медицине встречаются случаи патологического изменения формы черепа под влиянием краниосиностоза, которое не следует путать с искусственной деформацией черепа. Как отмечают медики, краниосиностоз является серьезной патологией, влияющей как на внешний вид ребенка, так и на его здоровье [Губерт, Ларькин, 2021, с. 106–108]. Выделяют также и «позиционную деформацию», вызванную долгим пребыванием ребенка в одном положении [Ясонов, Лопатин, 2016, с. 73].

К морфологическим особенностям непреднамеренной деформации относят утолщение затылочной и задней части теменной кости с частой лево- или правосторонней асимметрией затылочной кости [Torres-Rouff, Yablonsky, 2005] при отсутствии изменений в строении лба, а также общее укорочение и компенсаторное расширение мозговой коробки [Жиров, 1940, с. 81]. В отечественной науке вопрос влияния непреднамеренной деформации на морфологические признаки поднимался начиная с 40-х годов. Е.В. Жиров отмечал, что использование колыбели «бешик» приводит к изменению формы затылка, а иногда и затылочной кости и, соответственно, черепного указателя [Жиров, 1941, с. 73–74]. Г.Ф. Дебец высказал мнение, что бешиковая деформация влияет на изменение черепного указателя, способствуя его увеличению [Дебец, 1949, с. 342–344]. Ю.Г. Рычков определил, что деформирующее влияние колыбели можно проследить начиная с двух-трех недель использования люльки бешикового типа. При этом происходит уплощение затылка с частой асимметрией, которая может выражаться в разной степени, затрагивая как затылоч-

ную область, так и всю голову [Рычков, 1957, с. 71–72]. Также отмечается изменение основных диаметров головы: высотного и (в меньшей степени) лобного диаметра [Рычков, 1957, с. 77–78]. Исследуя вопрос влияния затылочно-теменной деформации на черепной указатель, А.В. Громов и А.А. Казарницкий пришли к выводу, что искусственная затылочно-теменная деформация чаще встречается на брахикранных черепах, чем на мезо- и долихокранных. Ими установлена значимая корреляция между продольными размерами мозговой коробки и наличием деформации, что может быть вызвано как влиянием деформации на черепной указатель, так и тем, что следы легкой затылочно-теменной деформации (предположительно колыбельной) на относительно более длинных или в целом более крупных черепах могут исчезать в результате ростовых процессов [Громов, Казарницкий, 2011, с. 210].

Целью данного исследования является проведение сравнительного анализа групп средневекового населения Нижнего Поволжья, которое практиковало использование колыбели «бешик» и, соответственно, имело на черепной коробке следы непреднамеренной искусственной деформации с сериями индивидов без следов деформации. Результатом станет попытка оценки степени воздействия позиционной деформации на развитие отдельных патологических состояний на черепной коробке.

Материал и методы

Материалом для исследования послужили черепные коробки половозрелого и неполовозрелого населения эпохи средневековья второй половины VII – XV в., происходящие из подкурганных и грунтовых захоронений Нижневолжского региона. Всего было исследовано 753 мозговые капсулы в различной степени сохранности. Из них на 220 были выявлены следы непреднамеренной искусственной деформации колыбельного (бешикового) типа. Для объяснения вероятных различий между населением, у которого зафиксированы признаки непреднамеренной деформации черепа, и населением без следов модификации, а также факторов, которые могли на это повлиять,

серии были разделены на кочевую группу (подкурганые и грунтовые захоронения хазарского, огузского, половецкого и золотоордынского времени) и оседлое население (некрополи Водянского, Красноярского и Селитренного городищ, могильники Царевского городища и его пригородов (Колобовка, Солодовка, Малаевка), могильник Шареный Бугор). Сравнение выборки недеформированных и деформированных черепов осуществлялось по 20 патологическим и дискретно варьирующим признакам у взрослых индивидов и по 8 признакам в неполовозрелых группах (табл. 1, 2). Сопоставление частот патологических состояний между группами деформированных и недеформированных черепов осуществлялось с помощью непараметрического критерия – хи-квадрата (χ^2) Пирсона. Этот способ сравнения имеет ограничения по своему использованию, когда при анализе многопольных таблиц ожидаемое число наблюдений не должно принимать значение < 5 более чем в 20 % ячеек. В таких случаях значимые различия между группами оценивались с помощью точного теста Фишера (детские кочевые серии). За статистическую значимость был принят обычный уровень $P \leq 0,05$. Полученные результаты проверялись непараметрическим критерием U Манна – Уитни. Статистические расчеты осуществлялись в оболочке StatSoft, Inc. (2011) STATISTICA (data analysis software system), version 10.

Результаты

Первоначально остановимся на том, что у кочевого и оседлого населения различные частоты встречаемости черепов с непреднамеренной искусственной деформацией – 41,3 и 23,3 % соответственно (табл. 1, рис. 1). Гендерные различия незначительны. В целом и у кочевого, и у оседлого населения эпохи средневековья позиционный тип деформации черепа несколько чаще встречается у женщин. Оценить различия в применении колыбели по типу «бешик» у неполовозрелого кочевого населения затруднительно по причине малочисленности данных серий. У детей, происходящих из некрополей золотоордынского времени (Водянское городище, Красноярское городище, Шареный Бугор, Царевское городище

и его пригороды), следы непреднамеренной модификации черепа наблюдаются у 13,7 % индивидов.

Сравнительный анализ черепов с деформацией и без нее показал, что по большей части признаков статистических различий в рассматриваемых сериях не выявлено, причем как в суммарных, так и в разнополюх выборках, и группах неполовозрелых индивидов. В то же время следует отметить, что по частоте встречаемости ряда критериев население эпохи средневековья с деформированной черепной коробкой отличается от индивидов, у которых признаков изменения формы черепа не обнаружено (табл. 2). Для выборки оседлого населения к данным патологическим состояниям относятся абсцессы зубочелюстной системы и дегенеративные дистрофические изменения височно-нижнечелюстного сустава (далее – ДИВНЧС), васкулярная реакция костей свода черепа (далее – ВРКСЧ) по типу «апельсиновой корки» и травмы лицевого отдела черепа. В группе неполовозрелых индивидов различия проявляются только по двум патологическим состояниям: зубной камень и эмалевая гипоплазия. У мужчин различия сохраняются по таким критериям, как абсцессы, ДИВНЧС, ВРКСЧ и травмы лицевого отдела черепа. Добавляется еще одно состояние – пальцевидные вдавления. Женщины с деформацией черепа отличаются от тех, у кого нет модификации головы, только тем, что у первых статистически чаще встречается ВРКСЧ (табл. 2).

В суммарной группе кочевого населения статистических различий между сериями с деформацией и без нее значительно меньше. Выделяются следующие состояния: сколы на поверхности эмали зубов, ДИВНЧС, травмы лицевого отдела черепа. У детей из-за малочисленности группы различия выявить не удалось. В мужской кочевнической серии различия сохраняются по таким критериям, как травмы лица и дегенеративные изменения в области височно-нижнечелюстного сустава. Статистически чаще у мужчин с деформацией головы встречается метопический шов. Женщины с признаками деформации головы отличаются от тех, у которых этих признаков нет, тем, что у первых достоверно чаще выявляются сколы эмали на коронках зубов и ВРКСЧ (табл. 2).

В заключение следует отметить, что частота признаков, по которым наблюдаются статистические различия между группами средневекового населения, практически всегда выше в сериях, где присутствуют признаки непреднамеренной деформации головы.

Обсуждение

Как уже было указано выше, в различное время вопросами влияния непреднамеренной искусственной деформации на изменение краниологических признаков занимались Е.В. Жиров [Жиров, 1941, с. 72–73]. Ю.Г. Рычков [Рычков, 1957, с. 71–72], Р.М. Касимова [Касимова, 1980, с. 41], А.В. Громов и А.А. Казарницкий [Громов, Казарницкий, 2011, с. 210].

Имеются в отечественной антропологии и работы, которые тем или иным образом затрагивали медицинский аспект воздействия позиционной модификации на проявления патологических состояний.

Так, Ю.Г. Рычков, ссылаясь на современную врачебную практику, предполагал, что длительное нахождение в колыбели могло приводить к различным кожным заболеваниям, а также к задержке развития ребенка в первые годы жизни. Кроме этого, как указывает Ю.Г. Рычков, у детей с рахитом использование колыбели приводило к тому, что протекание заболевания проходило тяжелее [Рычков, 1957, с. 82].

Одним из авторов данной статьи ранее было проведено рентгенологическое исследование черепов золотоордынского времени с признаками непреднамеренной модификации. Анализ рентгенограмм показал, что позиционная деформация не способствовала развитию существенных отклонений. В то же время на ряде черепов в результате анализа были выявлены признаки распространения в группе маркеров синдрома внутричерепной гипертензии в виде пальцевидных вдавлений и резко развитого сосудистого рисунка [Перерва, 2015, с. 112]. При сравнении серий деформированных черепов с недеформированными у взрослых, детей или в разнополых группах средневекового времени статистические различия по признаку «пальцевидные вдавления» – маркеру внутричерепной гипертензии удалось выявить только у мужчин оседлой

группы. Причем на недеформированных черепках маркеры высокого внутричерепного давления наблюдаются чаще, чем у индивидов с деформацией головы (табл. 1).

Зафиксированные отклонения, которые статистически чаще встречаются на черепках с непреднамеренной искусственной деформацией, условно можно разделить на две группы. Первая – это состояния, которые фиксируются на зубочелюстной системе, а вторая – признаки холодового стресса и травмы.

О влиянии преднамеренной искусственной деформации на признаки лицевого отдела черепа краниологами уже не говорилось в научной литературе [Шевченко, 1986, с. 183–184; Хохлов, 2006, с. 51; Батиева, 2008, с. 28; Казарницкий, 2012, с. 11; Балабанова, 2018, с. 225]. Имеются упоминания о воздействии преднамеренной деформации головы на зубочелюстную систему в работах, которые тем или иным образом затрагивали проблему развития патологических состояний [Bjork A., Bjork L., 1964; Okumura, 2014; Бужилова, 2006; Перерва, 2023а; 2023б]. Так, М. Окумура, проведя сравнительный анализ недеформированных и деформированных черепов Колумбового периода Перу, пришел к выводу, что для последних свойственны более высокие показатели встречаемости кариеса, заболеваний пародонта и прижизненной утраты зубов [Okumura, 2014, p. 23]. Аналогичная картина наблюдается при сопоставлении суммарной серии, разнополых выборок и группы, состоящей из подростков и детей, эпохи средневековья Нижнего Поволжья. У населения с непреднамеренной искусственной деформацией статистически чаще встречаются такие состояния на зубах, как минерализованные отложения, заболевания пародонта, сколы эмали, патологическая стертость зубов (табл. 2). К сожалению, исследователи, которые уделяли внимание патологическому обследованию деформированных черепов, практически не объясняют более высокую частоту патологий зубов. В данном случае следует указать на работу А.П. Бужиловой, которая, изучив антропологические материалы джетыясарской культуры могильника Косасар-2, датирующиеся концом I тыс. до н.э. – VIII в. н.э., предположила, что сильная стертость резцов на черепках с преднамеренной искусственной де-

формацией могла возникнуть в результате специфического воздействия деформирующей конструкции, стимулирующего формирование неправильного прикуса [Бужилова, 2006, с. 173]. Е.В. Перервой в результате сравнительного анализа деформированных и недеформированных черепов эпохи средней бронзы и позднесарматского времени, происходящих из подкурганых захоронений Нижнего Поволжья, было установлено, что отсутствие существенных различий в проявлении частот встречаемости патологий зубной системы позволило высказать мнение: применение обычной преднамеренной искусственной деформации у населения культур катакомбного круга и в позднесарматское время не приводило к развитию серьезных заболеваний зубов как у детей, так и у взрослых [Перерва, 2023б, с. 110]. В то же время было установлено, что у преднамеренно модифицированных черепов позднесарматского времени, как и в случае с деформированными черепами эпохи средневековья, статистически чаще встречается ДИВНЧС. Предположительно причиной высоких частот артрозов нижнечелюстного сустава у поздних сарматов могла стать повязка или часть деформирующей конструкции, которая проходила через нижнюю челюсть [Перерва, 2023а, с. 61–62].

Дегенеративно-дистрофические изменения в области височно-нижнечелюстного сустава обычно вызываются систематическими микроили макротравмами, инфекцией, а также состояниями, приводящими к воспалению сустава [Артюшкевич, 2014, с. 13–14] (рис. 1, 4, 5). Оценка возрастных зависимостей встречаемости заболеваний нижнечелюстного сустава в оседлых и кочевых группах показала наличие незначительной тенденции к возрастной изменчивости артроза нижнечелюстного сустава и его накопительный характер. Однако отсутствие статистических различий между возрастными группами в частотах распределения данного патологического состояния и широкое распространение его у молодых индивидов до 35 лет указывают на то, что факторы, которые стимулируют его развитие в группах, где на черепах имеются следы непреднамеренной деформации головы, были иные.

Вероятнее всего, как и в случае с заболеваниями зубочелюстной системы, ответ на

данный вопрос следует искать в существовавших традициях. Различия по встречаемости сколов эмали и абсцессов в группах с деформацией и без нее могут быть объяснены различными диетными предпочтениями, причем косвенно на это может указывать и сравнительный анализ встречаемости патологических состояний на зубах у детей с непреднамеренной деформацией и без нее. Так, у первых значительно чаще фиксируются минерализованные отложения на зубах, а также эмалевая гипоплазия. Этиология этих состояний различна. Зубной камень – это патогенные новообразования (дентолиты) на внутренней и внешней поверхности коронок зубов [Чиканова и др., 2013, с. 132]. Причины возникновения минерализованных отложений разнообразные – это химический состав и количество слюны, специфика диеты, консистенция пищи (грубая пища задерживает осаждение камня, мягкая, наоборот, ускоряет его отложение), особенности прикуса или специфические привычки при жевании, отсутствие гигиены, генетическая предрасположенность [Arensburg, 1996, p. 139; Бужилова, 1998, с. 101; Максимовский и др., 2002, с. 617–618; Hillson, 2005, p. 289–290; Roberts, Manchester, 2012, p. 71–73; Forshaw, 2014, p. 530; Warinner, 2016, p. 412].

Эмалевая гипоплазия не является маркером специфической болезни, а выступает показателем общего состояния здоровья древней популяции [Aufderheide, Rodriguez-Martin, 1998, p. 405]. Причины возникновения недостаточности развития эмали разнообразны: плохое питание, инфекционные заболевания, паразитарные инвазии, переход от грудного вскармливания к обычной пище [Goodman et al., 1984, p. 25; Malville, 1997, p. 351–352; Aufderheide, Rodriguez-Martin, 1998, p. 405]. Ряд исследователей придерживаются мнения, что эта патология в большей степени является результатом физиологического и пищевого стресса в период детства [Goodman et al., 1984, p. 27; Cohen, Armelagos, 1984, p. 589; Rose et al., 1985, p. 289; Wright, 1997, p. 234; Reid, Dean, 2000, p. 135].

Завышение частот встречаемости зубного камня и эмалевой гипоплазии на зубах у детей с непреднамеренной искусственной деформацией головы указывает на то, что индивиды, которые длительное время проводи-

ли в колыбели «бешик», подвергались воздействию физиологического стресса сильнее и интенсивнее.

Следующий признак, который статистически чаще встречается на деформированных черепах, вне зависимости от образа жизни и половых различий, – это васкулярная реакция по типу апельсиновой корки (рис. 2). Данное состояние является специфическим изменением надкостницы, отмечающимся в области надбровных дуг, по внешнему краю скуловых костей, глазниц, по периметру от антропологической точки *bregma* вдоль стреловидного шва и в затылочной области. Отклонение возникает вследствие холодового стресса, связанного с регулярным пребыванием человека на открытом воздухе в ветреную или холодную погоду с повышенной влажностью [Бужилова, 1998, с. 104–105; Алексеева и др., 2003, с. 52–53; Худавердян, 2005, с. 41]. Также васкуляризация костной ткани может стимулироваться активизацией периферической кровеносной системы мягких тканей головы при повышенном давлении или выполнении специфической трудовой деятельности [Добровольская, 2006, с. 44; Медникова и др., 2015, с. 52; Перерва, 2020, с. 149]. Данное состояние выявлялось на антропологических материалах населения всех исторических эпох Нижнего Поволжья [Перерва, 2016; 2022а; Перерва и др., 2024]. Получило оно распространение и у кочевого и оседлого населения раннего и позднего средневековья. Однако на материалах XIII–XIV вв. частота ее встречаемости сокращается в связи с переходом большей части населения к оседлому образу жизни. В то же время самые высокие показатели проявления данного состояния также зафиксированы у населения эпохи средневековья, на материалах из могильника Шареный Бугор. Причинами широкого распространения васкулярной реакции у кочевого населения золотоордынского времени (59 %) и части средневекового населения из Шареного Бугра (93 %), вероятнее всего, являются прическа, образ жизни или специализация некоторых индивидов на речном промысле [Перерва, 2020, с. 152; 2022б, с. 229].

Одним из факторов, который мог стимулировать развитие и широкое распространение васкуляризации костей свода черепа, яв-

лялась специфическая прическа у населения в средневековое время. Так, у Рубрука есть описание традиционной прически, которую делают себе монгольские мужчины: «...выбывают себе на макушке головы четырехугольник и с передних углов ведут бритые макушки головы до висков. Они бреют также виски и шею до верхушки впадины затылка, а лоб до макушки, на которой оставляют пучок волос, спускающихся до бровей. В углах затылка они оставляют волосы, из которых делают косы, которые заплетают, завязывая узлом до ушей». Бреют волосы на голове и монгольские женщины: «...на следующий день после свадьбы она бреет себе череп с середины головы в направлении ко лбу» [Путешествия ... , 1957, гл. 8].

Армянский писатель X в. Мойсей Каганкатвацци так описывал хазаров: «...живущие в городе или на открытом воздухе, бреющие головы и носящие косы...» [Каганкатвацци, 1861, ч. 2, XI]. А.Г. Юрченко, ссылаясь на записки Иоанна Платона Карпини, Бенедикта Поляка, Марко Поло, а также китайских авторов, указывает, что начиная с 3–5 лет монгольские мальчики и мужчины выбривали макушку и затылок, оставляя челку и волосы на обоих висках [Юрченко, 2003, с. 64]. О существовании специфической прически у кочевников XIII–XIV вв. пишет Л.Ф. Аблазов: «На маковке головы они имеют гуменце наподобие клириков, и все вообще бреют [голову] на три пальца ширины от одного уха до другого; эти выбритые места соединяются с вышеупомянутым гуменцем» [Аблазов, 2020, с. 28]. По мнению С.И. Вайнштейна, женщины заплетали волосы в косы [Вайнштейн, 1991, с. 181]. А. Досымбаева указывает, что на многих памятниках изобразительного искусства, изображающих тюрок, показаны разные типы мужских и женских причесок. Ссылаясь на китайские письменные источники, исследователь указала, что форма причесок тюрок, регламентация норм их ношения и взаимной связи типа прически зависела от социального положения личности [Досымбаева, 2013, с. 96].

Таким образом, фиксация васкулярной реакции по типу «апельсиновой корки» у большей части населения, использовавшего в быту колыбель «бешик», может маркировать ту

часть населения средневекового общества, которая придерживалась в быту и внешнем облике традиций, имеющих восточные корни – тюркские или монгольские.

Остановимся еще на одном признаке, который статистически чаще встречается у населения с непреднамеренной деформацией головы бешикового типа, – это травмы носа.

Переломы костей носа нередко сочетаются с повреждениями верхней челюсти, изолированными открытыми, закрытыми, со смещением отломков и без смещения их [Гайворонская и др., 2012, с. 12]. В случае с материалами второй половины VII – XV в. с территории Нижнего Поволжья практически всегда это травмы носовых костей, сопровождающиеся их деформацией, со следами смещения в правую или левую сторону в зависимости от траектории удара и S-образным искривлением сошника (рис. 2). Множественные травмы, когда переломы носовых костей сопровождаются дефектами в области верхних челюстных костей, почти не встречаются.

В антропологической литературе лицевые повреждения на палеоантропологических материалах и переломы костей носа оцениваются как индикаторы общей агрессии, вызванной систематическими войнами, домашним насилием, ритуальными действиями, межличностными конфликтами в древних обществах [Larsen, 1997, p. 156; Lessa et al., 2006, p. 137; Kjellström, 2009, p. 154–157].

Ш. Робертс и Л. Манчестер, ссылаясь на работы Ф. Волкера, высказывают предположение, что травмы носа являются несомненным доказательством кулачных боев в социуме или рукоприкладства в семье [Roberts, Manchester, 2012, p. 108–109]. О кулачных боях в монгольском и тюркском обществе практически ничего не известно, а письменные источники указывают, что драки между кочевниками или в монгольской среде практически невозможны [Путешествия ... , 1957, гл. 4, I, гл. 10; Марко Поло, 1873, I, LIV].

В письменных источниках не упоминается и о традиционной борьбе у монголов, хотя сведения о ней имеются – «бүхэ барилдаан». Как указывают исследователи со времен Чингисхана, традиционные монгольские игры позволяли выделять среди кочевого сообщества самых умелых «баатарнууд» (борцов), «мэр-

гэн хүбүүд» (стрелков) и «хүлэгүүд» (наездников) [Аюшеев и др., 2023, с. 38].

Как видно из таблицы 2, в которой оценивались показатели патологических признаков, травмы носа чаще встречаются у мужчин, что соответствует эпохальной динамике распространения подобного рода повреждений [Magalhães et al., 2023, p. 858]. Вероятнее всего, у мужчин было больше социальных и культурных возможностей участвовать в конфликтах. Однако фиксация подобного рода повреждений у женщин может указывать на то, что в раннесредневековом обществе и золотоордынское время они также могли принимать активное участие в каких-либо межгрупповых конфликтах. Тем не менее наиболее вероятно, что полученные ими травмы могли быть вызваны межличностным насилием, являться наказанием или же оказаться следствием несчастных случаев, например, во время игр или тренировок.

Все вышесказанное не объясняет причин, по которым на черепах с непреднамеренной искусственной деформацией чаще встречаются травмы лица. На нижеволжских материалах высокая частота дефектов травматического характера на черепе уже была описана ранее у представителей культур катакомбного круга, которые на своей черепной капсуле имели следы преднамеренной искусственной деформации. Фиксация данного факта, а также высокой частоты встречаемости на модифицированных черепах первой половины II тыс. до н.э. ряда других патологических состояний стала дополнительным аргументом в пользу предположения, что применение обычая придания голове специфической формы было необходимым элементом выделения определенной социальной или этнической общности в то время. В случае с непреднамеренной искусственной деформацией на материалах средневекового времени, для того чтобы рассматривать подобные варианты, необходим глубокий анализ археологического контекста каждого погребения, в котором обнаружился индивид с позиционной деформацией, на фоне массовых погребений, в которых захоронены индивиды без признаков бешиковой модификации головы.

В связи с этим можно лишь высказать предположение, что в эпоху домонгольского

завоевания и золотоордынского средневековья наличие на черепках признаков колыбельной деформации может быть индикатором, который выделяет значительную часть населения, вероятно тюркоязычного или монгольского происхождения, на фоне общего этнического разнообразия на территории южнорусских степей. Сегодня колыбели бешикового типа широко распространены у казахов, кыргызов и других тюркоязычных народов в Центральной Азии. Следует также отметить, что у этих народов с колыбелью «бешик» связаны разнообразные поверья, суеверия, запреты, ритуалы первого укладывания [Бутанаев, 1988, с. 214; Осмонова, 2024, с. 56]. Некоторые исследователи предполагают, что распространение колыбели «бешик» вызвано спецификой кочевого образа жизни, сложившегося у древних народов Центральной Азии [Кармышаков, 2015, с. 288; Алымкулова, 2024, с. 114]. Поэтому наличие следов непреднамеренной деформации головы мужчин, женщин и детей эпохи средневековья второй половины VII – XV в., а также фиксация у них патологических состояний, которые статистически встречаются на модифицированных черепках, являются доказательствами того, что значительная часть населения придерживалась традиций, связанных с уходом за младенцем, диетой, семейным укладом и образом жизни, которые берут свое начало в кочевой среде древних народов Средней Азии.

Выводы

1. Сравнение черепов оседлых и кочевых серий средневековых групп Нижнего Поволжья со следами непреднамеренной искусственной деформации головы и без таких сле-

дов показало, что на модифицированных мозговых коробках имеется ряд состояний, которые статистически встречаются чаще.

2. В кочевых и оседлых сериях, использующих при уходе за младенцем колыбель по типу «бешик», выделился набор признаков патологического характера, который в одинаковой мере характерен для групп, ведущих различный образ жизни. Это такие состояния, как ДИВНЧС, ВРКСЧ по типу апельсиновой корки и травмы носа.

3. Зафиксированные различия между индивидами с непреднамеренной искусственной деформацией и без нее, вероятнее всего, являются индикаторами того, что часть населения, которая использовала в быту колыбель по типу «бешик», придерживалась в семейных отношениях, питании и образе жизни традиций и обычаев, берущих свое начало в кочевой среде древних народов Средней Азии.

4. Непреднамеренная искусственная деформация, выявленная на черепках населения второй половины VII – XV в., вполне совместима с нормальной жизнедеятельностью, а выявленные у ее носителей патологические отклонения вызваны социокультурными и средовыми факторами, воздействующими на организм человека.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Работа выполнена за счет средств гранта Российского научного фонда № 24-28-00772 «Исследование антропологии полиэтнических социумов Нижнего Поволжья в эпоху средневековья».

The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 24-28-00772, “Anthropological Study of Polyethnic Medieval Societies in the Lower Volga Region”.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Таблица 1. Частотные показатели встречаемости непреднамеренной искусственной деформации у средневекового населения Нижнего Поволжья

Table 1. Frequency indicators of unintentional artificial deformation in the medieval population from the Lower Volga region

	Кочевое население			Оседлое население	
	Деформированные черепа	Недеформированные черепа		Деформированные черепа	Недеформированные черепа
В	43 (41,3 %)	61 (58,7 %)	В	150 (33,1 %)	303 (66,9 %)
М	18 (32,7 %)	37 (67,3 %)	М	77 (32,2 %)	162 (67,8 %)
Ж	25 (58,1 %)	24 (48,9 %)	Ж	73 (34,3 %)	140 (65,7 %)
Д	2 (14,3 %)	12 (86,6 %)	Д	25 (13,7 %)	157 (86,3 %)
	Всего лиц – 118. Из них: взрослых – 104, мужчин – 55, женщин – 49, детей – 14			Всего лиц – 635 *. Из них взрослых – 453, мужчин – 239, женщин – 213, детей – 182	

Примечание. * – пол 1 взрослого индивида установить не удалось.

Note. * – the gender of 1 adult could not be determined.

Таблица 2. Частоты встречаемости некоторых патологических отклонений и дискретно варьирующих признаков, фиксируемых на зубной системе и черепной коробке населения эпохи средневековья без деформации головы и с непреднамеренной искусственной деформацией

Table 2. Frequency distribution of pathological conditions and discrete traits recorded in the dental and cranial systems among medieval populations, comparison between non-deformed and unintentionally artificially deformed individuals

Патологические отклонения и дискретно варьирующие признаки	Оседлое население золотоордынского времени											
	взрослые / 453						дети / подростки / 182					
	Деформированные черепа / 150		Недеформированные черепа / 303		p-value		Деформированные черепа / 25		Недеформированные черепа / 157		p-value	
	n	%	n	%	Манна – Уитни	χ^2 (хи-квадрат Пирсона)	n	%	n	%	Манна – Уитни	Точный тест Фишера
Кариес	41	27	107	35,3	0,088764	0,088323	1	4	5	3,2	0,837685	0,832070
Абсцесс	54	36	81	26,7	0,042686	0,042407	–	–	–	–	–	–
Зубной камень	138	92	278	91,7	0,927627	0,926908	18	72	31	19,8	0,000000	0,000000
Эмалевая гипоплазия	73	48,7	143	47,2	0,768432	0,767846	9	36	8	5,1	0,000001	0,000001
Прижизненная утрата зубов	66	44	130	42,9	0,824686	0,183228	–	–	–	–	–	–
Пародонтоз	97	64,7	78	25,7	0,609110	0,608365	–	–	–	–	–	–
Сколы эмали	97	64,7	182	60,1	0,344171	0,343406	–	–	–	–	–	–
Патологическая стертость	90	60	167	55,1	0,324147	0,323394	–	–	–	–	–	–
ДИВНЧС	112	74,7	176	58,1	0,000567	0,000558	–	–	–	–	–	–
Краниостеноз	5	3,3	8	2,6	0,678851	0,677549	–	–	–	–	–	–
Метопический шов	6	4	13	4,3	0,885608	0,884614	–	–	–	–	–	–
Остеомы	19	12,7	23	7,6	0,080065	0,079600	–	–	–	–	–	–
Пальцевидные вдавления	24	16	69	22,8	0,093540	0,093071	8	32	35	22,3	0,291194	0,288597
ВРКСЧ	84	56	116	38,3	0,000358	0,000352	–	–	–	–	–	–
Cribra orbitalia	24	16	42	13,9	0,544588	0,543728	15	60	74	47,1	0,234191	0,231976
ПГКСЧ	9	6	20	6,6	0,806752	0,805845	4	16	38	24,2	0,368680	0,365869
Пороз	–	–	–	–	–	–	19	76	99	63	0,210264	0,208111
Внутренний лобный гиперостоз	6	4	17	5,6	0,129126	0,190206	–	–	–	–	–	–
Воспалительный процесс КСЧ	2	1,3	12	3,9	0,463541	0,462435	2	8	22	14	0,412497	0,409221
Травмы лицевого отдела черепа	28	18,7	31	10,2	0,012174	0,012056	–	–	–	–	–	–
Травмы свода черепа	0	0	2	1	0,487457	0,387724	–	–	–	–	–	–

Продолжение таблицы 2

Continuation of Table 2

Патологические отклонения и дискретно варьирующие признаки	Оседлое население золотоордынского времени											
	мужчины / 239						женщины / 213					
	Деформированные черепа / 77		Недеформированные черепа / 162		p-value		Деформированные черепа / 73		Недеформированные черепа / 140		p-value	
	n	%	n	%	Манна – Уитни	χ ² (хи-квадрат Пирсона)	n	%	n	%	Манна – Уитни	χ ² (хи-квадрат Пирсона)
Кариес	21	27,3	52	32,1	0,450	0,449	20	27,4	55	39,3	0,085677	0,084684
Абсцесс	33	43	39	24,7	0,003	0,003	21	28,7	42	30	0,853074	0,851567
Зубной камень	71	92	148	91,4	0,826	0,824	67	91,8	129	62,1	0,928427	0,926272
Эмалевая гипоплазия	39	50,6	88	54,3	0,597	0,595	34	46,7	54	38,6	0,261890	0,260184
Прижизненная утрата зубов	34	44	66	40,7	0,618	0,617	32	43,8	64	45,7	0,795199	0,793677
Пародонтоз	54	70	111	68,5	0,802	0,801	43	58,9	71	50,7	0,793677	0,793677
Сколы эмали	24	31,2	51	31,4	0,962	0,961	18	24,7	27	19,3	0,362011	0,362011
Патологическая стертость	51	66,2	101	62,4	0,560	0,506	39	53,4	66	47,1	0,385970	0,384110
ДИВНЧС	67	87	101	62,4	0,0001	0,00009	45	61,6	75	53,6	0,261265	0,259564
Краниостеноз	5	6,4	5	3,1	0,221	0,219	0	0	3	2,1	0,210965	0,207808
Метопический шов	3	3,9	7	4,3	0,881	0,878	3	4,1	6	4,3	0,954432	0,951641
Остеомы	13	16,9	16	9,9	0,122	0,121	6	8,2	7	5	0,354204	0,351605
Пальцевидные вдавления	9	11,7	39	24,1	0,026	0,025	15	20,5	29	20,7	0,978680	0,977295
ВРКСЧ	61	79,2	99	61,1	0,005	0,005	23	31,5	17	12,1	0,000616	0,000594
Cribra orbitalia	9	11,7	17	10,5	0,783	0,782	15	20,6	25	17,9	0,635219	0,633186
ПГКСЧ	2	2,6	7	4,3	0,515	0,513	7	9,6	13	9,3	0,944555	0,942576
Внутренний лобный гиперостоз	4	5,2	7	4,3	0,765	0,763	2	2,7	10	7,1	0,332754	0,330022
Воспалительный процесс КСЧ	0	0	4	2,5	0,164	0,164	2	2,7	8	5,7	0,187927	0,185908
Травмы лицевого отдела черепа	21	27,3	23	14,2	0,015	0,015	7	9,6	8	5,7	0,296530	0,294172
Травмы свода черепа	12	15,6	19	11,7	0,408	0,407	3	5,5	7	5	0,883400	0,880711

Продолжение таблицы 2

Continuation of Table 2

Патологические отклонения и дискретно варьирующие признаки	Кочевое население эпохи средних веков											
	взрослые / 104						дети / подростки / 14					
	Деформированные черепа / 43		Недеформированные черепа / 61		p-value		Деформированные черепа / 2		Недеформированные черепа / 12		p-value	
	n	%	n	%	Манна – Уитни	χ^2 (хи-квадрат Пирсона)	n	%	n	%	Манна – Уитни	Точный тест Фишера
Кариес	5	11,6	7	11,5	0,985725	0,980875	0	0	0	0	–	–
Абсцесс	10	23,3	8	13,1	0,181979	0,178234	–	–	–	–	–	–
Зубной камень	41	95,4	57	93,4	0,688840	0,681380	1	50	10	83,3	0,369814	0,287495
Эмалевая гипоплазия	24	55,8	30	49,2	0,509411	0,504910	1	50	3	25	0,560673	0,468717
Прижизненная утрата зубов	16	37,2	14	22,9	0,116709	0,113977	–	–	–	–	–	–
Пародонтоз	27	62,8	31	50,8	0,371743	0,367388	–	–	–	–	–	–
Сколы эмали	18	41,6	12	19,7	0,000009	0,000008	–	–	–	–	–	–
Патологическая стертость	28	65,1	32	52,5	0,201754	0,198223	–	–	–	–	–	–
ДИВНЧС	30	69,8	31	50,8	0,054970	0,053322	–	–	–	–	–	–
Краниостеноз	4	9,3	9	14,7	0,413291	0,407745	–	–	–	–	–	–
Метопический шов	1	2,3	1	1,6	0,813542	0,801858	–	–	–	–	–	–
Остеомы	3	6,9	9	14,7	0,226017	0,221503	–	–	–	–	–	–
Пальцевидные вдавления	13	30,2	18	29,5	0,940230	0,936611	1	50	3	25	0,560673	0,468717
ВРКСЧ	28	65,1	30	49,2	0,109646	0,107095	–	–	–	–	–	–
Cribra orbitalia	3	6,9	9	14,7	0,226017	0,221503	0	0	3	25	0,521791	0,425031
ПГКСЧ	3	6,9	8	13,1	0,321544	0,316190	0	0	2	16,7	0,652210	0,532884
Пороз	1	2,3	4	6,6	0,327217	0,320500	1	50	9	75	0,560673	0,468717
Внутренний лобный гиперостоз	0	0	3	4,9	0,385975	0,379520	–	–	–	–	–	–
Воспалительный процесс КСЧ	4	9,3	3	4,7	0,145072	0,140036	0	0	2	16,7	0,652210	0,532884
Травмы лицевого отдела черепа	6	14	2	3,3	0,046044	0,044236	–	–	–	–	–	–
Травмы свода черепа	3	7	2	3,3	0,392528	0,385321	–	–	–	–	–	–

Окончание таблицы 2

End of Table 2

Патологические отклонения и дискретно варьирующие признаки	Кочевое население эпохи средних веков											
	мужчины / 55						женщины / 49					
	Деформированные черепа / 18		Недеформированные черепа / 37		p-value		Деформированные черепа / 25		Недеформированные черепа / 24		p-value	
	n	%	n	%	Манна – Уитни	χ^2 (Хи-квадрат Пирсона)	n	%	n	%	Манна – Уитни	χ^2 (Хи-квадрат Пирсона)
Кариес	1	5,6	4	10,8	0,540336	0,524695	4	16	3	12,5	0,741465	0,726339
Абсцесс	4	22,2	5	13,5	0,425051	0,412692	6	24	3	12,5	0,310734	0,298688
Зубной камень	18	100	34	91,9	0,226934	0,214074	23	92	23	95,8	0,596322	0,575811
Эмалевая гипоплазия	11	61,1	18	48,7	0,395142	0,385048	13	52	12	50	0,898927	0,888660
Прижизненная утрата зубов	7	38,8	11	29,7	0,507956	0,496972	9	36	3	12,5	0,060213	0,055841
Пародонтоз	15	83,3	20	54	0,036806	0,034173	12	48	11	45,8	0,889612	0,879250
Сколы эмали	8	44,4	10	27	0,204485	0,196458	10	40	2	8,7	0,013809	0,012343
Патологическая стертость	14	77,8	19	51,3	0,064402	0,060504	14	56	13	54,2	0,907612	0,897374
ДИВНЧС	16	88,9	21	56,7	0,018765	0,017173	14	56	10	41,7	0,326349	0,315700
Краниостеноз	2	11,1	6	16,2	0,627963	0,614344	2	8	3	12,5	0,620035	0,602920
Метопический шов	3	16,7	0	0	0,012150	0,010652	0	0	1	4,2	0,327188	0,302448
Остеомы	6	33,3	6	16,2	0,156633	0,149247	0	0	3	12,5	0,074797	0,068076
Пальцевидные вдавления	7	38,9	10	27	0,382199	0,371743	6	24	8	33,3	0,482203	0,469706
ВРКСЧ	17	94,4	28	75,7	0,096020	0,090388	11	44	2	8,3	0,005356	0,004700
Cribra orbitalia	0	0	4	10,8	0,156929	0,147437	3	12	5	20,8	0,416733	0,402987
ПГКСЧ	0	0	4	10,8	0,156929	0,147437	3	12	4	16,8	0,656042	0,640738
Внутренний лобный гиперостоз	0	0	1	2,7	0,510065	0,481486	0	0	2	8,3	0,152868	0,140545
Воспалительный процесс КСЧ	0	0	2	5,4	0,333046	0,314977	4	16	1	4,2	0,181927	0,171329
Травмы лицевого отдела черепа	5	27,8	1	2,7	0,005839	0,005128	1	4	1	4,2	1,000000	0,976485
Травмы свода черепа	2	11,1	2	5,4	0,460732	0,444532	1	4	0	0	0,347746	0,322199

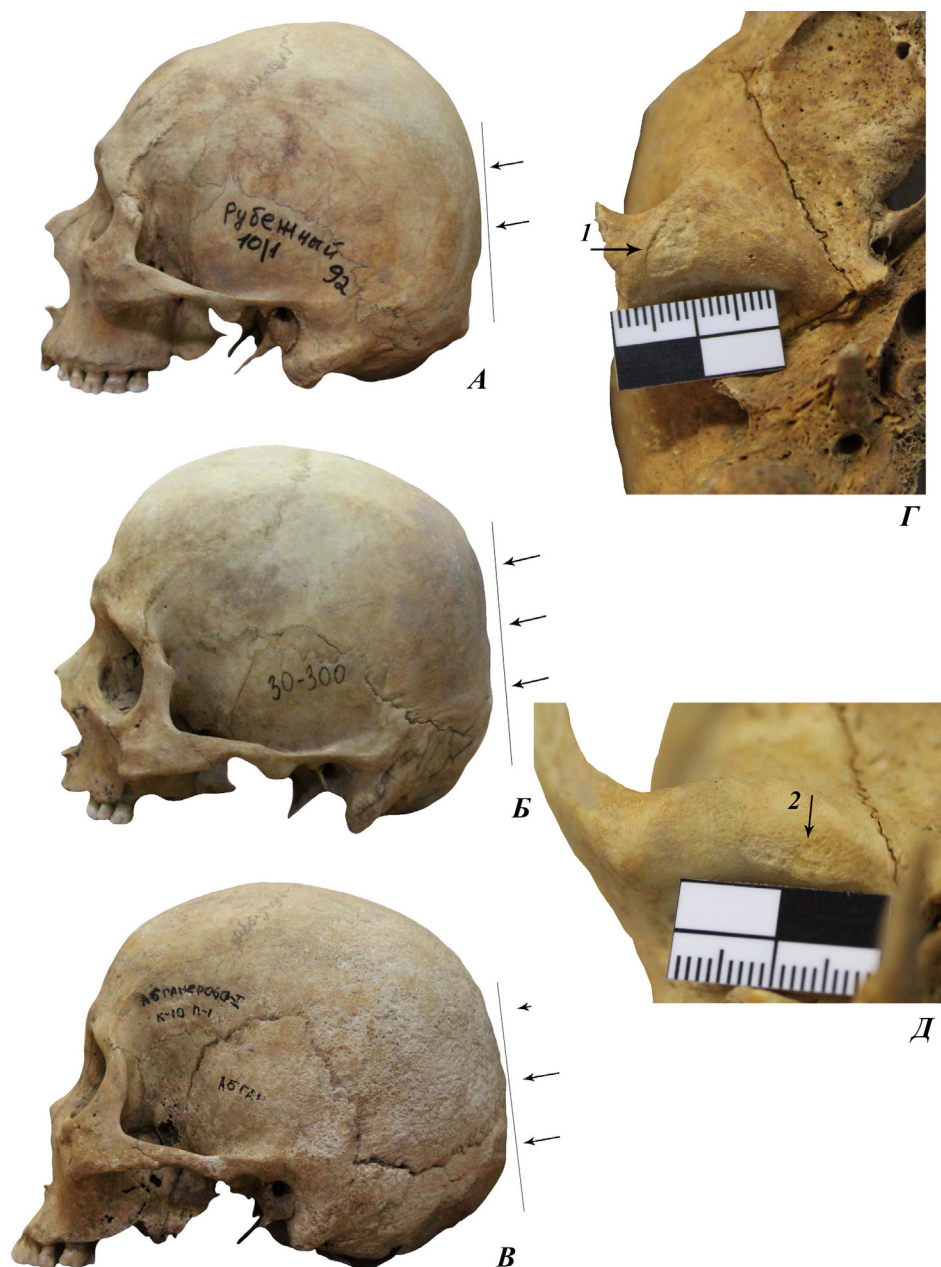

Рис. 1. Примеры черепов с непреднамеренной искусственной деформацией колыбельного (бешикового типа) на средневековых антропологических материалах:

А – череп мужчины из погребения 1 кургана 10 могильника Верхне-Рубежный I (1992 г.);
 Б – череп мужчины из погребения 1 кургана 1 могильника Ковалевка (2006 г.);
 В – череп женщины из погребения 1 кургана 10 могильника Абганерово I (1994 г.);
 Г, 1 – признаки дегенеративных изменений в области височно-нижнечелюстного сустава у мужчины 35–40 лет из погребения 1 кургана 8 могильника Абганерово IV; Д, 2 – признаки дегенеративных изменений в области височно-нижнечелюстного сустава у мужчины 25–35 лет из погребения 1 кургана 10 могильника Верхне-Рубежный

Fig. 1. Examples of skulls with unintentional artificial deformation from the cradle (beshik type) on medieval anthropological materials:

А – male skull from burial 1, kurgan 10, Verkhne-Rubezhny I cemetery (1992);
 Б – male skull from burial 1, kurgan 1, Kovalevka cemetery (2006);
 В – female skull from burial 1, kurgan 10, Abganerovo I cemetery (1994);
 Г, 1 – signs of degenerative changes in the temporomandibular joint in a 35–40-year-old male from burial 1, kurgan 8, Abganerovo IV cemetery; Д, 2 – signs of degenerative changes in the temporomandibular joint area in a 25–35-year-old male from burial 1, kurgan 10, Verkhne-Rubezhny cemetery

Рис. 2. Примеры патологических состояний, выявленных статистически чаще на деформированных черепах эпохи средневековья:

- 1 – васкулярная реакция на надбровных дугах мужчины 25–30 лет из погребения 16 мавзолея I курганного могильника Царев; 2 – признаки васкулярной реакции в области надбровных дуг; 3 – травма носа у мужчины 35–45 лет из погребения 1 кургана 8 могильника Абганерово IV; 4, 5 – следы травмы в области носовой кости у мужчины 25–30 лет из погребения 16 мавзолея I курганного могильника Царев

Fig. 2. Examples of pathological conditions detected statistically more often in deformed skulls of the Middle Ages:

- 1 – vascular reaction on the brow ridges of a 25–30-year-old male from burial 16, mausoleum I, Tsarev kurgan cemetery; 2 – signs of vascular reaction in the brow ridges; 3 – nasal trauma in a 35–45-year-old male from burial 1, kurgan 8, Abganerovo IV cemetery; 4, 5 – traces of trauma in the nasal bone area in a 25–30-year-old male from burial 16, mausoleum I, Tsarev kurgan cemetery

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аблазов Л. Ф., 2020. Гигиеническая культура номадов евразийских степей XIII–XV вв. // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. Т. 162, кн. 6. С. 22–34. DOI: 10.26907/2541-7738.2020.6-22-34
- Алексеева Т. И., Богатенков Д. В., Лебединская Г. В., 2003. Влахи. Антропо-экологическое исследование (по материалам средневекового некрополя Мстихали). М. : Науч. мир. 132 с.
- Алымкулова С. К., 2024. Колыбель – исток прекрасного // MUSEUM.KZ : науч.-практ. журн. № 2 (6). С. 110–116. DOI: <https://doi.org/10.59103/muzkz.2024.06.13>
- Артюшкевич А. С., 2014. Заболевания височно-нижнечелюстного сустава // Современная стоматология. № 1. С. 11–14.
- Аюшеев В. В., Макарова О. Г., Аюшеева Л. В., 2023. Бурятское национальное троеборье как эффективное средство формирования всесторонне развитой личности // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Педагогика. Серия: Гуманитарные науки. № 3. С. 37–40. DOI: 10.37882/2223-2982.2023.3.04
- Балабанова М. А., 2018. Антропологический аспект обычая искусственной деформации черепа у населения эпохи средней бронзы Нижнего Поволжья и сопредельной территории // Самарский научный вестник. Т. 7, № 4 (25). С. 219–227.
- Батиева Е. Ф., 2008. К вопросу об искусственной деформации черепа на Нижнем Дону в эпоху средней бронзы // Актуальные направления антропологии : сб., посвящ. юбил. акад. РАН Т.И. Алексеевой. М. : ИА РАН. С. 26–33.
- Беневоленская Ю. Д., 1976. Проблемы этнической краниологии: морфология затылочной области черепа. Л. : Наука. 156 с.
- Бужилова А. П., 1998. Палеопатология в биоархеологических реконструкциях // Историческая экология человека. Методика биологических исследований. М. : Старый сад. С. 87–147.
- Бужилова А. П., 2006. Биоархеологические подходы к изучению деформированных черепов из Приаралья (по антропологическим материалам могильника Косасар-2) // OPUS: междисциплинарные исследования в археологии. Вып. 5. М. : ИА РАН. С. 164–177.
- Бутанаев В. Я., 1988. Воспитание маленьких детей у хакасов // Традиционное воспитание детей у народов Сибири. Л. : Наука. С. 206–221.
- Вайнштейн С. И., 1991. Мир кочевников центра Азии. М. : Наука. 296 с.
- Гайворонская Т. В., Уварова А. Г., Ловлин В. Н., Гербова Т. В., 2012. Травмы мягких тканей и костей лица. Краснодар : КубГМУ. 48 с.
- Громов А. В., 2004. Теменная и затылочно-теменная деформация у древнего населения среднеенисейских степей: морфология и обряд // OPUS: междисциплинарные исследования в археологии. Вып. 3. М. : ИА РАН. С. 162–170.
- Громов А. В., Казарницкий А. А., 2011. К вопросу о влиянии затылочно-теменной деформации на черепной указатель // Радловский сборник : науч. исслед. и музейные проекты МАЭ РАН в 2010 г. СПб. : Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. С. 206–211.
- Губерт В. П., Ларькин И. И., 2021. Краниосиностозы у детей // Научный вестник Омского государственного медицинского университета. Т. 1, № 1. С. 105–110. DOI: <https://medj.rucml.ru/journal/45562d4f4d534b4d454442554c4c2d41525449434c452d363233393533/>
- Дебец Г. Ф., 1949. Антропологический состав населения средневековых городов Крыма // Сборник музея антропологии и этнографии. Т. XII. М. ; Л. : Изд-во АН СССР. С. 333–386.
- Добровольская М. В., 2006. Искусственная деформация головы у носителей традиций среднедонской катакомбной археологической культуры (по материалам первого Власовского могильника) // OPUS: междисциплинарные исследования в археологии. Вып. 5. М. : ИА РАН. С. 33–46.
- Досымбаева А. М., 2013. История тюркских народов. Традиционное мировоззрение тюрков. Алматы : Seuvise Press. 250 с.
- Жиров Е. В., 1940. Об искусственной деформации головы // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. Вып. 8. М. ; Л. : Изд-во АН СССР. С. 80–87.

- Жиров Е. В., 1941. Разновидности брахицефалии // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. Вып. 10. М. ; Л. : Изд-во АН СССР. С. 63–75.
- Каганкатвацци М., 1861. История Агван. СПб. : Тип. Акад. наук. XVI, 376 с.
- Казарницкий А. А., 2012. Население азово-каспийских степей в эпоху бронзы : (антропологический очерк). СПб. : Наука. 264 с.
- Кармышаков А. Н., 2015. Традиция укладывания ребенка в колыбель кыргызского народа и ее роль в современной общественной жизни // Известия Кыргызской академии образования. № 3 (35). С. 288–291.
- Касимова Р. М., 1980. О влиянии различных типов колыбели на антропологические признаки в раннем детском возрасте в связи с изучением этногенеза азербайджанского народа. Баку : Элм. 84 с.
- Китов Е. П., Тур С. С., Иванов С. С., 2019. Палеоантропология сакских культур Припатьян (VIII – первая половина II в. до н.э.). Алматы : Хикари. 300 с.
- Максимовский Ю. М., Максимовская Л. Н., Орехова Л. Ю., 2002. Терапевтическая стоматология. М. : Медицина. 640 с.
- Марко Поло, 1273. Путешествие в 1273 году по Татарии и другим странам Востока Марко Поло, венецианского дворянина, прозванного миллионером. СПб. : Тип. П.П. Меркулова. 250 с.
- Медникова М. Б., Моисеев В. Г., Хартанович В. И., 2015. Обряды перехода в каменном веке по данным физической антропологии // Краткие сообщения Института археологии. № 237. С. 50–63.
- Осмонова С. К., 2024. Традиционные обряды и обычаи кыргызов, связанные с послеродовым периодом // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. № 30. С. 52–59.
- Перерва Е. В., 2004. Палеопатология населения хазарского времени Северного Кавказа (по материалам могильников Горькая Балка 1 и 2) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. № 4. Карачаевск : Карачаево-Черкес. гос. ун-т им. У.Д. Алиева. С. 216–233.
- Перерва Е. В., 2015. Рентгенологическое исследование деформированных черепов золотоордынского времени с территории Нижнего Поволжья (палеопатологический аспект) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 2 (29). С. 98–114.
- Перерва Е. В., 2016. Патологический анализ костных останков неполовозрелых индивидов, датирующихся эпохой поздней бронзы, из подкурганных захоронений Нижнего Поволжья и республики Калмыкия // Genesis: исторические исследования. № 4. С. 176–185. DOI: 10.7256/2409-868X.2016.4.17422
- Перерва Е. В., 2020. Палеопатология черепов из золотоордынского городища Шареный Бугор // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. Т. 25, № 5. С. 141–161. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.5.12>
- Перерва Е. В., 2022а. Кочевники раннего железного века (IX–VII и VI–IV вв. до н. э.): сравнительный анализ по данным палеопатологии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. Т. 27, № 5. С. 6–26. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.5.1>
- Перерва Е. В., 2022б. Кочевое население Нижнего Поволжья второй половины XIII – XIV в. по результатам палеопатологического исследования // Нижневолжский археологический вестник. Т. 21, № 1. С. 208–243. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.1.11>
- Перерва Е. В., 2023а. Преднамеренная искусственная деформация у населения позднесарматского времени (палеопатологический аспект) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. Т. 28, № 4. С. 57–71. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.4.5>
- Перерва Е. В., 2023б. К вопросу о патологических состояниях на искусственно деформированных черепах эпохи средней бронзы Нижнего Поволжья // Вестник Московского университета. Серия 23, Антропология. № 1. С. 102–117. DOI: 10.55959/MSU2074-8132-23-15-1-9 (LJA)
- Перерва Е. В., Балахтина К. А., Хегай К. М., 2024. Палеопатологические особенности населения X–XI вв., происходящего из подкурганных и грунтовых захоронений Нижнего Поволжья // Исторический журнал: научные исследования. № 6. С. 65–81. DOI: 10.7256/2454-0609.2024.6.72414
- Покровский Е. А., 1886. О влиянии колыбели на деформацию черепа // Известия общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Т. XLIX, вып. 3. М. : О-во любителей естествознания, антропологии и этнографии. С. 208–226.
- Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука, 1257. М. : Изд-во географ. лит. 272 с.

- Рычков Ю. Г., 1957. О деформации головы в связи с обычаями ухода за детьми // Краткие сообщения Института этнографии. Вып. 27. М. : АН СССР. С. 64–82.
- Хохлов А. А., 2006. Черепа с искусственной деформацией эпохи бронзы Волго-Уральского региона // OPUS: междисциплинарные исследования в археологии. Вып. 5. М. : ИА РАН. С. 47–52.
- Худавердян А. Ю., 2005. Атлас палеопатологических находок на территории Армении. Ереван : Ван Арьян. 288 с.
- Чиканова Е. С., Голованова О. А., Грушко И. С., 2013. Фазовый, элементный, аминокислотный, структурный состав минералов зубных и слюнных камней // Системы. Методы. Технологии. № 1 (17). С. 132–138.
- Шведчикова Т. Ю., 2006. Ранние опыты классификации искусственной деформации черепа человека // OPUS: междисциплинарные исследования в археологии. Вып. 5. М. : ИА РАН. С. 198–205.
- Шевченко А. В., 1986. Антропология населения южнорусских степей в эпоху бронзы // Антропология современного и древнего населения Европейской части СССР. Л. : Наука. С. 121–215.
- Юрченко А. Г., 2003. Монгольская мужская прическа XIII века // *Mongolica-VI*. СПб. : Петерб. востоковедение. С. 63–68.
- Ясонов С. А., Лопатин А. В., 2016. Плагиоцефалия: классификация асимметричных деформаций черепа синостотической природы // *Анналы пластической, реконструктивной и эстетической хирургии*. № 2. С. 72–84.
- Allison M. J., Gerszten E., Munizaga J., Santoro C., Focacci G., 1981. La practica de la deformacion craneana entre los pueblos Andinos Precolombinos // *Chungara*. Iss. 7. P. 238–260.
- Arensburg B., 1996. Ancient Dental Calculus and Diet // *Human Evolution*. Vol. 11. P. 139–145.
- Aufderheide A. C., Rodriguez-Martin C., 1998. *The Cambridge Encyclopedia of Human Paleopathology*. Cambridge : Cambridge University Press. 478 p.
- Bjork A., Bjork L., 1964. Artificial Deformation and Craniofacial Asymmetry in Ancient Peruvians // *Journal of Dental Research*. Vol. 43 (3). P. 353–362.
- Cohen M. N., Armelagos G. J., 1984. *Paleopathology at the Origins of Agriculture: Editors Summations* // *Paleopathology at the Origins of Agriculture*. N. Y. : Academic Press. P. 585–602.
- Forshaw R. J., 2014. Dental Indicators of Ancient Dietary Patterns: Dental Analysis in Archaeology // *British Dental Journal*. Vol. 216, no. 9. P. 529–535.
- Gerszten P. C., 1993. An Investigation into the Practice of Cranial Deformation among the Pre-Columbian Peoples of Northern Chile // *International Journal of Osteoarchaeology*. No. 3. P. 87–98.
- Gerszten P. C., Gerszten E., 1995. Intentional Cranial Deformation a Disappearing Form of Self-Mutilation // *Neurosurgery*. Vol. 37 (3). P. 374–381.
- Goodman A. H., Martin D. L., Armelagos G. J., Clark G., 1984. Indications of Stress from Bone and Teeth // *Paleopathology at the Origins of Agriculture*. N. Y. : Academic Press. P. 13–50.
- Hillson S., 2005. *Teeth*. Cambridge : Cambridge University Press. 373 p.
- Kjellström A., 2009. From Ephesos to Dalecarlia. Reflections on Body, Space and Time in Medieval and Early Modern Europe // *Domestic Violence in the Middle Ages*. Stockholm : The Museum of National Antiquities. P. 145–277.
- Larsen C. S., 1997. *Bioarchaeology: Interpreting Behavior from the Human Skeleton*. Cambridge : Cambridge University Press. 461 p.
- Lessa A., Mendonça de Souza Sh., 2006. Broken Noses for the Gods: Ritual Battles in the Atacama Desert During the Tiwanaku Period // *Memorias Do Instituto Oswaldo Cruz*. Vol. 101 (Suppl. II). P. 133–138.
- Magalhães B. M., Mays S., Stark S., Santos A. L., 2023. A Biocultural Study of Nasal Fracture, Violence, and Gender Using 19th – 20th Century Skeletal Remains from Portugal // *International Journal of Osteoarchaeology*. Vol. 33, iss. 5. P. 858–867. DOI: 10.1002/oa.3233 EDN: PVGGDK
- Malville N. J., 1997. Enamel Hypoplasia in Ancestral Puebloan Populations from Southwestern Colorado: I. Permanent Dentition // *American Journal Physical Anthropology*. Vol. 102, no. 3. P. 351–367. DOI: 10.1002/(SICI)1096-8644(199703)102:3<351::AID-AJPA5>3.0.CO;2-Y EDN: HEPSXH
- Okumura M., 2014. Differences in Types of Artificial Cranial Deformation Are Related to Differences in Frequencies of Cranial and Oral Health Markers in pre-Columbian Skulls from Peru // *Boletim do Museu Paraense Emílio Goeldi. Ciências Humanas*. Vol. 9 (1). P. 15–26. DOI: 10.1590/S1981-81222014000100002 EDN: UPPYVF

- Reid D. J., Dean M. C., 2000. Brief Communication: The Timing of Linear Hypoplasias on Human Anterior Teeth // *American Journal of Physical Anthropology*. Vol. 113. P. 135–139. DOI: 10.1002/1096-8644(200009)113:1<135::AID-AJPA13>3.0.CO;2-A EDN: GRRICT
- Roberts C., Manchester K., 2012. *The Archaeology of Disease*. Stroud : The History Press. 338 p.
- Rose J. C., Condon K., Goodman A. H., 1985. Diet and Dentition: Developmental Defects // *The Analysis of Prehistoric Diets*. Orlando : Academic Press. P. 281–305.
- Torres-Rouff C., Yablonsky L. T., 2005. Cranial Vault Modification as a Cultural Artifact: A Comparison of the Eurasian Steppes and the Andes // *Homo*. Vol. 56 (1). P. 1–16. DOI: 10.1016/j.jchb.2004.09.001 EDN: LJJHLH
- Warinner C., 2016. Dental Calculus and the Evolution of the Human Oral Microbiome // *Journal of the California Dental Association*. Vol. 44, no. 7. P. 411–420. DOI: 10.1080/19424396.2016.12221034
- Wright L. E., 1997. Intertooth Patterns of Hypoplasia Expression: Implications for Childhood Health in the Classic Maya Collapse // *American Journal of Physical Anthropology*. Vol. 102. P. 233–247. DOI: 10.1002/(SICI)1096-8644(199702)102:2<233::AID-AJPA6>3.0.CO;2-Z EDN: HEPUIF

REFERENCES

- Ablazov L.F., 2020. Gigienicheskaya kul'tura nomadov evraziyskikh stepey XIII–XV vv. [Hygienic Culture of the Nomads of the Eurasian Steppes in the 13th – 15th Centuries]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Scientific Notes of Kazan University. Humanitarian Sciences Series], vol. 162, book 6, pp. 22–34. DOI: 10.26907/2541-7738.2020.6-22-34
- Alekseeva T.I., Bogatenkov D.V., Lebedinskaya G.V., 2003. *Vlahi. Antropo-ekologicheskoe issledovanie (po materialam srednevekovogo nekropolya Mstikhali)* [Vlachs. Anthropological-Ecological Research (Based on Materials from the Medieval Necropolis of Mstikhali)]. Moscow, Nauch. mir Publ. 132 p.
- Alymkulova S.K., 2024. Kolybel' – istok prekrasnogo [The Cradle is the Source of Beauty]. *MUSEUM.KZ: nauch.-prakt. zhurn.* [Scientific and Practical Journal MUSEUM.KZ], no. 2 (6), pp. 110–116. DOI: <https://doi.org/10.59103/muzkz.2024.06.13>
- Artiushkevich A.S., 2014. Zabolevaniya visochno-nizhnecheliustnogo sustava [Diseases of the Temporomandibular Joint]. *Sovremennaya stomatologiya* [Modern Dentistry], no. 1, pp. 11–14.
- Ayusheev V.V., Makarova O.G., Ayusheeva L.V., 2023. Buryatskoye natsional'noye troyebor'ye kak effektivnoye sredstvo formirovaniya vsestronno razvitoi lichnosti [Buryat National All-Around as an Effective Means of Forming a Comprehensive Developed Personality]. *Sovremennaya nauka: aktual'nyye problemy teorii i praktiki. Pedagogika. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Pedagogy. Series: Humanities], no. 3, pp. 37–40. DOI: 10.37882/2223-2982.2023.3.04
- Balabanova M.A., 2018. Antropologicheskii aspekt obychaya iskusstvennoy deformatsii cherepa u naseleniya epohi sredney bronzy Nizhnego Povolzh'ya i sopredel'noy territorii [Anthropological Aspect of the Artificial Skull Deformation Custom among the Middle Bronze Age Population of the Lower Volga Region]. *Samarskiy nauchnyy vestnik* [Samara Journal of Science], vol. 7, no. 4 (25), pp. 219–227.
- Batieva E.F., 2008. K voprosu ob iskusstvennoy deformatsii cherepa na Nizhnem Donu v epohu sredney bronzy [On the Issue of Artificial Deformation of the Skull on the Lower Don in the Middle Bronze Age]. *Aktual'nye napravleniya antropologii: sb., posvyashch. yubil. akad. RAN T.I. Alekseevoy* [Actual Directions of Anthropology. Collection Dedicated to the Anniversary of Academician T.I. Alekseeva]. Moscow, IA RAS, pp. 26–33.
- Benevolenskaya Yu.D., 1976. *Problemy etnicheskoy kraniologii: morfologiya zatylochnoy oblasti cherepa* [Problems of Ethnic Craniology: Morphology of the Occipital Region of the Skull]. Leningrad, Nauka Publ. 156 p.
- Buzhilova A.P., 1998. Paleopatologiya v bioarheologicheskikh rekonstruktsiyakh [Paleopathology in Bioarchaeological Reconstructions]. *Istoricheskaya ekologiya cheloveka. Metodika biologicheskikh issledovaniy* [Historical Ecology of Man. Methods of Biological Research]. Moscow, Staryy sad Publ., pp. 87–147.
- Buzhilova A.P., 2006. Bioarheologicheskie podkhody k izucheniyu deformirovannykh cherepov iz Priaralia (po antropologicheskim materialam mogilnika Kosasar-2) [Bioarchaeological Approaches to the Investigation of Deformed Skulls from the Aral Sea Region (Anthropological Materials from Cemetery Kosasar-2)]. *OPUS: mezhdistsiplinarnye issledovaniya v arkheologii* [OPUS: Interdisciplinary Investigation in Archaeology], iss. 5. Moscow, IA RAS, pp. 164–177.

- Butanaev V.Ya., 1988. *Vospitanie malen'kikh detey u khakasov* [Raising Young Children among the Khakass People]. *Traditsionnoe vospitanie detey u narodov Sibiri* [Traditional Education of Children of the Peoples of Siberia]. Leningrad, Nauka Publ., pp. 206-221.
- Vaynshteyn S.I., 1991. *Mir kochevnikov tsentra Azii* [The World of Nomads of Central Asia]. Moscow, Nauka Publ. 296 p.
- Gayvoronskaya T.V., Uvarova A.G., Lovlin V.N., Gerbova T.V., 2012. *Travmy myagkikh tkaney i kostey litsa* [Injuries of Soft Tissues and Bones of the Face]. Krasnodar, KubSMU. 48 p.
- Gromov A.V., 2004. Temennaya i zatylochno-temennaya deformatsiya u drevnego naseleniya sredneeniseyskikh stepey: morfologiya i obryad [Parietal and Occipital-Parietal Deformation in the Ancient Population of the Middle Yenisei Steppes: Morphology and Ritual]. *OPUS: mezhdistsiplinarnyye issledovaniya v arkheologii* [OPUS: Interdisciplinary Research in Archaeology], iss. 3. Moscow, IA RAS, pp. 162-170.
- Gromov A.V., Kazarnitskiy A.A., 2011. K voprosu o vliyani zatylochno-temennoy deformatsii na cherepnoy ukazatel' [On the Question of the Influence of Occipital-Parietal Deformation on the Cranial Index]. *Radlovskiy sbornik: nauchnyye issledovaniya i muzeynyye proyekty MAE RAN v 2010 g.* [Radlov Collection: Scientific Research and Museum Projects of the MAE RAS in 2010]. Saint Petersburg, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) RAS, pp. 206-211.
- Gubert V.P., Lar'kin I.I., 2021. Kraniosinostozu detey [Craniosynostoses in Children]. *Nauchnyy vestnik Omskogo gosudarstvennogo meditsinskogo universiteta* [Scientific Bulletin of Omsk State Medical University], vol. 1, no. 1, pp. 105-110. DOI: medj.rucml.ru/journal/45562d4f4d534b4d454442554c4c2d41525449434c452d363233393533/
- Debets G.F., 1949. Antropologicheskiy sostav naseleniya srednevekovykh gorodov Kryma [Anthropological Composition of the Population of Medieval Cities of Crimea]. *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii*, [Proceedings of the Museum of Anthropology and Ethnography], vol. XII. Moscow, Leningrad, USSR AS, pp. 333-386.
- Dobrovolskaia M.V., 2006. Iskusstvennaia deformatsiia golovy u nositelei traditsii srednedonskoi katakombnoi arkheologicheskoi kultury (po materialam pervogo Vlasovskogo mogilnika) [Artificial Deformation of the Head Among the Bearers of the Traditions of the Middle Don Catacomb Archaeological Culture (Based on the Materials of the First Vlasov Burial Ground)]. *Opus: mezhdistsiplinarnyye issledovaniia v arkheologii* [Opus. Interdisciplinary Research in Archeology], iss. 5. Moscow, IA RAS, pp. 33-46.
- Dosymbaeva A.M., 2013. *Istoriya tyurkskikh narodov. Traditsionnoye mirovozzreniye tyurkov* [History of the Turkic Peoples. Traditional Worldview of the Turks]. Almaty, Sevice Press. 250 p.
- Zhirov E.V., 1940. Ob iskusstvennoy deformatsii golovy [About Artificial Deformation of the Head]. *Kratkie soobshcheniya o dokladakh i polevykh issledovaniyakh Instituta istorii material'noy kul'tury* [Brief Reports on Reports and Field Research of the Institute of the History of Material Culture], iss. 8. Moscow, Leningrad, USSRAS, pp. 80-87.
- Zhirov E.V., 1941. Raznovidnosti brakhikefalii [Varieties of Brachycephaly]. *Kratkie soobshcheniya o dokladakh i polevykh issledovaniyakh Instituta istorii material'noy kul'tury* [Brief Reports on Reports and Field Research of the Institute of the History of Material Culture], iss. X. Moscow, Leningrad, USSR AS, pp. 63-75.
- Kagankatvatsi M., 1861. *Istoriya Agvan* [History of Agvan]. Saint Petersburg, Academy of Science. XVI, 376 p.
- Kazarnitskiy A.A., 2012. *Naseleniye azovo-kaspiyskikh stepey v epokhu bronzy: (antropologicheskiy ocherk)* [The Population of the Azov-Caspian Steppes in the Bronze Age: (An Anthropological Essay)]. Saint Petersburg, Nauka Publ. 264 p.
- Karmyshakov A.N., 2015. Traditsiya ukladyvaniya rebenka v kolybel' kyrgyzskogo naroda i yeye rol' v sovremennoy obshchestvennoy zhizni [The Tradition of Putting a Child to Cradle of the Kyrgyz People and Its Role in Modern Public Life]. *Izvestiya Kyrgyzskoy akademii obrazovaniya* [News of the Kyrgyz Academy of Education], no. 3 (35), pp. 288-291.
- Kasimova R.M., 1980. *O vliyani razlichnykh tipov kolybeli na antropologicheskie priznaki v rannem detskom vuzraste v svyazi s izucheniem etnogeneza azerbaidzhanskogo naroda* [On the Influence of Different Types of Cradles on Anthropological Features in Early Childhood in Connection with the Study of the Ethnogenesis of the Azerbaijani People]. Baku, Elm Publ. 84 p.
- Kitov E.P., Tur S.S., Ivanov S.S., 2019. *Paleoantropologiya sakskikh kul'tur Pritan'shan'ya (VIII – pervaya polovina II v. do n.e.)* [Paleoanthropology of the Saka Cultures of the Pritan'shan'e (8th – First Half of the 2nd Century BC)]. Almaty, Khikari Publ. 300 p.

- Maksimovskiy Yu.M., Maksimovskaya L.N., Orekhova L.Yu., 2002. *Terapevticheskaya stomatologiya* [Therapeutic Dentistry]. Moscow, Meditsina Publ. 640 p.
- Marko Polo, 1873. *Puteshestvie v 1286 godu po Tatarii i drugim stranam Vostoka Marko Polo, venetsianskogo dvoryanina, prozvanogo millionerom* [Travel in 1286 Through Tartary and Other Countries of the East by Marco Polo, a Venetian Nobleman Nicknamed 'Milione']. Saint Petersburg, Tip. P.P. Merkulova. 250 p.
- Mednikova M.B., Moiseev V.G., Khartanovich V.I., 2015. Obriady perekhoda v kamennom veke po dannym fizicheskoy antropologii [Rites of Passage in the Stone Age According to Physical Anthropology]. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archeology], iss. 237, pp. 50-63.
- Osmonova S.K., 2024. Traditsionnyye obryady i obychai kyrgyzov, svyazannyye s poslerodovym periodom [Preservation and Study of the Cultural Heritage of the Altai Territory]. *Sokhraneniye i izucheniye kul'turnogo naslediya Altayskogo kraya* [Preservation and Study of the Cultural Heritage of the Altai Territory], no. 30, pp. 52-59.
- Pererva E.V., 2004. Paleopatologiya naseleniya khazarskogo vremeni Severnogo Kavkaza (po materialam mogil'nikov Gor'kaya Balka 1 i 2) [Paleopathology of the Population of the Khazar Time of the North Caucasus (Based on Materials from the Burial Grounds Gorkaya Balka 1 and 2)]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Severnogo Kavkaza* [Materials and Studies on Archaeology of North Caucasus], no. 4. Karachayevsk, KChSu, pp. 216-233.
- Pererva E.V., 2015. Rentgenologicheskoe issledovanie deformirovannykh cherepov zolotoordynskogo vremeni s territorii Nizhnego Povolzhya (paleopatologicheskii aspekt) [X-Ray Study of Deformed Skulls of the Golden Horde Time from the Territory of the Lower Volga Region (Paleopathological Aspect)]. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of the Archeology, Anthropology and Ethnography], no. 2 (29), pp. 98-114.
- Pererva E.V., 2016. Patologicheskii analiz kostnykh ostankov nepolovozrelykh individov, datiruyushchikhsya epokhoi pozdney bronzy, iz podkurgannykh zakhoroneniye Nizhnego Povolzh'ya i respubliki Kalmykiya [Pathological Analysis of Bone Remains of Immature Individuals Dating Back to the Late Bronze Age from Mound Burials of the Lower Volga Region and the Republic of Kalmykia]. *Genesis: istoricheskiye issledovaniya* [Genesis: Historical Studies], no. 4, pp. 176-185. DOI: 10.7256/2409-868X.2016.4.17422
- Pererva E.V., 2020. Paleopatologiya cherepov iz zolotoordynskogo gorodishcha Sharenny Bugar [Paleopathology of Skulls from Golden Horde Settlement Sharenny Bugar]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedeniye. Mezhdunarodnyye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. Series 4. History. Area Studies. International Relations], vol. 25, no. 5, pp. 141-161. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.5.12>
- Pererva E.V., 2022a. Kochevniki rannego zheleznoogo veka (IX–VII i VI–IV vv. do n. e.): sravnitel'nyy analiz po dannym paleopatologii [Nomads of the Early Iron Age (9th – 7th and 6th – 4th Centuries BC): a Comparative Analysis based on Paleopathology Data]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedeniye. Mezhdunarodnyye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. Series 4. History. Area Studies. International Relations], vol. 27, no. 5, pp. 6-26. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.5.1>
- Pererva E.V., 2022b. Kochevoe naselenie Nizhnego Povolzh'ya vtoroy poloviny XIII – XIV v. po rezul'tatam paleopatologicheskogo issledovaniya [Nomadic Population of the Lower Volga Region Second Half 13th – 14th Centuries According to the Results of Paleopathological Research]. *Nizhnevolzhskiy arheologicheskii vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 21, no. 1, pp. 208-243. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.1.11>
- Pererva E.V., 2023a. Prednamerennaya iskusstvennaya deformatsiya u naseleniya pozdnesarmatskogo vremeni (paleopatologicheskii aspekt) [Intentional Artificial Deformation in the Population of the Late Sarmatian Period (Paleopathological Aspect)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedeniye. Mezhdunarodnyye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. Series 4. History. Area Studies. International Relations], vol. 28, no. 4, pp. 57-71. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.4.5>
- Pererva E.V., 2023b. K voprosu o patologicheskikh sostoyaniyakh na iskusstvenno deformirovannykh cherepakh epohi sredney bronzy Nizhnego Povolzh'ya [To the Question of Pathological Conditions on Artificially Deformed Skulls of the Middle Bronze Age of the Lower Volga Region]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 23. Antropologiya* [Bulletin of Moscow University. Series 23. Anthropology], no. 1, pp. 102-117. DOI: 10.55959/MSU2074-8132-23-15-1-9 (LJA)

- Pererva E.V., Balakhtina K.A., Khegay K.M., 2024. Paleopatologicheskiye osobennosti naseleniya X–XI vv., proiskhodyashchego iz podkurgannykh i gruntovykh zakhoroneniy Nizhnego Povolzh'ya [Paleopathological Features of the Population of the 10th – 11th Centuries Originating from Mound and Fround Burials of the Lower Volga Region]. *Istoricheskiy zhurnal: nauchnyye issledovaniya* [Historical Journal: Scientific Research], no. 6, pp. 65-81. DOI: 10.7256/2454-0609.2024.6.72414
- Pokrovskiy E.A., 1886. O vliyaniy kolybeli na deformatsiyu cherepa [On the Influence of the Cradle on Skull Deformation]. *Izvestiya obshchestva lyubiteley estestvoznaniya, antropologii i etnografii* [News of the Society of Amateurs of Natural Science, Anthropology and Ethnography], vol. XLIX, iss. 3. Moscow, Society of Lovers of Natural History, Anthropology and Ethnography, pp. 208-226.
- Puteshestviya v vostochnyye strany Plano Karpini i Rubruka* [Travels to the Eastern Countries of Plano Carpini and Rubruk], 1957. Moscow, Geograficheskaya literature Publ. 272 p.
- Rychkov Yu.G., 1957. O deformatsii golovy v svyazi s obychayami ukhoda za det'mi [On Head Deformation in Connection with Customs of Childcare]. *Kratkie soobshcheniya Instituta etnografii* [Brief Communications of the Institute of Ethnography], vol. 27. Moscow, USSR AS, pp. 64-82.
- Khokhlov A.A., 2006. Cherepa s iskusstvennoy deformatsiyei epokhi bronzы Volgo-Ural'skogo regiona [Skulls with Artificial Deformation of the Bronze Age of the Volga-Ural Region]. *OPUS: mezhdistsiplinarye issledovaniya v arkheologii* [OPUS: Interdisciplinary Research in Archeology], iss. 5, Moscow, IA RAS, pp. 47-52.
- Khudaverdyan A.Yu., 2005. *Atlas paleopatologicheskikh nakhodok na territorii Armenii* [Atlas of Paleopathological Finds in Armenia]. Yerevan, Van Aryan Publ. 288 p.
- Chikanova E.S., Golovanova O.A., Grushko I.S., 2013. Fazovyy, elementnyy, aminokislotnyy, strukturnyy sostav mineralov zubnykh i slyunnykh kamney [Phase, Elemental, Amino Acid, Structural Composition of Minerals of Dental and Salivary Stones]. *Sistemy. Metody. Tekhnologii* [Systems. Methods. Technologies], no. 1 (17), pp. 132-138.
- Shvedchikova T.Yu., 2006. Ranniye opyty klassifikatsii iskusstvennoy deformatsii cherepa cheloveka [Early Experiments in the Classification of Artificial Deformation of the Human Skull]. *OPUS: mezhdistsiplinarye issledovaniya v arkheologii* [OPUS: Interdisciplinary Research in Archeology], iss. 5. Moscow, IA RAS, pp. 198-205.
- Shevchenko A.V., 1986. Antropologiya naseleniya yuzhnorusskikh stepey v epokhu bronzы [Anthropology of the Southern Russian Steppe Population in the Bronze Age]. *Antropologiya sovremennogo i drevnego naseleniya Evropeyskoy chasti SSSR* [Anthropology of the Ancient and Modern Population of the European Part of the USSR]. Leningrad, Nauka Publ., pp. 121-215.
- Yurchenko A.G., 2003. Mongol'skaya muzhskaya pricheska XIII veka [Mongolian Male Hairstyle of the 13th Century]. *Mongolica-VI*. Saint Petersburg, Peterb. vostokovedeniye Publ., pp. 63-68.
- Yasonov S.A., Lopatin A.V., 2016. Plagiotsefaliya: klassifikatsiya asimmetrichnykh deformatsiy cherepa sinostoticheskoy prirody [Plagiocephaly: Classification of Asymmetric Skull Deformations of Synostotic Nature]. *Annaly plasticheskoy, rekonstruktivnoy i esteticheskoy khirurgii* [Annals of Plastic, Reconstructive and Aesthetic Surgery], no. 2, pp. 72-84.
- Allison M.J., Gerszten E., Munizaga J., Santoro C., Focacci G., 1981. La practica de la deformacion craneana entre los pueblos Andinos Precolombinos. *Chungara*, iss. 7, pp. 238-260.
- Arensburg B., 1996. Ancient Dental Calculus and Diet. *Human Evolution*, vol. 11, pp. 139-145.
- Aufderheide A.C., Rodriguez-Martin C., 1998. *The Cambridge Encyclopedia of Human Paleopathology*. Cambridge, Cambridge University Press. 478 p.
- Bjork A., Bjork L., 1964. Artificial Deformation and Craniofacial Asymmetry in Ancient Peruvians. *Journal of Dental Research*, vol. 43 (3), pp. 353-362.
- Cohen M.N., Armelagos G.J., 1984. Paleopathology at the Origins of Agriculture: Editors Summations. *Paleopathology at the Origins of Agriculture*. New York, Academic Press, pp. 585-602.
- Forshaw R.J., 2014. Dental Indicators of Ancient Dietary Patterns: Dental Analysis in Archaeology. *British Dental Journal*, vol. 216, no. 9, pp. 529-535.
- Gerszten P.C., 1993. An Investigation into the Practice of Cranial Deformation among the Pre-Columbian Peoples of Northern Chile. *International Journal of Osteoarchaeology*, no. 3, pp. 87-98.
- Gerszten P.C., Gerszten E., 1995. Intentional Cranial Deformation a Disappearing Form of Self-Mutilation. *Neurosurgery*, vol. 37 (3), pp. 374-381.

- Goodman A.H., Martin D.L., Armelagos G.J., Clark G., 1984. Indications of Stress from Bone and Teeth. *Paleopathology at the Origins of Agriculture*. New York, Academic Press, pp. 13-50.
- Hillson S., 2005. *Teeth*. Cambridge, Cambridge University Press. 373 p.
- Kjellström A., 2009. From Ephesos to Dalecarlia. Reflections on Body, Space and Time in Medieval and Early Modern Europe. *Domestic Violence in the Middle Ages*. Stockholm, The Museum of National Antiquities, pp. 145-277.
- Larsen C.S., 1997. *Bioarchaeology: Interpreting Behavior from the Human Skeleton*. Cambridge, Cambridge University Press. 461 p.
- Lessa A., Mendonça de Souza Sh., 2006. Broken Noses for the Gods: Ritual Battles in the Atacama Desert During the Tiwanaku Period. *Memorias Do Instituto Oswaldo Cruz*, vol. 101, pp. 133-138.
- Magalhães B.M., Mays S., Stark S., Santos A.L., 2023. A Biocultural Study of Nasal Fracture, Violence, and Gender Using 19th – 20th Century Skeletal Remains from Portugal. *International Journal of Osteoarchaeology*, vol. 33, iss. 5, pp. 858-867. DOI: 10.1002/oa.3233 EDN: PVGGDK
- Malville N.J., 1997. Enamel Hypoplasia in Ancestral Puebloan Populations from Southwestern Colorado: I. Permanent Dentition. *American Journal Physical Anthropology*, vol. 102, no. 3, pp. 351-367. DOI: 10.1002/(SICI)1096-8644(199703)102:3<351::AID-AJPA5>3.0.CO;2-Y EDN: HEPSXH
- Okumura M., 2014. Differences in Types of Artificial Cranial Deformation are Related to Differences in Frequencies of Cranial and Oral Health Markers in pre-Columbian Skulls from Peru. *Boletim do Museu Paraense Emílio Goeldi. Ciências Humanas*, vol. 9 (1), pp. 15-26. DOI: 10.1590/S1981-81222014000100002 EDN: UPYYVF
- Reid D.J., Dean M.C., 2000. Brief Communication: The Timing of Linear Hypoplasias on Human Anterior Teeth. *American Journal of Physical Anthropology*, vol. 113, pp. 135-139. DOI: 10.1002/1096-8644(200009)113:1<135::AID-AJPA13>3.0.CO;2-A EDN: GRRICT
- Roberts C., Manchester K., 2012. *The Archaeology of Disease*. Stroud, The History Press. 338 p.
- Rose J.C., Condon K., Goodman A.H., 1985. Diet and Dentition: Developmental Defects. *The Analysis of Prehistoric Diets*. Orlando, Academic Press, pp. 281-305.
- Torres-Rouff C., Yablonsky L.T., 2005. Cranial Vault Modification as a Cultural Artifact: A Comparison of the Eurasian Steppes and the Andes. *Homo*, vol. 56 (1), pp. 1-16. DOI: 10.1016/j.jchb.2004.09.001 EDN: LJJHLH
- Warinner C., 2016. Dental Calculus and the Evolution of the Human Oral Microbiome. *Journal of the California Dental Association*, vol. 44, no. 7, pp. 411-420. DOI: 10.1080/19424396.2016.12221034
- Wright L.E., 1997. Intertooth Patterns of Hypoplasia Expression: Implications for Childhood Health in the Classic Maya Collapse. *American Journal of Physical Anthropology*, vol. 102, pp. 233-247. DOI: 10.1002/(SICI)1096-8644(199702)102:2<233::AID-AJPA6>3.0.CO;2-Z EDN: HEPUIF

Information About the Authors

Evgeniy V. Pererva, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of History and International Relations, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, evgeniy.pererva@volsu.ru, perervafox@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8285-4461>

Ksenia A. Balakhtina, Junior Researcher, Department of History and International Relations, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, balahtina.kseniya@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0004-5220-7799>

Информация об авторах

Евгений Владимирович Перерва, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, evgeniy.pererva@volsu.ru, perervafox@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8285-4461>

Ксения Александровна Балахтина, младший научный сотрудник кафедры истории и международных отношений, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, balahtina.kseniya@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0004-5220-7799>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2025.3.9>

UDC 903.531

LBC 63.442.7(4)/63.442.7(8)

Submitted: 04.09.2024

Accepted: 09.12.2024

AN EARLY SARMATIAN BURIAL FROM KURGAN 3 OF THE CHEBOTAREVO IV KURGAN CEMETERY ¹

Sergey V. Zakharov

A.Kh. Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Republic of Kazakhstan

Denis V. Maryksin

Rutrum LLP, Almaty, Republic of Kazakhstan

Abstract. This study introduces into scholarly circulation materials from an undisturbed elite Early Sarmatian burial in kurgan 3 of the Chebotarevo IV kurgan cemetery on the right bank of the Ural River. The accompanying inventory includes an iron sword with a gold-embellished hilt and cross guard, two iron akinakes daggers, a standing vessel, two quivers, bronze arrowheads, a mirror, a gold chain, an iron belt hook, and a gold-plated quiver clasp. Some of the accompanying inventory and its placement in the burial's ritual arrangement show certain correspondences with the iconography of Baite-type stone steles and the metal figurines from the Sapogovsky hoard. Unique features include the crescent-shaped construction of the sword pommel, the distinctive zoomorphic design of the belt hook and quiver clasp, and the filigree decoration on the crossguard, interpreted as a "keraunos" (thunderbolt). The burial materials point to southern and Central Asian connections for the core complex of status-related items from kurgan 3. The gold chain and plaques are of ancient Greek origin. The set of items characteristic of sites with ceremonial gold weapons, studied in the Orenburg region and Bashkiria, is dated to the last quarter of the 2nd century BCE to the beginning of the 1st century BCE. This dating could be extended, considering the traditionally broader chronological range of crescent-pommel swords, as well as swords and scabbards with gold plating and decorations. The gold chain is dated to the last third of the 4th to 3rd centuries BCE and has a long history of use before its inclusion in the burial inventory. The early Sarmatian burial in kurgan 3 of the Chebotarevo IV kurgan cemetery expands the area of ceremonial weapon burials to the Kazakh right bank of the Ural River, making it the westernmost example of its kind. It may have belonged to a member of a chiefdom that exercised political control over this region from the last quarter of the 2nd century BCE to the beginning of the 1st century BCE.

Key words: Western Kazakhstan, kurgan cemetery, Early Sarmatian culture, elite burial, burial with ceremonial weapons.

Citation. Zakharov S.V., Maryksin D.V., 2025. Rannesarmatskoe pogrebenie v kurgane 3 mogil'nika Chebotarevo IV [An Early Sarmatian Burial from Kurgan 3 of the Chebotarevo IV Kurgan Cemetery]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskii Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 24, no. 3, pp. 217-246. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2025.3.9>

УДК 903.531

ББК 63.442.7(4)/63.442.7(8)

Дата поступления статьи: 04.09.2024

Дата принятия статьи: 09.12.2024

РАННЕСАРМАТСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ В КУРГАНЕ 3 МОГИЛЬНИКА ЧЕБОТАРЕВО IV¹

Сергей Владимирович Захаров

Институт археологии им. А.Х. Маргулана, г. Алматы, Республика Казахстан

Денис Валерьевич Марыксин

ТОО «Rutrum», г. Алматы, Республика Казахстан

Аннотация. Вводятся в научный оборот материалы погребения в кург. 3 курганного могильника Чеботарево IV на правобережье р. Урал. Курган содержит неограбленное раннесарматское элитное погребение. Сопроводительный инвентарь состоит из железного меча с золотой обкладкой наверху и перекрестия, двух железных кинжалов-акинаков, станкового сосуда, двух колчанов, бронзовых наконечников стрел и зеркала, золотой цепочки, железных поясного крюка и колчанной застежки с золотой плакировкой. Часть вещей, оружие и их место в ритуальном убранстве погребенного находят определенные соответствия в иконографии каменных стел байтинского типа и металлических фигурок Сапоговского клада. Уникальными являются конструкция серповидного наверху меча, своеобразное зооморфное оформление поясного крюка и колчанной застежки, филигранный декор на перекрестии, трактованный в качестве «керавна». Материалы погребения свидетельствуют о южном и среднеазиатском векторе связей основного комплекса статусных вещей из кургана 3. Золотые цепочка и бляшки имеют античное происхождение. Комплекс вещей, которые характерны для круга памятников с золотым церемониальным оружием, исследованных на территории Оренбургской области и в Башкирии, датируется последней четвертью II – началом I в. до н.э., не исключая расширение хронологического диапазона, согласно традиционно более широким датировкам мечей с серповидным наверху, мечей и ножен с золотыми плакировкой и декором. Золотая цепочка датирована последней третью IV–III вв. до н.э. и имеет длительную историю использования до включения ее в сопроводительный инвентарь данного погребения. Раннесарматское захоронение в кург. 3 могильника Чеботарево IV расширяет ареал погребений с церемониальным оружием на территорию казахстанского правобережья р. Урал, являясь наиболее западным из их числа. Оно могло принадлежать представителю потестарной единицы, осуществлявшей в последней четверти II – начале I в. до н.э. политический контроль над данной местностью.

Ключевые слова: Западный Казахстан, курганный могильник, раннесарматская культура, элитные погребения, погребение с церемониальным (парадным) оружием.

Цитирование. Захаров С. В., Марыксин Д. В., 2025. Раннесарматское погребение в кургане 3 могильника Чеботарево IV // Нижневолжский археологический вестник. Т. 24, № 3. С. 217–246. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2025.3.9>

Введение

Могильник Чеботарево IV расположен на территории Байтерекского района Западно-Казахстанской области, на пахотном поле в уплощенной части водораздельного пространства рек Ембулатовка и Быковка, правых притоков р. Урал (рис. 1). Археологическими раскопками могильник исследован в 2023 г. экспедиционным отрядом ТОО «Rutrum» (руководитель отряда Д.В. Марыксин, научный руководитель С.В. Захаров) [Захаров, Марыксин, 2024]. Могильник разновременный в рамках эпохи раннего железного века: кург. 1 да-

тирован нами IV в. до н.э., кург. 4 – VI–IV вв. до н.э., кург. 5 – III в. до н.э. Не исключено, что курганы могильника Чеботарево IV составляли периферию более обширного и с более крупными насыпями могильника Чеботарево III, расположенного в 350–370 м западнее (между памятниками расположена площадка нефтяной скважины).

Кург. 3 являлся самым крупным в могильнике. Захоронение под ним оказалось неограбленным, сохранив ряд конструктивных элементов погребальной конструкции, особенности обряда погребения и трупоположения. В разной степени сохранности оно содержит

довольно представительный сопроводительный инвентарь, включая церемониальный набор вооружения, а также ряд уникальных предметов и элементов их оформления.

Вопрос о роли прохоровских комплексов, содержащих плакированное и декорированное золотом оружие, в хронологии раннесарматской культуры по-прежнему актуален. Каждое новое обнаружение уникальных в своей индивидуальности артефактов импортного происхождения позволяет расширить представления о направлениях и характере внешних связей раннесарматского мира в конкретный период существования этой культуры, проследить пути связей, миграций, походов, получить новые данные о продукции античного мира, а также расширяет датирующие возможности комплексов. Новые материалы важны в деле уточнения территориальных концентраций схожих артефактов, маркирующих политические центры раннесарматских объединений и регионы контроля их элиты.

Целью настоящей статьи является полная публикация материалов, связанных с погребением в кург. 3, и введение их в широкий научный оборот. Нами осуществлена типологическая идентификация находок, определены ближайшие им аналогии, дана интерпретация оригинальных предметов и изображений, высказаны соображения о хронологической и культурной принадлежности сопроводительного инвентаря и погребения в целом.

Характеристика источника и материалов

Курган 3 располагался в центральной части могильника Чеботарево IV (рис. 1). Насыпь кург. 3 округлой в плане формы, диаметром 33 м и высотой 1,2 м от уровня современной дневной поверхности. Насыпь грунтовая, из плотной светло-серой гумусированной супеси, с многочисленными линзами мелких и крупных нор, слоем плотного песка на материковом основании (выкид из могильной ямы) в южной части и следами неудачного грабительского вкопа по центру.

Под насыпью кургана находилась одна могильная яма, располагавшаяся в западной части подкурганной площадки (рис. 2, I), что, по всей видимости, и спасло погребение в ней от

разграбления. Могильная яма на уровне материка имела в плане неправильную, округло-подквадратную форму размерами 3,60 × 3,45 м, длинной осью по линии ССВ–ЮЮЗ. В придонной части она приобрела подпрямоугольные очертания и размеры 3,60 × 2,40 м. Дно ямы ровное, на глубине 2,13 м от поверхности материка (рис. 2, II, III).

Судя по расположению продольного ряда деревянных брусков по центральной оси ямы, можно предположить, что конструкция могильной ямы представляла собой обширный подбой, устроенный в длинной восточной стенке входной ямы, закрытый вертикально установленными досками заклада (рис. 2, III).

Начиная с отметки –0,95 м от материковой поверхности по средней линии могильной ямы в направлении С – Ю встречены остатки деревянных брусков, прямоугольных в сечении, местами – тлен от них. Размер брусков в сечении от 0,04 × 0,08 м до 0,04 × 0,14 м. Бруски располагались в ряд, но под легким наклоном в направлении восточной стенки (рис. 3, II).

Вдоль восточной стены на дне ямы прослежены от южной до северной стены следы сплошной органической подстилки серовато-черного цвета. Центральный и северный участки подстилки занимали скелет погребенного и сопровождающий его инвентарь (рис. 3, I). В ногах погребенного, вдоль его левого бока и выше головы на дне могилы имелась белая меловая подсыпка (рис. 3, III). Ее следы встречены на левой кисти, отдельных костях и суставах, на ножнах меча, дне гончарного сосуда.

Костяк находился в вытянутом положении на спине и ориентирован головой на ЮЮЗ (рис. 3, II). Руки расположены вдоль туловища и согнуты в локтях: левая изогнута слегка, правая – под значительно большим углом. Бедренные кости ног раскинуты. Правая нога согнута в колене и слегка отклонена вправо, на восточную стенку ямы. Левая нога, сильно согнутая в колене и тазобедренном суставе, лежала на дне. Длина костяка в данном положении 1,66 м. Наблюдения позволяют предположить, что погребенный изначально был уложен с подогнутыми вверх коленями ногами. Вполне вероятно, что для надежной фиксации в таком положении ноги были связаны. В процессе скелетирования трупа ле-

вая нога упала влево, перекрыв частично собой фаланги пальцев левой руки и уложенные в ногах поясной крюк (рис. 3, III, 5), кинжал (рис. 3, III, 6), колчан (рис. 3, III, 10). Коленный сустав частично перекрыв и клинок меча (рис. 3, III, 2). Правой ногой помешала упасть восточная стенка могильной ямы.

На шейных позвонках погребенного лежала массивная цепочка из золота (рис. 3, III, 11). Под левой лопаткой погребенного располагалось размещенное рукоятью в южном направлении бронзовое зеркало в футляре из материала с растительными волокнами (рис. 3, III, 12).

Слева от погребенного вдоль туловища лежал железный сильно коррозированный длинный и узкий железный меч (рис. 3, III, 2) с остатками ножен, на которых местах сохранились следы красителя красного цвета (вероятно, киновари). Меч был уложен своей верхней частью, включая эфес, под левые плечо и руку погребенного.

На уровне костей предплечья клинок меча имел заметный прогиб, образовавшийся, возможно, в процессе археологизации погребения. Нижняя треть клинка с острием лежала на узкой, длинной и толстой деревянной дощечке. Рядом и поверх этой дощечки, под острием меча и справа выше по клинку остриями на север лежали бронзовые трехлопастные наконечники стрел с остатками древков (рис. 3, III, 4). Всего в области меча прослежено 15 наконечников стрел. По всей видимости, дощечка и скопление стрел возле меча являются остатками колчана (колчан № 1) (рис. 3, III, 3). Левее меча лежала железная колчанная застежка (рис. 3, III, 16), плакированная золотой фольгой, сплошь покрытая сверху окислами железа.

С правой стороны от погребенного, между рукой и туловищем острием на север лежал сильно коррозированный железный кинжал-акинак (акинак № 1) (рис. 3, III, 9) с остатками деревянных ножен поверх клинка. По обеим сторонам от перекрестия ниже острия кинжала залегало по одной полусферической пришивной золотой бляшке петлями вверх (рис. 3, III, 7).

Часть сопроводительного инвентаря лежала в ногах погребенного. Здесь локальными пятнами / участками располагалось 2 скопления, состоящих из мелких фрагментов ис-

тлевшей древесины, бронзовых трехлопастных наконечников стрел с остатками древков и бесформенных лепешек практически полностью коррозированных и спаявшихся железных предметов с остатками древесины древков. Наконечники стрел лежали разрозненно, остриями в северо-восточном направлении. По всей видимости, это – остатки еще одного колчана (колчан № 2) (рис. 3, III, 10). Один наконечник стрелы, фрагмент железного однолезвийного ножа черешком в направлении кисти и кольцевидное сильно коррозированное железное изделие с коротким стерженьком лежали изолированно, между кистью левой руки и этими двумя скоплениями (рис. 3, III, 14, 15). Фрагмент ножа имел короткий черешок, покрытый древесным тленом. Всего в этом месте выявлено 10 наконечников стрел. Все предметы этого скопления были ориентированы в одном направлении. Восточнее, острием на северо-восток, лежал железный кинжал-акинак (акинак № 2) (рис. 3, III, 6). Так же, как и у первого акинака, у торцов перекрестия и у острия клинка лежало по одной металлической полусферической пришивной бляшке петлями вверх – две золотые и одна – серебряная (рис. 3, III, 7, 13). Рядом лежал железный сильно коррозированный подковообразный предмет с едва просматриваемой под окислами золотой плакировкой (рис. 3, III, 5). После очистки предмет оказался поясным крюком. Справа от кинжала и под углом к его перекрестию лежал фрагмент пластинчатого железного изделия.

По всей видимости, в ногах погребенного лежал пояс с поясным крюком и с набором подвесных предметов амуниции: ножнами с кинжалом, однолезвийным ножом, поясной пряжкой с пристегнутым колчаном, возможно, и другими несохранившимися предметами.

Параллельно клинку меча на боку лежал круговой керамический красноглиняный сосуд-кувшин (рис. 3, III, 8). У сосуда отсутствовали небольшая часть венчика и основная часть ручки, судя по всему, утраченные до помещения в могилу.

В погребении выявлен следующий инвентарь.

Железный меч (рис. 4, 1). Сильно коррозирован, до состояния распада клинка и эфеса на крупные и мелкие фрагменты и чешуйки. Длина меча 130,0 см. Длина клинка

118,50 см. Клинок длинный, двулезвийный, прямой, плавно сужающийся к острию, судя по центральному продольному ребру на прикипевших к нему участках деревянных ножен, – ромбический в сечении. Изначальная толщина клинка неопределима. В средней части клинок деформирован – в положении *in situ* имел прогиб по неровности дна могилы. На клинке меча местами сохранились участки деревянных ножен, покрытые красным красителем, вероятно, киноварью. Максимальная ширина ножен 5,5 см. У устья ножен сохранилась часть огибающей ее обоймы. Материал обоймы, по всей видимости, органического происхождения, пропитанный окислами железа.

Длина эфеса меча 11,50 см (измерения сделаны *in situ*). Эфес имеет серповидное, плавной степени прогнутости навершие и прямое брусковидное перекрестие. Длина рукояти 9,0 см, длина стержня рукояти 10,20 см, ширина – 2,20 см. С учетом размера и конфигурации огибающей конец рукояти золотой фольги, форма рукояти в сечении была слегка уплощенная с овальными краями, размером в сечении 1,40 × 1,60 см. От навершия сохранились две железные боковые ветви (дроты), плакированные золотой фольгой, лежавшие тыльными торцами к верхней части стержня рукояти, а также деформированная и с разрывами золотая фольга с каймой филигранного орнамента поверх стыка золотых листов в торцевой части рукояти. Такое их положение может свидетельствовать о методе изготовления навершия путем приваривания к ребрам стержня рукояти (с боков) двух железных дров. Длина дров по 4,80 см. Золотая плакировка дров была сплошь покрыта слоем железных окислов. Расчистка показала, что форма дров навершия искажена и плакировка имеет продольные разрывы под давлением коррозионных процессов внутри изделий. В местах минимальной деформации ветви имели овальное сечение. Сечение в месте прилегания к рукояти 8 × 10 мм. К концам дроты плавно сужаются и переходят в выделенные шишковидные концевики диаметром 6 мм, сплошь покрытые зернью. Последняя сильно изношена, стерта почти под основание зерен.

С применением пластичного нетвердеющего материала была осуществлена первич-

ная реконструкция навершия (рис. 4,2,3). Восстановленная длина навершия 10,80 см, форма – серповидная, со слабой степенью прогнутости, уплощенная в боковой проекции. Торцовая часть рукояти (в месте расширения навершия в средней его части и поверх стыка двух золотых пластин, плакирующих дроты) декорирована каймой в виде цепочки ромбов из пересекающихся ломаных линий круглой филигранной проволоки с шариками зерни по всем углам пересечений и перегибов. Полоса декора с обеих сторон окантована филигранной проволокой с поперечными насечками (гофрированной или бусинной), образуя вдоль цепочки ромбов треугольной формы гнезда. Шарик зерни и насечки на проволоке сильно изношены. Ширина полосы декора 0,5 см. Она расположена поперек навершия, огибая торцовую часть стержня рукояти. С внутренней стороны плакировки в месте стыка торца рукояти и дров навершия сохранились остатки окаменевшей массы черного цвета. Неисключено, что ромбовидной и треугольной формы гнезда декора первоначально также были инкрустированы подобной стекловидной массой.

Перекрестие прямое, брусковидное, форма в сечении подромбическая, с заovalенными концами (рис. 4,5). Длина перекрестия – 6,5 см, ширина – 1,50 см, толщина – от 0,5 до 2,50 см. Покрыто листами золотой фольги, состыкованных по средней линии перекрестия с небольшим наложением краев. Имеются продольные и поперечные разрывы под давлением коррозионных процессов. Обкладка из фольги декорирована (рис. 4,4,5). По всей длине перекрестия идет ровная и широкая полоса красного цвета, под цвет окраса ножен, вероятно, киновари. Обе поверхности плакировки перекрестия, обращенные к рукояти, декорированы одинаковыми, противоположно направленными композициями, выполненными в технике филигрании. Основу композиций составляют крестообразно расположенные относительно центральной окружности элементы удлиненной каплевидной формы с усеченным основанием. Каплевидный элемент по оси перекрестия намного крупнее и длиннее остальных, в месте максимального расширения внутри него окружность, аналогичная центральной. От центра композиции попарно отхо-

дит четыре разнонаправленных спиралевидных элемента завитками внутрь узора. Все элементы, за исключением парных завитков у рукояти, выполнены филигранной проволокой с поперечными насечками. Завитки у рукояти – гладкой круглой филигранной проволокой.

Железная колчанная застежка (рис. 7,8). Изделие плакировано толстой золотой фольгой. В основе своей оно стержневидное, круглое в сечении, с тупыми, слегка заovalенными торцами. Верх предмета смоделирован в виде диаметрально развернутых голов животных с длинными мордами (предположительно крокодила или лошади). Ноздри и глаза обозначены попарными, сильно выступающими бугорками. Длина изделия – 5,8 см, диаметр на торцах и в центральной части (перехват) изделия – 0,6 см, в области морды – до 0,7 см. Одна из половин застежки имеет по боковым сторонам разрывы фольги от вздутия железной основы под воздействием коррозии. Места соединения и наложения листов фольги хорошо пропаяны, без разрывов.

Железный кинжал (акинак № 1) (рис. 5,1,з). Длина кинжала – 40,0 см, клинок – 29,0 см, эфеса – 11,0 см, длина перекрестия – 7 см, ширина неустановима из-за его сильной разрушенности (измерения сделаны *in situ*). Рукоять плоская. Перекрестие и навершие сильно корродированы, отдельные фрагменты утрачены. Перекрестие прямое. Навершие под стать рукояти плоское и широкое в боковой проекции, серповидное, с резко выраженной прогнутостью. Его размеры неустановимы. Клинок широкий, с почти параллельными краями в верхней части, начиная с середины довольно круто сужающийся к острию. В верхней части имеется поперечный излом, возникший в процессе археологизации изделия. На фрагменты также распалось острие клинка. В средней части клинка и под клинком сохранился фрагмент истлевших деревянных ножен. Верхняя линия устья ножен расположена в нескольких сантиметрах ниже перекрестия, нижняя линия устья проходит под перекрестием, по сторонам от нее прослеживаются выступы-лопасти, на концах которых залегало вниз лицевой стороной по одной золотой бляшке с петлей (рис. 5,1,а,б). Аналогичная бляшка лежала чуть ниже острия и также лицевой стороной вниз (рис. 5,1,в).

Железный кинжал (акинак № 2) (рис. 5,5,з). Длина оружия 35 см (измерения сделаны *in situ*), размеры его структурных частей не фиксируются. Клинок широкий, в верхней части с практически параллельными краями, начиная с середины сужающийся к острию. Верх клинка и эфес подверглись сильной коррозии, вплоть до фрагментирования. Форма перекрестия неустановима. Навершие серповидное, возможно, ломанное. Под рукоятью широкой поперечной полосой лежал фрагмент детали органического происхождения, вероятно, тыльной части ножен или обоймы ножен для крепления их к поясу. По линии перекрестия с обеих сторон от эфеса залегало вниз лицевой стороной по одной бляшке с петлями (рис. 5,5,а,б). Одна бляшка золотая (рис. 5,5,б), другая – серебряная (рис. 5,5,а). Клинок сверху покрыт тленом коричневого цвета от ножен. У острия также вниз лицевой частью залегала золотая бляшка с петлей (рис. 5,5,в).

Золотые бляшки (4 экз.) (рис. 5,1,а,б,в, 5,б, 7,2–5). Изделия полусферической формы с гладким горизонтальным бортиком-рантом по окружности и петлей для пришивания с внутренней стороны. Диаметр бляшек 13,0–14,5 мм, диаметр полусферы 12,0 мм, высота 4 мм, ширина горизонтального бортика 1,0–1,5 мм. По нижней и верхней окружности полусферы, а также по ее центру припаяны гладкокатанные филигранные проволоки (по низу круглая в сечении (гладь), по верху – плоская или круглая, но уплощенная износом). Между верхней и нижней проволоками припаяно по окружности 6, 7 или 9 (в двух случаях) подковообразно изогнутых («овы») плоских гладкокатанных филигранных проволок (плоская гладь) овалами к центру полусферы. Петля для пришивания из плоской ленты шириной 1,5 мм сформирована в кольцо и припаяна по центру внутренней стороны полусферы. Наименее деформированная петля имеет форму слабого овала внешним диаметром от 5 до 7 мм. Петля выступает за заднюю плоскость бляшек. Верх бляшек снаружи потерт в разной степени, вплоть до почти полного износа напаянной филигранной проволоки – свидетельство длительного использования.

Золотая бляшка (1 экз.) (рис. 7,б). Изделие полусферической формы без горизонталь-

ного бортика-ранта по окружности и с петлей для пришивания с внутренней стороны. Обнаружена у острия акинака (рис. 5,5,в), лежавшего под левой ногой погребенного. Вместо горизонтальной полосы полусфера по окружности охвачена напаянной филигранной веревочкой. Диаметр 14,5–15,5 мм, высота – 3,2 мм (с учетом деформации она должна была быть больше). Поверхность с вмятинами и трещинами. По телу полусферы от края до центра идет вертикальный накладной непропаянный шов. По центру полусферы по кругу диаметром 5,0 мм напаяна плоская гладкокатанная филигранная проволока (плоская гладь). Петля для пришивания из плоской ленты шириной 1,5 мм, сформированной в скобу с припаянными к внутренней стороне полусферы концами. Петля в форме сильно заууженного овала, размерами 3 × 9 мм. Петля не выступает за заднюю плоскость бляшки.

Бляшка из серебра (рис. 7,7). Изделие полусферической формы, с гладким горизонтальным бортиком-рантом по окружности и перекладиной для пришивания с внутренней стороны. Обнаружена с правой стороны перекрестия акинака (рис. 5,5,а), лежавшего под левой ногой погребенного. Верх пуговицы уплощен. Горизонтальная полоса ранта частично утрачена. Перекладина плоская и утолщенная, прямоугольная в сечении. Концами припаяна к краям полусферы, заподлицо с горизонтальным рантом. Диаметр бляшки – 13,5 мм, полусферы – 12,0 мм, высота – 2,0 мм, ширина горизонтального бортика – 1,5 мм, ширина перекладины для пришивания – 1,5 мм.

Обе отличающиеся от четырех одинаковых золотых бляшек относились к кинжалу в ногах погребенного.

Массивная цепочка из золота (рис. 6). Цепочка из трех фрагментов разной длины: 26,80 см (с застежкой), 32,0 см (с застежкой), 3,3 см. Общая длина цепочки 62,10 см. Фрагмент-1 – цепочка сложного (двойного плетения) из звеньев из круглой в сечении проволоки, диаметром сечения примерно 0,5 мм. Цепочка в сечении подквадратная, размером, в среднем 4 × 4 мм. Цепь заканчивается массивной застежкой. На цепочке близ застежки имеются следы ремонта в виде двух звеньев одинарного плетения. Фрагмент-2 – в основном идентичен фрагменту-1. На одном конце

переходит в короткий участок одинарного плетения длиной 4,5 см. Другой заканчивается массивной застежкой. На цепочке близ застежки имеются следы ремонта в виде трех звеньев одинарного плетения и соединения из двух скруток золотой проволоки иного происхождения, квадратной в сечении. Фрагмент-3 – короткая цепочка одинарного плетения. Участки цепочки с одинарным плетением располагались в средней ее части. Такое их расположение и простой, однозвенный вид плетения указывают не только на ремонт цепочки, но и на возможное замещение утраченного центрального фрагмента изделия, которым могла быть декоративная золотая или золотая полихромная вставка.

Застежки цепочки усеченно-каплевидной формы со щитком. Щиток плоский, оконтурен по внешнему краю гладкой круглой в сечении филигранной проволокой (гладь) и гофрированной (с поперечными насечками) круглой в сечении филигранной проволокой. По центральной длинной оси напаян S-видный завиток гладкой круглой в сечении филигранной проволоки.

Узкая часть щитка украшена двумя V-образными фигурами (шевроны) из гладкой круглой в сечении филигранной проволоки. Эта часть щитка отграничена от основной его плоскости поперечной гладкой круглой в сечении филигранной проволокой, концы которой заходят на тыльную сторону застежки, укрепляя входное отверстие гнезда для крепления цепочки, сформированного из припаянной к тыльной стороне щитка изогнутой золотой пластины.

На щитках грубо пробиты отверстия для вторичного способа застегивания (завязывания): небольшое на застежке фрагмента-1, большое и неровное – на застежке фрагмента-2. На тыльной стороне застежки фрагмента-1 имеется напаянный плоский подквадратный фрагмент размером 1,5 × 1,5 мм, вероятно, часть утерянного элемента первоначального способа застегивания цепочки.

Украшение несет на себе следы неоднократного ремонта: 1) грубо выполненные ремонты, в том числе иным материалом, обрывов в местах крепления цепочки к застежкам; 2) устройство отверстий в щитках застежек взамен утраченных петель; 3) замещение утраченной подвески участком однозвенного

плетения из звеньев, взятых путем роспуска отрезка цепочки двухзвенного плетения.

Судя по всему, данная цепочка относится к ожерельям, которые выступали заменой традиционных литых гривен.

Поясной крюк (рис. 7, 1). Железный в своей основе, с зооморфным оформлением, поверх полностью обернутый толстой золотой фольгой. Железная основа местами корродирована на значительную глубину с увеличением объема изделия, вызвавшим трещины и разрывы фольги, в основном по лицевой стороне изделия. В плане форма подковообразная, в сечении – сегментовидная. Щиток, язычок и основное тело крюка расположены в одной плоскости. Лицевая сторона овальная, тыльная – плоская. Максимальные размеры 63×71 мм, толщина дуги крюка 6 мм, с увеличением и уменьшением ее в местах декорирования. Фольга, как и в остальных случаях, толстая, нанесена на основу двумя полосами – узкой по тыльной стороне и широкой – по лицевой, с загибами на заднюю сторону, с частичным перекрытием нижней полосы и прочной пайкой швов.

Изделие имеет зооморфные завершения на обоих концах. Щиток оформлен объемным изображением стилизованной головы волка с высоко поднятой над длинной и широкой мордой линией черепа. Фас морды тупой (плоский и широкий), украшен наклонными слева направо короткими вдавленными линиями. Морда по носу ограничена поперечным невысоким длинным и узким валиком. Верх валика плоский, декорирован короткими наклонными линиями. Такими же, но более широкими валиками с косыми вдавлениями оформлены лобная и затылочная часть головы, что создает между валиками узкую гладкую площадку для ремня. В черепе, между валиками лба и затылка, устроено сквозное отверстие с внешним диаметром 5×7 мм и внутренним – 5 мм, с глубоко заправленными внутрь отверстия краями фольги. Вероятно, оно служило для продевания шнура пояса.

Язычок крюка декорирован рельефным изображением головы, вероятно, травоядного копытного животного на длинной шее. Показаны горбоносая морда, линия рта, лунка глаза, в затылочной части – основание рога и ухо. Средняя линия длинной шеи подчеркнута

невысоким ребром-гранью. Горбоносый профиль морды позволяет предположить здесь изображение головы сайги.

В средней части крюка, на его лицевой стороне, возвышается скульптурная голова, вероятно, собаки типа среднеазиатской овчарки (алабая), на невысокой, но мощной шее. У собаки скульптурно смоделированы вздернутый нос, бугорки скул, продольный валик черепа, уши и даже едва уловимая лунка глаза. В локальных участках (нос, ухо) в разрывах золотой фольги проступает чрезвычайно твердая неметаллическая черная основа – окаменевшая смола.

Между головой собаки и язычком крюка находятся два невысоких поперечных валикообразных орнаментальных пояса. Один шириной 3 мм, его валик рассечен косыми вдавленными линиями, между которыми нанесены точечные углубления. Второй орнаментальный пояс в форме невысоко приподнятой прямоугольной площадки шириной 6 мм с продавленными очертаниями ромба на ней. Внутри ромба угадываются продавленные линии решетки с выпуклостями ячеек между ними.

Красноглиняный кувшин (рис. 8, 1). Сосуд круговой, вертикальных пропорций, плоскодонный, хорошего и равномерного обжига, целый, за исключением рукояти (от нее сохранились верхний выступ на венчике и основание в виде налепа на верхней части тулова) и утраченных фрагментов венчика. Венчик с отогнутым наружу краем, образующим пологую площадку шириной 2 см. Шейка невысокая, цилиндрическая, с прямыми стенками. На ней имеются продавленные горизонтальные линии в два ряда. Тулово яйцевидной формы. В его верхней части по всей окружности прочерчена узкая полоса. Ручка реконструируется как петлевидной формы, подпрямоугольная в сечении, шириной 1,6 см и толщиной 1,5 см. Поверхность сосуда снаружи и частично изнутри покрыта красным ангобом, присутствует лощение до блеска. В глиняном тесте незначительные, видимые в изломе примеси мелких частиц песка, минералов и включений белесого цвета. Высота сосуда 35 см, диаметр тулова – 25 см, венчика – 12 см, дна – 14 см, шейки – 10 см, высота шейки – 5,4 см.

Фрагмент железного ножа (рис. 5, 4). Длина фрагмента 9 см, ширина – до 1,8 см.

Имеет хвостовик под рукоять. Длина лезвийной части – 5,5 см, хвостовика – 3,5 см. Толщина обушковой части до 0,7 см. Хвостовик уплощенный, плавно сужающийся. Края лезвийной части параллельные. В сечении лезвие подтреугольное.

Железная пряжка (рис. 5,2). Слегка подовальной формы. Из уплощенного прута. На одной из длинных сторон сохранился прикипевший фрагмент стержневидного изделия. Размеры кольца 2,2 × 2,5 см. Диаметр прута – 0,4–0,6 см.

Фрагмент неопределимого железного пластинчатого изделия (рис. 5,3). Длина – 8,8 см, ширина – 1,3–1,6 см. С параллельными, слегка сужающимися краями, треугольный в сечении. Толщина обушковой части – 0,4–0,6 см. В более узкой части имеются фрагменты двух приваренных тонких пластин шириной по 0,5 см.

Колчан № 1 (рис. 3,III,3). Плохой сохранности, по всей видимости, был выполнен из тонкой древесины, других органических материалов и крупной деревянной планки. Прослеживается по пятну из смеси органики, железных окислов и скоплению бронзовых наконечников стрел с фрагментами древков. Был уложен по линии С–Ю.

Колчан № 2 (рис. 3,III,10). Плохой сохранности, проследить конструкцию колчана не удастся. По всей видимости, стенки колчана выполнены из тонкой древесины и бересты. Прослеживается по пятну из смеси органики, железных окислов и скоплению бронзовых наконечников стрел с фрагментами древков. Длина пятна – 40 см, ширина – 10 см. По расположению фрагментов древка и наконечников стрел можно предположить, что колчан был уложен по линии СВ–ЮЗ. Наконечники расположены в северо-восточной части колчана и ориентированы острием на СВ.

Дисковидное бронзовое зеркало (рис. 8,2). Зеркало сильно окислено и имеет зеленый цвет, находится в футляре из материала с растительными волокнами. Диаметр зеркала, предположительно, 12–15 см. По краю зеркала просматривается валик шириной примерно в 1 см. С одной стороны зеркала имеется клиновидная рукоять-насад длиной 1,5 см.

Наконечники стрел (рис. 8,3) (25 экз.). Бронзовые трехлопастные втульчатые, без

выделенной втулки, со свисающими ниже втулки лопастями и с боковым отверстием у основания втулки. Часто с фрагментами древков внутри втулки. Длина 2,7–3,0 см, ширина по лопастям – 0,8–0,9 см.

Вероятно, сильно коррозированные изделия в контуре пятна колчана № 2 рядом с бронзовыми наконечниками, спекшиеся в бесформенные куски с фрагментами древков внутри, являются остатками железных наконечников стрел неустановимой формы, поэтому в данном случае можем лишь предполагать возможное сочетание в колчанном наборе погребения кург. 3 бронзовых трехлопастных наконечников с внутренней втулкой и треугольной головкой с железными.

Обсуждение

Южная ориентировка погребенных является господствующей как в раннесарматской культуре III–I вв. до н.э., так и в среднесарматской I – первой половины II в. н.э. [Скрипкин, 1990, с. 184]. Погребальную конструкцию в кург. 3 мы склонны относить к типу 5 – подбойные ямы, варианту А – с одним подбоем вдоль длинной стенки (по классификации А.С. Скрипкина), второй по численности форме ям III–I вв. до н.э. в Заволжье и Южном Приуралье, после узких прямоугольно-удлиненных ям, хотя в последнем регионе они довольно малочисленны, а для периода I – первой половины II в. н.э. – единичны [Скрипкин, 1990, с. 179–180, табл. 16]. Представительный сопроводительный инвентарь погребения в кург. 3 позволяет определить более точные хронологическую позицию и культурную принадлежность этого закрытого комплекса.

Прекрасной датирующей категорией инвентаря является оружие. В первую очередь на себя обращает внимание убранный золотом меч. По типологии В.М. Клепикова железный меч из кург. 3 относится к отделу 4 – мечи и кинжалы с прямым брусковидным перекрестием, типу 2 – с серповидным навершием [Клепиков, 2002, с. 21]. Н.Е. Берлизов в рамках отдела 3 – мечи с прямым брусковидным перекрестием и типа 2 – мечи с антенновидным навершием, выделяет такие редкие мечи в подтип 2 – навершие дуговидное завершается шишковидными утолщения-

ми [Берлизов, 2011, с. 90, табл. 37]. Отделка меча золотом позволяет отнести его и к числу парадных / церемониальных мечей / кинжалов [Мордвинцева, Шинкарь, 1999; Зуев, 2016, с. 268].

В Приуралье мечи и кинжалы с прямым брусковидным перекрестием и серповидным навершием единично появляются в конце IV в. до н.э., а массовое распространение получают в III–II вв. до н.э. [Клепиков, 2002, с. 29–30]. По размерам меч из кург. 3 относится к мечам максимальной длины – 1,30 м. Такой же длины железный меч с прямым перекрестием, но с более выраженной серповидностью навершия происходит из погр. 7 кург. 2 Увакского могильника на Илеке, датированного К.Ф. Смирновым III–II вв. до н.э. [Смирнов, 1975, с. 60, рис. 18,4]. Он был уложен слева от погребенного головой на юг покойника, от его плеча до стопы. У острия меча, также направленного на север, лежали железные наконечники стрел.

По форме, в том числе чрезвычайно узкому клинку и слабой или умеренной прогнутости серповидного навершия, меч из кург. 3 схож с мечом (длина 1,15 м) из музея Сарapulьского общества родиноведения, найденного около с. Якимкова Бирского уезда, описанного и зарисованного Тальгреном («второй меч», «меч № 2») [Тальгрэн, 1917, с. 21, рис. 1] и с мечами из погр. 11 кург. XIII (длина 1,06 м) и из погр. 6 кург. XX (длина 1,03 м) могильника у деревни Старые Кишишки [Садыкова, 1962, с. 103, 112, табл. VII, 15, XI, 14]. Старокишшинский могильник А.Х. Пшеничнюк относит к позднепрохоровскому времени и датирует III–II вв. до н.э. [Пшеничнюк, 1983, с. 109].

Декорированы золотой фольгой прямое перекрестие и серповидное навершие, а также рукоять кинжала из погр. 4 кург. 27 могильника Жутово (раскопки В.П. Шиловой в 1964 г.) конца II – I в. до н.э. Поверх фольги навершие украшено филигранными кольцами из проволоки с поперечными насечками и тамгообразным знаком из гладкой проволоки [Мордвинцева, Шинкарь, 1999, с. 144, рис. 2, 1].

По схеме покрытия золотыми листами и декорирования навершия меча из кург. 3 схоже с серповидным же навершием меча из Щукинской коллекции ГИМа [Мошкова, 1963, рис. 10]. Здесь также округлыми очертания-

ми выделены концы дров, а место стыка листов в районе рукояти декорировано тесьмой (пластинкой с тремя кантами филигранной проволоки), но без утолщения, так как в отличие от чеботаревского навершия изготовлено, по всей видимости, из цельного дрота, превосходящего диаметром толщину рукояти и приваренным к ее торцу.

Парадные мечи с прямым перекрестием, серповидным навершием и их ножны, украшенные золотой плакировкой с декором и без него, происходящие с территории Заволжья и Волго-Донских степей (находка в Камышинском районе Волгоградской области (обрыв р. Ураковка), могильники Эльтон, Белокаменка, Верхнее Погромное, Жутово, Короли, Барановка-I), В.И. Мордвинцевой и О.А. Шинкарь отнесены к «развитому» раннесарматскому времени, в пределах II в. до н.э. – начала I в. н.э. [Мордвинцева, Шинкарь, 1999, с. 138, 141]. В.Ю. Зуев предлагает прохоровские мечи с золотой отделкой называть церемониальными. Он считает, что церемониальные мечи с серповидным навершием, плакированные золотом, являются наиболее ранними из мечей с серповидным навершием, относя их появление к III в. до н.э. [Зуев, 2013, с. 58; 2016]. Исследователь датирует памятники, в которых они были найдены на Южном Урале, серединой II в. до н.э. – началом I в. до н.э. и связывает их появление здесь с волной сарматского продвижения из Закаспия в Приуралье, в Поволжье, Подонье и далее к Таманскому полуострову и к восточным границам Боспорского царства [Зуев, 2016, с. 268], допуская, что сложение коллективных носителей церемониального оружия происходило в предыдущий период, в III – начале II в. до н.э. за пределами Приуралья и Поволжья.

Отдельного рассмотрения заслуживает золотой декор перекрестия и навершия меча из кургана 3. Цепочками из ромбов украшены золотые браслеты из погр. 6 кург. 5 (III–II вв. до н.э.) V Бердянского могильника [Моргунова, Мещеряков, 1999, с. 145, рис. 11]. Примечательно, что из этого же могильника (погр. 4 кург. 4) происходит схожий с поясным крюком из кург. 3 по материалу, форме в плане и структуре, но выполненный в ином стиле колчаный крюк [Моргунова, Мещеряков, 1999, с. 126, рис. 4, 1]. Двумя полосками схо-

жей декоративной «тесьмы» в виде сетки из пересекающихся ломаных линий с зернью в местах их перекрещивания и с филигранными проволочками по краям украшены ножны раннесарматского кинжала из погр. 6 кург. 7 могильника Верхнее Погромное (раскопки В.П. Шилова в 1957 г.) II–I вв. до н.э. Подобная тесьма, по мнению В.И. Мордвинцевой и О.А. Шинкарь, изготавливалась боспорскими мастерами и могла импортироваться сарматами для самостоятельного декорирования изделий [Мордвинцева, Шинкарь, 1999, с. 139, 141, 143, рис. 1,2]. Такого рода узоры являются частым декоративным элементом и на поясах каменных скульптур святилищ Байте 1, Карамонке (изваяния 6, 29), Терен (изваяние 4) [Онгарулы и др., 2017, рис. 236, 243, 256, 269]. Время активного функционирования святилищ и скульптур байтинского типа В.С. Ольховский предлагал ограничить периодом от рубежа IV–III вв. до н.э. до начала II в. до н.э., с перспективой его сужения [Ольховский, 2005, с. 135, 149].

Непросто интерпретировать филигранный декор на золотой обкладке перекрестия меча. Схожие по схеме и технике изготовления изображения на перстнях Боспора (конец VI – первая половина V в. до н.э.) М.Ю. Трейстером названы «двойной филигранной пальметтой» [Трейстер, 2023, с. 303, рис. 2,5,7–9]. Подобная фигура на фибуле-броши из Восточного некрополя Неаполя Скифского, склеп-катакомба № 34, конца II – начала I в. до н.э., А.В. Дедюлькиным и Ю.П. Зайцевым трактована как «стилизованный керавн» [Дедюлькин, Зайцев, 2019, с. 145, рис. 4,3]. Керавн, или *κεραυνος*, – понятие, связываемое в древнегреческой мифологии с Зевсом-громовержцем, в семантическом значении означающее «оружие Громовержца», «гром», «молния». В материальном плане – атрибут Зевса, изображаемый в виде «пучка / связки молний» [Балонов, 1988, рис. 2; Никоноров, 2012, рис. 1]. Весьма популярный в древней Греции как атрибут Зевса, этот знак со времен Александра Македонского получил статус символа воинской мощи и высшей политической власти [Никоноров, 2012, с. 496]. В Средней Азии как одно из следствий греческой культурной экспансии в различных модификациях он в течение середины III в. до н.э. – I в. н.э. изобра-

жался на монетах греко-бактрийских и индо-греческих правителей (затем копировался индо-саками, индо-парфянами и юечжами), на памятниках искусства Бактрии, а также Парфии (но изготовленных греко-бактрийскими мастерами) [Никоноров, 2012, рис. 1,2–19, 2].

Считаем более логичным предположение о стремлении и мастера, и заказчика украсить перекрестие меча именно керавном, что близко к восприятию меча как «разящего словно молния оружия». Узор на перекрестии меча из кург. 3 стилистически близок изображению на фибуле-броши из Неаполя Скифского. Близка и датировка последнего изделия – конец II – начало I в. до н.э. Возможно, на обкладке перекрестия представлена такая разновидность керавна, как «крылатый» керавн, также стилизованный [Никоноров, 2012, с. 496, рис. 1, 19].

Таким образом, совокупность морфологических признаков меча и его декора позволяют датировать изделие в целом серединой II – I в. до н.э.

Оба железных кинжала из погребения близки между собой по форме и размерам. В типологии Н.Е. Берлизова такие кинжалы отнесены к отделу 3 – мечи с прямым брусковидным перекрестием, типу 2 – мечи с антенновидным навершием, подтипу 3 – навершие тупоугольное концами вверх [Берлизов, 2011, с. 90, табл. 37]. В.М. Клепиков включил их в отдел IV – мечи и кинжалы с прямым брусковидным перекрестием, тип 2 – с серповидным навершием и отнес к категории коротких мечей (кинжалов) [Клепиков, 2002, с. 21]. Они, как и мечи, имеют широкие хронологические рамки бытования в период раннесарматской культуры.

Датировка кинжалов из кург. 3 может быть уточнена хронологией пришивных бляшек ножен. 4 пришивные бляшки из золота с гладкокатанным филигранным фризом из «ов» находит не так много аналогий. Орнаментальный бордюр из «ов» присутствует на фаларе из кург. 28 у станции Жутово I в. н.э. (раскопки В.П. Шилова в 1964 г.). Но здесь «овы» выполнены вдавлениями и ориентированы срезами к центральной части фалара (срезами вниз) [Засецкая, 2010, рис. 1, 2]. Возможно, объяснение этому кроется в их хронологической позиции и предположении И.П. Засецкой

об изготовлении не в мастерских Северного Причерноморья, а в античных центрах Востока [Засецкая, 2010, с. 118].

Близкую аналогию мы находим в серебряных полусферических фаларах из курганного комплекса сарматского времени из бассейна р. Кирпили (у станицы Новоджерелиевской Брюховецкого района Краснодарского края), имеющих такие же горизонтальные бортики-ранты по кругу [Анфимов Н.В., 1986, рис. 2] и датируемых второй половиной II в. до н.э. [Анфимов Н.В., 1986, с. 189]. Абсолютно идентичен по материалу (гладкая плоская скань), филигранной технике исполнения, расположению на изделии в основании полусферы, концентричной композиции орнаментальный пояс из «ов» на золотой фибуле-броши полусферической формы с горизонтальным бортиком-рантом из погребения у хутора Элитный Краснодарского края [Анфимов И.Н., 1986, рис. 1,3]. «Овы» срезами ориентированы так же, как и на золотых пуговицах, – к внешней стороне (срезами вверх), традиционно для античной орнаментики. И.Н. Анфимов по стилю орнаментации относит фибулу-брошь к продукции боспорских ювелиров [Анфимов И.Н., 1986, с. 195] и датирует погребение временем не позднее последней четверти II в. до н.э., связывая его появление с процессом инфильтрации в степи правобережья Кубани сарматских племен, а именно сираков [Анфимов И.Н., 1986, с. 197].

Пластинчатые петли для пришивания бляшек по форме и по манере крепления к основе концами встык находят полные аналогии в малых полихромных фаларах из погр. 1 одиночного кургана Яшкуль [Очир-Горяева, 2019, рис. 6]. Однако датировка этого погребения остается проблематичной, балансируя между временем «развитой» раннесарматской культуры (II–I вв. до н.э.) и среднесарматской (I в. н.э.) [Очир-Горяева, 2019, с. 19–39]. Тем не менее этот факт указывает на поздние позиции изделий с такими петлями и свидетельствует в пользу их верхней датировки в рамках раннесарматской культуры.

Близиких аналогий еще одной пришивной бляшке из золота – полусферической формы с напаянной по окружности филигранной веревочкой и с петлей для пришивания с внутренней стороны – нам найти не удалось.

В рамках типологии бронзовых бляшек Н.Е. Берлизова пришивная бляшка из серебра из кург. 3 может быть отнесена к типу 2 – полусферические с гладким горизонтальным бортиком-закрайной [Берлизов, 2011, с. 110]. В типологической таблице [Берлизов, 2011, табл. 46Б] такие бляшки показаны с горизонтальной прямой планкой для пришивания. Серебряной бляшке из кург. 3 морфологически идентична бронзовая бляшка из женского грунтового погр. 91 Шиповского могильника [Пшеничнюк, 1976, с. 69, рис. 25,11]. Схожи как уплощенный верх полусферы и горизонтальный пояс по окружности, так и форма петли в виде прямой подпрямоугольной в сечении перекладины и способ ее крепления к бляшке заподлицо с бортиком-рантом. Датируются грунтовые погребения Шиповского могильника концом I в. до н.э. – III в. н.э. [Пшеничнюк, 1976, с. 77]. Из погр. 91 происходит прямоугольная накладка пьяноборского типа [Пшеничнюк, 1976, рис. 24,2]. Для раннепьяноборских памятников традиционным является обилие разнообразных бляшек с петельным креплением, в том числе – полусферические с плоской планкой для пришивания [Голдина, Лещинская, 2018, рис. 14,10,16]. Дата пьяноборской общности II в. до н.э. – IV/V в. н.э. [Голдина, Лещинская, 2018, с. 18–19], что позволяет предполагать раннепьяноборское происхождение серебряной бляшки из кургана 3.

Как видим, датировка кинжалов по пришивным бляшкам также не опускается ниже II в. до н.э., по наиболее близкой аналогии в виде фалара из кургана у хутора Элитный Краснодарского края [Анфимов И.Н., 1986, с. 197, рис. 1,3] – не позже последней четверти II в. до н.э.

Золотые ожерелья со вставками из драгоценных камней и цепочкой сложного плетения являются античными импортами и выступали в сарматском мире аналогами цельнометаллических гривен. По классификации Н.Е. Берлизова цепочка из кург. 3 может быть соотнесена с изделиями отдела 6 – гривны, сплетенные из тонкой проволоки в виде сложной косички, больше соответствуя типу 2 – кольцо в виде двух плетеных жгутов, прикрепленных к центральному золотому полихромному украшению, и вариантам 1 и 2 этого типа

(с центральной золотой полихромной вставкой между двух цепочек сложного плетения) [Берлизов, 2011, с. 121–122, табл. 49, 29, 30], но отличаясь от изделий этих вариантов конструкцией застежек.

Поскольку предполагаемый центральный элемент ожерелья утрачен, а сложное двойное плетение в древности было широко распространено в пространстве и во времени, то наиболее информативной (в плане датирования и источника происхождения) частью чеботаревского украшения являются застежки, включая форму и декор. Его особенностью являются щитковые застежки с объемными полыми гнездами с тыльной стороны для закрепления в них концов цепочки. Такого типа застежки у ожерелья-тесмы с тремя рядами подвесок из раскопок И.К. Айвазовского в 1853 г. кург. 1 в Феодосии (собрание Государственного Эрмитажа), датированного 330–300 гг. до н.э. [Уильямс, Огден, 1995, кат. № 201], греческого хормоса (ошейника) конца IV – III в. до н.э. из Южной Италии, собрание Метрополитен-музея [Gold Necklace], ожерелья из «Ювелирных изделий Ганимеда» (ок. 330–300 гг. до н.э.) из Салоник в Македонии, собрание Метрополитен-музея [Ganymede Jewelry]. Общими элементами застежек указанных украшений являются филигранная техника декора, в том числе бордюры из бусинной (с поперечными насечками) и гладкой проволоки и V-образные фигуры («шевроны» или «овы»), обращенные верхней частью к филигранному бордюру по нижней части щитка, гнезда для крепления на тыльной стороне щитка. V-образные фигуры («шевроны»), также обращенные верхней стороной к бордюру из филигранной проволоки, присутствуют и на золотой подвеске в виде «палицы Геракла» Херсонеса Таврического (раскопки Х. Лепера, 1912 г., урна 53) из собрания Государственного исторического музея, датированной не позднее первой половины III в. до н.э. [Журавлев и др., 2017, кат. № 120, с. 69–71, табл. 39, 40, 41].

Щитковая форма застежки предполагает и соответствующую конструкцию гнезда для крепления к ней цепочки, а также петель. У всех трех приведенных аналогий петли в виде колец. Вероятно, первоначально такие же петли были и у чеботаревского ожерелья, до

их утраты. Более поздние римские и парфянские ожерелья-импорты часто не имеют щитков-застежек, разной длины цилиндрическое или коробчатое гнездо крепления цепочки переходит непосредственно в петлю [Трейстер, 2018, рис. 13, 1, рис. 14, 2; Симоненко, 2011, рис. 58].

Датированные аналогии щитковым застежкам ожерелья из кург. 3 укладываются в последнюю треть IV–III вв. до н.э., что является наиболее ранней датой для вещей из кургана 3. Учитывая сильную изношенность, неоднократные ремонты, можно предполагать непростую и длительную историю существования цепочки-ожерелья из кург. 3 могильника Чеботарево IV и допускать помещение ее в погребение в значительно более позднее время.

Плакированный золотом железный поясной крюк с зооморфным оформлением является, как и плакированная золотом железная колчанная застежка, уникальным артефактом, которому заведомо трудно найти полную аналогию. Как упоминалось выше, близкое по материалу и форме в плане и меньшее по размеру изделие (диаметр 5,6 см) происходит из погр. 4 кург. 4 (III–II вв. до н.э.) V Бердянского могильника [Моргунова, Мещеряков, 1999, с. 126б рис. 4, 1]. Щиток крюка декорирован филигранной шестилепестковой розеткой, инкрустированной голубой стекловидной пастой. Крюк в сечении подквадратный, но так же, как и чеботаревский, имеет между двумя валками сквозное отверстие в 0,5 см диаметром для привязывания. В данном случае изделие изготовлено для использования в качестве колчанного, а не поясного крюка. Однако бросается в глаза, что выполнены оба изделия по одному стандарту и, не исключено, могут происходить из одного производственного центра или мастерской. Схожие по форме в плане поясные крюки с идентичным типом крепления к поясу отчетливо изображены на каменных скульптурах байтинского типа святилищ Байте 3, Карамонке (изваяние 29) и Канай [Онгариулы и др., 2017, рис. 176, 274]², о датировке которых упоминалось выше. Учитывая хронологию святилищ и погр. 4 кург. 4 V Бердянского могильника, считаем, что поясной крюк из кург. 3 можно датировать III–II вв. до н.э.

На крюке изображены три видных представителя местной фауны – волк, собака (близкая по облику среднеазиатской овчарке), сайга. По мнению И.П. Засецкой, все дополнительные и сопутствующие элементы на фантастическом изображении с образом волка вторичны, главный семантически значимый образ здесь – образ волка [Засецкая, 2012, с. 73]. Е.Ф. Королькова считает, что образы фантастических животных, которые часто называют «носатым волком» или драконом, имеют «центральноазиатское происхождение и бытуют длительное время в искусстве звериного стиля на территории Сибири и Средней Азии, а затем становятся характерным мотивом сарматского искусства» [Королькова, 2008, с. 28].

Как показывает Я.А. Лукпанова, культ волка в культуре населения Казахстанского Приуралья был широко распространен еще в VI–IV вв. до н.э. [Лукпанова, 2021]. Поясной крюк из кург. 3 могильника Чеботарево IV свидетельствует о продолжении бытования этого образа, но в несколько другой трактовке. Рассмотренные Я.А. Лукпановой изображения волка из погребений VI–IV вв. до н.э. могильников Бесоба, Сынтас, Володарка, Булдуры, Тонкерис, Кырык-Оба, Таксай-1, Таксай-3 в Казахстанском Приуралье [Лукпанова, 2021, рис. 1–5] рельефны, морды показаны с оскаленной пастью, хорошо обозначены зубами и клыками. Череп низкий и покатый, показано ухо, глаз миндалевидный, морда узкая, часто экстремально удлиненная, нос приплюснутый, иногда обозначен спиральными завитками по бокам ноздри. На поясном крюке морда и черепная коробка широкие, пасть не обозначена, нос мощный, в форме поперечного валика с косой штриховкой, череп угловатый, с надглазничным и затылочным валиками, ухо отсутствует, форма глаза округлая. Единственным декоративным элементом, «разбивающим» гладкие поверхности, являются ряды косых коротких и узких вдавлений по валикообразным линиям носа, лба, затылка. Морда волка смоделирована на длинном стержне крюка, без выраженных шеи и туловища, формируя синкретичный образ волчьей головы на длинной условной шее / туловище.

Из всех разновидностей выделенных И.П. Засецкой художественных образов вол-

чьего мотива композиция на пояском крюке больше всего соответствует волку-змее (волчья голова и длинное бескрылое тело, змеевидное тело) [Засецкая, 2012, с. 72–73]. Именно к этому образу отнесены исследовательницей изображения волка с поясной пластины I в. н.э. из кург. 3 могильника Хапры у с. Чалтырь Мясниковского района Ростовской области (раскопки И.А. Гордина в 1988 г.) [Королькова, 2008, рис. 17; Засецкая, 2012, с. 72, рис. 6, рис. 7, 10]. Этот волк-змея схож с изображением на пояском крюке по таким чертам, как крутой лоб, круглый абрис глаза, схожие пропорции носа и черепа, длинное безногое змееподобное тело. Но стилистическое оформление иное.

Колчанная железная застежка, плакированная золотой фольгой, по классификации Н.Е. Берлизова относится к типу 2 – стержневидные с перехватом посередине [Берлизов, 2011, с. 85], но к какому-либо варианту в рамках разработанной им типологии этих изделий ее отнести сложно. Бронзовая стержневидная застежка с узким перехватом в центральной части и гофрированным оформлением концов происходит из Блюменфельдского кург. A12, исследованного Б.Н. Граковым в 1925 г. и датируемого V в. до н.э. [Смирнов, 1961, рис. 9, 13]. Золотая массивная литая колчанная застежка, выполненная в форме сходящихся под тупым углом фрагментов лошадиных конечностей в составе: сочленения пясти, путовой кости и копыта, обнаружена в 1-м Филипповском кургане IV в. до н.э. (по А.Х. Пшеничнюку) в Южном Приуралье [Пшеничнюк, 2012, рис. 47, 4, вклейка, фото 17, 1]. Она имеет такой же узкий перехват в центральной части, как и чеботаревская.

Схожая с чеботаревской костяная застежка обнаружена при раскопках городища Ак-Кая (с. Вишенное, Белогорский р-н, Центральный Крым) в слое конца III – начала II в. до н.э. Застежка в виде круглого в сечении стержня длиной 6,2 см и толщиной в среднем 0,7 см, с перехватом в центральной части и симметричными диаметрально расположенными шпелевидными окончаниями. Причем застежки для колчана считаются нетипичными для позднескифского времени [Шкрибляк, 2011, рис. 1]. Не исключено, что застежка из Ак-Кая могла иметь сарматское происхождение.

ние, так как схожей формы костяные застёжки найдены в сарматском погребении у Визенмиллера (II группа, кург. 4, погр. 3) VI–II вв. до н.э., вырезанные из фаланг пальца [Мошкова, 1963, с. 35, табл. 20, 15].

Типологически близкие застёжки из Ак-Кая и Визенмиллера позволяют поместить колчанную застёжку из кург. 3 могильника Чеботарево IV в широкие хронологические рамки VI–II вв. до н.э., но с учетом времени бытования церемониального оружия считать более вероятной верхнюю дату этого интервала. Нетипичность для позднескифской культуры Крыма может указывать на то, что наша застёжка имеет не причерноморское происхождение.

Красноглиняные гончарные кувшины с одной ручкой происходят из погр. 14 кург. XIII могильника у деревни Старые Кишки [Садыхова, 1962, с. 105, табл. VIII, 14], из погр. 2 кург. 19 Бишунгаровского могильника, погр. 1 кург. 3 Лекандинского могильника [Пшеничнюк, 1983, табл. VII, 24, табл. XXIII, 11]. Причем в погр. 2 кург. 19 Бишунгаровского могильника такой сосуд встречен в комплексе с двумя кинжалами и длинным мечом, весьма схожими с изделиями из чеботаревского кург. 3 [Пшеничнюк, 1983, табл. VII, 24, табл. XXIII, 14–16]. А.С. Скрипкин эти кувшины отнес к числу красноглиняных сосудов среднеазиатского производства, датируя их III–II вв. до н.э. [Скрипкин, 1990, с. 158].

Схожий кувшин, отличающийся большим диаметром дна и, соответственно, меньшей профилированностью тулова, происходит из могилы 2 кург. 2 могильника Близнецы на Илеке [Смирнов, 1975, рис. 15, 2]. К.Ф. Смирнов отнес его к числу красноглиняных хорезмийских кувшинов и датировал ранней кангуйской эпохой, не позже III в. до н.э. [Смирнов, 1975, с. 53].

Основная часть дисковидного бронзового зеркала из кург. 3 перекрыта остатками футляра, поэтому невозможно на данный момент судить о наличии / отсутствии других (помимо валика и короткого клиновидного насада) культурных и хронологических признаков. Зеркало из кург. 3 по классификации А.С. Скрипкина относится к самому массовому типу отдела 4 (зеркал с валиком по краю диска) – типу 4.7, с клиновидной ручкой [Скрипкин, 1990, с. 94–95, рис. 35, 14], имея ми-

нимальную для этого типа длину ручки и средний диаметр диска. Зеркала с валиком по краю диска бытовали у сарматов в период с рубежа IV–III вв. до н.э. по I в. н.э. [Скрипкин, 1990, с. 150–153], основной период существования зеркал типа 4.7 – III–I вв. до н.э. [Скрипкин, 1990, с. 151].

По классификации В.М. Клепикова бронзовые наконечники стрел из кург. 3 относятся к типу 1 – бронзовые наконечники стрел с внутренней втулкой, подтипу 2 – с треугольной головкой, варианту «а» – головка трехлопастная, с шипами, опущенными ниже втулки [Клепиков, 2002, с. 39, рис. 6, 26] и отличаются довольно высоким трехгранным бойком. М.Г. Мошкова пишет о стабильности типов бронзовых наконечников прохоровской культуры, с одной стороны, прослеживая лишь эволюцию их пропорций за счет удлинения и заострения головки и превращения ее в узкий треугольник, с другой стороны [Мошкова, 1962, с. 81]. Наличие таких явно выраженных поздних признаков у наконечников стрел из кург. 3 позволяет отнести их к интервалу III–II вв. до н.э. разработанной М.Г. Мошковой периодизации такого рода изделий [Мошкова, 1962, с. 78].

Предполагаем, что сильно коррозированные изделия в контуре колчана № 2 рядом с бронзовыми наконечниками, спекшиеся в куски с фрагментами древков внутри, являются остатками железных наконечников стрел неустановимой формы головки. По характеру фрагментов древков можно предполагать, что, по крайней мере, часть из них относилась к втульчатому типу. Появление в колчаных наборах ранних сармат железных наконечников стрел и сочетание их в наборах с бронзовыми наконечниками относится к IV в. до н.э., широкое распространение железных черешковых и втульчатых наконечников отмечается для III–II вв. до н.э. [Смирнов, 1961, с. 70; Мошкова, 1962, с. 81–82]. Полностью господствуют они начиная с конца II – начала I в. до н.э., причем, по наблюдениям М.Г. Мошковой, в Приуралье и Башкирии процесс полной замены бронзовых наконечников железными происходил медленнее, чем в Поволжье [Мошкова, 1962, с. 82].

Схожее с железной пряжкой из кург. 3 изделие из погр. 10 кург. 7 конца IV – III в.

до н.э. Мечетсайского могильника, К.Ф. Смирнов определил в качестве овальной пряжки от пояса [Смирнов, 1975, с. 125, 130, рис. 47,5]. В нашем случае она также может быть приурочена к поясу. Однако не в качестве собственно пряжки для застегивания пояса (так как эту функцию здесь выполняет поясной крюк), а для прикрепления к поясу одного из предметов амуниции. Железная пряжка из кург. 3 в типологической схеме Н.Е. Берлизова может быть отнесена к группе I – железные пряжки, отделу II – пряжки с подвижным язычком, подотделу II.1 – без обоймы, тип 1 – пряжки с круглой рамкой и прямым язычком, вариант 1 – пряжки малого диаметра [Берлизов, 2011, с. 128–129, табл. 52]. Железные пряжки с подвижным язычком «известны без особых изменений формы с савроматского по позднесарматское время» [Скрипкин, 1990, с. 97].

Холодное оружие, поясной крюк, способы ношения кинжалов находят яркие визуальные параллели и подтверждения в иконографии каменных скульптур святилищ Устюрта и Мангистау [Ольховский, 2005; Онгарулы и др., 2017]. На скульптурах байтинского типа часто изображены два коротких меча-кинжала, крепившихся к поясу и к бедру правой ноги. Такой схеме соответствует положение двух кинжалов в погребении кургана 3. Один из кинжалов (акинак № 1) уложен справа от погребенного, в верхней части правого бедра, другой (акинак № 2) – в ногах. Судя по расположению поясного крюка, железных ножа и пряжки, колчана № 2, акинак № 2 был уложен пристегнутым к поясу вместе с остальной амуницией. Но на байтинских стелах нет изображений длинного меча. Соответственно, на них отсутствует оружейный набор из двух кинжалов и меча. Как нет и изображения двух колчанов.

Наиболее полный набор вооружения из кург. 3 иконографически представлен на фигурках из Сапоговского клада [Толмачев, 1913, табл. 1 и 2]. Но и у них отлито только по одному колчану. Либо мы имеем случай на практике использования более одного колчана, не нашедший своего иконографического воплощения в известных нам раннесарматских изображениях, либо под клинком меча в кург. 3 залежали остатки иного изделия из органических материалов, имеющего определенную связь со стрелами.

У шести металлических фигур Сапоговского клада имеются длинные мечи [Толмачев, 1913, табл. 1, 1, 2, 5, табл. 2, 1, 2, 3], у большинства из которых показаны прямые перекрестья, у одного четко обозначено (у двух других угадывается) серповидное навершие. В пяти случаях меч размещен почти поперек пояса воина, эфесом под правую руку. В одном случае – на правой стороне груди (вероятно, на перевязи), хватом под левую руку [Толмачев, 1913, табл. 1, 5]. У шести фигур (в том числе у четырех с длинными мечами) имеются по 1–2 кинжала с прямыми перекрестьями и серповидными навершиями [Толмачев, 1913, табл. 1, 5, табл. 2, 1–5]. Но манера их ношения иная, чем у погребенного в кург. 3 и на скульптурах байтинского типа – на передней стороне бедра, с охватом ноги ремнем по нижней части ножен.

Заключение

Рассмотренные аналогии, типологическая принадлежность и датировки сопроводительного инвентаря из погребения в кург. 3 дают наиболее широкий хронологических диапазон бытования составляющих его вещей в пределах III в. до н.э. – I в. н.э. Пришивные бляшки на ножнах кинжалов, меч с золотой плакировкой и золотой декор на нем позволяют сузить дату погребения до последней четверти II – начала I в. до н.э. Это самые возможные узкие хронологические рамки комплекса. Не исключено их расширение на полвека в ту или иную сторону согласно традиционно более широким датировкам мечей с серповидным навершием, мечей и ножен с золотыми плакировкой и декором.

Погребение в кург. 3 могильника Чеботарево IV территориально, хронологически и по характеру инвентаря с церемониальным оружием может быть включено в круг синхронных памятников раннесарматского времени, локализующийся на территории Оренбургской области Российской Федерации в пределах южнее и севернее среднего течения р. Урал: Красногорский курган, кург. 4 могильника Горбатый мост, погр. 4 кург. 4 V Бердянского могильника, погр. 1 кург. 1 южной группы курганов Прохоровского могильника, погр. 2 кург. 17 могильника Прохоровка 2

[Зуев, 2012, рис. 17]. Группа компактная и на настоящее время немногочисленная. Но, учитывая открытие такого комплекса в могильнике Чеботарево IV, имеет тенденцию количественного и территориального расширения, с включения в нее памятников с казахстанской части правобережья р. Урал. В этой группе чеботаревский кург. 3 на данный момент является самым западным.

То обстоятельство, что в кург. 3 не было иных захоронений, сам могильник состоял из разновременных и дисперсно расположенных курганов, может свидетельствовать в пользу кратковременности политического контроля над местностью потестарной единицы, представителем которой был погребенный в кург. 3. Но уверенно об этом судить трудно, так как не известна точная культурная и хронологическая позиция курганов близлежащего крупного могильника раннего железного века Чеботарево III.

Принимая во внимание наблюдения И.П. Засецкой над различиями между античной и восточной техниками изготовления золотых объемных изображений на пластичной основе (тиснение и басма, соответственно), об использовании при моделировании в технике басмы черной смолы [Засецкая, 2010, с. 118], которая в окаменевшем виде «подстиляет» и золотую плакировку навершия меча, поясного крюка и колчанной застежки, осто-

рожно предполагаем, что поясной крюк и колчанная застежка могут иметь восточное происхождение. В восточной технике могло быть смоделировано и объемное золотое перекрытие стыка рукояти меча и дротов навершия, возможно, с применением тесьмы боспорского происхождения. Возможная связь изображения керавна на мече с подобной символикой на монетах и памятниках искусства эллинистической Средней Азии, сходство в расположении в могиле оружия с манерой его ношения на байтинских стелах, ювелирная техника басмы как будто свидетельствуют о южном и среднеазиатском векторе связей основного комплекса материалов из кург. 3. Античного происхождения цепочка в этой коллекции, как и золотые бляшки, могла иметь более сложную историю.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья подготовлена в рамках проекта: BR20280993 «Казахстан в древности и средневековье: систематизация и анализ археологических источников».

The article was prepared within the framework of the project: BR20280993 «Kazakhstan in antiquity and the Middle Ages: Systematization and analysis of archaeological sources».

² Выражаем благодарность К.А. Жамбулатову за консультацию по этому вопросу.

ПРИЛОЖЕНИЯ

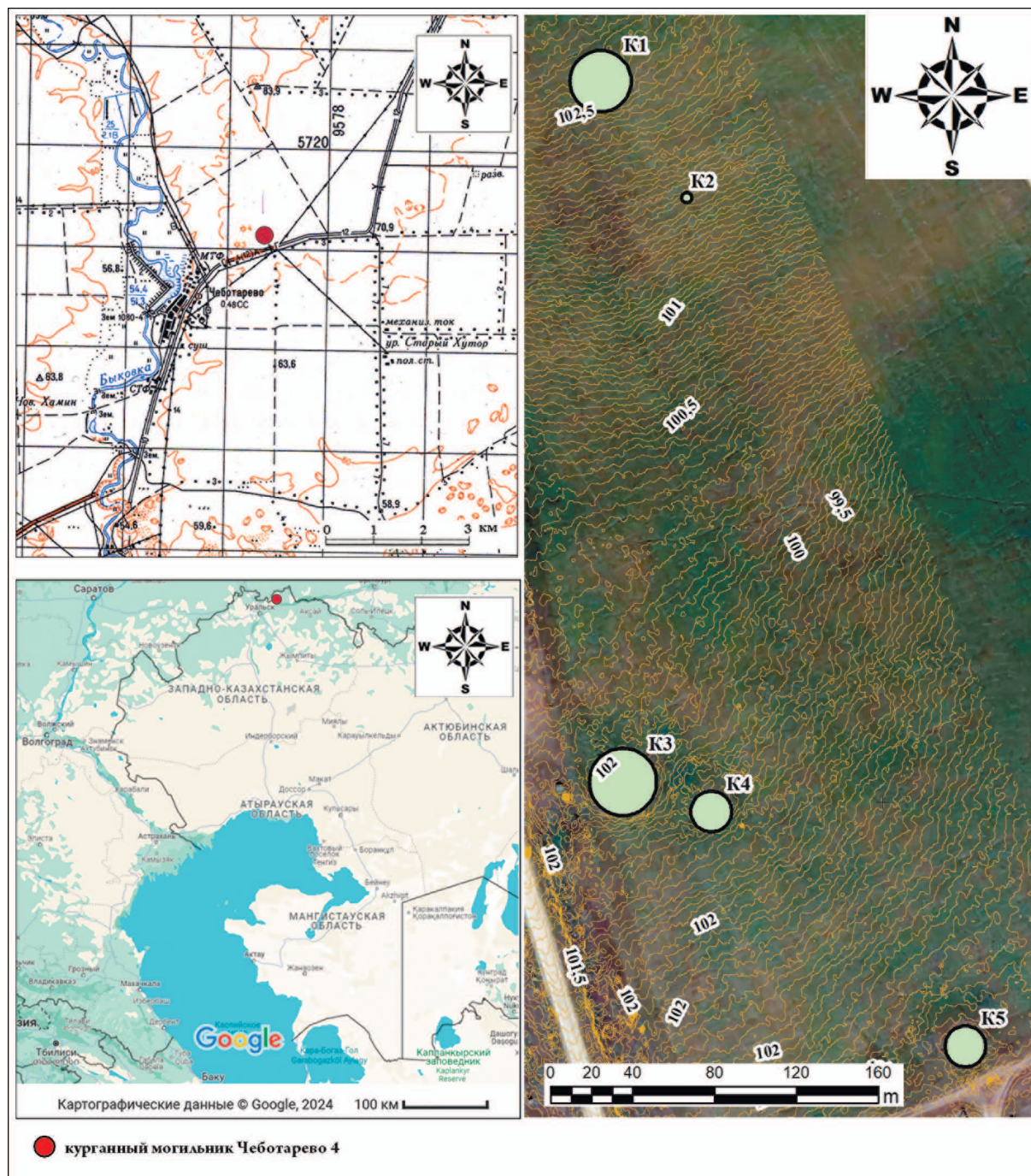

Рис. 1. Местоположение курганного могильника Чеботарево IV (чертежи С.В. Захарова, Д.В. Сорокина)

Fig. 1. Location of the kurgan cemetery Chebotarevo IV (the plans by S.V. Zakharov and D.V. Sorokin)

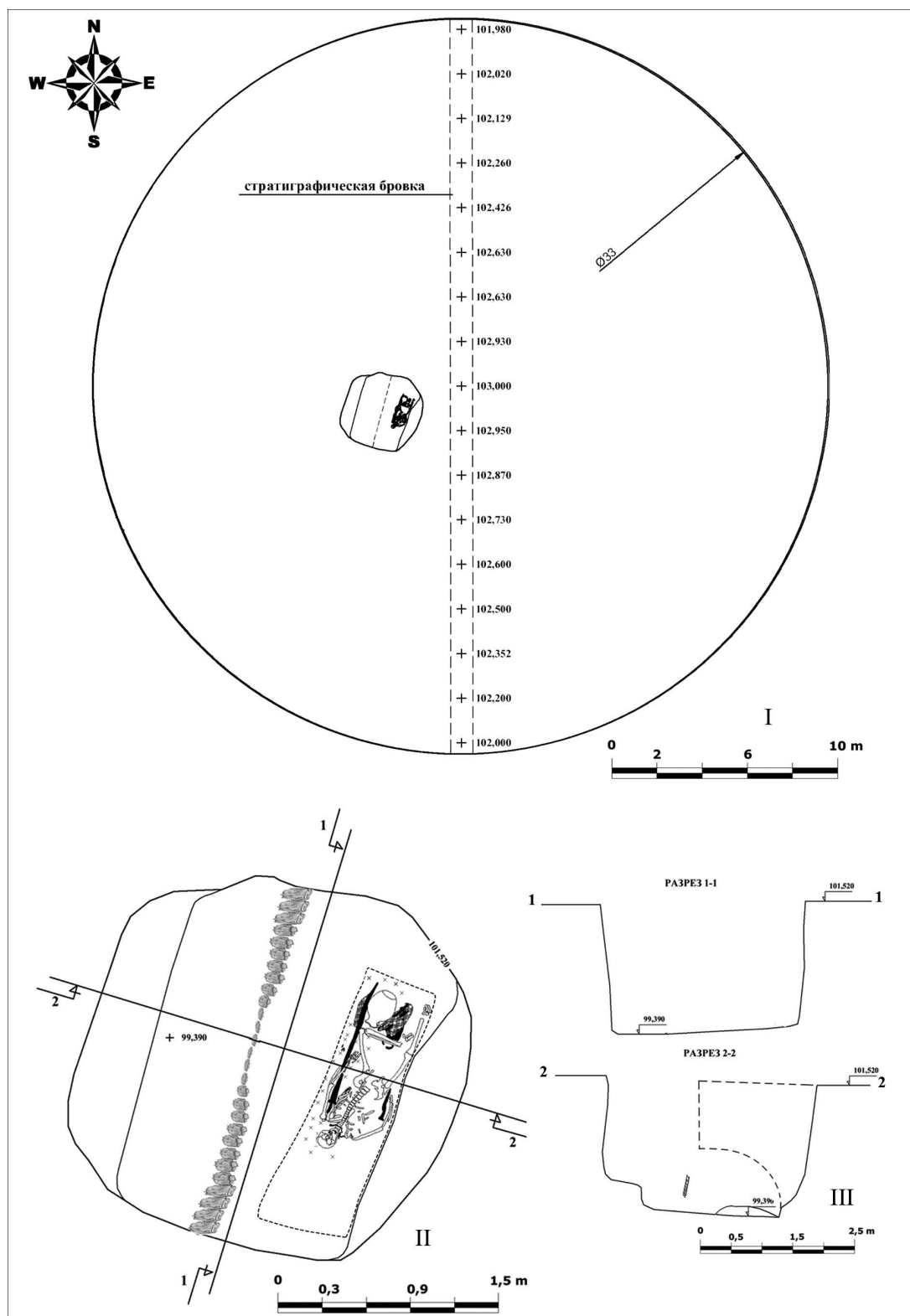

Рис. 2. Курганный могильник Чеботарево IV, кург. 3, погребение
(чертежи Д.В. Марыксина, Д.В. Сорокина):

I – план кургана; II – план могильной ямы и погребения; III – разрезы могильной ямы

Fig. 2. Chebotarevo IV kurgan cemetery, kurgan 3, burial (the plans by D.V. Maryksin, D.V. Sorokin):

I – plan of the kurgan; II – plan of the burial pit and burial; III – sections of the burial pit

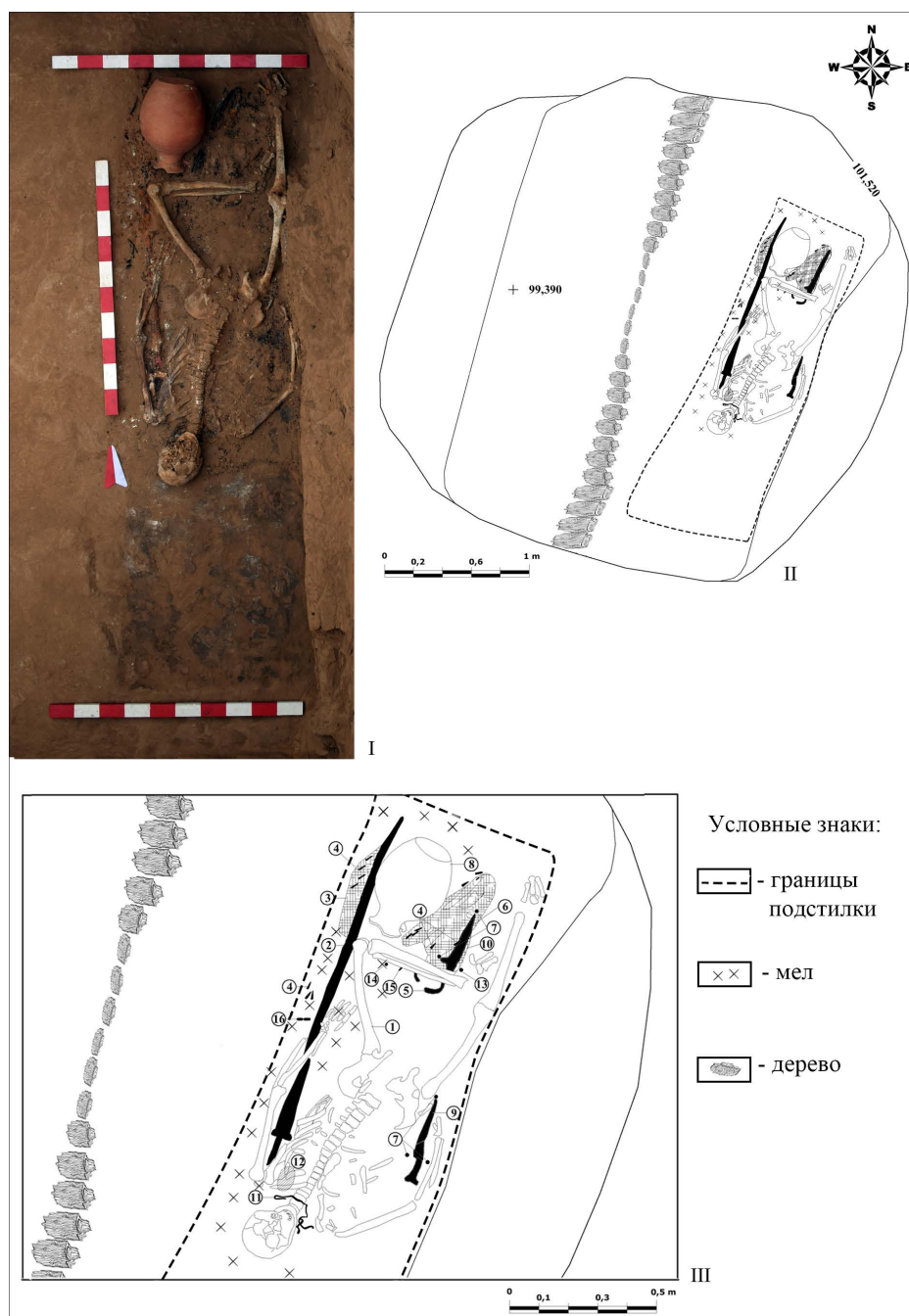

Рис. 3. Курганный могильник Чеботарево IV, кург. 3, погребение
(чертежи Д.В. Марыксина, Д.В. Сорокина, фото Д.В. Марыксина):

I – фото погребения, вид сверху; *II* – план погребения; *III* – план погребения и сопроводительного инвентаря (увеличено): 1 – скелет погребенного; 2 – меч; 3 – колчан № 1; 4 – наконечники стрел; 5 – поясной крюк; 6 – акинак № 2; 7 – золотые бляшки; 8 – керамический сосуд; 9 – акинак № 1; 10 – колчан № 2; 11 – золотая цепочка (ожерелье / гривна); 12 – бронзовое зеркало в футляре; 13 – серебряная бляшка; 14 – железная пряжка; 15 – железный нож; 16 – колчанная застежка

Fig. 3. Chebotarevo IV kurgan cemetery, kurgan 3, burial
(the plans by D.V. Maryksin and D.V. Sorokin, photo by D.V. Maryksin):

I – photo of burial, top view; *II* – burial plan; *III* – burial plan and accompanying inventory (enlarged): 1 – skeleton of the buried; 2 – sword; 3 – quiver No. 1; 4 – arrowheads; 5 – belt hook; 6 – akinake No. 2; 7 – gold plaques; 8 – ceramic vessel; 9 – akinake No. 1; 10 – quiver No. 2; 11 – gold chain (necklace/torc); 12 – bronze mirror in a case; 13 – silver plaque; 14 – iron buckle; 15 – iron knife; 16 – quiver clasp

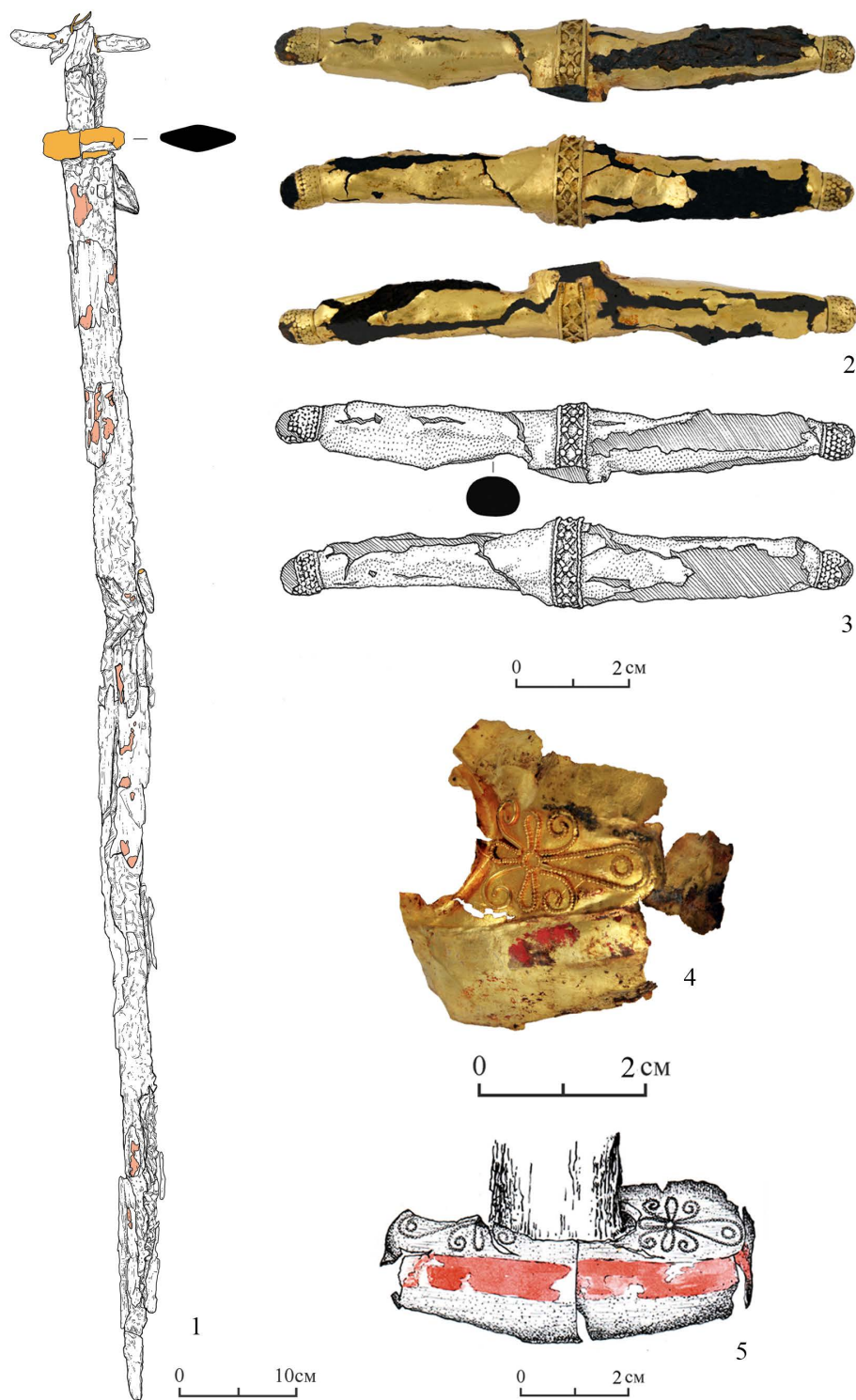

Рис. 4. Курганный могильник Чеботарево IV, кург. 3, погребение (фото С.В. Захарова, рисунки А.Ю. Хавталовой (1, 3), А.В. Кузьминовой (5)):

1 – меч; 2, 3 – навершие меча (частичная реконструкция);
4 – золотая плакировка перекрестия меча (фрагмент); 5 – перекрестие меча

Fig. 4. Chebotarevo IV kurgan cemetery, kurgan 3, burial (photo by S. V. Zakharov, drawings by A. Yu. Khavtalova (1, 3), A. V. Kuzminova (5)):

1 – sword; 2, 3 – sword pommel (partial reconstruction);
4 – gold plating of sword crossguard (fragment); 5 – sword crossguard

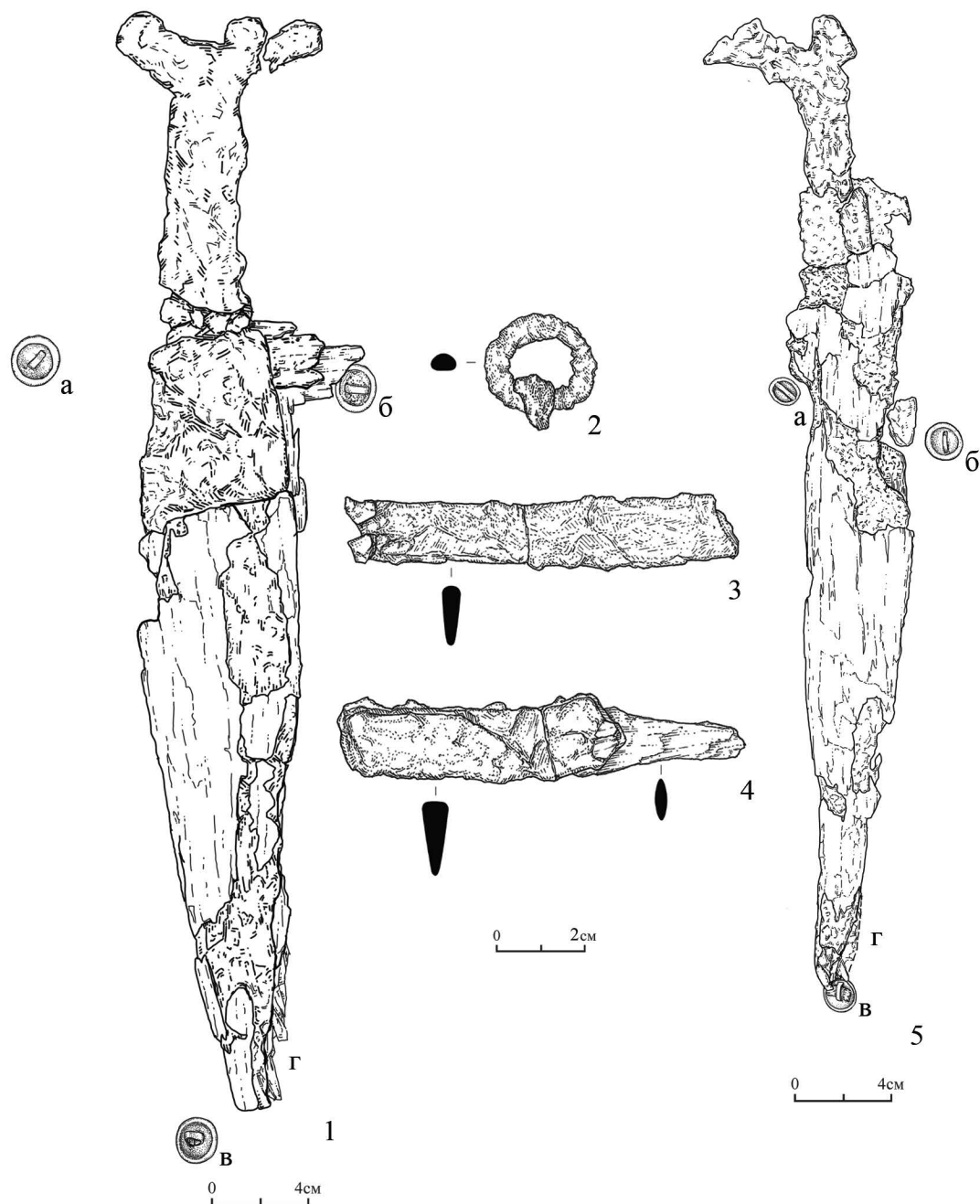

Рис. 5. Курганный могильник Чеботарево IV, кург. 3, погребение, сопроводительный инвентарь (рисунки А.Ю. Хавталовой):

1 – кинжал (акинак № 1) с бляшками: а, б, в – золотые бляшки, г – кинжал; 2 – пряжка;
3 – железное пластинчатое изделие (фрагмент); 4 – нож (фрагмент); 5 – кинжал (акинак № 2) с бляшками:
а – серебряная бляшка, б, в – золотые бляшки, г – кинжал

Fig. 5. Chebotarevo IV kurgan cemetery, kurgan 3, burial, accompanying inventory (drawings by A. Yu. Khavtalova):

1 – dagger (akinak No. 1) with plaques: а, б, в – gold plaques, г – dagger; 2 – buckle; 3 – iron plate item (fragment);
4 – knife (fragment); 5 – dagger (akinak No. 2) with plaques: а – silver plaque, б, в – gold plaques, г – dagger

Рис. 6. Курганный могильник Чеботарево IV, кург. 3, погребение. Золотая цепочка (ожерелье / гривна)
(фото С.В. Захарова, рисунки А.В. Кузьминовой)

Fig. 6. Chebotarevo IV kurgan cemetery, kurgan 3, burial. Gold chain (necklace/torc)
(photo by S.V. Zakharov, drawings by A.V. Kuzminova)

Рис. 7. Курганный могильник Чеботарево IV, кург. 3, погребение
(фото С.В. Захарова, рисунки А.Ю. Хавталовой (1, 8), А.В. Кузьминой (2–7)):

1 – поясной крюк; 2–7 – бляшки (2–6 – золото, 7 – серебро); 8 – колчанная застежка

Fig. 7. Chebotarevo IV kurgan cemetery, kurgan 3, burial
(photo by S.V. Zakharov, drawings by A.Yu. Khavtalova (1, 8), A.V. Kuzminova (2–7)):

1 – belt hook; 2–7 – plaques (2–6 – gold, 7 – silver); 8 – quiver clasp

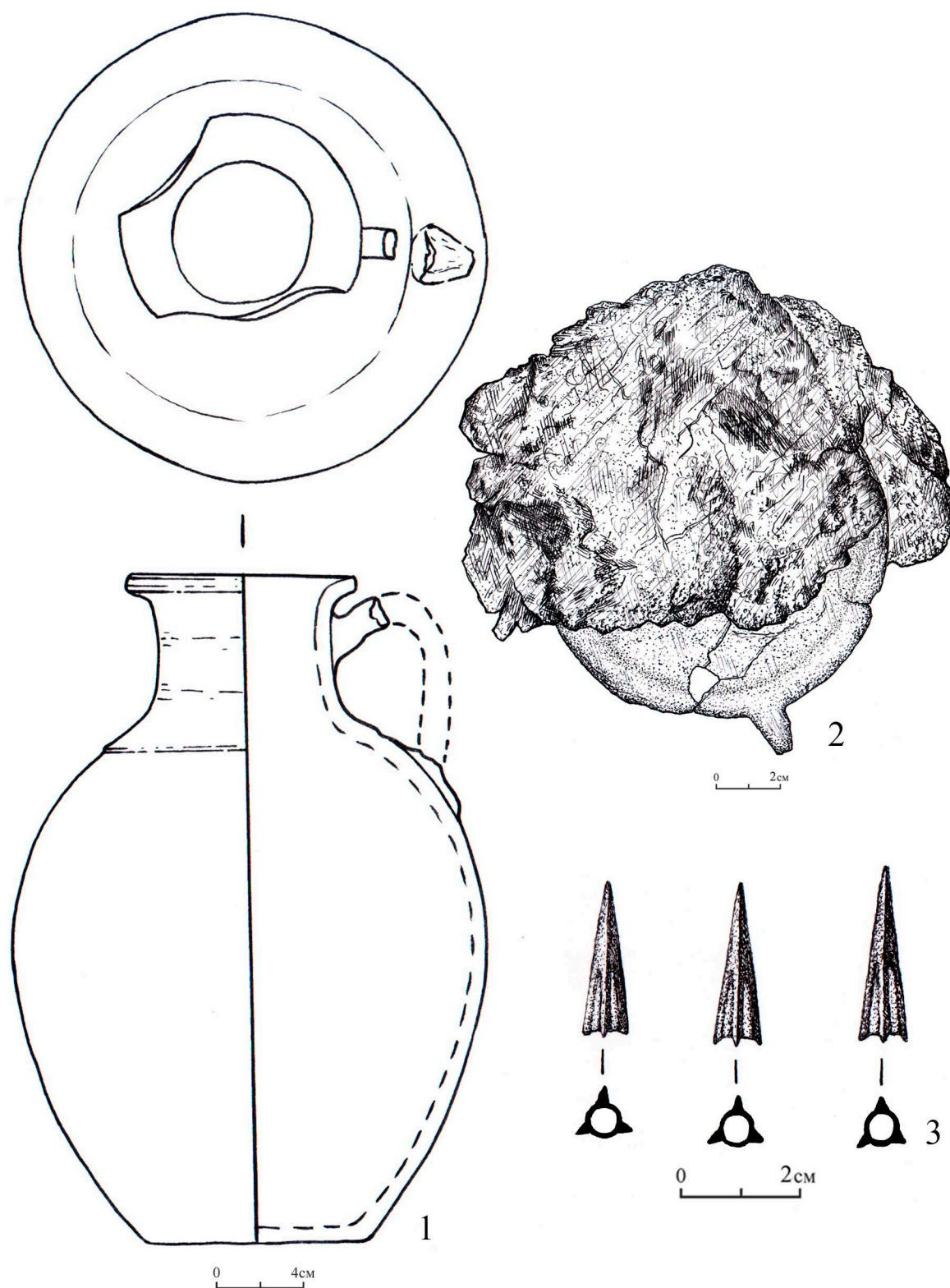

Рис. 8. Курганный могильник Чеботарево IV, кург. 3, погребение (рисунки А.В. Кузьминовой):

1 – кувшин; 2 – зеркало в футляре; 3 – наконечники стрел

Fig. 8. Chebotarevo IV kurgan cemetery, kurgan 3, burial (drawings by A.V. Kuzminova):

1 – jug; 2 – mirror in a case; 3 – arrowheads

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анфимов И. Н., 1986. Погребальный комплекс II в. до н.э. у хут. Элитный (Краснодарский край) // Новое в археологии Северного Кавказа. М. : Наука. С. 190–197.
- Анфимов Н. В., 1986. Курганный комплекс сарматского времени из бассейна р. Кирпили // Новое в археологии Северного Кавказа. М. : Наука. С. 183–190.
- Балонов Ф. Р., 1988. Семантика *κεραυνοί* и *φάρμακον* в греческой иконографии и мифологии // Жизнь мифа в античности : материалы науч. конф. «Випперовские чтения – 1985». Вып. 18, ч. 1. М. : Сов. худож. С. 173–199.
- Берлизов Н. Е., 2011. Ритмы Сарматии: Савромато-сарматские племена Южной России в VII в. до н.э. – V в. н.э. Ч. 1. Краснодар : КГУКИ ; Парабеллум. 318 с.
- Голдина Р. Д., Лещинская Н. А., 2018. О пьяноборской культурно-исторической общности // Археология евразийских степей. № 1. С. 17–55.
- Дедюлькин А. В., Зайцев Ю. П., 2019. Эллинистические фибулы-броши // Вестник Танаиса. Вып. 5, т. 1. Ростов н/Д : Альтаир. С. 140–153.
- Журавлев Д. В., Новикова Е. Ю., Коваленко С. А., Шемаханская М. С., 2017. Золото Херсонеса Таврического : (Ювелирные изделия из собрания Государственного исторического музея). М. : Внешторгиздат. 360 с.
- Захаров С. В., Марыксин Д. В., 2024. Курганный могильник Чеботарево IV в среднем течении р. Жайык // Маргулановские чтения – 2024 : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Баянаул, Павлодар, 23–25 мая 2024 г. Алматы : Ин-т археологии им. А.Х. Маргулана. Т. 1. С. 226–243. DOI: <https://doi.org/10.52967/3007-6528.2024.1.226.243>
- Засецкая И. П., 2010. Декоративное оформление больших фаларов из погребения I века нашей эры у станции Жутово (к вопросу о происхождении сарматского звериного стиля) // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 11. С. 114–129.
- Засецкая И. П., 2012. Образ волка в сарматском искусстве I в. н.э. // Вояджер: мир и человек. № 3. С. 63–73.
- Зуев В. Ю., 2012. Красногорский курган // Золото, конь и человек : сб. ст. к 60-летию Александра Владимировича Симоненко. Киев : Скиф. С. 385–410.
- Зуев В. Ю., 2013. О времени активного выступления сарматов в степях Евразии по археологическим данным // Вісник Маріупольського державного університету. Серія: Історія, політологія. Вип. 7–8. С. 51–63.
- Зуев В. Ю., 2016. К проблеме выделения погребений раннесарматской элиты по археологическим материалам // Элита Боспора и Боспорская элитарная культура : материалы третьего Круглого стола, проводимого в рамках проекта «Боспорский феномен». СПб. : ПАЛАЦЦО. С. 259–276.
- Клепиков В. М., 2002. Сарматы Нижнего Поволжья в IV–III вв. до н.э. Волгоград : Изд-во ВолГУ. 216 с.
- Королькова Е. Ф., 2008. Сарматские украшения и сибирское золото древних кочевников // Сокровища сарматов. Каталог выставки. СПб. ; Азов : Изд-во Азов. музея-заповедника. С. 15–28.
- Лукпанова Я. А., 2021. Культ волка в культуре населения Казахстанского Приуралья VI–IV вв. до н. э. // Археология евразийских степей. № 6. С. 132–147. DOI: <https://doi.org/10.24852/2587-6112.2021.6.132.147>
- Моргунова Н. Л., Мещеряков Д. В., 1999. «Прохоровские» погребения V Бердянского могильника // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 3. Оренбург : Печатный дом «Димур». С. 124–146.
- Мордвинцева В. И., Шинкарь О. А., 1999. Сарматские парадные мечи из фондов Волгоградского областного краеведческого музея // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 2. С. 138–148.
- Мошкова М. Г., 1962. О ранних втульчатых наконечниках стрел // Краткие сообщения института археологии. Вып. 89. С. 77–82.
- Мошкова М. Г., 1963. Памятники прохоровской культуры. САИ. Вып. Д1-10. М. : Изд-во АН СССР. 56 с.
- Никоноров В. П., 2012. Перун Зевса на «Дальнем Востоке» античного мира // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями : материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога Михаила Петровича Грязнова. Кн. 2. СПб. : ИИМК РАН, Периферия. С. 496–504.
- Ольховский В. С., 2005. Монументальная скульптура населения Западной части евразийских степей эпохи раннего железа. М. : Наука. 299 с.

- Онгарулы А., Ольховский В., Астафьев А., Дарменов Р., 2017. Древние святилища Устюрта и Восточного Приаралья. Алматы : Ин-т археологии им. А.Х. Маргулана. 320 с.
- Очир-Горяева М. А., 2019. Погребение воина-всадника из курганной группы Яшкуль // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. Вып. 4. С. 5–60. DOI: <http://doi.org/10.22162/2587-6503-2019-4-12-5-60>
- Пшеничниук А. Х., 1976. Шиповский комплекс памятников (IV в. до н.э. – III в. н.э.) // Древности Южного Урала. Уфа : БФАН СССР. С. 35–131.
- Пшеничниук А. Х., 1983. Культура ранних кочевников Южного Урала. М. : Наука. 200 с.
- Пшеничниук А.Х., 2012. Филипповка : Некрополь кочевой знати IV в. до н.э. на Южном Урале. Уфа : ИИЯЛ УНЦ РАН. 280 с.
- Садыкова М. Х., 1962. Сарматский курганный могильник у дер. Старые Киишки // Археология и этнография Башкирии. Т. I. Уфа : Башкир. кн. изд-во. С. 88–122.
- Симоненко А. В., 2011. Римский импорт у сарматов Северного Причерноморья. СПб. : Филологический факультет СПбГУ ; Нестор-История. 272 с.
- Скрипкин А. С., 1990. Азиатская Сарматия : Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов : Изд-во СГУ. 298 с.
- Смирнов К. Ф., 1961. Вооружение савроматов. МИА № 101. М. : Изд-во АН СССР. 163 с.
- Смирнов К. Ф., 1975. Сарматы на Илеке. М. : Наука. 176 с.
- Тальгрэн А. М., 1917. Два железных меча в Сарапульском музее // Изв. Общества изучения Прикамского края. Вып. 1. С. 20–25.
- Толмачев В. Я., 1913. Древности Восточного Урала. Выпуск 1-й с цинкографическими таблицами // Записки Уральского общества любителей естествознания. Т. XXXII. Вып. 2 (последний). С. 193–225.
- Трейстер М. Ю., 2018. Парфянские и раннесасанидские «импорты» в погребениях кочевников Восточной Европы (II в. до н.э. – III в. н.э.) // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. № 10. С. 218–210.
- Трейстер М. Ю., 2023. Ювелирные украшения позднеархаического и раннеклассического времени на Боспоре (конец VI – первая половина V в. до н.э.). I. Перстни // Боспорский феномен: quarta pars saeculi. Итоги, проблемы, дискуссии : материалы Междунар. науч. конф. «Боспорский феномен». СПб. : Чистый лист. С. 298–306.
- Уильямс Д., Огден Д., 1995. Греческое золото. Ювелирное искусство классической эпохи. V–IV вв. до н.э. СПб. : Славия. 272 с.
- Шкрибляк И. И., 2011. Костяная застежка из городища Ак-Кая в Центральном Крыму // Боспорские исследования. Вып. XXV. С. 265–270.
- Ganymede Jewelry. URL: <https://www.metmuseum.org/art/collection/search/256975>
- Gold Necklace. URL: <https://www.metmuseum.org/art/collection/search/130009290>

REFERENCES

- Anfimov I.N., 1986. Pogrebal'nyy kompleks II v. do n. e. u hut. Elitnyy (Krasnodarskiy kray) [The Burial Complex of the 2nd c. BC near the Elitnyy farm (Krasnodar Region)]. *Novoe v arkheologii Severnogo Kavkaza* [New in the Archaeology of the North Caucasus]. Moscow, Nauka Publ., pp. 190-197.
- Anfimov N.V., 1986. Kurgannyy kompleks sarmatskogo vremeni iz basseyna r. Kirpili [The Kurgan Complex of the Sarmatian Period from the Kirpili River Basin]. *Novoe v arkheologii Severnogo Kavkaza* [New in the Archaeology of the North Caucasus]. Moscow, Nauka Publ., pp. 183-190.
- Balonov F.R., 1988. Semantika κεραινοι i φαρμακον v grecheskoy ikonografii i mifologii [The Semantics of κεραίνης and φάρμακον in Greek Iconography and Mythology]. *Zhizn' mifa v antichnosti: materialy nauch. konf. «Vipperovskie chteniya – 1985»* [The Life of Myth in Antiquity. Proceedings of the Scientific Conference “Vipper’s Readings – 1985”], iss. 18, pt. 1. Moscow, Sov. hudozh. Publ., pp. 173-199.
- Berlizov N.E., 2011. *Ritmy Sarmatii: Savromato-sarmatskie plemena Yuzhnoy Rossii v VII v. do n.e. – V v. n.e.* [Rhythms of Sarmatia: Sauromat-Sarmatian Tribes of Southern Russia in the 7th c. BC – 5th c. AD], pt. 1. Krasnodar, KSUCA, Parabellum Publ. 318 p.

- Goldina R.D., Leshchinskaya N.A., 2018. Op'yanooborskoy kul'turno-istoricheskoy obshchnosti [On the Piany Bor Culture-Historical Communion]. *Arkheologiya evraziyskikh stepey* [Archaeology of the Eurasian Steppes], no. 1, pp. 17-55.
- Dedyul'kin A.V., Zaytsev Yu.P., 2019. Ellinisticheskie fibuly-broshi [Hellenistic Brooches]. *Vestnik Tanaisa* [Bulletin of Tanais], iss. 5, vol. 1. Rostov-on-Don, Al'tair Publ., pp. 140-153.
- Zhuravlev D.V., Novikova E.Yu., Kovalenko S.A., Shemahanskaya M.S., 2017. *Zoloto Hersonesa Tavricheskogo: (Yuvelirnye izdeliya iz sobraniya Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya)* [Gold from Chersonesos: (Jewellery from the Collection of the State Historical Museum)]. Moscow, Vneshtorgizdat Publ. 360 p.
- Zaharov S.V., Maryksin D.V., 2024. Kurgannyi mogil'nik Chebotarevo IV v srednem techenii r. Zhayyk [The Kurgan Cemetery Chebotarevo IV in the Middle Reaches of the River Zhayyk]. *Margulanovskie chteniya – 2024: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., Bayanaul, Pavlodar, 23–25 maya 2024 g.* [Margulan Readings – 2024: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. Bayanaul, Pavlodar, May 23–25, 2024], vol. 1. Almaty, Institute of Archaeology named after A.H. Margulan, pp. 226-243. DOI: <https://doi.org/10.52967/3007-6528.2024.1.226.243>
- Zasetskaya I.P., 2010. Dekorativnoe оформление bol'shih falarov iz pogrebeniya I veka nashey ery u stantsii Zhutovo (k voprosu o proiskhozhdenii sarmatskogo zverinogo stilya) [Ornamentation of Big Phalerae from Zhutovo Kurgan Dating from the 1st Century AD (the Origin of Sarmation Animal Style Revisited)]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskii Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], iss. 11, pp. 114-129.
- Zasetskaya I.P., 2012. Obraz volka v sarmatskom iskusstve I v. n.e. [The Image of the Wolf in Sarmatian Art of the 1st c. AD]. *Voyadzher: mir i chelovek* [Voyager. The World and Man], no. 3, pp. 63-73.
- Zuev V.Yu., 2012. Krasnogorskiy kurgan [Krasnogorsk Kurgan]. *Zoloto, kon'i chelovek: sb. st. k 60-letiyu Aleksandra Vladimirovicha Simonenko* [Gold, Horse and Man. A Collection of Articles Dedicated to the 60th Anniversary of Alexander Vladimirovich Simonenko]. Kiev, Skif Publ., 2012, pp. 385-410.
- Zuev V.Yu., 2013. O vremeni aktivnogo vystupleniya sarmatov v stepyakh Evrazii po arkheologicheskim dannym [About the Time of the Sarmatians' Active Offensive in the Steppes of Eurasia According to Archaeological Data]. *Visnyk Mariupol's'kogo derzhavnogo universytetu. Seriya: Istoriya, politologiya* [Bulletin of Mariupol State University. Series History, Political Science], iss. 7-8, pp. 51-63.
- Zuev V. Yu., 2016. K probleme vydeleniya pogrebeniy rannesarmatskoy elity po arkheologicheskim materialam [On the Problem of Identifying the Burials of the Early Sarmatian Elite Based on Archaeological Materials]. *Elita Bospora i Bosporskaya elitarnaya kul'tura: materialy tret'ego Kruglogo stola, provodimogo v ramkah proekta «Bosporskiy fenomen»* [The Elite of Bosporus and the Bosporan Elite Culture. Proceedings of the Third Round Table Held Within the Framework of "The Bosporan Phenomenon" Project]. Saint Petersburg, PALACCO Publ., pp. 259-276.
- Klepikov V.M., 2002. *Sarmaty Nizhnego Povolzh'ya v IV–III vv. do n.e.* [The Sarmatians of the Lower Volga Region in the 4th – 3rd Centuries BC]. Volgograd, VolSU. 216 p.
- Korol'kova E.F., 2008. Sarmatskie ukrasheniya i sibirskoe zoloto drevnih kochevnikov [Sarmatian Jewelry and Siberian Gold of Ancient Nomads]. *Sokrovishcha sarmatov. Katalog vystavki* [Treasures of the Sarmatians. Exhibition Catalog]. Saint Petersburg, Azov, Azov Museum-Reserve, pp. 15-28.
- Lukpanova Ya.A., 2021. Kul't volka v kul'ture naseleniya Kazakhstanskogo Priural'ya VI–IV vv. do n.e. [The Cult of the Wolf in the Culture of the Population of the Kazakhstan Ural of the 6th – 4th Centuries BC]. *Arkheologiya evraziyskikh stepey* [Archaeology of the Eurasian Steppes], no. 6, pp. 132-147. DOI: <https://doi.org/10.24852/2587-6112.2021.6.132.147>
- Morgunova N.L., Meshcheryakov D.V., 1999. «Prokhorovskie» pogrebeniya V Berdyanskogo mogil'nika [“Prokhorov” Burials of the V Berdyansk Burial Ground]. *Arkheologicheskie pamyatniki Orenburzh'ya* [Archaeological Sites of Orenburg Region], iss. 3. Orenburg, Dimur Publ., pp. 124-146.
- Mordvintseva V.I., Shinkar' O.A., 1999. Sarmatskie paradnye mechi iz fondov Volgogradskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya [The Sarmatian Parade Daggers Keeping in Volgograd Museum of Local Lore]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskii vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 2, pp. 138-148.
- Moshkova M.G., 1962. O rannih vtul'chatykh nakonechnikakh strel [About Early Arrowheads with a Sleeve]. *Kratkie soobshcheniya instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], iss. 89, pp. 77-82.
- Moshkova M.G., 1963. *Pamyatniki prokhorovskoy kul'tury* [Monuments of Prokhorovka Culture]. Svod Arkheologicheskikh Istochnikov, iss. 41-10. Moscow, USSR Academy of Sciences. 56 p.

- Nikonov V.P., 2012. Perun Zeusa na «Dal'nem Vostoke» antichnogo mira [The Perun of Zeus in the "Far East" of the Ancient World]. *Kul'tury stepnoy Evrazii i ih vzaimodeystvie s drevnimi tsivilizatsiyami: materialy Mezhdunar. nauch. konf., posvyashch. 110-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchegosya rossiyskogo arkheologa Mihaila Petrovicha Gryaznova* [Cultures of Steppe Eurasia and Their Interaction with Ancient Civilizations. Proceedings of the International Scientific Conference Dedicated to the 110th Anniversary of the Birth of the Outstanding Russian Archaeologist Mikhail Petrovich Gryaznov], book 2. Saint Petersburg, Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, Periferiya Publ., pp. 496-504.
- Ol'hovskiy V.S., 2005. *Monumental'naya skulptura naseleniya Zapadnoy chasti evraziyskikh stepey epokhi rannego zheleza* [Monumental Sculpture of the Population of the Western Part of the Eurasian Steppes of the Early Iron Age]. Moscow, Nauka Publ. 299 p.
- Ongapuly A., Ol'hovskiy V., Astaf'ev A., Darmanov R., 2017. *Drevnie svyatilishcha Ustyurta i Vostochnogo Priaral'ya* [Ancient Sanctuaries of Ustyurt and the Eastern Aral Sea Region]. Almaty, Margulan Institute of Archaeology. 320 p.
- Ochir-Goryaeva M.A., 2019. Pogrebenie voina-vsadnika iz kurgannoy gruppy Yashkul' [Burial of a Warrior-Horseman from the Yashkul Mound Group]. *Byulleten' Kalmyzskogo nauchnogo centra RAN* [Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], iss. 4, pp. 5-60. DOI: <http://doi.org/10.22162/2587-6503-2019-4-12-5-60>
- Pshenichnyuk A.H., 1976. Shipovskiy kompleks pamyatnikov (IV v. do n.e. – III v. n.e.) [Shipovsk Complex of Monuments (4th c. BC – 3rd c. AD)]. *Drevnosti Yuzhnogo Urala* [Antiquities of the Southern Urals]. Ufa, Bashkir Branch of the USSR Academy of Sciences, pp. 35-131.
- Pshenichnyuk A.H., 1983. *Kul'tura rannih kochevnikov Yuzhnogo Urala* [The Culture of the Early Nomads of the Southern Urals]. Moscow, Nauka Publ. 200 p.
- Pshenichnyuk A.H., 2012. *Filippovka: Nekropol' kochevoy znati IV v. do n.e. na Yuzhnom Urale* [Filippovka: Necropolis of the Nomadic Nobility of the 4th c. BC in the Southern Urals]. Ufa, Institute of History, Language and Literature of the Ufa Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 280 p.
- Sadykova M.H., 1962. Sarmatskiy kurgannyi mogil'nik u der. Starye Kiishki [Sarmatian Burial Mound near the Village of Starye Kiyoshki]. *Arkheologiya i etnografiya Bashkirii* [Archeology and Ethnography of Bashkiria], vol. I. Ufa, Bashkir. knizh. izd-vo, pp. 88-122.
- Simonenko A.V., 2011. *Rimskiy import u sarmatov Severnogo Prichernomor'ya* [Roman Imports from the Sarmatians of the Northern Black Sea Region]. Saint Petersburg, Faculty of Philology of St. Petersburg State University, Nestor-Istoriya Publ. 272 p.
- Skripkin A.S., 1990. *Aziatskaya Sarmatiya: Problemy khronologii i ee istoricheskoy aspekt* [Asian Sarmatia. Problems of Chronology and its Historical Aspect]. Saratov, SSU. 298 p.
- Smirnov K.F., 1961. *Vooruzhenie savromatov* [Armament of the Sauromats]. *Materialy i issledovaniya po arkeologii SSSR*, no. 101. Moscow, USSR Academy of Sciences. 163 p.
- Smirnov K.F., 1975. *Sarmaty na Ilike* [Sarmatians on Ilek]. Moscow, Nauka Publ. 176 p.
- Tal'gren A.M., 1917. Dva zheleznykh mecha v Sarapul'skom muzee [Two Iron Swords in the Sarapul Museum]. *Izv. Obshchestva izucheniya Priamurskogo kraia* [Proceedings of the Society for the Study of the Kama Region], iss. 1, pp. 20-25.
- Tolmachev V.Ya., 1913. Drevnosti Vostochnogo Urala. Vypusk 1-y s tsinkograficheskimi tablitsami [Antiquities of the Eastern Urals. Issue 1 with Zincographic Tables]. *Zapiski Ural'skogo obshchestva lyubiteley estestvoznaniya* [Notes of the Ural Society of Natural Science Enthusiast], vol. XXXII, iss. 2 (last), pp. 193-225.
- Treister M.Yu., 2018. Parfyanskies i rannesasanidskie «importy» v pogrebeniyah kochevnikov Vostochnoy Evropy (II v. do n.e. – III v. n.e.) [Parthian and Early Sassanid "Imports" in the Burials of Nomads of Eastern Europe (2nd c. BC – 3rd c. AD)]. *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma* [Materials on the Archaeology and History of the Ancient and Medieval Crimea], no. 10, pp. 218-210.
- Treister M.Yu., 2023. Yuvelirnye ukrasheniya pozdnearhaicheskogo i ranneklassicheskogo vremeni na Bospore (konec VI – pervaya polovina V v. do n.e.). I. Perstni [Jewelry of the Late Archaic and Early Classical Period on the Bosphorus (Late 6th – First Half of the 5th c. BC). I. Rings]. *Bosporskiy fenomen: quarta pars saeculi. Itogi, problemy, diskussii: materialy Mezhdunar. nauch. konf. «Bosporskiy fenomen»* [The Bosporan Phenomenon. Quarta pars saeculi. Results, Problems, Discussions. Proceedings of the International Scientific Conference "Bosporan Phenomenon"]. Saint Petersburg, Chisty list Publ., pp. 298-306.

Williams D., Ogden D., 1995. *Grecheskoe zoloto. Yuvelirnoe iskusstvo klassicheskoy epokhi. V–IV vv. do n.e.* [Greek Gold. Jewelry Art of the Classical Era. 5th – 4th C. BC]. Saint Petersburg, Slaviya Publ. 272 p.

Shkriblyak I.I., 2011. Kostyanaya zastezhka iz gorodishcha Ak-Kaya v Tsentral'nom Krymu [A Bone Clasp from the Ak-Kaya Settlement in Central Crimea]. *Bosporskie issledovaniya* [Bosporan Studies], iss. XXV, pp. 265-270.

Ganymede Jewelry. URL: <https://www.metmuseum.org/art/collection/search/256975>

Gold Necklace. URL: <https://www.metmuseum.org/art/collection/search/130009290>

Information About the Authors

Sergey V. Zakharov, Candidate of Sciences (History), Leading Researcher, A.Kh. Margulan Institute of Archaeology, Prosp. Dostyk, 44, 050010 Almaty, Republic of Kazakhstan, zaharov_sv_69@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0009-4848-1118>

Denis V. Maryksin, Master of Science, Researcher, Rutrum LLP, Baykadamova St, 10, 050060 Almaty, Republic of Kazakhstan, maryxin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0275-5231>

Информация об авторах

Сергей Владимирович Захаров, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Маргулана, просп. Достык, 44, 050010 г. Алматы, Республика Казахстан, zaharov_sv_69@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0009-4848-1118>

Денис Валерьевич Марыксин, магистр, научный сотрудник, ТОО «Rutrum», ул. Байкадамова, 10, 050060 г. Алматы, Республика Казахстан, maryxin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0275-5231>

TO THE ANNIVERSARY OF IVAN MARCHENKO

К ЮБИЛЕЮ ИВАНА ИВАНОВИЧА МАРЧЕНКО

Иван Иванович Марченко родился 22 сентября 1955 г. в г. Минеральные Воды. Его родители переехали на Ставрополье из Смоленской области. Папа, Иван Давыдович Марченков (именно так правильно писалась фамилия), по специальности был сапером и после Великой Отечественной войны разминировал подземелья Кёнигсберга. Мама, Мария Кузьминична, воспитывала Ивана и его младшую сестру Нину. Район Кавказских Минеральных Вод славится не только целебными водами и удивительной природой, но и уникальными археологическими памятниками. Поэтому не удивительно, что уже в 5-м классе у мальчика проявился интерес к археологии, тем более что его детство и ранняя юность прошли в поселке на горе Змейка в окружении древних курганов и поселений. Школьные годы были связаны с краеведческим кружком во Дворце пионеров, члены которого принимали участие в археологических разведках и раскопках аланских памятников в районе Кавминвод.

Окончив школу в 1972 г., И.И. Марченко поступил в престижнейший Ленинградский госуниверситет на кафедру археологии, где с первого курса под руководством профессора А.В. Гадло стал заниматься средневековой археологией Северного Кавказа. В студенческие годы работал в экспедициях в Дагестане, Чечено-Ингушетии, Северной Осетии, Карачаево-Черкесии, Ставропольском крае, на Нижнем Дону, где проводил разведки, и после первого курса уже руководил самостоятельными раскопами на таких известных памятниках, как Грушевское и Хумаринское городища. Несмотря на специализированные занятия средневековой археологией, в университе-

те дополнительно посещал спецкурсы И.Б. Брашинского и А.Н. Щеглова по античной археологии, что очень пригодилось в дальнейшем.

После защиты дипломной работы в 1977 г. И.И. Марченко получил распределение в Москву, во Всесоюзную центральную лабораторию по консервации и реставрации музейных и художественных ценностей при Министерстве культуры СССР, куда его приняли на должность старшего научного сотрудника. Одновременно начал работать в Северо-Кавказской археологической экспедиции Северо-Осетинского госуниверситета, которую организовал В.А. Сафронов. Эта экспедиция одной из первых в стране стала вести масштабные хозяйственные работы на новостроечных объектах. Отряд, который возглавил Иван Иванович (так его называли уже тогда, несмотря на молодость), в период 1977–1980 гг. работал в Северной Осетии и Краснодарском крае на строящейся рисовой системе. Эти годы прошли в практически круглогодичных экспедициях. Было раскопано несколько сотен курганов, открывших для науки совершенно новые материалы, во многом не совпадавшие с тогдашними представлениями археологов об эпохе бронзы и сарматской культуре Прикубанья. Повлияло это и на узкие научные интересы И.И. Марченко, который переориентировался на изучение сарматских древностей.

В 1978 г. судьба одинокого бродяги-археолога пересеклась (и, как теперь видится, не случайно) с Натальей Юрьевной Лимберис, которая стала его женой и равноправным партнером во всех научных проектах. Благодаря этой встрече весной 1981 г. Иван Иванович перебрался в столицу Кубани, где ему предложили возглавить археологическую экспедицию Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника. В сентябре того же года И.И. Марченко приглашают на работу в Кубанский государственный университет. Здесь он читает лекции по общему курсу археологии, археологии Северного Кавказа, истории древней Греции и ряд спецкурсов, руководя одновременно Краснодарской археологической экспедицией. С этого времени Иван Иванович и Наталья Юрьевна вместе начинают планомерно исследовать меотские памятники на правом берегу Кубани, часто выезжая и на раскопки степных курганов в разные районы края. Надежным соратником и партнером в этой работе стал А.М. Ждановский.

В 1985 г. Иван Иванович поступает в очную аспирантуру на родную кафедру ЛГУ, которой тогда руководил профессор А.Д. Столяр. В эти годы завязалась большая дружба со старшими коллегами из Эрмитажа И.П. Засецкой и М.Б. Щукиным. Не прервалась и преподавательская деятельность: на кафедре были прочитаны спецкурсы по сарматской и меотской археологии. Итогом аспирантуры стала блестяще защищенная в 1988 г. кандидатская диссертация по сарматам Прикубанья, которая в дальнейшем послужила основой для монографии «Сираки Кубани» (1996 г.).

Тем временем Краснодарская археологическая экспедиция перешла под эгиду КубГУ, где была создана хозяйственная группа по исследованию археологических памятников, преобразованная позднее в Центр археологических исследований. А ныне это – НИИ археологии Кубанского госуниверситета, директором которого и является И.И. Марченко. За многие годы из студентов-историков здесь выросло больше десятка настоящих археологов-профессионалов, ведущих раскопки не только на территории Краснодарского края, но и в других регионах. Среди них есть магистры, аспиранты и кандидаты наук. По сути, удалось создать авторитетную научную школу кубанской археологии.

С конца 90-х гг. И.И. Марченко практически ежегодно руководит исследовательскими грантами по проблемам меотской культуры, в которых задействован весь коллектив НИИ археологии КубГУ. В начале 2000-х Иван Иванович (вместе с Натальей Юрьевной) был занят в проекте Германского археологического института, членом-корреспондентом которого является с 2006 года. Результатом проекта по изучению римских импортов в Прикубанье стала объемная монография «Römische Import in sarmatischen und maiotischen Denkmäler des Kubangebites» (2008 г.). Однако ведущими остаются исследования по меотской проблематике, которую диктуют тысячи раскопанных погребений на грунтовых могильниках городищ хут. Ленина, Старокорсунского № 2, Спорное, Прикубанский, ставших эталонными для изучения меотской культуры. Не одна сотня статей посвящена типологии и хронологии керамики, вооружения, предметов конской упряжи и прочих ка-

тегорий погребального инвентаря. Вышла и первая по этой тематике фундаментальная монография «Меотские древности VI–V вв. до н.э.» (2012 г.). И.И. Марченко – член редколлегии 3-томной монографии «Античное наследие Кубани» (2010 г.), где вместе с Н.Ю. Лимберис является автором глав «Меоты» и «Сарматы». Нужно отметить и два очень важных проекта, осуществленных в содружестве с коллегами-археологами из Саратовского госуниверситета (под руководством мирового специалиста по амфорной таре С.Ю. Монахова), по изучению и каталогизации амфор из Прикубанского некрополя (2021 г.) и всей амфорной коллекции КГИАМЗ (2022 г.). Рассматривая эти работы как плацдарм для будущих обобщающих исследований, можно констатировать, что сделано немало, но стремиться к большему нужно всегда.

Известна аксиома, что человек должен быть счастлив. Чтобы он был счастливым, он должен делать то, что любит и жить в окружении людей, которых любит. Этим всем щедро одарила судьба И.И. Марченко. Уважаемый коллегами и сотрудниками, любимый преподаватель студентов, воспитавший не одно поколение археологов Кубани, Иван Иванович продолжает активно заниматься любимой наукой и творить на ее благо.

От имени редакционного коллектива, а также от имени всех читателей, родных, коллег, друзей, учеников и представителей археологического сообщества поздравляем юбиляра и желаем крепкого здоровья, благополучия, воплощения в жизнь всех замыслов, большого личного счастья!

Редколлегия Нижневолжского археологического вестника

